

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*100-ЛЕТИЮ ПГНИУ
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

НАМ НЕТ ПРЕГРАД, ИЛИ ЗНАЙ НАШИХ

Страницы из жизни выпускников факультета,
избравших «нефилологический» образ жизни

Пермь 2017

УДК 378(4)
ББК 74.58
Н24

Н24 **Нам** нет преград, или знай наших. Страницы из жизни выпускников факультета, избравших «нефилологический» образ жизни / сост. Н. Е. Васильева; отв. за вып. Б. В. Кондаков; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2017. – 304 с.: ил.

ISBN 978-5-7944-2903-9

Одиннадцатый том является дополнительным к изданной на филологическом факультете юбилейной серии «Филологи – городу и миру», посвященной столетию факультета и университета. В нем представлены портреты выпускников разных лет, освоивших «вторые» профессии и добившихся в них значительных результатов. Оперный певец и драматический актер, художник и фотограф, переводчик и детский писатель, астролог и балерина – неполный перечень профессий и сфер занятости, в которых успешно трудятся наши выпускники, подтверждая на своем опыте, что филологическое образование широко открыто в гуманитарное творчество и способствует реализации потенциальных возможностей человека в самых неожиданных для классической филологии областях и направлениях. Жизнь аккумулирует богатейший конкретный материал для подобных выводов и обобщений.

УДК 378(4)
ББК 74.58

*Печатается по решению ученого совета филологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Ответственный за выпуск
декан филологического факультета ПГНИУ профессор **Б. В. Кондаков**

Редакционная коллегия:
Е. А. Баженова, Н. Е. Васильева, Т. Б. Карпова, Б. В. Кондаков

Составитель **Васильева Нина Евгеньевна**

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка:
В. А. Леготкин

Подписано в печать 17.04.2017
Формат 60×84/16. Тираж 75 экз.
Усл. печ. л. 17,67 + вкл. Заказ _____

Издательский центр ПГНИУ. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Типография ПГНИУ. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ISBN 978-5-7944-2903-9

© ПГНИУ, 2017
© Васильева Н. Е., составление, 2017
© Писорогло Л. Г., оформление, 2017

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
Раздел I. На руководящих постах	
<i>Санникова Т.</i> Экспедиция продолжается...	4
<i>Береснева Н.</i> Про филфак	13
<i>Бармак О.</i> В погонах за живым словом	16
Раздел II. Слово и жизнь	
<i>Гидулянова Л.</i> «Из отрочества я...»	22
<i>Бородина (Масюкова) Е.</i> «В союзе звуков, чувств и дум»	31
<i>Габараева И.</i> Божественного вмешательства не существует...	36
<i>Попова О.</i> «Любовь к слову» и «любовь к мудрости»	42
<i>Перетрухина Н.</i> «Нам не дано предугадать...»	50
Раздел III. На подмостках театра	
<i>Уланова Л.</i> Всегда буду благодарна филфаку	58
<i>Меньшиков А.</i> Вторая профессия	62
<i>Четина Е.</i> Служители муз из нашего вуза	66
<i>Караваева С.</i> Сумма трех единиц	73
Раздел IV. Художественное творчество	
<i>Рогова И.</i> Не бойтесь жизнь переменить	85
<i>Кондаков Б., Шматенок Т.</i> Живопись и Слово художника Аборкиной	89
<i>Старцева О.</i> Татьяна Пермькова	109
<i>Папу А.</i> О съемке фото и прочего	112
<i>Суворова А.</i> Кунсткамера симуляций	131
Раздел V. Удивительное рядом	
<i>Грузберг А.</i> Я переводчик? Не может быть!	134
<i>Лукашин А.</i> Роман с компьютером	148
<i>Фирсова А.</i> На границе литературы и географии	169
<i>Михайлова М.</i> Путь к звездам	177
<i>Караваева С.</i> Необычный переводчик	182
Фотографии	187

Раздел VI. Страна Поэзия

<i>Владыкин П.</i> Слово – колокол	187
<i>Гашева Н.</i> Невидимка (О Борисе Гашеве)	197
<i>Жукова Т.</i> Жизнь обрела смысл	207
<i>Жигиль С.</i> Листья судьбы	223
<i>Сандлер А.</i> Боль (Об Алле Волкоморовой)	227
<i>Спивак Р.</i> О поэте Наде Глухой	236
<i>Голдобина Е.</i> О друзьях-товарищах	241

Раздел VII. Из разрозненного

<i>Пирожников В.</i> Мир как текст, или о месте филологии	260
<i>Черепанова И.</i> Мой научно-приключенческий роман	264
<i>Силин С.</i> Сказки – детям	277
<i>Черепанова Т.</i> И это все о нем	285

Предисловие

Идея подготовки дополнительного тома юбилейной серии «Филологи – городу и миру» возникла в процессе работы и была подсказана самой жизнью: общаясь с нашими выпускниками, погружаясь в факты и реалии отдельных судеб, мы часто обнаруживали, что многие из наших выпускников ушли из филологии и сделали замечательными специалистами в далеких от нее областях, в которых приобрели имя и известность. Так сложилась судьба Инны Роговой, ставшей керамисткой и получившей мировую популярность, или Александра Грузберга, лучшего на сегодня переводчика англоязычной фантастики, или Ксении Меньшиковой, восходящей звезды в искусстве балета. Таких имен оказалось довольно много, и нам показалось интересным рассказать об их судьбах. Их опыт выбора и смены профессии может стать поучительным и важным уроком для тех, кто ищет себя, взвешивает собственные творческие шансы, сомневается в правильности взятого курса, колеблется в принятии решения. В любом случае человек, не побоявшийся «жизнь переменить», задумывается о том, какую роль сыграл в его выборе филологический факультет, в какой степени он был готов встретиться с трудностями и загадками другой профессии, какие очарования и разочарования постигли его на новом пути, какие победы и поражения он пережил. На эти и многие другие вопросы отвечают наши авторы.

Не во всех случаях приглашенные выпускники рассказывают о себе сами, мы приняли любую форму общения: монолог, интервью, повествование от третьих лиц. Разнообразие жанров делает книгу более живой и эмоциональной. Все материалы сопровождаются тщательно отобранным иллюстративным рядом, размещенным в книге в виде специальных вклеек; поэты и прозаики представлены текстами произведений.

В книге имеется семь разделов, в каждом из которых объединены люди с близкими профессиями. Герои книги представлены в последовательности, соответствующей времени окончания филологического факультета.

В книгу вошли не все представленные тексты. Оставшиеся у составителей материалы будут опубликованы в последующих изданиях.

Издательский коллектив благодарит всех авторов за участие в настоящем издании.

*Н. Васильева
Б. Кондаков*

Раздел I. На руководящих постах

Т. Санникова,
генеральный директор ПДНТ «ГУБЕРНИЯ»,
выпускница 1991 г.

Экспедиция продолжается...

...Заканчиваем первый курс. Впереди студенческое лето и большие планы: мы собрались ехать в настоящую экспедицию! Даже две: сначала на практику – в фольклорную экспедицию. А потом – в Белоруссию, на настоящие археологические раскопки! Как-то так получилось, что экспедиция археологическая – предвкушение приключения: компания разного возраста и с разных факультетов, никто не заставляет – наоборот, сами стремимся, коллектив интересный – руководит московский археолог-профессор. Мы в качестве волонтеров – физики, лирики, историки, математики... А фольклорная – ну это по программе учебной. Так надо и все.

Короче, чтоб поехать в Мстиславль, нужно как-то побыстрее отработать обязательку – практику по фольклору. Борис Вадимович проводит собрание. Едет нас на практику целая толпа, поэтому делимся на группы. Выступает руководитель одной из групп – бородатый, похожий на Ленина на броневике, Константин Эдуардович.

– Наша группа будет работать в селе Екатерининском. Работать будем интенсивно. А еще будем концерты давать на полях в рабочий полдень. Поэтому нужны те, которые музыкальные. Зато отпущу раньше. На три дня.

– Отлично! Наша тема: под гитару мы умеем, отпустят раньше! Запишите нас!

И вот мы едем в Сивинский район. В составе нашей экспедиции несколько девчонок старших курсов из университетского фольклорного ансамбля. В электричке учим «Ой, не было ветроооов!...» и «Лоде каре ло де лоб кобыла да лазарь...». Приколно.

Забавная компания. 11 девчонок-первокурсниц, завалившая госэкзамен отличница-звезда студклуба, чудак-первокурсник-переросток с керогазом, юный бородатый руководитель фольклорной практики, руководитель фольклорного ансамбля, кандидат биологических наук и художница...

Удивительная атмосфера.

Много можно вспоминать о приключениях той студенческой практики: и как ездили в далекую деревню и обратно возвращались на прицепе от трактора, рискуя молодыми жизнями и не понимая этого, и как учились пить чай из солоноватой на вкус местной воды – мягкой настолько, что смывать этой водой мыло было категорически невозможно, а пить можно было только компот, и только он забивал солоноватый привкус. Но главное – впервые в жизни я столкнулась с «носителями традиционной культуры».

Впрочем, эти впечатления сложились не сами по себе. Они вошли в резонанс с одним открытием. За неделю до практики с компанией будущих участников той самой археологической белорусской экспедиции мы оказались в Хохловке. Поездка на фольклорный фестиваль в этнографический музей была не более чем способом провести время вместе и просто познакомиться. Музей работал первые годы, никто из нас там еще не бывал, а тут отличный повод – афиши фольклорного фестиваля. Помню необыкновенную красоту и органичность всего происходящего: хохловские пейзажи и народные костюмы в сочетании с этнографическими памятниками и многоголосым пением. Ни одного микрофона! Все в естественном звучании! И посетители – просто гуляющие от компании поющих к компании...

Оказалось, это – красиво! И особенно запомнился плывущий по воде бесконечно прекрасный звук какой-то протяжной песни: у берега сидели девчонки и пели втроем, так, для себя. Никогда прежде народная музыка не производила на меня такого впечатления: наигранная веселость всех псевдонародных сценических коллективов не привлекала, раздражала, отталкивала. А тут – звук песни плыл и манил, запомнился на долгие годы.

Сейчас даже трудно представить, какой драйв исходил от тех, кто соприкоснулся с этнографией в 80-е годы. Вслед за ансамблем Покровского десятки молодых людей стали петь не по нотам – а «с голоса» тех, кто сохранил эту музыкальную культуру в быту, тех самых «носителей традиционной культуры», к которым надлежало ездить в экспедиции. И особая энергия посвященных объединяла молодых людей в разных концах страны, давала повод для дружбы. Сколько фольклорных фестивалей было в те годы! Новосибирск, Подпорожье, Петрозаводск, Харьков, Подольск, Ленинград, Москва, Польша. Можно было ехать в незнакомый город и не сомневаться – примут, накормят, спать уложат: просто потому, что мы люди одной крови – фольк-лорис-ты. Мы – фольк-ну-ты-е.

Кстати, не все было лучезарным. Организаторам того самого хохловского фольклорного фестиваля здорово нагорело: отдел культуры

облисполкома негодовал. «Безобразие! – возмущенно кричал чиновник от культуры в праведном гневе. – Как это?! Фольклор на траве – топо-тушечек не слышно!»

Эта дивная фраза много лет символизировала для многих из нас противоречие сути традиционной культуры и формы ее государственной поддержки. В те времена доставляло какое-то особое удовольствие чувствовать себя независимым исследователем и носителем фольклорных знаний. Вне госучреждений и внутри университета – императорского, многоуважаемого, несущего традиции старой профессуры.

Кто бы мне сказал тогда, что аббревиатура «ОНМЦ НТ и КПП» станет не просто забавной ироничной скороговоркой-шуткой (это ж надо учреждению культуры дать такое невыносимое название!), а будущей частью моей жизни...

Практика фольклорная лета 85 года закончилась. Но долго еще не шли из головы встречи и разговоры со старожилками деревень: что сеяли, что пели, как замуж выходили, сколько детей было в семье – истории простых судеб простых людей. И как ни странно, археологическая экспедиция – раскопки древнерусского города Мстиславля – все больше и больше заставляли вспоминать экспедиционные встречи в Екатерининском: и образная речь, и какая-то особая логика объяснений простых вещей, и человеческая мудрость. «То не горе!» – звучало в ушах в сложные моменты жизни. «Коготок увяз – птичке пропасть!»

Осенью как-то само собой ноги привели в фольклорный ансамбль студклуба. Или не осенью, чуть позже. Разве это важно сейчас?

Коготок увяз...

И спустя годы понимаю, насколько несамодетельная компания собиралась тогда в студенческом клубе самодеятельности: театралы, музыканты, хореографы. Еще не было пропускного режима в университете, еще в календаре государственных праздников не было понятия «рождество», еще парковка студенческих авто не занимала гектары... Зато зимний хепенинг в Песельной артели собирал более полусотни музыкантов, режиссеров, художников, документалистов города. «Хмели-сунели», «Танцы на траве», «Новый курс», Черноок, Гарсия, Перебаскин... И первая программная программа (забавная тавтология!) «На росстани» в битком заполненном малом зале драмтеатра. И два сезона участия в настоящем драматическом спектакле Академического Театра драмы. И свой собственный спектакль «По солонь», ставший лауреатом премии в сфере культуры и искусства Пермской области, и сыгранный почти 40 раз! А еще «Эх, Семеновна!» – телевизионный проект второго канала, съемки в художественных фильмах, передвижная выставка-перформанс. Сколько сумасшедших историй можно расска-

зять о тех временах! Но главное – рождались идеи, которые потом превращались в спектакли, фильмы, фестивали. «Час волка», «Сибирский Спас», Н. И. Точкин, Этно-лайн.

Недавно с удивлением обнаружила, что уже тридцать лет прошло с той первой экспедиции. И более двадцати лет активной концертной практики в составе «Песельной артели». Это хобби? Быть может. Досуг? В какой-то мере. Работа? Да! Работа, которая никогда не давала зарплаты, но требовала полной отдачи. Иные годы до 40 участников студии «Песельная артель», посещающих систематические репетиции, значатся в моих карманных записных книжках – «журналах учета».

А зарплата? Зарплата – это работа редактором, методистом, организатором культурных программ в парке. Еще работа в детском саду, школе, колледже. Работа в редакции газеты. Работа в рекламном агентстве. Работа директором детского фестиваля. Работа заместителем директора и худруком в образовательных учреждениях.

«Мама, ты на которую работу сейчас пошла?» – актуальный вопрос моей дочери в 90-е (бюджетники получали копейки – где я только одновременно ни работала!).

«Мама, ты в Доме Советов работаешь?» – это ее вопрос двухтысячных. «Почему?» «Ну ты же ГЛАВНЫЙ администратор!»

Теперь дочь взрослая. Теперь ей проще объяснить, почему нет выходных и отпусков. А в 5 лет проще было ее назначить «секретарем домашнего телефона». И превратить вынужденное без-мамино одиночество в игру в самостоятельность.

2009 год. Эпоха Пермской культурной революции.

– Пойдешь учиться?

– Конечно!

– Москвичи привезли нам технологию. Организация мероприятий.

Пойдешь?

– Не вопрос!

Так в моей жизни появился фестиваль «Живая Пермь», второй масштабный проект моей маленькой ивент-компании «Птица Киви». А первый был годом раньше. Нарботавшись «в культуре» и «в образовании», поняла, что хочется делать свое дело – интересное, творческое и без бюрократических циркуляров. И быть тому хозяйкой – хозяйкой птицы Киви.

Первый проект моей ООО «Птица Киви» – Десятый, юбилейный, фестиваль Кабалевского: 25 тыс. участников отборочных туров, 19 краевых жанровых мероприятий, 1,5 тыс. участников заключительного праздника в Чайковском. Эффектный, настоящий праздник в Чайковском – после десятилетия увядания этого фестиваля и носталь-

гических воспоминаний участников и организаторов 70-х годов. О, как непросто было придумать «перпендикулярную» форму праздника! Ведь бюджет проекта весьма скромный, а все так хорошо помнят былые праздники в стиле «Олимпиада 80». ...А поменялось все. Даже страна. О, как незапросто было найти решение!

И получилось! Я чувствовала себя победителем. «Что вы с нами сделали? Лишили работы!..» – ворчал чайковский таксист наутро после праздника: «Никто не спешил домой. Народ романтично гулял до утра. Мы, таксисты, остались без работы». Это звучало комплиментом. И еще большим комплиментом звучали слова работников культуры: «Мы в Чайковском не проводили фестиваль... 18 лет! Мы с вами сделали это!». С днем рождения, «Птица Киви»!

И вот бессонные ночи первого фестиваля современного искусства «Живая Пермь»-2009. (Ту самую московскую технологию мы отчасти осваивали, но больше изобретали, что-то делали интуитивно, что-то вопреки обстоятельствам, что-то преодолевая трудности). И вот результат: 2,5 тыс. участников, более 200 концертов, выставок, спектаклей, перфомансов за 5 дней! И каталог-книжка, зафиксировавший стоп-кадр неформальной, самостоятельно существующей культуры города с аналитическими записками культурологов, искусствоведов.

А еще самый «фестивальный» проект первой «Живой Перми» – «Живой квартал», моя придумка и творческая удача: сочетание жанров, стилей, направлений, показов мод, мастерских, вписанных в жизнь реальных кварталов родного города, сочетающих историю и современность, арт-скваoty и официальные институции. Трудно представить, чего стоило тогда добиться возможности превратить крыльцо органного зала в сценическую площадку: административные барьеры, строгости номенклатуры, всяческие «нельзя». Или показ спектакля уличного театра с фаер-шоу, водой и реальным подъемным краном и онлайн роспись огромной поверхности настоящим художником. Прогулка губернатора и министра по скверу – среди «дам с собачкой», кузнецов, кующих счастье, шарманки, джазменов, перкуSSIONистов и актеров с «Соломенной шляпкой» в театральном дворике. Снежная метель яблоневых лепестков. «А публику вы тоже отбирали?» – вопрос губернатора. Да нет вроде... «Вот так и должен выглядеть день города!». Упс.

(Это невозможно! Еще в прошлом году рано утром после дня города на эспланаде щипало глаза от нечистот, и стаи чаек кружили над кучами мусора, похожими на городской полигон... Изменить это? Нереально...)

– Пойдешь в дом народного творчества директором? – неожиданный вопрос министра застал меня врасплох.

– Нет, пожалуй. У меня своя фирма. Только-только встала на ноги.

– Ну, должно ведь у тебя быть свое дело!

– Так у меня оно и есть.

– Подумай!

– Хорошо. Если придумаю идею, соглашусь. Если нет – найдете еще кого-то.

Идея пришла в августе. Так получилось, что в августе я делала Праздник Хлеба фестиваля Камва. Уговорив Шостину привести фестиваль в музей и пообещав сделать праздник, сочетающий историю и современность. В той самой Хохловке – любимой и теперь уже практически родной. Праздник хлеба – пожалуй, моя самая большая режиссерская удача. Сочетание игры-приключения для каждого отдельного зрителя, знакомства с сельскохозяйственным процессом сбора урожая, возможности услышать, пощупать, попробовать этноконтекст. Концертное зрелище, погружение в стихи современной музыки, дыхание молодых. И десять тысяч посетителей! Даже предположить не могла, что массовый праздник может иметь такое человеческое лицо, личностное, обращенное к каждому зрителю! «Ожившие» памятники с этнографическими коллективами, девушки и парни, загадывающие загадки и рассказывающие истории каждому заинтересовавшемуся зрителю, а главное – дающие поддержать-потрогать реальный серп, мельничку-крупорушку, горстку зерна, несколько живых колосков... И звуки настоящих народных песен. С микрофоном и без. Атмосфера мне чем-то напомнила тот, первый в моей жизни, фольклорный фестиваль 80-х.

А после этого праздника машина времени перенесла меня на праздник урожая в Краснодаре. Так получилось. Танцующие девушки-колосья. Многоголосый народный хор, поющий под фонограмму. Многозначительная театрализация: «Ты запомни, сынок, золотые слова – хлеб всему голова, хлеб всему голова!» – ходульные приемы режиссуры массовых зрелищ образца 70-х гг. Абсолютное ощущение машины времени: старые песни о главном.

Неужели это сегодня? Неужели современная молодежь это воспринимает? Да нет... В зале – больше люди в возрасте и при чинах. Или, может, недостаточное число солнечных дней в Перми и невозможность обеспечить фестивальным потоком туристов за счет южного моря заставили нас, организаторов событий, научиться скрипеть мозгами, искать актуальность даже в формах сценического воплощения фольклора? Вопрос.

Не вопрос. Идея! А можно Дом народного творчества сделать интересным современной публике? (В большинстве регионов России Дома народного творчества – симпатичные исторические особнячки и десяток-другой сотрудников-специалистов разных жанров. Рогожка и орнамент на сайте, славянская вязь в заголовках. Страшно далеки они от народа?) А Пермский дом народного творчества – живет во дворце с претензией на современную архитектуру. И не вяжется славянская вязь и рогожка да народная вышивка с интерьерами, фасадами, атмосферой здания. Да и госзадание – почти 150 тысяч посетителей в год! Разве можно собрать такое количество публики на события с нафталином? Вот и попробуйте – найти актуальность!

Есть идея. Решение принято. Иду работать руководителем краевого учреждения – Пермский дом народного творчества. Окунаюсь в захватывающий процесс строителя – в прямом и переносном смысле. «Современное» здание было в весьма запущенном состоянии. 70-летняя история Пермского дома народного творчества, в разные времена называвшегося по-разному (и ОНМЦ НТ и КПП в том числе) и жившего в разных зданиях – непроста. В 99 году местом расположения учреждения стал ДК фабрики Гознак. Построенное когда-то с пафосом, сорок лет содержавшееся без особой любви и изрядно обветшалое, к моменту нашей встречи заполнилось ломаной мебелью, железными решетками и выставками шуб и камней и сотрудниками преклонных лет. Средний возраст сотрудников – глубоко за 50.

Написала концепцию. Концепцию развития учреждения – «Расширение горизонтов». Проблемы и противоречия старых подходов к понятию народного творчества и художественной самодеятельности и новых ожиданий публики – не только пермская проблема. Министр концепцию принял. И начался новый этап в моей жизни.

Идея – поиск актуальности традиционной культуры в современной жизни – стала стержнем нашей работы. Теперь поиск культурных параллелей стал захватывающе интересной работой не только для меня, но для команды очень разных специалистов нашего дома – Дома народного творчества «Губерния». Как сделать сохранение нематериального культурного наследия – не формально-канцелярским, а живым процессом? Как сделать личным отношение к простой русской песне, как избавиться от ощущения «наигранности» во время культмассовых народных праздников?

Джинс! Холщовая ткань цвета индиго – вот визуальный образ нашей сегодняшней деятельности. Ткань старинных сарафанов и не выходящей из моды современной джинсовой одежды. Далекая история

и абсолютная современность. И параллель в разных этносах: синюю крашенину любят удмурты, марийцы, индийцы...

Не все и не сразу получается. Но за пять лет моей работы здесь появилась Комната сказок, фестиваль зимнего фольклора «Сочельник», этно-ландшафтный фестиваль «Зов Пармы», фестиваль ткачества «Весна. Кросна», праздник народной росписи «Расписная суббота», Ночь ремесла, Деревня Морозовка. Да и фольклорные коллективы стали лучше выглядеть – убедительнее, достовернее, самобытнее. Придумка моих коллег – Конкурс невест из фольклорных коллективов «Прикамские смотрины» – внес в их внешний вид свою лепту. За каждым из мероприятий – целое направление работы, множество нюансов, задач, решений, вопросов, ответов. Или нерешенных проблем.

И каждый из этих проектов – любимое детище. Каждый – имеет предысторию и биографию.

К примеру, Комната сказок. Более 1000 сказок уже рассказали наши сказочники в небольшой таинственной комнате с антикварным буфетом, шкафом и камином. Мне кажется, в нашей Комнате сказок больше фольклора и традиционной культуры, чем во многих фольклорных фестивалях, хоть сказки здесь рассказывают разные – и авторские, и народные, и русские, и итальянские. Именно рассказывают – вместе с детьми, мамами, папами и бабушками. И обязательно с живой музыкой. Ведь фольклор – это, прежде всего, коммуникация, способ общения. Из уст в уста, из поколения в поколение. И песня – не исполнение выученных партий, а поиск коллективной гармонии, музыкальная коммуникация, если угодно. А вот ту-то у современника и затруднения: умеем говорить – не умеем слушать, умеем читать – не умеем рассказывать, знаем ноты – не умеем петь... Да и межпоколенческая коммуникация для нас – дело сложное, мы ведь привыкли только с ровесниками общаться: детский сад, школа, вуз – все группы по году рождения. Оказалось, рассказать сказку вместе – в разновозрастной компании 10-12 человек – не только непросто, но и необыкновенно увлекательно. А еще если сказка эта про, казалось бы, обычные предметы: солдатские сапоги, зимняя варежка, настоящая тыква... Рождаются сказки каждый раз разные (какая компания – такая и сказка) и музыкальные (музыкант – неперенный участник каждой истории: фортепиано, свирель, балалайка или шарманка).

Сначала сказки рассказывали по субботам. Потом по субботам и четвергам. Затем по субботам, четвергам, вторникам. Теперь – вторник, четверг, суббота, воскресенье, иногда пятница и изредка понедельник. Вот так. Надо растить сказочников: непростая это работа.

(Жаль, что в профстандартах госучреждений не предусмотрена единица штатного расписания – «сказочник»).

Или проект «59 фестивалей 59 региона». Как сделать так, чтобы качество небольших событий в районах Пермского края стало лучше? Помочь финансово? Министерство помогало ежегодно – а результата нет... А давайте организуем конкурс организаторов! Пробуем. Целый год – 59 раз – путешествуем по краю, ездим в гости на мероприятия в разных концах Пермского края, подсказывая, помогая, поддерживая финансово, регулярно рассказывая в средствах массовой информации о событиях и организаторах. И определяя по итогам путешествий лучших организаторов – тех, кто собрал ресурс района в один кулак, тех, кто позаботился о зрителях, рекламе, инфраструктуре лучше всех. И главное – тех, кто смог организовать небанальное событие, запоминающееся, необычное, необычное. Получился календарь прикамских фестивалей длиной в год.

Вскоре начались звонки зрителей и турагентств: «Куда поехать в эти выходные? Что интересенького?» И даже в блинной вижу ценник «Спецпредложение лета – Блин Фестивальный = 59 рублей!»

Заработало! Каков итог? Проект «59 фестивалей 59 региона» в профессиональной среде организаторов событий знают теперь далеко за пределами Пермского края. Знают – как технологию, способ повысить качество, креативность событий целого региона. Как приятно, что благодаря нашей работе появился «Балет на закате» в Губахе, «Любовский пикник» в Березниках, «Деревенская прогулка» в Осе и еще несколько очень симпатичных событий.

А в с. Бершеть благодаря 59 фестивалям даже построен дом культуры. Да-да! Несколько лет назад, преодолевая сопротивление чиновников от культуры района, мы включили в фестивальную программу проекта «Покров день» в Бершети. Включили, несмотря на отсутствие в селе «отраслевого» учреждения. Заводилами праздника были тогда работница образования села и сотрудники нашего этноцентра. И праздник получился – на радость односельчанам. Глава сельской администрации тогда, помнится, сказал: «Так вот вы какие у меня! А у нас даже клуба нет...» И вот, всего 4 года спустя, теленовости показывают торжественную церемонию открытия дома культуры в Бершети. А на пороге – с песнями и караваем – та самая руководительница школьного ансамбля! С Новым клубом, Бершеть!

...Прошло шесть лет с тех пор, как я переступила порог «Пермского дома народного творчества». Каждый год мы с коллегами проводим более 700 мероприятий – о традициях и не только: государственные праздники и фестивали эстрадного танца, дни памяти черно-

быльцев и конкурсы солдатской песни. И самые любимые проекты в этой череде событий – те, что связаны с традиционной культурой, те, для которых главное – познакомить жителей большого города с культурой, во многом забытой или непознанной, «терра инкогнита» – традиционной народной культурой. Задача эта непростая, не имеет очевидных ответов. Зато имеет десятки разных решений. И проекты эти каждый раз дают нам возможность совершить свои маленькие открытия – как когда-то мы, студенты-первокурсники, в фольклорной экспедиции.

Экспедиция продолжается...

Н. Береснева,
декан философско-социологического факультета ПГНИУ,
выпускница 1993 г.

Про филфак

Когда меня попросили написать в сборник воспоминаний филологов, сменивших специальность, я несколько удивилась, поскольку искренне считаю, что в плане исследовательской деятельности не занимаюсь ничем, чем бы не занималась будучи филологом. Просто границы исследований расширились, проблемы языка были вписаны в другой, предельно широкий философский контекст. Поэтому не было никакой необходимости менять специальность, чтобы осуществить такой перенос – «Философия языка», «Семиотика», «Логика», «Философия и методология науки»...

Еще в старших классах школы я была уверена, что продолжу учебу либо на философском, либо на искусствоведческом факультете, которых в конце 80-х в вузах Перми не было. И вот окончены школа с золотой медалью и с отличием – средняя художественная школа. Уже был куплен билет на поезд до Ленинграда. Но в самый последний момент все отменилось, и родители, вздохнув с облегчением, сдали билет. Здравый смысл и традиции семьи возобладали, и я оказалась там же, где обучались родители – на филфаке: читать я всегда любила, и учение, процесс получения знаний не вызывал никаких протестов.

Родители, трепетно направлявшие меня, посоветовали писать курсовые работы у Леонида Николаевича Мурзина. И хотя он не брал «маленьких» курсовиков, я посещала его спецкурс по поэтике и лингвистике вместе со старшекурсниками, даже готовила доклад по фоносемантике в поэзии Хлебникова. Тогда такое было возможно, и я не

знаю, кто бы сейчас позволил посещать занятия, которые не предусмотрены учебным планом, да еще зачет получить. И писать курсовые на другом факультете тоже не было запрещено (по психологии и педагогике писали студенты со всех факультетов), и темы можно было выбирать любые, интересные. Леонид Николаевич не был сухим, абстрактным интеллектуалом. Это было для него бесплодно и скучно. Он всегда был захвачен идеями, был виртуозом мысли, задорный, увлекающийся, с забавной манерой говорить. Мне иногда казалось, что он настолько увлекался тем, что рассказывал, что даже о студентах забывал.

Увлечение экспериментальной стороной процессов, связанных с фоносемантикой, вывело меня на психолингвистику, которая тогда была в моде на факультете, думаю, благодаря исключительному обаянию, увлеченности и эрудиции молодого тогда кандидата наук – Ирины Германовны Овчинниковой, которую, как мне казалось, не любить было невозможно. Я считала, что все, что она делает, говорит и даже, вероятно, думает, – блестяще. Многие приемы работы со студентами, общения с ними я переняла у нее (или мне кажется, что переняла). Так я надолго оказалась связана со своим, не побоюсь сказать, кумиром – от курсовых до кандидатской диссертации. И хотя я поступала в аспирантуру к Леониду Николаевичу, он убедил Ирину Германовну взять себе аспиранта, потому что видел во мне психолингвиста. Про себя же он говорил: «Я хотя и психолингвист, но не убежденный».

Психолингвистике были посвящены несколько следующих лет: началась работа над кандидатской, гранты, поездки на конференции, экспериментальная площадка в школе... Мне казалось, что за Ириной Германовной я готова идти всегда. Особенно было забавно, когда рабочие контакты начали переплетаться с личными: наши дети оказались в одной группе в детском саду, а потом – в одной школе.

Еще один человек, с которым я тесно работала еще будучи студенткой на филфаке, про которого нельзя не сказать – и это еще одна факультетская легенда – Франциска Леонтьевна Скитова. Мне очень хотелось работать на факультете, на кафедре, мне нравилась дружеская атмосфера, все преподаватели казались хорошими, никаких внутренних проблем я не видела. И Леонид Николаевич, заведующий кафедрой, вспомнил о моем желании, когда открылась вакансия инженера в словарном кабинете, которым и руководила незабвенная Франциска Леонтьевна, человек очень сложный, но давший мне очень много. Сейчас многие студенты, подрабатывающие во время обучения, жалуются на то, что времени ни на что не хватает и жизнь сложна, но, видимо, в перестроечную эпоху все было иначе – мне хватало времени

и на учебу, и на написание словарных статей, и на текущую работу в кабинете. Франциска Леонтьевна – это образец беззаветной преданности своему делу и жизни, построенной ради достижения одной цели. Работа над Акчимским словарем – это уникальная школа кропотливой, неторопливой исследовательской работы, с постоянной сверкой со словарями, полевыми записями, правкой мельчайших ошибок и мучительным поиском тончайших смысловых нюансов в семантике. Как хотела Франциска Леонтьевна закончить словарь! К сожалению, последний том был выпущен после ее смерти. Помню, Тамара Ивановна Ерофеева положила при прощании только что изданный экземпляр в гроб Франциски Леонтьевны...

К сожалению, к моменту окончания аспирантуры вакансии преподавателя на кафедре не было, и работу пришлось искать в смежных областях. С кандидатской по психолингвистике я устроилась на кафедру психологии, и несколько лет было отдано этой науке, пришлось даже получить дополнительное образование в этой сфере в Ленинграде.

Далее – вакантное место в философской докторантуре у Владимира Вячеславовича Орлова и защита докторской диссертации по философии языка. Новые обстоятельства и новые обязательства. Новый факультет, новые коллеги, которые тепло приняли. Началась увлекательная работа в русле известной в стране пермской философской школы, возглавляемой В. В. Орловым. Погрузилась в широкий мир философского творчества, «живое всеединство в мире». Работать над докторской было чрезвычайно интересно. В. В. Орлов – ученый огромной эрудиции, со своим видением предмета, всегда не традиционным, но в лучших традициях подлинной науки. Строжайшая продуманная логика в исследованиях, дар языкового мастерства... Но мои философские исследования языка – это уже другая тема.

Так по закону отрицания отрицания замкнулся круг. Следует признать, что часто в жизни помогает случай. Иногда даже интересно: как бы все сложилось, если бы на кафедре общего и славянского языкознания было в свое время свободное место?

О. Бармак,
выпускница 1998 г.

В погонах за живым словом

Судьба щедро подарила мне в конце 20 века быть студенткой дневного отделения филологического факультета (русский язык, литература) Пермского государственного университета им. А. М. Горького.

Перешагнув рубеж 40 лет, говорю с уверенностью, гордостью, наслаждением – то были прекраснейшие 5 лет жизни. Пространственно-временной континуум 1993–1998 годов – это моя отдельная уникальная, практически шедевральная Вселенная.

Позже неизбежно случится второе высшее образование – заочное в Нижегородской Академии МВД России (юриспруденция, юрист). Но Университет остается для меня, безусловно, главным настоящим фундаментальным образованием. И выбор всегда однозначен – знак какого вуза надеть на китель сотрудника МВД России (знак Университета в полиции редкость). Пару десятилетий служу в МВД России, звезды на погонах уже подполковника, и все годы с гордостью отвечаю на вопрос об образовании – Пермский государственный университет. Филолог. Русский язык и литература.

В конце 20 века в Перми существовало всего 7 вузов. Мое решение учиться только в ПГУ имени А. М. Горького было четким и безальтернативным. Но, приехав в 1992 из областного города Березники, уроженкой которого являюсь, поступить на отделение иностранных языков филологического факультета не удалось. Недобор 1 балла (грустно и стандартно, нас таких было много) явился ударом по самолюбию и тщеславию. Самое страшное стало тогда для меня – вернуться в город Березники, родной, но нежеланный (так бывает, ничего личного, исключительно амбиции юности). Вернуться без результата, с рухнувшими планами, улетевшими мечтами и бесперспективным пребыванием в маленьком промышленном городе. Прекрасный аттестат полного школьного образования и благословение родителей дают возможность учиться в Пермской Бизнес-школе с целью не терять учебный год и вновь стать абитуриентом университета.

Лето 1993 года стало началом самой интереснейшей и динамичной пятилетки жизни. Счастье поступления эмоционально сносило голову, восторг зашкаливал, гордость росла, предвкушение учебы усиливалось визуальным рядом студенческого городка и знакомствами с уникальными девушками и юношами, будущими моими любимыми сокурсниками.

За пять университетских лет я получила знаний больше, чем за всю свою жизнь. Без лукавства. За время счастливого студенчества я узнала лучших людей, чем за всю свою жизнь. Без сомнений. За пять ярких и неповторимых лет я сформировалась окончательно как личность. Безвозвратно. Счастливая студенческая пятилетка пронеслась мгновенно, но достаточно емко, сладко, но с привкусом слез, легко, но с ощущением глобального труда.

Выпускной летом 1998 года явился рубежным. Педагогическая практика – учитель русского языка и литературы – стала уникальным опытом и невероятным для меня личностным удовольствием. Нравилось все: предмет преподавания – наш красивейший русский язык, богатейшая литература, объект преподавания – дети, их энергетика и жизнелюбие, нравилась и сама себе – роль учителя давалась легко, я пребывала в постоянном восхищении и испытывала педагогический экстаз. Минусов было два: скудное денежное содержание педагогов России и абсолютно женский коллектив школы. В мои 23 года гендерная и финансовая подоплека оказались сильнее истинного желания и вселенского предназначения.

А профессиональный путь должен был начаться. Мы, рожденные в СССР, не знали тогда категории фрилансеров и были заточены под трудовую книжку с перспективой пенсии от государства.

Следователь в милиции, лейтенантские погоны – что может быть романтичнее, когда чуть больше 20 лет, когда есть физические силы, неиссякаемая энергия, спортивный разряд, значок ГТО и здоровые амбиции. И главное – всегда есть, что сказать и как сказать! Это уж «спасибо» и поклон Университету! Многими годами позже придет понимание, что правоохранительные органы – не то место, где меня хотят слушать (грустно улыбаюсь). Там нужно слушаться...

Я приняла правила игры... на пару десятилетий. Но никогда не забывала – кто я. Высшее гуманитарное образование давало возможности всегда оставаться творческой интересной личностью, экзальтированной особой и тургеневской девушкой одновременно и вдыхало силы жить в служебных коллективах. Чтение и погружение в литературу навсегда осталось единственным и сильнейшим источником внутреннего роста, глубокого вдохновения, надежной опорой и уникальным инструментом ваияния души и созидания личности.

Гуманитарный факультет научил читать, думать, анализировать, рефлексировать. И это моя визитная карточка. Немыслимое количество уникальных знаний, полученных в Университете, все годы жизни дает мне личное восприятие своей полноценности и стойкое ощущение своей исключительности.

Первые же месяцы службы следователем в отделе милиции Индустриального района города Перми неожиданно проявили для меня недостаточную грамотность российских офицеров. Психолог подразделения мудро и деликатно мне посоветовала снизить планку личных притязаний к коллегам по службе, намекнув на мое классическое университетское образование, которое меня достойно выделяет из окружения и которого с перебором много для службы в милиции. Так была получена первая серьезная объективная оценка меня в коллективе. Но служба следователем мне нравилась. Романтика давала вдохновение, ответственность рождала силы, опасность формировала навыки. Документы писались легко. Правда, официальные протоколы следственных допросов и другие процессуальные документы не нуждались в моих литературно-художественных изысках. А вот уж беседы с потерпевшими и подозреваемыми по уголовным делам приводили в неопишуемый кайф. Потому что университет меня научил не только читать, писать и анализировать, но и разговаривать.

Говорить на любую тему – высший пилотаж коммуникации. В Университете не научиться этому было невозможно. Филфак представлял лучших профессоров и доцентов, носителей неисчерпаемых фундаментальных знаний и блестящих ораторов. С наслаждением вспоминаю шедевральные лекции, эксклюзивные семинары, научные коллоквиумы, периодически перечитываю собственные рукописные конспекты (это ценность наивысшего порядка) и сохранившиеся учебные пособия и брошюры.

Потом мне стало скучно расследовать уголовные дела. Ограниченность процессуальных документов лимитом специализированной лексики приводила меня в ступор, негатив начал хозяйничать в душе от постоянного общения с подозреваемыми лицами и потерпевшими жертвами. Уровень подобного качества собеседников меня не устраивал.

В 25 лет хотелось творческих побед и полетов, неугасимое желание творить не давало покоя. Амбиции, молодость, энергия, замешанные на качественном эликсире мировой художественной культуры и литературы, жаждали разнообразной деятельности, а не скучного регламентированного строгого процесса, который навеивал в перспективе профессиональную деформацию и личностную стагнацию.

Структурное понимание внутренней системы МВД России давало не очень большие возможности выбора. И должность инспектора отдела кадров Городского Управления показалась тогда привлекательной в разрезе творчества. И я не ошиблась. Воспитательная работа в служебном коллективе – мой функционал в милиции в начале нулевых

годов 21 века. Самое качественное, интересное и творческое направление моей служебной деятельности за все годы в погонах. Городское управление милиции приятно удивило коллективом. Появились коллеги с университетским образованием, чему я была несказанно рада. Мои гуманитарные знания в те годы были востребованы как никогда. Я читала, писала, разговаривала, обучала. Я качественно и честно делала то, что люблю и умею. И все действия уже были направлены на служебный коллектив, время работы с гражданами осталось в прошлом. Я щедро делилась филологическими знаниями с окружающими, и коллеги с удовольствием принимали мои лирические откровения, погружаясь в предлагаемые контексты. Должностные обязанности майора милиции – инспектора кадров – тогда предусматривали индивидуально-воспитательную работу с коллективом, а это уже широта мыслей и творчества (в рамках допустимых и зафиксированных в бесконечных приказах и инструкциях МВД России).

Сегодня несу службу в Главном Управлении Министерства внутренних дел Российской Федерации по Пермскому краю. Штаб генерала края, информационно-аналитический и организационно-плановый отдел. Подполковник внутренней службы. Звучит круто. Но это тот самый классический случай, когда план выражения не соответствует плану содержания. Цифры, таблицы, справки сводят судорогой мой гуманитарный мозг. Пафос штаба генерала прикрывает офисный планктон и бесконечное крючкотворство. Почти 10 лет службы в штабе, этом мутном омуте внутренних документов силового ведомства, не смогли высушить мозг и дезориентировать меня как личность. Только все чаще стал преследовать меня образ Чацкого из великой комедии «Горе от ума» Александра Сергеевича Грибоедова с выстраданной и гениальной фразой «служить бы рад, прислуживаться тошно». Конечно же, на роль Чацкого не претендую даже в помыслах, но чиновничество, карьеризм, рабская мораль, косность, невежество процветают, как и 200 лет назад, где не был понят Чацкий, где «был век покорности и страха» и где единицы набирались смелости не вписываться в «полк шугов». Мужественно ставлю точку.

Ах, да! В штабе Главного управления меня озарила квинтэссенция: я окончательно поняла, для чего я писала и защитила на «отлично» выпускную квалификационную работу в Университете на тему «Чистые воды Китежа Владимира Тендрякова и “Конторские будни” Кейта Уотерхауза. Опыт сравнительного исследования антиутопической структуры произведения».

Тендряков обличал приспособленцев, перестраховщиков и отсутствии собственного мнения. Английский классик Уотерхауз верил в

человека, которому присуще стремление к полезной творческой деятельности, а не бездуховной механистичности «общества благоденствия». Как похоже на реальность, в которой сегодня живу и служу государству. Диплом писала 18 лет назад, но как трепетно и живо отзывается происходящая в сегодняшней жизни антиутопия с нарастающим негативных тенденций... Теперь точно точка.

За 18 лет, прожитых в погонах, ни на минуту не забывала, что я филолог. Хотя обстоятельства порой высекали гуманитария из головы и сердца, события сбивали с ног, отдельные человеческие индивиды пытались насиловать и ломать сознание. Я продолжала все время читать, читать все, что предлагал мне мир и общественность, уверенно оставаясь с собственным научным мировоззрением и стойко выдерживая натиск могущественной беспощадной системы. К невысокому уровню образованности в полиции-милиции я постепенно привыкла. Но к своей исключительности привыкнуть не могу. По-прежнему чувствую себя носителем каких-то особенных знаний, ощущаю обладательницей невероятно ценной информации. Профессорам и доцентам Университета удалось ввести в нас (в меня – точно) известные только им коды интеллекта. Слава Богу, раскодированию не поддаюсь долгие годы, несмотря на неоднозначно выбранную и социально не всегда одобряемую профессию.

Все эти долгие годы книги помогали не поддаваться коррозии стагнации, профессиональной деформации, элементарной человеческой тупости и мозговой лени. Ежедневное чтение литературы как молитва. Благодаря Университету имею и берегу в собственной жизни ритуал – ежедневное чтение минимум 20 минут утром после пробуждения. Утреннее чтение – моя любимейшая, верная и лучшая привычка уже лет 25 (аминь!). Эта славная привычка во многом и сформировала мою судьбу. Как сильна и универсальна великая фраза «Вы сеете действие, а пожинаете привычку. Вы сеете привычку, а пожинаете характер. Вы сеете характер, а пожинаете судьбу».

Бесспорно, читающие люди размышляют больше других, добиваются больших успехов. Чтение заостряет ум, помогает достигнуть своего наивысшего потенциала и развивает личность. Развитие раздражает окружающих (но это уже проблемные привычки окружающих). Я всегда знала, понимала и помню каждую минуту – читатели всегда лидеры!

Ретроспективу пройденного послужного пути в погонах МВД России – представляю метафорично. Отчетливо и ярко вырисовывается три этапа (аллилуйя, все та же тройственность, что исследовал великий Владимир Яковлевич Пропп и чьи монографии особенно глубоко-

ко меня впечатлили, чьи труды трепетно держала в руках долгими часами в библиотеке имени Горького). Наглядно ретроспекция такова:

– расследование уголовных дел (лейтенант) – эпоха романтизма, с преобладанием пафоса борьбы и протеста. Настоящие сильные чувства и фееричные фантазии щедро рождались в то время в глубине моей экзальтированной души.

– отдел кадров (майор) – эпоха «нового времени», где комфортно моему духовному миру, где создаются условия для свободной жизнедеятельности и приветствуется проявление личностного «я». Время процветания и культа личного достоинства, личных деловых качеств. Время пиковой активности, энергичности, желания жить и служить на благо любимого Отечества (искренне и гордо – офицеры России!).

– штаб Главного управления (подполковник) – начальный этап средневековья. Переживание смутного времени нестабильности и раздробленности, населенное бесами, ведьмами и прочей нечистью. Тяжёлое время тьмы, глухой необразованности, некомпетентности и повсеместного вульгаризма. Время, где остаются непотребными личные суждения и собственные мнения, становятся ненужными творчество, энергичность, интеллект и индивидуальность. Смутное время существования биологических винтиков.

По моим субъективным чувствам и ощущениям, с которыми служу и живу, ежедневно анализируя ситуацию и рефлексирю одновременно, будучи образованным и интеллигентным человеком, отчетливо вижу: история МВД России проживает путь в обратную сторону от общеисторического пути развития. Критиковать детально силовое ведомство МВД России не собираюсь (уверена, руководители и начальники сами разберутся).

И чтобы окончательно не свалиться в первобытнообщинный строй, куда нещадно несет мощную машину МВД России (сугубо личное мнение!), вынашиваю личное решение – заслуженная пенсия (слава Вселенной – есть такое право!).

Мечта жизни – стать Учителем в принципе была осуществлена, но, к сожалению, не воплощена в моей Судьбе. События повернулись так, а не иначе. Но уверена – все еще будет! Ведь со мной навсегда мой Университет и вообще... жизнь после 40 только начинается...

Раздел II. Слово и жизнь

Л. Гидулянова,
выпускница 1968 г.

«Из отрочества я...»

*«Храни нас, Господи, храни –
мы в этом мире без брони...»*

Л. Миллер

...Был, кажется, какой-то праздник. А может быть, так просто позвонила я Нине Евгеньевне Васильевой и в который раз порадовалась ее голосу, звонкому, молодому, совсем не изменившемуся с моих студенческих лет. Нина Евгеньевна сообщила, что филологи университета готовят к столетию юбилейный сборник и предложила в нем поучаствовать. Я с радостью согласилась, и на меня нахлынули воспоминания...

Молодость, друзья, университет, Пермь... Я родилась, выросла, вышла замуж, окончила университет, родила сына – все это в Перми. Было, правда, двухлетнее отлучение от этого города: папу послали работать во Львов, мне исполнилось тогда пять лет. Я помню красивые парки, где мы гуляли с няней, и елку: мы ее наряжаем, а за окном – дождь. В красивом украинском городе я так часто болела ангиной, что профессор, задумчиво на меня глядя, сказал маме: «У вас еще будут дети... Впрочем, попробуйте уехать обратно на Урал...». И родители вернулись в Пермь. Я тут же прекратила болеть и отправилась в школу. К этому же времени относится знакомство мое с Линой Кертман, и длится оно уже более 60-ти лет. Папа мой учился с родителями Лины в Киевском университете и, узнав, что они вовсе не по своему желанию оказались в Перми, разыскал их. Мы ездили к Кертманам в гости в общежитие, где они жили, а если кто-то из них болел, брали с собой маму. Она была замечательным врачом, и я хотела врачом стать, и по сей день жалею, что не стала. Мама утверждала, что была бы я прекрасным диагностом, но... здесь самое время написать, что победила любовь к литературе, что было бы неправдой. Все проще: во-первых, я не умела «зубрить», а во-вторых... во-вторых, я рано обнаружила, что больные почему-то не пахнут «шанелью № 5»... И так как литературу я очень любила, то и поступила в ПГУ, на филфак.

...В том году, когда пошла я в школу, мы с родителями в августе поехали в дом отдыха «Красные ключи» (Боже мой, помню название!). Там познакомилась я с мальчиком, звали его Коля, он был старше меня на целый год и был влюблен в меня. Я же смотрела на него сверху вниз (вообще-то снизу, но все равно – сверху!) и забыла эту «историю», уехав в Пермь...

Итак, первый университетский бал! Честное слово – бал! Линка Кертман его не помнит, а я... Мы, первокурсницы, стоим стайкой и поглядываем с надеждой на редких на филфаке мальчиков. И вдруг идет через весь зал в нашу сторону высокий светловолосый юноша, подходит ко мне и приглашает на вальс! Танцуем – и: «Люда?! Ты не помнишь меня? “Красные ключи” – 10 лет назад...» Коля – уже второкурсник, работал в приемной комиссии, увидел мою фотографию, фамилию он помнил... Так началась студенческая жизнь...

Читая воспоминания Лины Кертман, я обратила внимание на фразу: «Моя студенческая жизнь была омрачена тем, что являлась я профессорской дочкой...». А моя – неоправданно ранним (в 19 лет!) замужеством. Впрочем, оправданным именно возрастом: «высок, хорош собою», Карпов внешне похож был и на Григория Мелехова (а позже – на Будулая) и даже происходил из донских казаков. Как ни странно, брак этот длился долго и официально распался, когда в 1990 г. мы с сыном уезжали в Израиль.

Но впереди еще первый курс, ежедневные поездки в университет через Каму на речном трамвайчике, где и состоялась судьбоносная встреча с донским казаком, или на электричке, или общежитие, где нас в комнате восемь девчонок... Среди нас – Надя Потапова, очень красивая девочка из Нытвы. Родители ее были партийными работниками, очень строгие, требовательные. Однажды в субботу вечером, вернувшись из дома, Надя позвонила родителям и, сообщив, что благополучно доехала, добавила: «В комнате такой бардак!». Порядка в общежитии действительно было мало, но уже через пару часов родители Нади, взъерошенные, растерянные, стояли в комнате. Растерялась и Надя. «Вы? Почему?» «Но ты же сказала – бардак...».

Впереди – лекции и семинары – это на семинаре у Нины Евгеньевны Васильевой мы впервые задумались о том, что горьковский Лука не так уж плох, а Сатин «инстинктивно благороден»... Но уже тогда – тоже инстинктивно – я начала понимать (а сейчас, слушая Д. Быкова, окончательно убедилась), что о литературе нужно говорить так, как делает это Быков и иже с ним, а мое – это язык. И диплом мой был посвящен словарю Мамина-Сибиряка...

Но диплом в далеком будущем, а пока я стою перед списком получивших за 2-й курс стипендию и в который раз (уже с отчаянием!) перечитываю:

Воронина С.
Бибнева О.
Виноградова Г.
Потапова Н.
Гусев В.
Карпова Л.
Маркин В.

.....

Меня в списке нет! Почему? Почему? Ведь я хорошо училась! Я на повышенную надеялась – это около 40 рублей!

Воронина С.
Бибнева О.

.....

Карпова Л.

А кто это Карпова? Новенькая? Да ведь это я – Карпова! Вот – Карпова Л.! А я безуспешно искала – Ланцберг! Эту фамилию своего деда носят в Израиле мой сын и его дети, только пишется она сейчас Ландсберг – правильно...

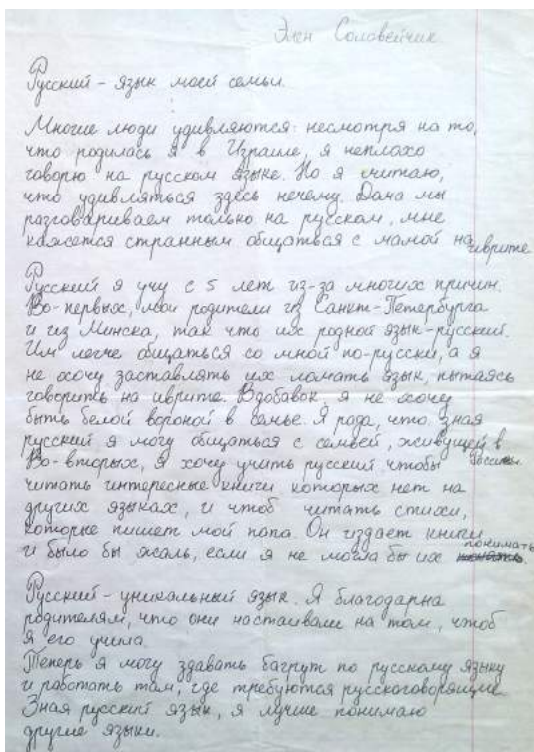
В сентябре мы едем «на картошку» в деревню Мостовую, живем в деревенских избах по 3-4 человека в избе. Я, Геля Виноградова (она живет в Питере, всю жизнь проработала в «Салтыковке») и Лина Кертман – вместе. Лина наотрез отказывается пить парное молоко, и мы с Галей, коварно называя его топленным, подсовываем то же парное. Линка пьет с удовольствием и говорит: «Вот это другое дело!»

Картошка нас уже преследует, и мы сочиняем в ее честь гимн: «Картошка, картошка, картошка, ты везде! Ты создана для нашего мученья... Ты дома, и в поле, в котле, и в борозде, и даже ты в наших сновиденьях»

А летом мы отправляемся с Ритой Спивак в диалектологическую экспедицию, на север, в забытые Богом деревни, слушаем песни и сказания(!) бабушек, спим на сеновалах, а потом везут нас на грузовике в какое-то село, а там есть пристань, куда подходит старенький теплоход, забирает нас, а на теплоходе – молодой штурман – друг моего мужа... Но семейные заботы отнимали время и силы (муж тоже учился и работал), я даже взяла академический отпуск и работала в библиотеке. Заканчивала университет, учась на вечернем отделении, уже, конечно, не со своей группой. Хорошо помню педагогическую практику, которую я проходила в вечерней школе в Свердловском районе Перми.

Ученики старше меня, относятся трогательно, а в тот вечер, когда на урок приходят мои университетские преподаватели, болеют за меня, волнуются, кажется, не меньше, чем я. Тема урока – Некрасов, «Железная дорога». Огромный том – весь в закладках – на столе, как спасательный круг, я, тощая, перепуганная, то и дело к нему прикасаюсь. Звонок! Начинаю – и через 2 минуты в школе гаснет свет! Знаю – по опыту – это может быть надолго! В классе такая тишина – кажется, что ученики не дышат! И я – неожиданно для себя, трусихи – продолжаю урок! Вначале дрожащим голосом, потом – все увереннее: материал-то я знала наизусть, и темнота крошечная не мешала мне, а только помогала читать стихи Некрасова... Конечно, я получила пятерку, думаю, за храбрость – тоже! А как аплодировали мне мои ученики! Свет включили за минуту до звонка.

Я была свободна от распределения, и меня взяли на работу в ППИ на заочное отделение – методистом. Никакие университетские знания там были не нужны, и я откровенно скучала. Утешали только вступительные экзамены в «Политехе», в которых я принимала участие. И во время этих экзаменов я попала на глаза Бельской Людмиле Михайловне – завкафедрой иностранных языков. И – о чудо! – она пригласила меня работать на кафедру ассистентом – преподавать русский как иностранный тем студентам, для которых русский не был родным. Этим я и занимаюсь по сей день. С тех пор я работала на кафедре – вплоть до отъезда в Израиль. Но отъезд еще не скоро, а пока – в 1972 г. – у меня родился сын. Я безумно хотела сына,

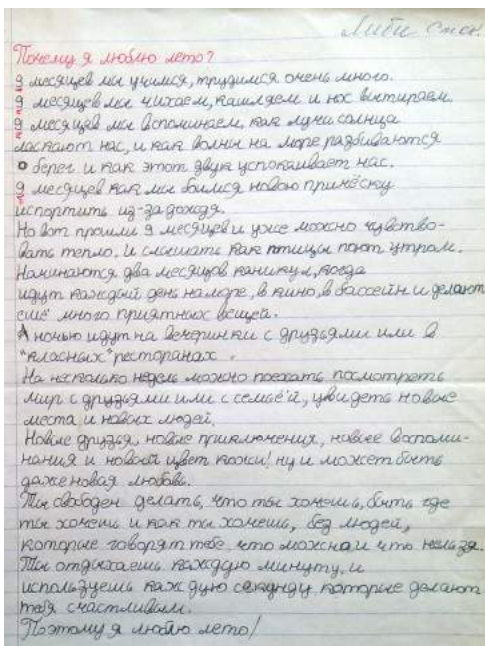

все, кто прочили мне дочь, автоматически переходили в стан врагов. Я назвала его Илейей, и по-прежнему считаю это имя самым красивым на свете. Я уже работаю на кафедре старшим преподавателем, а еще преподаю русский язык в институте культуры на библиотечном факультете. У меня есть дом – не такой, как мечталось, но – дом на пригорке, а внизу наш драмтеатр... Сыну было 7 лет, когда у меня внезапно и оттого особенно страшно в возрасте 65 лет умер отец...

В августе этого же года я работала в приемной комиссии института культуры. И в те августовские дни неожиданно «грнул гром»: очередное сочинение оказалось слабым, беспомощным, с многочисленными ошибками. Моя коллега Зина Немировская ставит двойку, я подписываю. Все как обычно. А через 2 недели – огромная, во весь лист, статья в «Советской России» (!) «Почему не повезло абитуриенту...» Автор – Огурцов – да, Огурцов! Первые строчки – цитата из письма в редакцию абитуриентки: «Дорогая наша заступница и защитница “Советская Россия”!» А дальше – все в лучших традициях того милого времени...

Когда я в том далеком августе выходила на улицу, мне казалось, что каждый второй встречный вот-вот спросит меня: «Почему не повезло абитуриенту?» Сочинение отдали на рецензию вначале в пединститут – там подтвердили двойку. Но, опасаясь гнева Огурцова, послали после этого еще и в университет. Тогдашний декан Власов, изначально и навсегда перепуганный, сразу отказался защищать нас, своих выпускниц (и не он один!) и, кабы чего не вышло, предложил поставить... четверку, подписывая приговор нам с Зиной...

Мы бросились к Нине Евгеньевне Васильевой и к Соломону Юрье-

вичу Аддиванкину. Они прочли сочинение, обнаружили еще несколько ошибок, подтвердили двойку и предложили компромисс – «три».

Мне повезло: моя завкафедрой Тамара Сергеевна Серова сразу объявила всем, что она не меняет свое мнение о преподавателе с выходом очередного номера газеты, а мой декан, заходя в группы, где я преподавала, как бы невзначай рассказывал студентам, какой требовательный я преподаватель...

А еще через год в той же «Советской России» появилась статья, уничтожившая и самого Огурцова: приводились примеры совершенно несправедливых его разоблачений – и, как следствие, увольнений, инфарктов и даже смертей его жертв. Я бегала с этой статьей по всем этажам политехнического и, конечно, сразу примчался к Нине Евгеньевне Васильевой... Так закончилось «дело филологов». В те времена подобные дела случались часто и не вызывали удивления. Но те, кого они втягивали в свою орбиту, платили за них дорогой ценой: здоровьем, нервами, карьерой. Я выжила...

Еще учась в 10-м классе, сын начал вести разговоры об отъезде. Это не было громом – время было самое «отъездное», уже уехала племянница, уезжали многие знакомые и хорошо знакомые люди. Но – я? У меня здесь все, все, без чего действительно «на свете жить нельзя!» Но жить с сыном в разных странах нельзя было априори...

Я не очень отчетливо помню то время: сборы, какие-то бесчисленные документы, лишение (за что?) гражданства, проводы... Как в жутком сне, где «воздух мира выпит». 13

Элла Уресса, 5/10/15

Мой приз, который я получила от рождения

Наверное, когда я только родилась я не знала, как мне повезло. Может быть, только, что я получила самый большой приз, который я могла получить – это моя любимая семья.

Конечно, сейчас не выбирают. У меня предчувствие, что премия я получила своего ангела-хранителя.

Не хочется мне заглядывать в будущее, но семья у меня лучшая в мире. Я восхищаюсь ими. Они сильные люди, которые не сдаются. А они были такими. В моей семье каждое поколение начинало жизнь с нуля. Мои прабабушка и прадедушка, выжив в голод, вернувшись в свой дом и увидели, что он пуст. Сегодня, узнав что они живы, обитро прабабушка и прадедушка и бабушка оставили на Украине и Беларуси все приехали в Израиль без денег, без имущества. Приехали, потому что не могли терпеть больше антисемитизм. Приехали с моими будущими родителями. Я не представляю, как можно жить и оставить все позади и начать жизнь без ничего. Без друзей, без семьи, без денег? Но мои друзья с друзьями. Писал к маме, регулярно работая и веря в будущее.

Надеюсь, что брату и мне не придется повторить их путь, а папа я благодарна судьбе, что я родилась здесь и в этой семье.

сентября 1990 г. мы улетели: с двумя чемоданами и 150 долларами в карманах; летели через Варшаву, где нас встречали (охраняли, как оказалось) солдаты с автоматами и овчарками. И зрелище, и ощущение – трудно передать! А утром мы приземлились в Израиле. Вышли из самолета – и как будто в гигантской духовке очутились. Ни с цветами, ни с флажками нас не встречали – самолеты, полные репатриантов («возвратившихся»), садились один за другим... Это сейчас – прилетит самолет – и музыка, и цветы, и флажки, а тогда кормили в аэропорту бутербродами – бесплатно и досыта, и на такси бесплатно же везли по указанному адресу... Мы поселились в Раанане, здесь уже жила моя сестра, тетя, племянница с семьей: это один из самых достойных, красивых, чистых (по израильским меркам) городов Израиля. Я по-прежнему живу здесь. Из всех чувств, охватывавших меня в то первое время, – растерянность, растерянность – и отчаяние... Кто-то (и многие!) говорит об эйфории, его (их) охватившей. Ни минуты, ни часа, ни дня я ее не ощущала. И – не ощущаю!

Сын учился в ульпане в киббуце (ульпан – класс, где учат ивриту, киббуц – израильский почти колхоз, где были программы по обучению языку – и не только) и радовался всему, что его окружало. Я учила язык в ульпане в Раанане, новые знакомства, даже работа уже была: я встречала из школы девочку – «русскую» – папа из Москвы, мама из Питера, и, накормив ее, учила с ней русский язык. Как она стеснялась, когда я говорила с ней на улице по-русски! Но я была непреклонна (впрочем, и выбора у меня не было!). Недавно я ее встретила. Она закончила университет в Иерусалиме по специальности «Русская филология», работает переводчицей (иврит – русский – английский), я напомнила ей, как она стеснялась и меня, и русского языка. Но это – тогда, сейчас нас здесь больше миллиона, кого удивит русский?

Вскоре после нашего приезда началась война в Персидском заливе, мы всюду носили с собой противогазы, – именно носили, надевать их смысла не было, и они очень портили прическу и вздрагивали первое время от воя сирен. Первое время – потом привыкли и только досадовали: ну сколько она может выть? Интересно, что на свадьбу к моему сыну все пришли с противогазами – в этот день Ирак в очередной раз собирался бомбить Израиль, и мы беспокоились, что гости не придут, но пришли все, а противогазы висели на стульях в качестве украшения...

Прошел год жестокой ностальгии, когда хотелось пешком, босиком, по морю аки по суше – в Пермь, в Пермь, в Пермь... Год сожалений, тревог, страха – перед будущим, настоящим, безработицы, бездомности и прочих «без», ведущих к депрессии. Но – сын, который

легко и с удовольствием вписывался в эту жизнь, и мой будущий муж, приехавший из Москвы и радующийся мне и всему, что его здесь окружало. В это же время стали организовываться в Израиле русские школы (образование здесь очень среднее), и наряду с физикой и математикой родители хотели, чтобы их дети не забыли русский язык. Я попала в одну из таких школ. Многие школы прекратили свое существование, наша вот уже 23 года «объявляет прием учащихся». Я считаюсь одной из первых ее создателей и с самого начала преподаю в ней русский язык от нулевого по 12-й классы. Так я вернулась к своей профессии.

Я по-прежнему вхожу в класс (в «аудиторию», как я привычно произношу). У меня 7-8 подготовок. Самый трудный – подготовительный – нулевой – с ними надо играть, а вот этого я не умею, поэтому сдабриваю свои уроки веселыми стихами и сказками. Дети «дышат» ивритом, поэтому многие слова просто изымаю, к некоторым подбираю синонимы, а «Сказку о потерянном времени» Шварца просто переписала, убрав «ситный с изюмом», «вторую четверть» и прочие «непонятности». Долго и упорно объясняла, что такое отчество, привлекая к этой нелегкой работе бабушек...

Но как радостно, когда дети – эти уже израильские дети, это «племя молодое» и абсолютно «незнакомое» – начинают читать по-русски! В израильских школах не учат стихов – не учат вообще! А мои с удовольствием декламируют – вначале, как барабанщики, потом – вникая в смысл написанного... А с каким умилением смотрят на них, читающих стихи, мамы и бабушки – особенно, конечно, бабушки – многие мамы выросли уже здесь. Для «подготовишек» я даже составила пособие, по которому они учат и буквы, и первые стихи. Если бы не моя любимая работа, не знаю, продолжился ли бы мой роман с Израилем 25 лет – до серебряной свадьбы! После смерти мужа в 1998 году (опять страшно внезапной – в возрасте 58 лет) мне очень хотелось вернуться – домой! Особенно остро тогда ощущалось это состояние: «Будто я переломан, раздвоившийся весь, не в гостях, и не дома, и не там, и не здесь...» Но... сын здесь, здесь родились мои внуки Шон и Тали – они «сабры», т.е. настоящие израильтяне – первые сабры в нашей семье. Они смешно говорят по-русски, переводя с иврита, старший читает, младшая учится читать в моей школе по бабушкиному пособию... Сын служил здесь в армии, до сих пор каждый год ходит на военные сборы и вообще «под собою чует страну».

Здесь похоронен мой муж, он очень любил Израиль. И уже очевидно, что страна, в которую я когда-то приехала, перестает быть чужой. Дома (квартиры) у меня здесь нет и уже не будет. Но на «госпи-

таль или казарму» квартира моя не похожа: я живу в ней 23 года (мне очень повезло!), и она приобрела мои черты. А еще утешают стихи любимой мною Сары Погреб: «Что жилье? Ведь мы все в этом мире проживаем на съемной квартире! В нас стреляют, прицелясь, как в тире... Жизнь опасна... Но – как хороша!» Из той же Сары Погреб – строчки, с которыми я внутренне не расстаюсь:

Из той поры внезапностей и преувеличений,
Где каждый может быть в эскизе гений...

.....
И как ни вырастает человек,
Он до себя того не дорастает.

Так случилось и у меня. Проходит жизнь, сменилась страна, русская школа в Раанане, ее дети – мои дети, новый – другой – воздух, все другое, но отрочество мое – это лучшее, что было в жизни: Пермь, университет, друзья, «и мама молодая, и отец живой». Ни к чему из того мира вернуться нельзя, и «до себя того не дорастаю».

Израиль. Раанана. 2016 г.

Приложение.

Из работ моих учеников:

«Она (подруга) дружелюбимая и высоконогая»

«Мой любимый предмет в доме»: «Моя новая кровать большая и распространенная».

Антонимы: «сухой прием – беседный прием».

Рассказ о детях, которые пошли летом в лес, а там их застал дождь. Нужно придумать название. «Странное лето». «Лия, почему странное?» «А разве летом бывает дождь?» Мой внук Шон подписывает свою работу: «Шон-внук». «Шон, что это?» «Бабушка, фамилию Ландсберг по-русски писать долго!» И три сочинения моих взрослых учениц, которые будут сдавать русский язык на аттестат зрелости («багрут») в качестве второго иностранного языка (первый – английский, иврит, разумеется, родной). Все они родились в Израиле.

Ошибки я, конечно, не исправляла.

Е. Бородина (Масюкова),
выпускница 1968 г.

«В союзе звуков, чувств и дум»

Поступая учиться в Пермский государственный университет на филологический факультет, я не думала, что моя будущая деятельность будет связана не только с литературой, но и с другими видами искусства. Однако жизнь распорядилась так, что самые счастливые – студенческие – годы я пела в ансамбле «Бригантина», а затем началась работа в Пермском музыкальном училище, где я тружусь уже 45 лет. Причем, на определенном этапе своей педагогической деятельности мне пришлось снова сесть за парту и освоить новый предмет – историю мировой художественной культуры.

Было сложно? Да! Как и многие преподаватели, я начинала с нуля. Переподготовка в Ленинградском государственном университете (лекции ведущих искусствоведов России, практические занятия в Эрмитаже и Русском музее) придала мне уверенность.

Вернувшись в Пермь, я прежде всего занялась подготовкой к занятиям со студентами: приобретала видеofilмы, слайды, альбомы по искусству, иллюстративный материал по темам уроков. С этого и началась работа – объемная, кропотливая, но очень интересная.

Учебников не было, и я писала развернутые лекции, конспекты, разрабатывала тесты, викторины, карточки для индивидуальной работы. Постепенно накапливался материал, приходил опыт, и студенты с огромным интересом занимались на уроках.

К тому же была «палочка-выручалочка» – Пермская художественная галерея, где наши талантливые искусствоведы и экскурсоводы проводили тематические лекции, встречи за «круглым столом», на которых обсуждались интересные темы («Путь картины в галерею», «Как установить подлинность картины» и многие другие).

На курсах в Ленинградском университете предусматривался зачет по теоретической или практической работе в музее. Я выбрала практическую работу, этот метод потом использовала на экзаменах в колледже.

Так как параллельно с историей мировой художественной культуры я преподавала литературу, у меня возникла идея организации клуба с многозначительным названием «Синтез». Эпиграфом к работе клуба стали пушкинские строки – «...В союзе звуков, чувств и дум». Так студенты получили возможность проявить свои способности не только в музыке, но и в литературе, искусстве.

Сразу хочу сказать, что толчок к созданию клуба был дан на фил-факе, с огромной благодарностью вспоминаю своих педагогов: Р. В. Комину, С. Я. Фрадкину, А. А. Бельского, Е. О. Преображенскую, А. Ф. Любимову и других. Каждая лекция была праздником. Мы получали не только знания, но главное – опыт человеческого общения. Эти замечательные специалисты развивали наши души, сердца, духовно обогащая их.

Я специализировалась по зарубежной литературе. Поскольку изучала испанский язык, то тема моей дипломной работы была по творчеству испанского писателя Х. Гойтисоло. Надо отметить, что университет имел возможность отправить группу студентов на специализацию в МГУ, где мы работали в библиотеке университета.

Отношения с нашими преподавателями были очень демократичными, но при этом нам было стыдно идти неподготовленными на экзамен к таким корифеям. Учиться у этих специалистов было счастьем!

Вспоминаю замечательные строки Федора Тютчева: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». И оно отозвалось в наших сердцах настолько глубоко, что возникло огромное желание сохранить и передать полученные знания уже своим студентам.

Кружок «Синтез» в Пермском музыкальном училище (сейчас – колледж) существует уже более двадцати лет, и тематика занятий – самая разнообразная. К примеру, «Импрессионизм в поэзии, живописи и музыке», «М. Чюрленис – композитор и художник».

Не ограничиваясь просветительской деятельностью, я старалась привлечь студентов к самостоятельной творческой работе. Так, в колледже был объявлен конкурс сценариев на тему «Женские образы в западноевропейском искусстве». Я смонтировала фильм о замечательных женских образах, которые создали великие художники, начиная с эпохи Возрождения и заканчивая импрессионистами. Одна группа студентов рассказывала об истории создания шедевров, другая читала сонеты Петрарки, Микеланджело, стихи поэтов серебряного века, а третья – исполняла произведения Грига, Шопена... Итогом этого заседания клуба прозвучал гимн женщине – «Аве Мария» Баха.

Интересным было заседание кружка, посвященное 125-летию Осипа Мандельштама «Чтобы вырвать век из плена». Студенты читали воспоминания о поэте, его стихи, но чего-то не хватало, и тогда мы включили музыку Шопена, а потом Бетховена – и все изменилось. Мы почувствовали трагизм судьбы поэта! И текст, и музыка так слились воедино, что слезы подступали к горлу!

В сценарий был включен отрывок из рассказа В. Шаламова «Шерри Бренди» и письмо жены поэта Надежды Мандельштам в

ссылку. Она ничего не знала о муже, жив ли он? Но письмо, глубокое и пронзительное, полное нежности и любви. Это – письмо-реквием. Но это – и любовное письмо. Одно из самых потрясающих в мировой эпистолярной литературе любовных писем. На фоне этого текста звучала музыка Л. Десятникова «Колокольчики», и сразу у студентов возникли ассоциации с женами декабристов. Кстати, было у нас и заседание кружка «Их имена забыться не должны» – о женах декабристов...

Может, это прозвучит пафосно, но я вспоминаю слова Пьера Безухова из романа Льва Толстого «Война и мир»: «Это все мое – это все во мне». Уверена, память об участии в работе клуба останется у студентов надолго, останется в их сердцах. Главное – не растерять!

А тогда, после заседания клуба, посвященного О. Мандельштаму, у студентов возникло желание выступить с этой композицией где-то еще. Как будто они хотели поделиться своими чувствами и эмоциями, которые испытали сами. А это значит, моя работа оказалась не напрасной! И мы выступили в хореографическом училище, библиотеке имени Горького, Доме учителя (это наши постоянные концертные площадки, куда нас всегда зовут и где нас ждут).

Одно из самых удачных выступлений клуба – «Благодарим, волшебница!». Это заседание мы посвятили певицам 19-го века А. Бозио, П. Виардо, М. Славиной, Л. Андреевой-Дельмас, Н. Обуховой. Звучали воспоминания современников об этих певицах, стихи, посвященные им. Ярким было выступление студентов вокального отделения, которые исполнили арии из репертуара этих певиц. Но для меня стало неожиданностью, что публика более восторженно принимала поэзию. Например, стихотворение Я. Полонского «Ивану Сергеевичу Тургеневу», в котором он рассказывает о том, как Тургенев слушает Полину Виардо... Поэзия и пейзаж очень тесно связаны. Художникам всегда удавалось передать миг, когда распускается цветок, всходят травы, лопнула почка, запел соловей. «Люблю я пышное природы увяданье» – эта тема очередного заседания клуба «Синтез» была посвящена Исааку Левитану. Звучали стихи известных поэтов, звучала музыка Чайковского, Глинки. Поэзия и музыка помогали почувствовать настроение полотен Левитана.

Наблюдая за работой студентов, мне удалось привить им глубокий интерес к исследовательской работе по истории мировой культуры. Некоторым студентам я посоветовала поступить в Свердловский университет на культурологическое отделение. Закончив университет, они работают по специальности, а Д. Руднева даже защитила кандидатскую диссертацию и работает в школе искусств № 13.

Тематика кружковой работы имеет свои особенности, и связано это с будущей профессией студентов. Традиционными стали темы «Марина Цветаева и музыка», «Пастернак и музыка», «Сергей Есенин и музыка», «Блок и музыка»... В ходе изучения романа Льва Толстого «Война и мир» я обязательно провожу специальный урок, посвященный музыкальным страницам романа. Студенты делают сообщения о музыкальных пристрастиях и вкусах Толстого, музыкальных вечерах, которые часто устраивались в доме писателя; звучит вальс, который написал Толстой. Мы читаем страницы романа, связанные с музыкой, дается комментарий к этим сценам, используются кадры из кинофильма фильма «Война и мир». Студенты делают вывод, что музыка, как и Наташа Ростова, объединяет всех положительных героев романа... Выпускница нашего колледжа Светлана Кузнецова, которая затем училась на филологическом факультете Пермского государственного университета, писала дипломную работу по этой теме. Кроме кружковой деятельности, наши студенты участвуют в городских и краевых конкурсах. Так, в 2010 году впервые на базе нашего колледжа состоялся городской конкурс самодельных поэтов. Назывался он «Откуда вы приходите, слова?». Первое место заняла наша студентка Е. Гладких. В краевом конкурсе, посвященном 250-летию Эрмитажа, мы заняли третье место. Почетную грамоту получила студентка струнного отделения А. Мастюкова.

В 2015 году в колледже была проведена городская конференция «Поклонимся великим тем годам» (по произведениям современных писателей), посвященная 70-летию Великой Победы. Проблема, которую мы обозначили, – «Поведение человека на войне».

Конференция превратилась в дискуссию. И это радовало. Студенты высказывали самые разные точки зрения. Особый интерес вызвали произведения В. Быкова «Знак беды» и «Сотников». Я рассказала о фильме Л. Шепитко «Восхождение» и задала вопрос: «Почему режиссер так назвала свой фильм?». Вывод был однозначным. В экстремальных условиях войны все скрытое в человеке обнажается: один становится героем, а другой предателем... Война испытывает человека не только на прочность, но и на подлинность: в кризисной ситуации он как бы восходит к себе настоящему, сбрасывая все вторичное и наносное, оставаясь один на один со своей подлинной сущностью. Восхождение Сотникова и Рыбака в испытании войной оказались разными...

Потом участники конференции читали стихи своих любимых поэтов о войне.

Война – она коснулась почти каждую семью. Я задала себе вопрос: «А что бы написали сегодняшние студенты дедам и прадедам на

фронт?». И объявила конкурс сочинений «Письмо деду в 45-й год». Сочинения были полны благодарности за победу и за мир на земле. Вот некоторые строки из них:

«Дедушка, ты погиб, защищая город Сталинград. Но я прикасаюсь к памятнику на Мамаевом кургане, чувствуя тепло твоего сердца. Спасибо тебе за мир на этой земле» (В. Беляков).

«Война – это страшно. Но бойцы сознательно шли на верную смерть, приближая победу. Дедушка... Скоро наступит твой день – 9 мая. И все скажут, что ты именно тот, кто отдал жизнь ради других. Я опускаю это письмо в почтовый ящик мира. Дойдет ли оно? Мое сердце верит: письмо дойдет» (Н. Маишева).

«Милый дедушка, снова пишу я тебе.
Через время и боль, через беды.
Что пережил ты в этой страшной войне?
Расскажи, как ты встретил Победу.
Сталинградская битва... Гранаты гудят,
Будто пчел переполненный улей...
Потерял всех друзей ты в жестких боях,
Сам был ранен немецкою пулей.

Расскажи, как ты видел однажды во сне
Милый дом родной, маму и сына...
Как тебе удалось в той кровавой войне
Невредимым дойти до Берлина?

Расскажи, как с войны ты вернулся домой,
Обнял маму и милого сына...
Я люблю тебя, дедушка!
А за покой и за мирное небо – СПАСИБО!!!»

(Анастасия Мастокова)

Вот такое единение поколений! Именно такие чувства я испытывала, когда со студентами ходила в Пермский театр юного зрителя на спектакль Алексея Дударева «Не покидай меня». Закончился спектакль, мы вышли на улицу, студенты окружили меня, и никто не хотел расходиться. Я почувствовала, что им нужно выговориться – именно сейчас, не завтра, а именно сейчас! Я видела, как их переполняли эмоции, ведь они прожили вместе с героями спектакля три часа. И потом они заговорили – искренне, эмоционально (вот так и происходит еди-

нение поколений)! И такая была в их словах сила патриотизма! Это дорогого стоит!

Я горжусь новым поколением и верю в него! Можно еще немало рассказать о своей работе в клубе «Синтез», о своих студентах. Спустя годы, я слышу слова огромной благодарности от выпускников, которые связали жизнь с искусством. Многие из них, приходя в колледж, благодарят за то, что я научила их не только любить искусство, но узнавать и понимать мировые шедевры.

В заключение хочется привести шутовское четверостишие, которое сочинили студенты про клуб «Синтез»:

«Синтез – это здорово,

Синтез – это класс,

Синтез – это лучшее, что есть у нас!».

И. Габараева,

преподаватель русского языка и литературы

в школе № 17 г. Владикавказа,

выпускница 1989 г.

Божественного вмешательства не существует...

...Итак, божественного вмешательства не существует. Следовательно, нам остается только жизнь, такая, какой мы, в силу своих возможностей, сделали ее сами. Жизнь нужно по мере сил, входя без надежды в железное сердце Города, претерпевать. И снова выходить в слепой, соленый, темный океан.

Пройдут годы, и эти слова Джона Фаулза, по произведениям которого я писала дипломную работу на кафедре зарубежной литературы, станут моим жизненным девизом. Но, покидая Пермь после окончания университета, ни о каких трудностях жизни не хотелось думать. Правда, прощаясь с друзьями перед отлетом домой, я испытывала противоречивые чувства: с одной стороны, возвращалась к родным, друзьям, к теплу – «хорошо, что есть на свете это счастье – путь домой», с другой – было очень грустно расставаться с городом, который успел стать для меня родным, с его жителями, всегда готовыми помочь, с красавицей Камой, которую я так полюбила, что успела даже поработать пару сезонов на лесосплаве в составе студенческого стройотряда с поэтическим названием «Ассоль». Наконец, за пять лет пребывания в Перми у меня появилось много близких людей, с которыми совсем нелегко было разлучаться.

В годы учебы меня часто спрашивали: «А почему ты выбрала именно этот университет?» Сейчас многие знакомые формулируют тот же вопрос несколько иначе: «Как тебя занесло на Урал?» И тогда, и теперь мой ответ не меняется: наверное, так было угодно Богу. Но ведь божественного вмешательства не существует... На самом деле поступать в Пермский университет мне посоветовала моя любимая учительница, как будто предчувствовала, что именно здесь судьба сведет меня с такими талантливыми и замечательными людьми, как мои однокурсники и преподаватели. Уже в «колхозе» чувствовалась творческая атмосфера: по ночам перед сном мы читали любимые стихи, обсуждали новинки кино, даже выяснили с помощью одного из преподавателей, что осточертевшая нам морковь по-японски – «халюлэси», и кто-то сочинил по этому поводу веселые частушки. Поначалу я подружилась с девчонками из группы «Б», они взяли надо мной шефство, одели и обули меня по возвращении из колхоза. Я, никогда не знавшая, что такое головной убор зимой, а тем более валенки, думала, что зима настанет строго по графику – не раньше декабря, и приехала без теплых вещей. Пока они добирались посылкой, ходила в пальто соседки – однокурсницы и в валенках добрейшей Инны Валентиновны Сальниковой, у которой прожила весь первый курс. Она стала моим добрым ангелом-хранителем и чутким наставником в первый год пребывания в чужом городе. Жили мы душа в душу, прямо как герои рассказа Шукшина «Космос, нервная система и шмат сала» – по вечерам она печатала обычно «шашку», а я под стрекот ее пишущей машинки конспектировала очередной том Ленина к семинару по истории КПСС – и между делом вели душевные разговоры о смысле жизни.

«Группа “А” русисток ищет науки исток» – это строчка из стихотворения, сочиненного прямо на паре одним из наших немногочисленных парней. Ах, до чего же была хороша наша группа «А», состоявшая сплошь из комсомольских, профсоюзных и спортивных активистов! Ни одно интересное дело на факультете не обходилось без участия наших. А исток науки мы искали вроде бы без особого напряжения, но так убедительно, что к окончанию учебного курса студенток с тройками в дипломе можно было пересчитать по пальцам одной руки. Но эти девчонки на практике в школе давали такие зрелые уроки, что приводили в восхищение бывалых учителей. Знаменитый девиз нашей группы: «Если я знаю, то получаю пять, а если – нет, то четыре» опирался на железный фундамент: перед каждым экзаменом еще до прихода преподавателя мы собирались в аудитории и устраивали «ликвидацию неграмотности»: каждый называл свою «ахиллесову пятаку» – вопрос, до которого так и не дошел по разным причинам, и окружающие расска-

зывали все, что знали по данной теме. В худшем случае набиралось на четверку, но чаще – на пять.

Мы заканчивали первый курс, когда началась перестройка, и остальные годы нашей учебы прошли под ее знаком. Слушали хриплый голос Цоя «Мы ждем перемен!» и верили, что перемены не за горами. Правда, никто тогда не предполагал, что не все перемены будут к лучшему. Дух свободы царил на факультете, и мы были ее проводниками и носителями. Свобода выражалась не только в том, что можно было высказывать свои мысли, не опасаясь вызова на факбюро, но и в том, что появилась возможность познакомиться с произведениями литературы и кино, ранее бывшими под запретом. Помню, как передавали друг другу набранный на машинке роман «Мастер и Маргарита», пересказывали в общежитской курилке «Один день Ивана Денисовича», стояли в библиотеке в очереди за «Плахой» Айтматова. Наши педагоги были нам под стать, такие же свободолюбивые и независимые в суждениях. В основном все они использовали не авторитарный, а демократический стиль общения со студентами, который отнюдь не приводил к анархии и беспорядку, наоборот, доверие и уважительное отношение преподавателей накладывали на студентов больше ответственности. Не представляю, как можно было явиться на зачет к Нине Евгеньевне Васильевой домой, не подготовившись должным образом. Или подвести Тамару Ивановну Ерофееву, которая грозила: «Я с вас семь шкур спущу и голыми в Африку пушу!», но при этом всегда отстаивала наши интересы. Именно благодаря поддержке наших педагогов мы прошли через целый ряд «прогрессивных» экспериментов. Сейчас, спустя четверть века, я могу сказать, как же мне несказанно повезло с педагогами и в школе, и в вузе. Перефразируя Горького, утверждаю, что всем хорошим в себе я обязана педагогам, и в своей работе с учениками стараюсь применять то, чему научилась у них в профессиональном и человеческом плане.

Но студенческая пора осталась позади, и я, полная радужных мечт о светлом будущем, наивно полагала, как Гоголь по приезде в Петербург, что мои знания и способности непременно должны пригодиться родине, что рано или поздно найдется такая работа, где смогу в полной мере раскрыть свой филологический талант. Однако настроение моей души и внешнего мира не совпали. Страна, в которой мы родились и чьи идеалы впитали, уже трещала по швам. Вернувшись в Южную Осетию, я застала разгорающийся очаг межнационального конфликта, острую конфронтацию между сторонниками разных партий и течений, бесконечные митинги и шествия. Казалось, что люди, ходившие с нами в одну школу, жившие всю жизнь рядом, в одночасье

просто сошли с ума, как от укуса бешеной собаки, и это было опаснее всего. Это сейчас мы уже ничему не удивляемся, глядя на последствия «цветных революций» в разных регионах, а когда я впервые увидела марш сторонников Гамсахурдия из Западной Грузии в Тбилиси, была просто в шоке – участники марша больше напоминали пациентов сумасшедшего дома. Неужели кто-то пойдет за этими оборванцами и поддержит их безумные идеи? А где же сторонники здравого смысла? Мне, прожившей четыре года в одной комнате с украинкой и белоруской, было трудно понять их националистические и шовинистические лозунги. В том, что я горько ошибалась, пришлось убедиться очень скоро. В ноябре пошла работать учителем, а сразу после Нового года началась война. Первый удар принял на себя мой маленький поселок, находившийся в окружении трех грузинских районов. Моя образованная школа, в которой я когда-то давала первый звонок, стала жертвой «просвещенных» националистов – они ее разгромили. А люди, спасая себя и своих детей, были вынуждены бежать в Северную Осетию.

У нашей памяти есть удивительное свойство: она часто блокирует те воспоминания, которые приносят людям боль и страдания. Вот и моя память старается запихнуть в дальние свои закоулки картины начала девяностых, состоявших из сплошных потерь, настолько горьких, что следующие несколько лет я жила как в тумане. Хотя отчетливо помню и ружья, наставленные на мою семью, и путь в неизвестность через горы по пояс в снегу, и детей, стойко шедших рядом, в заледеневшей от мороза одежде, потерю родного дома, работы и всю боль обид и унижений, которыми наполнено слово «беженец». Но именно в те дни я поняла одну истину: ты можешь уехать далеко от своего факультета, он от тебя – никогда. Филфак своих не бросает. Тогда беженцев было немного, и журналисты из разных стран часто снимали нас, а за интервью их неизменно отправляли ко мне: «Ты порусски правильно говоришь». Вот так мои пермские друзья увидели меня в лагере беженцев на окраине Владикавказа, тут же отправили за мной мужа подруги, которому велели без меня не возвращаться. В Перми мне сразу предложили разные варианты с жильем для всей семьи, с работой, даже обещали восстановить диплом, который я не успела взять, убегая из дома (позже я найду его под грудой тряпья – мародерам он оказался не нужен). Но в то время, когда на родине шли бои и неясно было, что станет с моими близкими, с домом, я не смогла остаться и вернулась во Владикавказ. Потом мои однокурсники еще не раз будут находить меня через различные каналы связи и даже через передачу «Ищу тебя», и после каждого такого случая я мысленно буду повторять: «Друзья мои, прекрасен наш союз!»

Из-за наплыва беженцев во многих школах города пришлось открыть дополнительные классы, учителей не хватало, и я решила временно, пока не закончилась война, поработать здесь, в Северной Осетии. Плутая по улицам и переулкам города в поисках семнадцатой школы, я думала, что обратно дорогу уже не найду, а теперь это мой основной маршрут, по которому могу пройти даже с закрытыми глазами. Первый вопрос, который мне задали при приеме на работу: «Вы не беременны?» До меня уже приняли одну учительницу, но через неделю она сбежала, не знаю, по причине беременности или по какой-то иной. А моя временная работа переросла в такую постоянную, что вот уже двадцать пять лет я в этом коллективе, принявшем меня очень тепло. В первое время было сложно и из-за отсутствия педагогического опыта, и из-за бытовых проблем (жили мы шестером в одной комнате бывшей турбазы, где не было ни отопления, ни горячей воды), но в основном из-за особого контингента классов, где я вела уроки. Рядом с беженцами из Южной Осетии и детьми военнослужащих, переброшенных из разных регионов распавшейся страны, оказались выходцы из внутренних районов Грузии, которые практически не говорили по-русски. Объяснять материал мне приходилось, прибегая к осетинскому языку и бытовому грузинскому. В особо тяжкие моменты на помощь приходили сильные ученики, которые помогали донести мои мысли до своих бедных одноклассников методом трехязычного перевода. Большинство этих детей также жили в лагерях беженцев, родители часто вынуждены были оставлять их одних или на попечение знакомых, решая проблемы с переездом, так что научить их грамотно писать по-русски было трудно. Звали они меня не по имени – отчеству, а универсальным словом «учительница» или его грузинским аналогом «мас». Теперь эти ребята давно выросли, многих судьба разбросала по миру от Германии до Австралии, другие уже привели ко мне своих детей, но в памяти остались их доброта, отзывчивость и беззащитность против суровой действительности.

Постепенно удалось справиться со всеми трудностями, смириться, что возврата к прежней жизни не будет, и обустроиться на новом месте. Только через двенадцать лет мне удалось получить через суд российское гражданство, ведь Южная Осетия все еще оставалась формально частью Грузии. После второй войны 2008 года были проведены границы, и мой родной дом, поскольку находится на правом берегу речки, оказался на грузинской стороне. Теперь, чтобы попасть туда, нужно взять специальное разрешение. Кстати, о событиях той августовской войны рассказывал мой однокурсник, корреспондент НТВ Вадим Фефилов, наверное, даже не подозревая о том, что ходит по

моим родным местам и снимает моих одноклассников и знакомых. Помню, после пережитых событий кто-то спросил: «Эту войну освещали журналисты всего мира, ты ведь тоже могла бы о ней рассказать, почему ты не выбрала журналистику?». Я не знаю, как ответить на этот вопрос. О войне вообще нелегко писать, трудно оставаться объективным, видя кровь и страдания. Это была слишком моя война, слишком многое и многих забрала, чтобы я могла о ней рассказывать беспристрастно. Все, что происходило вокруг: беззаконие властей, беспредел националистов, обманутая вера в государство, предательство бывших друзей – повергло меня в шоковое состояние, из которого выбралась лишь через несколько лет. Когда-то мы читали роман «Записки молодого варшавянина» про вторую мировую войну, мне запомнилась одна фраза: «Я уцелел, но во мне убили сердце». Долгое время мне казалось, что это про меня, а потом я поняла, что лучше руководствоваться словами Фаулза, претерпевать невзгоды и снова жить.

Когда мы были студентами, то пытались предсказать, кем будем лет через пятнадцать. Я себя с трудом представляла в роли обычного школьного учителя, который изо дня в день, из года в год сеет разумное, доброе, вечное, безжалостно вырывая ростки сорняков. Но получилось именно так. Школа моя (кстати, мы с ней ровесницы) расположена в очень поэтическом месте – на высоком левом берегу Терека, воспетого всеми поэтами, побывавшими здесь. Из окон открывается изумительный вид на главный Кавказский хребет, и в ясную погоду видна вершина Казбека. Совсем рядом начинается Военно-Грузинская дорога, по которой проехало столько знаменитых людей. То, что изучается на уроках литературы, имеет непосредственное отношение к истории местности. Улица, на которой стоит школа, носит имя Герцена. Рядом – улицы Гончарова, Грибоедова, Серафимовича, Ушинского, Тургеневская, проспект Коста Хетагурова. На встрече с одним известным краеведом мы узнали, что, оказывается, недалеко от нашей школы живут прямые потомки брата Некрасова. Такое вот литературное место, которое, на мой взгляд, должно располагать к творчеству. При мне в стенах школы вырос один из талантливейших молодых поэтов современной России Чермен Дудаев. Остальные наши воспитанники предпочитают литературе спорт, как и большая часть молодежи Осетии. Очень надеюсь, что кто-нибудь из моих учеников – борцов, входящих в различные сборные страны, обязательно станет олимпийским чемпионом. У моих орлов времени на лирику совсем нет, русскую классику читают урывками между соревнованиями, но с удовольствием слушают рассказы о преподавателях Пермского университета, которые лично знали Гудзенко, Самойлова, Симонова и других поэтов

военной поры и даже учились с ними вместе. А еще я показываю им книги Елены Николаевны Поляковой и Натальи Самойловны Лейтес, каким-то чудом попавшие в школьную библиотеку (я забрала их отсюда и теперь храню в своем кабинете, мне кажется, в гостях у меня им будет уютнее). Таким образом пытаюсь поддерживать связь поколений и переключку с родным университетом.

О. Попова,
выпускница 2001 г.

«Любовь к слову» и «любовь к мудрости»

Поступая в далеком для меня 1996 году на филологический факультет Пермского государственного университета, я даже приблизительно не могла себе представить, как сложится в дальнейшем моя жизнь. И, конечно же, я не могла предположить, что каждую лекцию и каждое практическое занятие буду начинать словами: «Здравствуйте, товарищи курсанты!» и в ответ буду слышать стройное: «Здравия желаем, товарищ преподаватель!». Не думала о том, что большая часть моих учеников будет ужасно владеть русским языком, что для многих из них сдача зачета по дисциплине «Русский язык и культура речи» будет составлять огромную трудность. Совсем не гадала того, что на занятиях, кроме стихов русских поэтов, будут звучать произведения чеченских, дагестанских, осетинских и многих других авторов как на языке оригинала, так и в переводе. Одним словом, я и помыслить не могла о том, что судьба приведет меня в Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, где я преподаю курс «Русский язык и культура речи».

Кстати, того, что я буду преподавателем русского языка и свяжу свою научную деятельность с лингвистикой, я тоже не предполагала, поскольку, выбрав на втором курсе университета специализацию «Русская литература», я оставалась верна ей до окончания учебы и до защиты кандидатской диссертации по литературе конца XIX – начала XX вв.

Моим верным, незаменимым учителем, наставником, критиком и вдохновителем на открытия в мире литературоведения стала Рита Соломоновна Спивак. Рита Соломоновна руководила нашим спецсеминаром и учила нас премудростям литературоведческого анализа, тайнам проникновения в глубины художественного текста. Благодаря Рите Соломоновне мы узнали имена многих выдающихся литературоведов

XX века. Для меня лично большое значение имело знакомство с теорией Бориса Осиповича Кормана, с его методикой субъектно-объектного анализа художественного произведения. На семинаре мы, впервые для меня, подробно говорили об образе автора в художественном тексте, о субъектно-объектной организации произведения. Позднее, при написании дипломной работы и кандидатской диссертации, я не раз обращалась к разработанной Б. О. Корманом методологии анализа текста.

Мы очень любили и любим до сих пор собираться составом нашего спецсеминара в доме Риты Соломоновны, в ее уютной квартире, обсуждать друг с другом нашу жизнь, делиться новостями, рассматривать фотографии подрастающих детишек. Однажды мы подарили Рите Соломоновне большую мягкую игрушку – собаку породы сен-бернар, назвали его Семинаром. И сейчас Семинар каждый раз верно нас ждет и радостно встречает.

Студенческие годы никогда не проходят бесследно. Что-то подзабывается, но многое помнится. Отдельные слова хочу сказать о Владимире Константиновиче Шеншине, который преподавал у нас русскую литературу первой половины XIX века. Перед тем, как мы познакомились с этим преподавателем, нам сказали, что он фронтовик и сейчас очень плохо видит. Меня поразило, как этот человек читал лекции. Владимир Константинович приходил на занятия без всяких опорных конспектов и записей и при этом цитировал большие фрагменты из прозы и поэзии. Мне сейчас сложно сформулировать, чем его лекции пленяли и удерживали меня. В принципе это были одни из немногих пар, которые можно было безболезненно прогуливать, поскольку Владимир Константинович никого не отмечал в журнале. Но у меня никогда не возникало желания пропустить его лекцию. Мне казалось, что он живет миром литературы, о которой говорит, что он с ней на равных и, слушая его, ты тоже попадаешь в этот мир и можешь ощутить его как живой организм. Я сейчас сожалею о том, что ни разу не подошла к Владимиру Константиновичу и не сказала ему слов благодарности. Видимо, в то время у меня еще не было для этого достаточной мудрости и жизненного опыта.

Как уже было отмечено выше, сейчас я преподаю русский язык и культуру речи в Пермском военном институте. Работаю я там пятый год и могу сказать, что в принципе уже адаптировалась к специфике данного учебного заведения. Но поначалу, скажу честно, было нелегко. Первые два-три месяца мне казалось, что я попала совершенно в другую действительность, где царят непостижимые для меня законы и действуют малопонятные мне правила. Потребовалось около полугода, чтобы я освоилась в этом мире и даже начала улыбаться и понемногу

шутить. Теперь я понимаю, что улыбка и шутка – это важный момент в нашем преподавательском деле, потому как они не только помогают найти общий язык с учениками, но и – что очень важно для нашего института – позволяют немного «встряхнуть» курсантов и взбодрить их.

Процесс преподавания русского языка и культуры речи в военном вузе, конечно же, имеет свою специфику. В нашем институте учатся ребята, приехавшие из разных регионов России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, и на занятиях прежде всего приходится учитывать многонациональность курсантской аудитории, включающей не только носителей различных диалектов русского языка, но и тех, для кого русский не является родным и кто нередко практически не владеет его устной и письменной формой.

Однажды была такая ситуация: уже весной, где-то в марте-апреле, на одном из практических занятий увидела, как курсант из Таджикистана вдруг ни с того ни с сего начал широко-широко улыбаться. Я спросила его: «Что случилось?», и он мне так радостно-радостно ответил: «Я знаю это слово!» И тут я поняла, что из всего потока моей речи он уловил знакомое для себя слово, что и вызвало в нем детскую открытую радость. И я, к своей грусти, подумала о том, что до этого момента, по всей видимости, он мало что понимал не только из моей речи, но и из слов других преподавателей. А ведь он проучился в нашем институте уже более полугодом... После этого случая я стала более внимательно относиться к курсантам, приехавшим из стран так называемого ближнего зарубежья, и уже на первых занятиях стараться понять их уровень владения русским языком.

Меня очень радует, когда ребята, приехавшие из республик Северного Кавказа или из стран ближнего зарубежья, показывают хорошие знания по русскому языку. Бывает, что лучшими учениками во взводе и отличниками по моему предмету становятся курсанты из Чеченской республики, Северной Осетии, Дагестана, поскольку их знания по грамматике, орфографии и пунктуации превосходят знания русских ребят. Я радуюсь за первых и огорчаюсь за последних, поскольку не быть русским и знать русский – это заслуга, а быть русским и не знать своего родного языка – это беда. И смешно и одновременно грустно слышать, когда во время самостоятельного выполнения какого-нибудь упражнения русский Иван начинает шептать на всю аудиторию: «Иса, Иса, как пишется это слово?»...

Преподавать в такой многоязычной аудитории и трудно, и интересно. Видимо, все же есть во мне какие-то задатки лингвиста. Мне интересны все языки, на которых говорят мои курсанты, и на занятиях

мы нет-нет да и обратимся к какому-нибудь из них. Ребятам это очень нравится, поскольку, скучая по дому, они скучают и по своему родному языку. Я рассказываю курсантам об языковых семьях (и при этом добрым словом вспоминаю дорогих преподавателей праславянского языка, исторической грамматики русского языка и общего языкознания – Валерия Александровича Мишланова, Нонну Петровну Потапову и Тамару Ивановну Ерофееву). Подробно останавливаюсь на месте русского языка в ряду славянских и индоевропейских языков, привожу примеры из праславянского и древнерусского языка, сравниваю судьбу различных слов в русском и польском языках (вновь спасибо Валерию Александровичу, до сих пор помню стихи на польском), в русском и белорусском (так как белорусы в аудитории присутствуют – они мне помогают).

Кроме русского языка, конечно же, уделяю внимание языкам Кавказа и Средней Азии, представители которых составляют примерно 50 % нашей аудитории. Когда я начинаю перечислять языки присутствующих на занятиях курсантов, меня охватывает особый филологический восторг: кроме русского, белорусского, татарского, башкирского, чувашского, калмыцкого, я могу назвать чеченский, балкарский, осетинский, азербайджанский, казахский, киргизский, таджикский, аварский, даргинский, кумыкский, лакский, ногайский, табасаранский, лезгинский и другие языки. Если позволяет время, мы с курсантами выбираем какую-нибудь простую фразу, типа «я иду домой», и начинаем на разных языках прописывать ее на доске. Курсанты к своей радости узнают, что многие их языки похожи между собой (особенно тюркские), и тогда они говорят друг другу *вацок*, что означает «брат, братишка, родной человек» (слово из аварского языка, среди курсантов используется в качестве жаргонизма).

Я читаю курсантам стихи Александра Городницкого, где есть прекрасные строки: «Язык умирает, когда умирает народ. Народ умирает, когда умирает язык», и говорю о том, насколько важно знать, любить, беречь и хранить свой родной язык. Прошу курсантов также почитать поэзию на родном языке и радуюсь, когда они могут это сделать. Год назад мне привезли в подарок книгу чеченского поэта Шайхи Арсанукаева. Книга на чеченском языке и, естественно, самостоятельно прочесть ее я не могла. Но выход нашелся, точнее, нашелся один из курсантов, который не только с удовольствием читал нам чеченскую поэзию, но даже переводил ее (что, кстати, не у всех получается).

Я общаюсь с курсантами-представителями разных национальностей, узнаю особенности их культуры, менталитета. И когда летом 2016 года мы с семьей, по стечению обстоятельств, оказались в таких

республиках, как Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня, Дагестан, я смотрела на жизнь этих народов глазами человека, который любит их язык, уважает их традиции, обычаи и культуру. А такое отношение к ним родилось у меня, прежде всего, от общения с теми курсантами, которые достойны уважения. И когда я не хочу, чтобы курсанты списывали во время контрольных или проверочных работ, я говорю им (немного с шуткой, но больше серьезно): ведите себя как честные люди, то есть такие люди, которые не будут позорить чести своего народа, своего рода, своей семьи. И в большинстве случаев это помогает, потому что для представителей Кавказа честь своего дома и своих родителей значит очень многое.

Работая в военном институте, в процессе преподавания русского языка и культуры речи необходимо, конечно же, принимать во внимание и профессиональную специфику учебного заведения, ориентировать курсантов на практическое использование получаемых на занятиях знаний. В частности, при рассмотрении особенностей официально-делового стиля речи большое внимание я уделяю правильности написания рапорта как наиболее востребованного документа военной сферы. Курсанты знакомятся с составом обязательных элементов оформления рапорта, с его логической схемой, с клишированными конструкциями, которые используются при его написании.

Для практических заданий и упражнений я также отбираю языковой материал, который максимально соответствует военной сфере. При изучении, в частности, акцентологических норм современного русского языка мы много говорим о правильности произношения слов, постоянно используемых в профессиональной деятельности военнослужащих (например, *бомбардировать*, *базироваться*, *призыв*, *сосредоточение*, *обеспечение*, *блокировать*, *призывник*, *фланговый* и т. д.). Или, к примеру, при рассмотрении вариантов окончаний имен существительных в родительном падеже множественного числа обращаю внимание курсантов на склонение таких слов, как *партизаны*, *солдаты*, *погоны*, *офицеры* и т. п. С целью расширения культурного кругозора моих учеников в этот ряд добавляю такие историзмы, как *драгуны*, *уланьы*, *гусары*, *гренадеры* и т. п., поскольку практика преподавания показывает, что курсанты в большинстве своем не имеют представления о значении данных слов, которые непосредственно связаны с военной историей России.

Вообще обращение на занятиях по русскому языку к культурно-историческому контексту очень продуктивно и оправдано. Это не только расширяет знания курсантов, но и усиливает их интерес к предмету, оживляет их. Часто случается, что они не знают тех вещей,

которые кажутся мне прописными истинами. Сейчас я уже меньше этому удивляюсь, но поначалу была обескуражена, к примеру, тем, что никто из курсантов не мог мне сказать, как связаны между собой слова *партер* и *театр*. Они все прекрасно знают, что партер – это положение в борьбе, при котором один из борцов лежит на ковре, стоит на коленях и т. д. И тогда мне приходится рисовать на доске схему зрительного зала в театре и рассказывать курсантам, где находится партер, а где амфитеатр, ложи, балконы. Для многих из них эта информация оказывается абсолютно новой, поскольку в театре они не бывали ни разу. Если получается, я вожу их в театр, и тогда они получают возможность увидеть своими глазами, что такое партер, и даже посидеть в нем.

Курсанты всегда бывают рады, когда им предлагают сходить в театр или выехать на какую-нибудь экскурсию. Каждая поездка означает для них глоток свободы и возможность выйти «за забор». Поэтому, в частности, они с большим желанием принимают участие в различных научно-практических конференциях, которые проводятся в вузах нашего города: «Формирование гуманитарной среды в вузе, колледже, школе: инновационные образовательные технологии, компетентностный подход», «Индустрия перевода», «Перевод, реклама и PR в современной межкультурной коммуникации», «Студенчество XXI века: исследования в области гуманитарных наук» и др. Подготовка к конференциям осуществляется в достаточно строгих условиях военного института, где курсанты практически не имеют свободного времени. Однако, несмотря на это, результаты их выступлений меня радуют: как правило, с каждой конференции мы привозим дипломы 1, 2 или 3 степени.

Судя по высоким оценкам жюри и реакции слушателей, все доклады курсантов вызывают искренний интерес научной аудитории. Этому, безусловно, способствует практическая часть исследований, направленная на анализ языкового материала, связанного с военной сферой. В качестве примера можно назвать такие темы докладов, как «Жаргонная лексика в речи курсантов военного вуза», «Эвфемизмы и дисфемизмы в армейской речи», «К вопросу о русскоязычных заимствованиях в таджикском языке (на материале военной лексики)», «Наименование военной техники и вооружения в российской армии», «Отражение военной и оружейной тематики в русской фразеологии» и т. д. Большое внимание привлекают также сопоставительные работы, сравнивающие особенности функционирования одного и того же явления (формул речевого этикета, невербального поведения, жаргонизмов и т. д.) в военной и гражданской среде.

Участие в конференциях формирует у курсантов навыки публичного выступления, умение представлять собственные научные результаты, грамотно и аргументированно выражать свои мысли. Это очень важно, поскольку для многих курсантов умение говорить составляет большую проблему.

Языковой материал, связанный с военной сферой, стал основой и моей собственной научной деятельности. Все началось с того, что я заинтересовалась жаргоном курсантов и начала постепенно собирать его, проводя анкетирование или просто записывая услышанные слова и их значение. В результате сейчас мною собрано около 300 слов, которые курсанты относят к своему собственному жаргону. Надо сказать, что работа эта очень интересная, а сам курсантский жаргон представляет собой богатый материал для исследования. До сих пор данная языковая разновидность очень мало изучена, не создано словарей курсантского (и даже больше – военного) жаргона. В будущем, если удастся собрать больше материала, мне бы очень хотелось опубликовать его в виде небольшого словарика, но пока я просто исследую эту область языка, рассматриваю такие, в частности, аспекты, как особенности номинации человека в жаргоне курсантов, использование приемов языковой игры, эвфемизмов и дисфемизмов, прецедентных текстов и т. д.

Исследование жаргона позволяет лучше понять психологию курсантов, их мировосприятие и мироощущение. К примеру, изучение жаргонизмов свидетельствует о происходящей в сознании курсантов деформации образа человека и окружающего мира, которая связана, прежде всего, с коренным переустройством всей жизни молодого человека, надевающего курсантские погоны. В жаргонной лексике эти изменения отражаются, к примеру, следующим образом: у курсанта вместо головы появляются *купол, чердак и башня*, уши видоизменяются в *локаторы*, привычные руки становятся *культяпками и веревками*, ноги – *палками, обрубками, костылями* (слова, употребляемые также в молодежном жаргоне), конечности в целом осмысляются как некие ни на что негодные и бесформенные *заготовки и хачепатки*, а сам человек становится просто *телом* (обращение к курсанту). Привычные действия, имеющие прежде (то есть «на гражданке») нейтральную или даже положительную коннотацию, также изменяют свой характер, получая негативную оценку: сушить зубы – «улыбаться, смеяться» (*Чё ты зубы сушишь?!*). Особенно примечателен в этом отношении обыкновенный глагол *засыпать*, который в речи курсантов представлен широким рядом синонимичных жаргонизмов: *забычить, бычить, лицо*

топить, залипать, втыкать, медленно моргать, погибать и т. д. (*Чё ты лицо топшишь?*).

Еще хочу отметить, что два года назад я прошла обучение на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова и в настоящее время, наряду с филологией, занимаюсь философией и также преподаю ее в нашем военном институте. Трудно сказать, насколько в дальнейшем моя научная деятельность будет связана с философией. Неоспоримо одно: преподавание данного предмета является хорошей жизненной и педагогической школой. «Любовь к слову» и «любовь к мудрости» гармонично дополняют друг друга: законы философия являются базой для всех наук, а язык есть средство выражения философской мысли. Филологическое образование помогает мне доступным для курсантов языком объяснять им сложные философские проблемы, а знакомство с концепциями выдающихся мыслителей (М. Хайдеггера, Г. Гадамера, М. Бубера, М. Бахтина и др.) способствует постижению языка как особой реальности.

Тот факт, что «любовь к слову» и «любовь к мудрости» могут гармонично сочетаться друг с другом, свидетельствует об универсальности филологического образования и самих филологов, успешно заставляющих о себе в различных жизненных сферах.

Сейчас курсанты нередко меня спрашивают о том, где я училась, какой факультет закончила; им бывает очень интересно узнать, чем обучение в гражданском вузе отличается от учебы в военном институте. И, рассказывая им о нашем университете, о филологическом факультете, я каждый раз подчеркиваю, что самое главное, чему мы научились, – это способность самостоятельно мыслить, добывать необходимую информацию и, что важно, осваивать новые специальности и профессии. Филолог – универсальный человек, о чем красноречиво свидетельствуют «послужные списки» всех выпускников нашего факультета. Я говорю курсантам, что, благодаря нашим преподавателям, в университете мы научились «не мыслям, а мыслить», а это, согласно И. Канту, является главной задачей любого образования и воспитания. И огромную благодарность за это я выражаю всем нашим учителям!

Н. Перетрухина,
художественный руководитель
Детской филармонии Дворца детского
(юношеского) творчества г. Перми.
Почетный работник общего образования РФ,
выпускница 1988 г.

«Нам не дано предугадать...»

*«Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...»*

Федор Тютчев

Воспоминания об университетской юности... Они рождаются из творческих импульсов, вдохновения и благодарной памяти.

Многие поколения выпускников обязаны своим приобщением к миру подлинной культуры филологическому факультету Пермского государственного университета, в стенах которого состоялись незабываемые события. Встречи с талантливыми, увлеченными людьми – блестящими учеными, преподавателями, чьи имена дороги каждому из нас. Соломон Юрьевич Адливанкин, Леонид Николаевич Мурзин, Нина Евгеньевна Васильева, Рита Соломоновна Спивак – несколько имен любимых учителей – легендарных университетских филологов. Общеизвестно, что филфак Пермского университета привлекал не только высочайшим уровнем преподавания, но и уникальной атмосферой содружества, сотворчества преподавателей и начинающих филологов, пространством нравственной красоты и духовности.

Мы были студентами «городской группы» заочного отделения. Это позволяло нам еженедельно заниматься в университете в вечернее время. Наше ученичество было счастливым, наполненным блистательными лекциями, дискуссиями, беседами. И, поскольку мы были чуть старше студентов дневного отделения и многие из нас преподавали в школах, наши наставники относились к нам как к младшим коллегам, дарили уникальную данность неформального общения, возможность обмена мнениями, обсуждения значимых событий того времени. Хорошо помню неспешные прогулки-беседы с моим научным руководителем Ритой Соломоновной Спивак, щедро дарившей мне воспоминания об университетской атмосфере эпохи 60-х гг., наши «литературные» разговоры о философской лирике А. Пушкина, М. Лермонтова, о

поэзии «младосимволистов», поиски значений и смыслов прочитанных стихотворных строк. Блестящие лекции и семинары по праславянской фонетике Соломона Юрьевича Адливанкина, о его феноменальной одаренности и эрудиции говорил весь университет. Спасибо и поклон дорогим Учителям...

Вглядываясь в прошлое, понимаю, что многими профессиональными, творческими новациями я обязана филологическому факультету с его уникальной «живой» атмосферой, неустанным стремлением к истине, «восхождением к подлинному» (Андрей Белый). Именно в университете я обрела те самые «крылья», что позволяют человеку подняться над суетой, прикоснуться к вечным ценностям, найти свой путь в пространстве жизни и творчества.

Прикоснувшись в юности к художественной культуре «серебряного века» (тема моей дипломной работы – «Литературно-эстетическая полемика в русской критике рубежа веков и проблема художника в дооктябрьской лирике Андрея Белого»), я по-прежнему с трепетом открываю для себя новые страницы истории русской и мировой литературы, новые имена. Мое каждодневное ученичество продолжается. Мир, когда-то подаренный нам Университетом, огромен, прекрасен, многозначен и многолик.

Так случилось, что прежде чем прийти в литературу, я выбрала для себя путь музыканта – преподавателя по классу фортепиано. И в момент поступления в университет, окончив фортепианное отделение Пермского музыкального училища, работала по избранной специальности. После окончания Университета осталась в музыке, продолжая преподавательскую деятельность во Дворце творчества юных г. Перми. Музыка и литература – две грани моего творческого начала, так было всегда. Я и сегодня продолжаю свою «литературную» линию: пишу сценарии и тексты концертных программ, литературно-музыкальных вечеров, создаю творческие проекты, участвую в научно-практических конференциях различного уровня, публикую статьи по проблемам художественного воспитания детей и юношества, детской художественной одаренности. Университет укрепил меня в мысли о необходимости новых подходов к воспитанию юных музыкантов, о важности всестороннего художественного образования, направленного на развитие интеллектуального, творческого потенциала детей.

В 90-е гг. возникла идея создания Детской филармонии, а затем – собственной авторской образовательной программы, где музыка и литературное слово будут взаимосвязаны. В ноябре 1995 года мы открыли «Детскую филармонию Дворца творчества юных», продолжившую традиции художественного просветительства в нашем городе.

Разрабатывая авторскую систему музыкального образования и воспитания, создавая творческое объединение педагогов и учащихся, стремилась к созданию собственного творческого пространства. Авторская «образовательная Программа класса специального фортепиано – творческого объединения учащихся “Детская филармония” (7-10-й гг. обучения)» успешно реализуется на протяжении 20 лет, стала дипломантом IV Всероссийского конкурса авторских образовательных программ дополнительного образования детей (Москва, 2000 г.). Программа опубликована.

Цель «Детской филармонии» – развитие художественно-творческого потенциала юных музыкантов через приобщение к ценностям мировой культуры, искусства. Занимаясь в творческом объединении в течение 8-10 лет, дети успешно сочетают активную познавательную деятельность с концертно-просветительской, исследовательской.

В основе концепции Детской филармонии – идея синтеза искусств. Музыкальное исполнительство сочетается с приобщением детей к миру поэзии, литературы, живописи и театра. Явления музыкальные мы сопоставляем с литературными, живописными, пластическими образами, картинами и явлениями природы, обращаясь к миру чувств, фантазии и творческому «я» ребенка. Такая направленность создает атмосферу духовной наполненности детства. Именно поэтому концерты филармонии становятся яркими художественными событиями для всех нас – юных исполнителей, педагогов и зрительской аудитории.

Мы фантазируем и рисуем. Придумываем сюжеты и сказки к музыкальным пьесам, читаем стихи и прозу, слушаем музыку великих композиторов в исполнении мастеров, дирижируем, пробуем сами сочинять стихи и музыку. И «сочиняем» театрализованные концерты Детской филармонии. В наших концертных программах дети на сцене читают строки из мемуаров русских писателей – воспоминания о детстве. Какая удивительная атмосфера царит в зрительном зале! Дети открывают для себя мир другого ребенка, события другой жизни, «другие берега»... В процессе творческого поиска возникает то самое «лица необщее выражение», о котором говорит И. Бродский в своей «Нобелевской лекции» в 1987 году: «В приобретении этого необщего выражения и состоит, видимо, смысл индивидуального существования».

Я листаю страницы «большой книги» Детской филармонии. Здесь собраны уникальные документы нашей истории (1995 – 2016 гг.): афиши и программы концертов разных лет, отзывы и благодарственные письма, газетные публикации, автографы известных музыкантов-

исполнителей, педагогов, деятелей культуры. Вот один из редких автографов:

«Спасибо Детской филармонии за замечательный и трогательный концерт!» (генеральный секретарь Тургеневской библиотеки в Париже – Елена Венедиктовна Мякотина. 14 ноября 2003 г.)».

Появлению этого автографа предшествовало памятное событие. В год 125-летия выдающегося русского писателя, уроженца Перми – Михаила Осоргина – в нашем городе состоялась Всероссийская конференция «Вторые Осоргинские чтения» с участием представителей российской и зарубежной науки и культуры. В числе участников Чтений: генеральный секретарь Тургеневской библиотеки в Париже Е. В. Каплан (Мякотина), профессор института философии РАН А. А. Кара-Мурза, составитель собрания сочинений М. Осоргина – О. Ю. Авдеева. По предложению администрации Пермской области мы подготовили и провели литературно-музыкальный вечер «Венок Осоргину», состоявшийся в рамках Чтений в Малом зале культурно-делового центра. Незабываема атмосфера этого вечера, озаренного пламенем свечей, звучанием мемуарной прозы Михаила Осоргина, поэтическими строками Марины Цветаевой, Василия Каменского, Игоря Северянина, музыкой русских и западноевропейских композиторов. Мы попытались воссоздать традицию домашних литературно-музыкальных вечеров, как это было принято в домах русской интеллигенции и дворянства.

Удивительно, как дети слушают и слышат литературное слово, трепетно вчитываясь в строки А. Пушкина, Ф. Тютчева, И. Шмелева, Б. Пастернака, М. Цветаевой, К. Бальмонта, М. Осоргина, В. Набокова, Г. Гейне, В. Гете...

Предлагаю ребенку, читающему вслух тот или иной литературный текст, подобрать музыкальный фон, ряд: «Какую музыку ты выбираешь?». Звучит музыка И. С. Баха, В. А. Моцарта, П. И. Чайковского, А. Н. Скрябина. Г. Малера... Ребенок, улавливая музыку слова, соединяет его со звуковой материей. Рождается «другое измерение» - новая, возвышенная атмосфера в классе или позднее – в концертном зале, где зрители – дети.

«Чутко слышат притихшие дети» (А. Белый).

Так случилось, что в последние годы «Детская филармония» стала своеобразным «местом притяжения» для музыкантов Перми, России, зарубежья. Здесь выступают дети и взрослые, здесь играют для детей! Удивительная атмосфера радости и волшебства, ощущение чуда, живое дыхание музыки и творчества. В Концертном зале Детской филармонии все по-настоящему, только на сцене правят дети – веду-

щие концертов, чтецы и исполнители. И еще там очень красиво – и на сцене, и в фойе зрительного зала!

«У нас в Вене есть детская опера, детский симфонический оркестр, а детской филармонии нет! Мне было радостно играть у вас в Детской филармонии!»

*доцент Венского университета музыки, пианист –
Альберт Зассманн (февраль 2006 г.)*

Тогда, в феврале 2006 года к нам в Детскую филармонию пришли гости – известные педагоги, музыканты города, юные пианисты. Мы собрались, чтобы отметить знаменательную дату – 250-летие со дня рождения великого Моцарта. На сцене Дворца творчества проходил фестиваль «Пермский край чествует Моцарта». И это символично. Наш Концертный зал, история которого началась в 1955 году, долгие годы был главной сценой областной филармонии. В разные годы здесь выступали выдающиеся музыканты-исполнители, чьи имена и сегодня остаются легендой. Здесь начинали свой звездный путь Дмитрий Хворостовский и Ольга Бородина, здесь играли Станислав Нейгауз и Лев Власенко, Наум Штаркман и Алексей Наседкин, Гидон Кремер и Андрей Гаврилов, Владимир Крайнев, Даниил Шафран, Наталья Гутман, Владимир Виардо и Андрей Корсаков...

В конце 90-х гг. мы начали беспрецедентную работу по созданию ретроспективы концертной жизни знаменитого зала Дворца. «Летопись Концертного зала ДД(Ю)Т» (1955 – 2015 гг.) – большой исследовательский труд, осуществляемый взрослыми и детьми – участниками творческого объединения «Детская филармония» на протяжении многих лет.

«Детской филармонии г. Перми.

Горячо поздравляю Дворец творчества юных с 50-летием Концертного зала. Я всегда с удовольствием выступал в вашем зале и у меня сохранились самые теплые и трепетные воспоминания. Хочется от всей души пожелать коллективу Дворца творчества юных больших успехов в деле приобщения детей и молодежи к искусству.

С наилучшими пожеланиями – Народный артист России, профессор Московской консерватории, Почетный профессор Пермского педагогического университета – Алексей Наседкин, ноябрь 2005 г.».

Сегодня наш Концертный зал, переживший две серьезных реконструкции, встречает свое 60-летие уникальными творческими проектами, фестивалями, концертами. Здесь по-прежнему звучит классика. Для детей поют и играют лауреаты Международных конкурсов – солисты хора и оркестра «MusicAeterna» Пермского театра оперы и балета им. П. И. Чайковского, открывая новые горизонты восприятия и по-

стижения классической музыки (совместный творческий проект «Детская филармония ДД(Ю)Т приглашает...» успешно осуществляется во Дворце с 2012 года по настоящее время). На сцене Детской филармонии состоялось 15 концертных вечеров с участием ведущих музыкантов «MusicAeterna». Постоянная ведущая музыкальных встреч – автор этих строк. Теперь мы большие друзья: звездные исполнители «MusicAeterna», педагоги и дети – юные музыканты.

Мы продолжаем работу по изучению и сбору новых документов по истории Концертного зала. Обращаясь к историческому прошлому, понимаем, что пристальный взгляд на историю нашей культуры позволяет глубже осмыслить целый ряд явлений и событий современности.

«Большое спасибо Детской филармонии Дворца детского творчества за прекрасное чувство от встречи с вами, вашей публикой и вашим залом!»

Солист хора «MusicAeterna» Евгений Воробьев (05.06.2012)

За 20 минувших концертных сезонов в Детской филармонии состоялось свыше 300 музыкальных встреч для школьников нашего города, любителей музыки (в их числе: театрализованные концерты, литературно-музыкальные вечера, творческие встречи с ведущими музыкантами – исполнителями и композиторами Перми, России, зарубежья). Но все это лишь цифры и факты, если не говорить и помнить о главном: о нравственных задачах и смыслах нашей деятельности. Приобщение к искусству, развитие интеллекта и фантазии, духовность и эмоциональная наполненность, интерес к жизни содержательной, яркой – то, что определяет личностное начало наших детей, что «работает» на социум, на культурный контекст города, страны.

«Пушкинский венок», «Музыка в жизни Марины Цветаевой», «Прогулки по Старой Перми» (литературно-музыкальные программы), «Волшебная книга» (поэзия и музыка романтизма) – незабываемые вечера в Музыкальной гостиной. Рождественские встречи, творческие диалоги с известными музыкантами и юными дарованиями, мастер – классы; фестиваль-конкурс юных пианистов «Музыкальная весна в Детской филармонии» – все это многолетние традиции. В будущем – организация большого фестиваля классической музыки «Детская филармония встречает друзей», новые имена, сюжеты...

Создавая авторскую систему обучения юных музыкантов, я понимаю, что только *универсальное образование* позволяет войти в *пространство творчества*, в полной мере способствуя раскрытию самых разных дарований и способностей ребенка. Вот одно из моих любимых

стихотворений, написанных моей ученицей Светланой Пикулевой в 14-летнем возрасте:

В который раз непрочности вечерней,
Что смешивает облака с травой,
Бессловную молитву повторяю,
И жизнь перед невидящей судьбою
Как лишнее, чужое расстилаю.
В который раз звезде упавшей верю,
Когда она – лишь отраженье тени,
Когда весы разбили обе чаши
От небывалой силы напряженья.
И тысячи веков полет скользкий
В который раз теряется без меры.
Здесь все – на непрерывности дыхания,
На широте душевного простора,
А сердце каждого существованья,
Быть может, в промежутках разговора,
В сиреновой непрочности вечерней.

В поэзию девочка «входила» вместе с музыкой, стремительно взрослея... Ныне Светлана – профессиональный музыкант, искусствовед, талантливая певица, преподаватель музыки и мировой художественной культуры. Прекрасная мама троих детей. Мы по-прежнему вместе: общность интересов, традиции, совместные творческие идеи. Сегодня в моем классе занимается дочь Светланы – Маша. Она необычайно похожа на свою маму – одаренный ребенок! Маша Бутырина – солистка Детской филармонии Дворца, призер городских, краевых конкурсов юных пианистов. Лауреат I степени III Всероссийского конкурса фортепианной музыки «Весна в Прикамье» (2015 г.), воспитанница «Детской художественной школы № 1». В 9 лет стала Лауреатом I степени очного тура Всероссийского конкурса исследовательских работ «Путь к успеху» в Москве (в возрастной группе «12 лет», в номинации «Программирование»). Сегодня Маша и другие мои юные пианисты успешно «концертируют» в Пермском академическом театре оперы и балета, вместе с известными оперными певцами участвуя в музыкальных программах проекта «Музыка малышам, которые подросли».

Они очень разные и такие талантливые – мои ученики. За эти годы в моем классе воспиталась и выросла целая плеяда солистов Детской филармонии – призеров краевых, всероссийских и международных конкурсов юных пианистов, победителей региональных конкурсов учебно-исследовательских работ учащихся, всероссийских олимпиад.

Многие из них – ныне студенты и выпускники Пермского государственного национального исследовательского университета. Красивые, интеллигентные, интересно мыслящие молодые люди, состоявшиеся лично, растущие профессионально. Взрослея, они приходят к нам со словами благодарности, приводят в класс своих детей. Жизнь продолжается...

И последнее. Меня часто спрашивают: «Откуда у вас такая чуткая, благодарная публика?». Отвечаю так: «Здесь долгие годы слушают музыку и литературное слово». Мы играем и слушаем классику, с радостью и трепетом постигая красоту и величие подлинной культуры.

Раздел III. На подмостках театра

Л. Уланова,
преподаватель классического танца ПГХУ,
заслуженный учитель РФ,
заслуженный деятель искусств
Северной Осетии и Алании,
выпускница 1974 г.

Всегда буду благодарна филфаку

Я училась в Пермском государственном университете семь лет – с 1967 по 1974 год (1 год находилась в академическом отпуске по причине слабого здоровья сына). Училась заочно, закончила университет по специальности «Русский язык и литература». Параллельно в это же время (1968 – 1970 гг.) я очно обучалась в Ленинградском академическом хореографическом училище в качестве стажера-педагога и получила диплом преподавателя классического и народно-сценического танцев.

Университет нравился мне тем, что там никогда не нужно было воспроизводить мысли педагога: студент должен был не только прочесть учебник или источники и согласиться (или не согласиться с ними), но и обязательно составить свое собственное мнение о прочитанном произведении. Такая самостоятельность культивировалась в университете и была для меня новой и непривычной. Университет научил меня смотреть на вещи широко и глубоко, пользоваться первоисточниками, относиться к жизни и к людям не примитивно.

Толчком для поступления в университет стали как личные, так и профессиональные мотивы: надо было жить, работать и развиваться. На филологический факультет меня привели сложные обстоятельства личной жизни, которые и подтолкнули к учебе в университете (я всегда хотела учиться дальше). Литература для меня всегда была интереснее, чем, например, история. В это время в журналах «Юность», «Новый мир», «Иностранная литература» печатались интересные произведения.

Учиться было интересно и поучительно. Мы много читали, много говорили о новых произведениях. Книги, поэзия утишают в человеке боль, дают ему надежду. Филфак и изучаемые на факультете тексты, их глубина и энтропийность помогли мне пережить личные проблемы

и как-то выкарабкиваться из кризиса. Помогла мне в этом также и моя основная профессия, связанная с балетом.

Учиться в университете было сложно, но интересно. Летом си-дишь в библиотеке, а «спать хочется»! В июне-июле, во время сессии заочников, преподаватели «начитывали» нам лекции, а мы сдавали зачеты и экзамены. Наш курс был очень хорошим, дружным, все старались друг другу помочь. Я заканчивала университет уже не со своим курсом (поскольку один год пришлось пропустить), а со следующим, однако и на этом курсе были хорошие друзья.

В жизни мне всегда везло с педагогами – и в Пермском хореографическом училище, и в Ленинграде, и в Пермском университете.

Мне очень нравились преподаватели университета. Все они были большими умниками и свободолобивыми людьми. До нас доходили слухи, что преподавателей за что-то ругали и осуждали. Но они были свободны духом – мы чувствовали это, и это нам в них очень нравилось.

Педагог формирует личность ученика. Но он не только формирует личность, не только читает и интерпретирует текст, но и комментирует события дня, современную жизнь – и мы, занимаясь с университетскими педагогами, узнавали жизнь и учились жизни у них.

Огромное впечатление на меня произвел С. Ю. Адливанкин. Я даже стала ходить на его лекции вместе со студентами-вечерниками, хотя это было для меня непросто: я начала преподавать в Пермском хореографическом училище, где у меня в то время была огромная нагрузка, – ежедневно по два урока классического танца, характерный танец, вечерние репетиции и вечерние дежурства в театре (наши дети – учащиеся хореографического училища – принимали участие в спектаклях Пермского театра оперы и балета). За день как следует поработаешься, а вечером, когда удастся, бежишь на лекции к С. Ю. Адливанкину, боишься пропустить! Он очень понятно объяснял материал, был красив и артистичен! Очень яркая и талантливая личность!

Конечно, запомнила М. А. Ганину. Мы очень боялись ей сдавать экзамен. О ней ходили слухи, что она всех «заваливает». Слово «вариантность» я запомнила на всю жизнь (но на экзамене его так и не произнесла) и в результате получила «тройку».

Современный русский язык нам читала М. А. Генкель и делала это просто потрясающе: я ничего подобного никогда не встречала! Ее лекции произвели на меня колоссальное впечатление – и не только на меня, но и на всех студентов курса!

Общее языкознание у нас вел Л. Н. Мурзин. Предмет этот был сложным и требовал вдумчивого отношения, а времени для погружения в него – в той мере, в какой требовалось, – не было. Для меня его предмет был особо трудным, да и времени на подготовку не хватало: у меня был маленький ребенок, большая учебная и репетиционная нагрузка в училище. Нескольких установочных лекций явно не хватало, а из учебников тоже далеко не все почерпнешь!

Я готовилась к этому предмету и учила всю ночь, однако сдать его с первого захода так и не смогла: пришла сдавать – и ушла... Во второй раз получила оценку «3» – и была счастлива!

Помню, что однажды Л. Н. Мурзин уговорил меня станцевать на каком-то вечере, на смотре художественной самодеятельности, характерный танец: это были «танцы на площади» из балета Б. Асафьева «Пламя Парижа». Может быть, он вспомнил меня на экзамене по общему языкознанию и поэтому все-таки поставил мне «3»?

Я очень благодарна судьбе за встречу с Ниной Евгеньевной Васильевой. Она удивляла всех студентов и как женщина – молодая, шикарная, яркая, – и как педагог: она великолепно читала лекции, подчиняя нас своему уму и темпераменту и одновременно удивляя своим демократизмом. Такой стиль общения педагога и студентов я впервые почувствовала именно в университете. Это тоже стало для меня открытием.

Все педагоги университета, как правило, одевались скромно, – но не Нина Евгеньевна! Нам очень нравилось, что она была всегда яркой и импозантной! Нина Евгеньевна была человеком большой эрудиции, глубоких знаний и очень открытым. С ней у меня сложились теплые человеческие отношения.

Диплом решила писать под руководством Нины Евгеньевны на тему «Подтекст в рассказах А. П. Чехова». Я много работала над этой темой, работала в основном по ночам и точно знала, что птицы начинают петь в 4 часа утра! Когда работа над текстом диплома была завершена, я отдала перепечатывать текст, а когда его получила, то увидела огромное (почти в каждом слове) количество ошибок, которые пришлось исправлять «вручную». Однако защита дипломной работы прошла успешно!

...Мы росли на лекциях университетских преподавателей, во время работы над текстами курсовых и диплома, в процессе подготовки которых возникал человеческий контакт с преподавателями. Так происходило формирование личности студентов.

Память об университетском филфаке осталась на всю жизнь. Но главное в том, что он органично вошел в мою профессию, посвящен-

ную балету и танцу. Я всю жизнь ощущаю удивительный синкретизм: Слово и танцевальное «Па», текст литературный и хореографический план, словесный образ и балетная тема. В этом синтезе формировалась моя личность – сначала как балерины, а затем как преподавателя классического танца.

Закончив хореографическое училище в 1957 г., я 11 лет проработала в пермском театре оперы и балета, где прошла традиционный обязательный цикл – кордебалет, после чего, как принято говорить, корифейка. Исполняла партии в «Лебедином озере» (четверка лебедей, вальс невест, соло в неаполитанском танце), в «Спящей красавице» танцевала кошечку. Но лучше всего мне удавались гротесковые партии, требующие большого темпа, темперамента и динамики; характерные танцы, построенные на национальной окрашенности: сарацинский танец в «Раймонде», арабский танец в «Руслан и Людмила», ассирийский в «Аиде».

В принципе я могла танцевать все: и танец босиком, и танец в лаптях, меня захватывала сама стихия танца, возможность выразить себя в движении, в пластике. Я очень любила весь творческий процесс в театре: от начала постановочных репетиций танца, отработки каждого шага, работы с оркестром, выбора костюма, и наконец сцена, спектакль, требующий полной выкладки, серьезной отдачи. Но я понимала, что жизнь балерины на сцене непродолжительна, и в 1965 г. приняла решение поступать на педагогическое отделение в академию имени А. Я. Вагановой. После двух лет очного обучения вернулась в пермский театр и посвятила себя репетиторской и педагогической работе. В 1974 г. я получила звание заслуженного учителя РФ. В своей практической работе я следую принципам известного педагога – В. С. Костровицкой – автора многочисленных трудов по теории и методике преподавания классического танца. По этой методике обучено уже не одно поколение выпускников пермского хореографического училища. Сегодня можно говорить и о наших звездах. Под моим руководством вышли в большой балет такие танцовщицы, как Заслуженная артистка России Н. Моисеева, Н. Гусева, Н. Гофман, получившие мировую известность. Говорю об этом с радостью и гордостью, потому что балетная пермская школа известна и признана во многих городах и странах: Мюнхен, Амстердам, Торонто, Нью-Йорк и т. д. Должна при этом подчеркнуть, что для пермской школы балета характерна очень важная традиция – работа со средним материалом. Если столичные педагоги отбирают, как правило, выдающуюся фактуру и природные данные, то мы работаем со средним материалом, который требует от педагога огромных физических и эмоциональных затрат. Но когда

удается выйти на отличный результат и преодолеть все трудности, то затраты оправдываются и окупаются. Как и в любой другой работе.

И снова вернусь к филфаку. Как я теперь понимаю, именно на нем была сформирована культура мышления и дана первичная культурная база, без которых ни диалог с балетом, ни педагогическая работа были бы просто невозможны. Когда-то великая Майя Плисецкая призналась, что она поздно поняла, что для балерины важны не столько ноги и шея, сколько голова. А голова – это ум и интеллект. Вот за это я всегда буду благодарна филфаку, где нам ставили на место мозги и не позволяли забывать про ум и интеллект.

А. Меньшиков

Вторая профессия

В юбилейный год на филологическом факультете ПГНИУ получила диплом по специальности «Журналист» солистка Санкт-Петербургского театра «Русский балет» Ксения Меньшикова. Балерина – выпускница филфака, весьма необычное сочетание! Ксения сама так объясняет свой выбор: «В течение всех 6 лет обучения мне регулярно задавали вопрос: “У вас уже есть одна профессия, зачем вам журналистика?”» Отвечала заученно: «Балетная карьера такая скоротечная, заканчивается в сорокалетнем возрасте...» И продолжает: «Конечно, в основном балетные артисты выбирают образование, связанное с педагогикой в балете, с искусствоведением. Но у меня не было сомнений, выбор был осознанным. Театральная журналистика – это и искусствоведение и педагогика одновременно, а работать в ней должны специалисты, знающие театр досконально, “изнутри”».

Ксения родилась в Перми 9 июня 1990 года. Мама – преподаватель хореографии в детской студии искусств при средней школе № 82, папа – сотрудник уголовного розыска, подполковник милиции, старший брат – мастер спорта международного класса по фигурному катанию на коньках. Профессия мамы предопределила выбор девочки, и им оказался балет. От профессии папы досталась только любовь к детективным романам, особенно к творчеству Эдгара По. В 2000 году поступила в Пермское хореографическое училище. Без конкурса. Потому что предварительно год занималась там на подготовительных курсах, кстати, только что организованных в училище. В 10 лет началась взрослая жизнь. «С поступлением в хореографическое училище, можно сказать, детство заканчивается, потому что учеба там почти не

оставляет времени, да и сил на какие-то детские увлечения, она полностью занимает день ребенка до самого вечера. С детского возраста мы привыкаем к крикам, порой ударам, строгому отношению и к дисциплине. В годы учебы это казалось ужасным, мы все боялись преподавателей, боялись, что нас выгонят из балетного класса, и старались как могли. По прошествии лет понимаешь, насколько это все помогает в жизни: умение собраться, привычка работать, внимательность и старание. У балерины каждое утро урок у станка, потом репетиции, прогоны, вечером спектакль, а на следующий день все начинается заново. Это, конечно, тяжелый труд, но и безумно интересная жизнь, это возможность дарить людям радость, передавать частичку себя и своего искусства». В 2004 году Ксения по объективным обстоятельствам пришлось перевестись в Башкирское хореографическое училище им. Рудольфа Нуриева в Уфе. Сейчас она с благодарностью вспоминает и пермских и уфимских педагогов, поставивших ее на пуанты и воспитавших преданность театру. А еще за годы учебы у Ксении скопилась дюжина блокнотов с заметками и короткими эссе. Об одноклассниках, о путешествиях, о достопримечательностях, о знаменательных событиях, о спектаклях и концертах, на которых побывала. Особенно много записей о поездке в Санкт-Петербург, город, в который она влюбилась с первого взгляда и, как оказалось, на всю жизнь. В 2008 году, после выпуска из хореографического училища, Ксению пригласили в театры Нижнего Новгорода и Челябинска, но выбор был сделан заранее – только город на Неве. И она начала свою карьеру в Санкт-Петербургском государственном театре имени Л. Якобсона. И сразу окунулась в гастрольную жизнь. Началось все с Китая. Это страна, обожающая русский балет! Ксения побывала там на гастролях уже шесть раз, и каждый раз очень теплый прием, аншлаги, благодарность зрителей. Вот только с аплодисментами и овациями возникают удивительные для русских артистов проблемы. Китайские зрители смотрят спектакль с мобильными телефонами в руках. В конце спектакля, когда артисты выходят на поклон, они усердно заняты фото- и видеосъемкой, их руки несвободны, и в зале стоит непривычная тишина. Только фотовспышки. Но, как отмечает Ксения, есть единственное исключение из этого правила. После танца маленьких лебедей в балете «Лебединое озеро» зал взрывается овацией на несколько минут. Ей ли не знать об этом, если она с первых дней балетной карьеры исполняет этот танец! Еще совсем юной и неопытной балериной она стала героиней интервью в известной китайской газете. Корреспондент во что бы то ни стало желал писать не о знаменитых солистах, кордебалете или оркестре, а непременно и только о «маленьком лебеде». Кроме гастролей в Китай,

в котором Ксения побывала почти во всех провинциях, у будущего журналиста были поездки по всему миру. Два раза Мексика – от Атлантики до Тихого океана и обратно. По два-три раза все скандинавские страны, Голландия, Бельгия, Испания, Словакия и Эстония. А еще – США, Италия, Люксембург, Израиль, Кипр, Арабские Эмираты. Ксения рассказывает: «Гастроли – это неоценимый жизненный, эмоциональный, профессиональный опыт. Посещение новых стран, интересных мест, достопримечательностей. Главной задачей гастролей являются не прогулки по городу, а культурный обмен, показ спектаклей, знакомство зрителя с российским балетным искусством. Гастроли – это обычно плотный график, это ночные переезды или перелеты в другой город или страну. Но ты должен выйти вечером на сцену, улыбаться и танцевать. Иногда мы выступаем в городах, где нет здания театра или концертного зала. Тогда бывает и такое, что сцену собирают из подручных средств. Из личного опыта могу сказать, что мы выступали и в церкви, и в кинотеатре. А самой интересной была площадка в Испании – арена для проведения боев с быками. То есть это был круглый зрительный зал под открытым небом, где в центре на желтом песке была установлена сцена для выступления». И, что еще ценно, из всех поездок Ксения привозила новые блокноты с записями, рассказами, заметками и множество фотографий.

Вот с таким жизненным багажом в 2010 году Ксения стала студенткой филфака ПГНИУ, решив получить вторую профессию – журналист. Вначале мы рассказали о родителях нашей героини, их влиянии на выбор балетной профессии. А вот на выборе второй, безусловно, свою роль сыграли пресловутые гены. Дедушка Ксении, которого она не застала в этой жизни, Меньшиков Герман Александрович, фронтовик, ветеран пермской журналистики, долгие годы работал ответственным секретарем областной газеты «Звезда», затем с первого номера в газете «Вечерняя Пермь», был известным фельетонистом под псевдонимом «Г. Алешин». ««Кровь – великая сила!» – сказал Вольтер».

А город Санкт-Петербург внес свой вклад в формирование литературных вкусов балерины и будущего журналиста Меньшиковой. Ее самым любимым автором является, конечно, Федор Михайлович Достоевский. Тех, кто уже побывал у Ксении в гостях в Санкт-Петербурге, она в первую очередь ведет в дом-музей писателя в Кузнечном переулке и увлеченно рассказывает о «Братьях Карамазовых» и «Бесах», своих любимых романах. А еще она может провести экскурсию по примечательным дворам и даже по крышам домов города на Неве, показать, где жили герои Достоевского и Гоголя. И авторские

заметки, которые Ксения оформила как эссе по курсу «Риторика». Вот выдержки из эссе: «За мою учебную и театральную жизнь – а это 15 лет – мною были подмечены многие самые популярные вопросы, которые мне задавали, и насколько известно, большинству моих коллег по балетному цеху. На первое место в рейтинге попадает вопрос о позе “шпагат”. Да, как и любая балерина, я сажусь на шпагат. Но, к сожалению спрашивающих, я считаю не совсем уместным в уличной одежде, в неудобной обуви, в неподходящем помещении показывать это упражнение. Все должно быть в свое время и в рамках приличий. Ведь, узнав, например, что человек боксер, его почему-то не просят показать удар. Вопросы, касающиеся еды, питания, диет, также очень беспокоят зрителей. Здесь все зависит от личных параметров и самоконтроля. В детском возрасте довольно сложно себе в чем-то отказать, и это вызывает некоторые конфликты, замечания педагогов. А когда ты уже работаешь в театре, ты настолько привыкаешь к распорядку и вниманию к своей внешности, что это уже становится само собой разумеющимся. Точно могу сказать, что опытные артистки кушают нормально, иначе у них просто не хватит сил для работы, а худеть или не худеть, каждый решает для себя сам. Часто спрашивают про основной вид обуви балерин – пуанты. Мы называем их также “пальцы”, “пальцевые туфли” или “каска”. Они применяются в балете с 18 века, первые упоминания о танце на пуантах связаны с балетом постановщика Шарля Дидло под названием “Зефир и Флора”. Поначалу эта обувь кажется неудобной, очень твердой и доставляет болевые ощущения. Могу сказать, что после первого занятия на пуантах я сняла их, забросила далеко в раздевалке и сказала: “Больше никогда их не надену!” Со временем ноги и стопы привыкают к такому положению, у каждой балерины есть свои способы сделать пуанты удобнее, мягче. Кто-то кладет внутрь мягкие вкладыши, например, поролон, кто-то оборачивает ногу мягкой тканью или бумагой. Развиваются и технологии производства – сейчас большинство российских танцовщиц танцуют на американских пуантах, которые сделаны из эластичной ткани, и их даже можно стирать, чтобы они выглядели как новые».

Несмотря на врожденную любовь к литературе и журналистике, нелегко дались балерине годы учебы в университете. С утра и до вечера она была занята в своем театре в Санкт-Петербурге, уезжала в долгие гастроли, приезжала в Пермь два раза в год на сессии, и за это время надо было успешно пройти четыре практики в СМИ, написать курсовые работы и рефераты, сдать экзамены и зачеты, подготовить и защитить дипломную работу. И за все годы – ни одной академической задолженности! С 2012 года Ксения танцует в Санкт-Петербургском

театре «Русский балет». Исполняет роли Маши в «Щелкунчике», Красной Шапочки в «Спящей красавице», Маленьких лебедей в «Лебедином озере» и много других партий. Радует своим достижениям и готовится покорять новые партии, любима коллегами по труппе, встретила там своего мужа. А с 2016 года, и мы верим в это, будем читать в прессе театральные рецензии выпускницы Пермского университета Ксении Меньшиковой.

Е. Четина,

доцент кафедры русской литературы ПГНИУ,
выпускница 1982 г.

Служители муз из нашего вуза

Наш факультет стимулирует творческие искания, и профессиональные служители муз среди выпускников филфака не редкость. Алексей Курганов и Даниил Соколов – мои бывшие дипломники и аспиранты, сейчас они работают в сфере культуры: Алексей – в Москве, Даниил – в Санкт-Петербурге. Они немного похожи – обстоятельные, серьезные, ироничные и талантливые как в науке, так и в искусстве; оба получили, помимо филологического, второе высшее образование в творческих вузах: Алексей – дипломированный актер театра и режиссер, Даниил закончил Санкт-Петербургскую консерваторию.

Первые сценические выступления, где они, тогда студенты-филологи, проявили свои таланты, состоялись во время наших фольклорных и антропологических экспедиций. Даниил (он тогда параллельно учился в музыкальном училище) пел по утрам – под «О, соли mio!» мы будили студентов, на маршрутах – «Черный ворон, что ты вьешься...», по вечерам – «Там вдаль за рекой загорались огни»; мы как могли подпевали, и дороги считали не километрами, а песнями: сколько песен до деревни. Чтобы морально поддержать наших информантов – жителей разоренных новой властью деревень, мы иногда давали концерты в сельских клубах. Курганов режиссировал и читал драматические монологи, выступление Даниила, исполнявшего классический репертуар, было гвоздем программы. Потом мы все вместе пели народные песни, записанные в данной местности (Даня аккомпанировал на клубном баяне или на гитаре) и танцевали кадрили. Действие перемещалось в зрительный зал, к нам присоединялись празднично одетые бабушки. Много позже, когда Даниил уже пел на сцене Санкт-Петербургской консерватории, к нему подошел один из слуша-

телей и сказал: «А я тебя помню, ты в нашей деревне на баяне в клубе играл».

Кстати, однажды мы возле сельского клуба обнаружили изумившее нас объявление – «Выступают московские артисты». Как пермские студенты под рукой клубных работников превратились в столичных артистов – до сих пор неведомо, но успех был налицо: толпа зрителей почтительно провожала нас до места дислокации. Ребята принимали активное участие в научной работе нашей Лаборатории культурной и визуальной антропологии, много лет ездили в экспедиции и сейчас иногда участвуют в полевых исследованиях.

После окончания университета Даниил Соколов работал в Пермском оперном театре, запомнились его Кассио – «Отелло», Ленский – в «Евгении Онегине». В работе над классическими партиями в полной мере проявлялись его бережное отношение к поэтическому слову, богатство интонаций, чувство стиля (результат обучения на филфаке). Перечитывая сейчас факультетскую газету «Горьковец», которую мы выпускали после каждой экспедиции, я выделяю статьи Даниила Соколова. Интонации его лирических монологов, проникновенных и ироничных, сложились тогда. Я привожу одну из «горьковских» статей, которая, как мне кажется, передает тревожные ощущения лихих девяностых и мироощущение Даниила, открывающего неведомые пермяцкие земли. Мы тогда совершали первые выезды в Коми-Пермяцкий округ, Даниил нагонял нас в пути.

«На площади кудымкарского автовокзала нас встретили шоферы, наперебой предлагающие свои услуги и заламывающие невероятные цены. Они, как любые шоферы на любых вокзалах нашей страны, старались узнать, куда ты едешь, зачем ты едешь. И я, как любой напуганный гражданин, принимал их за наводчиков и молчал. В конце концов, нашли шофера, убедившего меня в том, что он сможет провезти нас сквозь эти разбойничьи леса в целости и сохранности. В дороге оказалось, что леса вырублены, мы ехали по полям, а шофер скупно отвечал на вопросы об урожае, сенокосе, вырубке лесов, деревенских школах. Я смотрел в окно.

Доехали до Бажино и вышли у школы. Первая мысль – экспедиция сюда не добралась. Школа хранит молчание, а мужики, косящие сено перед окнами школы, не проявляли к ним (окнам) никакого интереса. Оказалось, все тихонько сидят внутри и кушают.

В сумерках гуляли по дороге. На мосту встретили парня верхом на лошади. Поговорили, потом он так лихо повернулся, что лошадь встала на дыбы, а он с нее чуть не скатился, но усидел и ускакал в темноту. Было тепло. Белые мотыльки танцевали над травой. От

этого весь луг мерцал во тьме. Мне было немного страшно. Мы фотографировались у разрушенного дома среди огромных лопухов. Мы тоже мерцали и единожды вспыхнули от фотовспышки.

Вечером пришел деревенский парень и принес нам цветов в бутылках из-под водки. Сказал, что ни разу не был в городе и хотел бы посмотреть на городских. Мы насторожились. Парень спросил очень вежливо, что мы тут собираемся делать. Ему ответили намеренно сложно, чтобы больше не спрашивал. Он не обиделся и продолжал разговор. Мы увидели, что он не сможет нам повредить и напрямую сказали, что приехали разузнать про колдунов. Парень сказал: “Да. Есть такие люди. Они как бы не злые, даже веселые, но вредят людям”. Тут мы его в лоб спрашиваем: “А вы таких людей знаете?” – “Да нет, я таких не знаю. Люди говорят”, – и сразу вежливо прощается и уходит.

Ночью я сижу и пишу в классе, ярко освещенном электричеством. В окна смотрит ночная деревня. Следит и чувствует, что я чувствую. В этом есть что-то брэдберианское, ощущение пространства как живого. Когда я ехал в машине и смотрел в окно, на меня находил ужас, что мой урбанизированный мозг не выдержит простора и вклинит в пейзаж что-нибудь ужасно абсурдное типа “критически-параноидального одиночества” Дали. Но за день я успел освоиться, назвал все Левитаном и теперь ночью, если и боялся, то боялся похорошему. Боялся тишины с жизненным напряжением, в которой звонко отзывается даже тихое дыхание и взмахи ресниц. Не говоря уже о скрипе пера. Спал без сновидений».

Диплом Даниил писал о поэтах-авангардистах, сейчас работает над диссертацией о театральном поставангарде. Мне кажется, острое чувство пространства и постоянное ощущение себя в потоке времени помогают ему в творчестве.

Журналист Алексей Трапезников, однокурсник Даниила, вспоминает:

*«Мой друг Даниил Соколов – один из выпускников филологического факультета ПГУ 1997 года. Длинноволосый, в очках с толстыми линзами и часто с гитарой, он прекрасно вписывался в типичный образ творческого студента тех лет. Из таких на два десятилетия раньше вышли БГ, Макаревич и многие другие известные люди, которые использовали *alta mater* не как фундамент карьеры, а скорее как особую среду, которая формирует жизнь человека.*

Философия Ницше, романы Достоевского, стихи обэриутов... Но одного филфака ему было мало. Настоящим увлечением Даниила стала музыка. Сначала шуточные трэш-композиции на бывалом “Урале”,

которые записывались на магнитофон “Ритм”. Затем роль басиста с контрабасом в веселом rockabilly “Братья Карамазовы”. Наконец, Даниил нашел свою идеальную нишу – вокал. Он окончил Пермское музыкальное училище и стал вокалистом в экспериментальной группе “Вершина всего”. И все это не переставая быть студентом ПГУ.

Когда за его плечами уже была питерская консерватория и на афише Пермского академического театра оперы и балета то и дело всплывало его имя, Даниил вспоминал, что уверенность на большой сцене – это в том числе и результат работы в студенческих постановках. Выступление филфака на “Студенческой весне” не обходилось без него. Создавая сценарий этого шоу, а приходилось работать сценаристом и режиссером, я обязательно оставлял место под сольный номер, который в исполнении Соколова жюри оценивало весьма высоко.

Не знаю, стал бы он хорошим преподавателем вокала в музыкальной школе имени Н. А. Римского-Корсакова и вообще петербуржцем, если бы не то ощущение свободы и причастности к мировому культурному пространству, которые нам всем подарил университет. И пока я пишу этот небольшой очерк, Даниил в рамках русской культурной миссии выступает в соборах Прованса. Предвестником его сегодняшнего артистического фрака и концертных площадок была аудитория студенческого клуба».

Основательный Алексей Курганов написал для юбилейного сборника свою автобиографию. «Я родился в 1977 году в городе Очер Пермской области. Папа и мама работали на Очерском механическом заводе: папа – электриком, мама – в отделе сбыта. У меня трое младших братьев. В 6 лет я получил ревматизм и поэтому довольно часто лежал в больницах и даже ездил в санатории в Крым и на Алтай. Это приучило меня к одиночеству.

Вырос я в заводской среде и одно лето работал на заводе разноработчим. Такими же были мои детсадовские и школьные друзья. У нас было нормальное советское детство, с галстуками, линейками, Марадоной и драками не до крови. Несмотря на то, что учился я “отлично”, поведения был неидеального. В 7 классе меня чуть не отчислили из школы, что тогда я пережил довольно болезненно. Перестройка пришла к нам поздно и, как кажется, вся свелась к видеосалонам и увлечению боевыми искусствами и Брюсом Ли. Затем были путч, ваучеры, продуктовые посылки с компотом – матпомощь для малообеспеченных семей.

В 15 лет я отошел от друзей и начал писать стихи. Прочитал биографию Моррисона, увлекся Ницше. Все решила поездка в 1993 году

в летний филологический лагерь. Там китайский спецкурс читал Б. В. Кондаков, а лекции по русскому языку – Е. А. Баженова, там я узнал о Джойсе и Кафке, а из доклада вожакого Стаса о “Хождении игумена Даниила”. Я понял, куда пойду после школы, я захотел все это узнать. Прочитал “Улисса” с энциклопедическим словарем и поступил на филфак.

Будучи замкнутым, первый курс внутренне я жил абсолютно отдельно, но учился по привычке тщательно и сдал все экзамены. На втором курсе познакомился с Гришей Данским. В 1997 году мы даже ездили с ним на поэтический конкурс в Москву, где я чуть не подрался с Борисом Рыжым. Первую курсовую я писал у В. В. Абашева по теории метафоры, а на третьем курсе перешел к Е. М. Четиной. Эта встреча определила мою университетскую и вообще филологическую жизнь. Сначала Елена Михайловна встретила меня скептически, я расстроил ее плохими стихами (стихи, кстати, были не так уж плохи – прим Е. М. Четиной).

С 1996 по 2006 год я не только участвовал почти во всех выездах в поле, но успел побывать курсовиком, дипломником Елены Михайловны, сотрудником ее Лаборатории культурной и визуальной антропологии, в 2003 защитил под ее руководством кандидатскую диссертацию по антропологии русского модернизма и даже съездил во Флоренцию на антропологический конгресс. Это общение сформировало меня интеллектуально, а живое знакомство с традиционной культурой с ее одушевлением природы, проницаемостью пространственно-временных границ, духовными практиками определило мое художественное мировидение.

В 1999 году я поступил к Елене Михайловне в аспирантуру на кафедру русской литературы и начал преподавать. Сначала мне поручили заочников, потом очников, потом добавили романо-германцев. Я читал “Историю критики”, “Введение в литературоведение”, вел практикум по анализу художественного текста, потом к ним присоединились мой любимый курс “История русской литературы XVIII века”, а для кафедры германской филологии – “История русской культуры и литературы”.

Параллельно шла моя театральная жизнь. В 1997 году я попал в студклуб; вначале поучаствовал в “Студенческой весне” филфака, потом выиграл конкурс “Мистер Университет”. В итоге С. В. Мерзляков позвал меня в свой студенческий театр. Склонность к актерству у меня была с детства, помню еще лет в пять я выступал перед одноклассниками по дороге в детский сад и потом всегда удивлялся успеху на случайных самодеятельных подмостках, так что в

театре я прижился. У Мерзлякова я сыграл в двух пьесах абсурда, затем Герострата в пьесе Горина, Феклушу в “Собачьем вальсе” и фон Ранкена в “Днях нашей жизни” Л. Андреева. Актер театра Ярослав Колчанов поступил на заочный режиссерский факультет ГИ имени Щукина и стал работать значительно лучше. И я хотел, чтобы моя игра не была самодеятельной, и в 2001 году тоже поступил в “Щуку”. Это была для меня единственная возможность получить актерское образование. Я был наивен. “Щука” пробудила во мне интерес к режиссуре. В 2003 году я поступил в театр “У моста” и проработал там несколько месяцев, сыграв в “Панночке”, в “Мастере и Маргарите”, и даже начал репетировать в пьесе Макдонаха, которого С. П. Федотов первым привез в Россию. В театр “У моста” с 2003 по 2006 годы я приходил и уходил в общем счете три раза, в итоге поиграл в Макдонахе и поставил “Старуху” Хармса и “Маленькие трагедии” Пушкина. Параллельно я продолжал работать в родном университете.

Диплом по “Сказкам” Салтыкова-Щедрина поставил в 2005 году в нашем студенческом театре «Небольшом театре»¹, за что до сих пор благодарен Сергею Мерзлякову и Ярославу Колчанову. В 2004 пробовал работать в Пермском ТЮЗе, не смог. Когда я получил режиссерский диплом, передо мной встал простой выбор: кем быть? Полноценно совмещать науку и театр стало невозможно. Семейные обстоятельства подтолкнули меня: в 2006 году я уволился из университета и уехал в Москву. Поработав в маленьких московских театрах и даже поруководив одним из них, в 2008 году я поступил в театр ФЭСТ в подмосковных Мытищах. Сыграл там пару ролей и сразу стал ставить: “Фантазии Фарятьева” А. Соколовой, детскую сказку “Храброе сердце”, “Три сестры” Чехова. В сезон 2009-10 годов снялся в телесериале “Школа”. Ставил в провинции: “Утиная охота” – в Лысьве, “Старший сын” – в Кемерово, “Дни нашей жизни” – в Уфе. В

¹ «Небольшой театр» создан в 1989 году на базе ДК ПГУ, в составе труппы – студенты и выпускники университета. Театр вышел за рамки студенческого самодеятельного коллектива, постановки включены в репертуарную афишу «Дома актера» Пермского отделения Союза театральных деятелей, спектакли пользуются успехом у широкого зрителя. Театр активно участвует в региональных фестивалях: дипломант и лауреат фестивалей «Студенческая концертно-театральная весна вузов Пермского края»; «Пермь-Фриндж-Фестиваль»; обладатель Гран-при фестиваля «Открытый занавес» (г. Екатеринбург, 2001 год); «Волшебная кулиса» (г. Пермь, 1999 г.) и др. Театр тяготеет к социально-философским проблемам и выбирает для своего репертуара преимущественно классические произведения.

2007 году поступил на стажировку на кафедру режиссуры в ТИ имени Щукина и с 2009 года стал преподавать, сначала в Щукинском училище, а с 2010 и на факультете эстрады в Гитисе. Преподаю мастерство актера и практическую режиссуру. Работал и работаю на курсах М. Б. Борисова, Ю. Н. Погребничко, Ю. И. Еремина, В. Б. Гаркалина, Е. Ю. Шаниной, Н. Г. Бабкиной, Ю. Б. Васильева. Со студентами выпускных курсов поставил “Двое на качелях” Гибсона, “Оркестр” Ануя, “Сторож” Пинтера. Теперь я занимаюсь театром».

Минаева Людмила Евгеньевна, ведущий инженер кафедры лингводидактики, рассказывает: «Я запомнила Алексея Витальевича с 1994 года, когда работала в приемной комиссии техническим секретарем и принимала документы от абитуриентов, поступающих на специальность “Русский язык и литература”. На фоне других абитуриентов он сразу бросился в глаза, я про себя отметила его интеллигентный вид, собранность, скромность и невольно прониклась симпатией и уважением к этому молодому человеку. Алексей Курганов оказался выпускником Очерской школы № 3, которую закончил с золотой медалью – ему надо было сдать литературу устно на “отлично”, и тогда бы он освобождался от других экзаменов как медалист. Экзамен надо было сдавать Р. С. Спивак – завалов было очень много, и даже среди медалистов; а наш скромный Алексей Витальевич приносит экзаменационный лист с “пятеркой” от самой Риты Соломоновны, помню, такая радость была за него. Я его поздравила, конечно, и сказала, что он может себя считать зачисленным. И на протяжении его учебы в университете всегда был повод за него гордиться: то услышу похвальные отзывы преподавателей, то бросится в глаза постер “Мистер университет”, где он изображен как победитель.

Алексей Витальевич работал на кафедре немецкой филологии с 2001 года, занятия его отличались высоким профессиональным уровнем. Студенты отмечали его доброжелательность, терпимость, высокий интеллектуальный потенциал и энциклопедические знания.

Будучи доцентом нашей кафедры немецкой филологии, он продолжал выступать на самостоятельной и профессиональной сцене, оттачивать мастерство актера. Его успех в театральной жизни был заслуженным, поражали его внутренняя сила, полное растворение в роли. Алексей Витальевич буквально заставлял нас пережить все, что он чувствовал сам. Жаль, что нет возможности вновь увидеть его на сцене, но я уверена, что какой бы деятельностью не занимался Алексей Витальевич, все у него будет происходить талантливо и умно».

С. Каравеева,
магистрант, выпускница 1976 г.

Сумма трех единиц

Начиналось все не с трех, а с двух. С дуэта, о котором помнят в университете все, кто пел в хоре в конце семидесятых – начале восьмидесятых. В программах концертов тогда значилось: «Дуэт Бердышев – Ефимов». Один был филологом, а второй физиком. Они могли бы и не встретиться, если бы не Нинель Алексеевна Пучкова, ее темперамент, ее умение превратить студенческий хор в дом родной. Вот, собственно, с университетского хора, где все факультеты смешались в единое поющее братство, где возникала не только «дружба навсегда», но и «любовь навеки», и началась история, которая не кончилась до сих пор.

Ах, как гремел некогда университетский хор! Как почетно было попасть в его ряды, сколько событий связано с этим коллективом и с постоянными хористами, которые до сих пор не упускают друг друга из вида. Быть может, не стоило бы упоминать об этом, если бы не одно обстоятельство: судьба каждого из героев так или иначе возвращалась к этой форме творческого существования.

Сергей

Сергей Бердышев – потомственный филолог, наследный принц факультета: и мама, и папа учились здесь. Думаю, непросто было Сереже на факультете: вместо студенческой вольницы – дружеский пригляд тех, с кем учились родители. Я никогда не спрашивала об этом, возможно, все было не так, но по каким-то случайно оброненным фразам, поступкам и реакциям я сделала именно такой вывод.

Яркая Сережина мама, Людмила Николаевна Бердышева, выучила многих из тех, кто потом пришел на филфак. У нее сильный, властный характер и темперамент совершенно южный (испанский, итальянский!). Но характера и сил хватило и у сына. Сережа выбрал тактику тихого сопротивления. Он, конечно, учился на отделении романогерманских языков и литературы, но, сделав эту уступку, занимался больше всего музыкой.

Тенор Сергея, теплый и чистый, того особого оттенка, который знатоки называют золотым, пригоден для исполнения произведений любого жанра. Романсы, баллады, народные песни, классика и джаз, духовные сочинения и популярная музыка – все звучит у него особому. И тут дело не только в тембре. Сергей умен и эрудирован, он не только глубоко чувствует, но и всегда понимает, о чем поет.

Стиль и эпоха всегда учитывались самым тщательным образом. Выбор инструментов, позднее – аранжировка (сначала дуэт использовал тактику «сняты один в один» – с пластинок и магнитофонных записей), элементы театрализации – все служило созданию оригинального номера.

«В те времена былинные» интересный репертуар найти было довольно сложно. Современные музыкальные произведения на иностранных языках выискивали по крупицам. Обсуждали, пробовали, и то, что оба участника дуэта прилично владели английским, очень помогало.

Но за рамки исполнения только англоязычных песен вышли довольно быстро. Захотелось новых красок. Утесовский «Теа-джаз», забавные песенки 30-х – 50-х годов разнообразили репертуар. Пригодились и Сережина скрипка, и Володино банджо. Как смотрелись они на сцене! Мефистофельски изогнутая бровь и эспаньолка Сергея, шкиперская бородка и пышная шевелюра Володи бередили девичьи сердца, а уж когда тенор и баритон сливались в каком-нибудь хите, зал взрывался овациями.

Репетиции отнимали много времени. Учеба страдала. На горизонте замаячила армия.

И это случилось. Но все знали про Сережин голос. И попал он в ансамбль Уральского военного округа, в Свердловск. Все в дело! Армия, конечно, да еще и того времени, не то место, куда стремились попасть студенты, но опыт работы в ансамбле, наверное, все-таки сыграл свою роль.

Сергей получил хорошее образование и изрядный опыт. Он постоянно менялся и менял направление работы ансамбля. Появились крупные музыкальные формы: музыкальные спектакли «Страсти по Руси», «Ундина»...

А через некоторое время мы познакомились с романсами, написанными Сергеем Бердышевым. И это поразило больше, чем его блестящие сценические работы.

Сегодня Сергей – артист Государственной Капеллы имени Глинки, с этим коллективом объехал мир.

Владимир

Физик Владимир Ефимов перевелся на филфак и учился там долго и счастливо. И даже некоторое время преподавал.

Его жизнь делала прихотливые повороты, но, как и у Сергея, музыка была в ней всегда. А когда не стало музыки, не стало и Володи.

При всей кажущейся мягкости и уступчивости он всегда знал, что ему нужно, и делал то, что считал необходимым. Обаяние и интеллект,

музыкальность и эрудиция – какое приобретение для факультета! И каким приобретением стал факультет для самого Владимира!

Во всяком случае он всегда говорил, что на филфаке он получил очень многое. И первое, о чем он вспоминал, – работа с Леонидом Николаевичем Мурзиным. Володя увлекался поэзией Маяковского, личность Маяковского притягивала его настолько, что, мне кажется, он внутренне сопоставлял свою судьбу с судьбой поэта. Библиотечку о Маяковском он собирал очень тщательно, а потом вдруг подарил своей школе – знаменитой «девятке». «Отравился» книгой Карабчиевского... А диплом писал как раз на материале Маяковского и Леонова. Проблемы дериватологии очень занимали его, и работал он над этой темой очень серьезно. Выучка математической школы и физфака сказывалась в системном подходе, стройной логике и обширном объеме экспериментального материала.

Но все это было позже. А сначала, как и у Сергея, – репетиции, совместное музицирование, «посиделки» в общежитии.

Много разной музыки звучало вокруг и исполнялось. Например, какое-то время Владимир пел на клиросе. Освоение духовной музыки – совершенно особенная история. Всенощная Рахманинова, духовные сочинения Чайковского и Танеева, песнопения Чеснокова и Кастаньского в светском государстве лишались названий, использовались с оговорками. А ведь это удивительная, фантастической силы и глубины музыка!

А рядом с этим – «песни протеста», интернациональная и рабочая песня. Поездки на конкурсы, например, в Новосибирск на Интернеделю. И там знакомство с чилийцами, уругвайцами, разучивание новых песен, как говорили, «на приятных иностранных языках». Поездка на БАМ.

У Володи был глубокий бархатный баритон, довольно широкого диапазона. Студенты имели возможность заниматься индивидуально в вокальных классах. Для Володи очень дорогим было общение с солистом оперного театра Владимиром Владимировичем Елиным. Это была серьезная профессиональная работа.

Увы, и этому герою не удалось избежать проблем с учебой. Кто только не ходатайствовал за Ефимова! Но призвали его в строительные войска, а отправили – на край света, на Таймыр. Там несколько десятилетий назад его мама, Александра Владимировна, служила в составе геологической партии. Служилось трудно: полярная ночь, дедовщина (куда ж без нее в конце семидесятых). Самодетельность, конечно, тоже была. Значит, была отдушина. Володя нечасто присылал из армии письма, но, когда это случалось, там обязательно были его

стихи. Иногда короткие и ироничные, очень редко – лирические. Всегда – с неожиданными метафорами. Очень люблю до сих пор его песенку «Напишите мне про трамвай» с чудесными строчками «Фараоны в молочных пакетах/ Занесенных песком пирамид»...

Из армии он вернулся с умением плести из бисера (у нивхов научился) и стойким отвращением к коллективному бытию. Стал жестче, иногда даже агрессивнее. Вернулся на факультет, стал учиться, наверстывать упущенное. Упущенное, в том числе, и в общении. Голова его была устроена таким образом, что самые простые вещи становились объектом исследования. Он мог с увлечением рассказывать о поверхностном натяжении пленки мыльного пузыря, о сравнительной грамматике русского и азербайджанского языков, о разных видах кларнетов и т.д., и т.п. С ним всегда было очень интересно.

Мы поженились. «Студенческие весны» продолжались, даже когда появились дети. Просто иначе нельзя было жить. Репетиции ансамбля, а позднее камерного хора шли своим чередом. Сменялись работы, а музыка оставалась. И еще оставались языки. Володя имел такой дар: он и русский язык знал хорошо, и английский, немецкий, польский, болгарский чувствовал прекрасно. Художественный перевод, перевод документов для тех, кто хотел уехать из страны (в девяностые люди уезжали массово), наконец, технический перевод. Физфак и здесь проявился, между прочим. Технический перевод невозможен без знания основ физики, химии, математики, других наук. Дом быстро заполнялся справочниками по разным направлениям, словарями, энциклопедиями, узкоспециальными изданиями.

Основательность? Да. И в то же время долго делать одно и то же Володя не мог. Отсюда частая перемена деятельности, бесконечный поиск и освоение нового. Он искал, наверное, более всего не что-то, а кого-то. Себя. Но так и не нашел. Остались дети, получившие от него очень многое. Один из них, старший, очень похож на отца, и все друзья, которые видят его на сцене, как будто вновь встречаются с молодым Владимиром Ефимовым, бродягой и джентльменом.

Андрей

Андрей появился на факультете благодаря своей сестре, Элене Гарсиа. Ансамбль «111» втянул его в свою орбиту практически сразу. К тому времени, как он стал известен не только в Перми, он успел очень многое. Мы включаем сюда по разрешению автора страничку из дневника («Живого журнала») *Евгения Гришковца*.

Е. Гришковец,
драматург, актер

Вот, узнал о том, что в конце июля умер мой старинный приятель и товарищ по некогда самостоятельному театру Андрей Гарсиа. Умер он, как и жил, в городе Перми. И поскольку я только узнал о его смерти, значит, и умер он для меня сейчас. Андрей был старше меня на три года. Для меня это большое событие, и смерть его в столь молодом возрасте символична. Уходят последние художники и поэты конца восьмидесятых и начала девяностых. Уходят те, кто совсем не нашел себя в сегодняшнем пространстве и времени. Те, кто не смог мимикрировать и не нашел для этого никакого смысла. И получается, что Андрей еще долго прожил...

Андрей лично и то, что он делал, повлияли на меня так сильно, что трудно проанализировать. С уверенностью могу сказать, что если бы мы с ним не повстречались, не познакомились, очень многое в моих спектаклях, особенно музыкальная их составляющая, были бы иными, а моего альянса с группой «Бигуди», наверное, не случилось бы.

Увидел я Андрея, а точнее, его театр в городе Свердловске в 1990 году на фестивале, на который сам впервые выехал со своим театром «Ложа», со своим первым, совершенно бессловесным спектаклем «Мы плывем». А Андрей показывал тогда свой спектакль «Митиюки или книга странствий» по какому-то японскому эпосу или по какой-то очень древней японской пьесе. Спектакль был удивительным. Это был спектакль даже не одного, а двух коллективов – театра «Отражение» пермского университета и Андриюшиной группы «Пагода». Но режиссером спектакля и автором музыки был Андрей. Спектакль меня совершенно потряс и произвел настолько сильное впечатление, что мне немедленно захотелось сделать что-то подобное.

Мне сначала подумалось, что некто Андрей Гарсиа, указанный в программке, скорее всего какой-то иностранец из каких-то иных, удивительных стран человек, потому что человек из Перми не мог сделать того, что я увидел и услышал. Оказалось – нет. Андрей из что ни на есть Перми. И фамилия у него настоящая, подлинная, не псевдоним. Просто, как мне сказали, отца Андрея еще ребенком эвакуировали в СССР из Испании, спасая от фашистов.

Тот спектакль начинался фразой: «Я, да будет вам известно, Фукакуса, смиренный житель столицы». Этой фразой начинается некая японская новелла, которую читает герой моего рассказа «Ангина», который я написал прошлой зимой. Вот какое сильное впечатление на

меня произвел этот удивительный, непонятный и почти таинственный спектакль...

Во время того фестиваля мы подружились коллективами. Андрей и группа «Пагода» сыграли концерт в один из вечеров, чем окончательно меня добили. Да, они готовы были играть в любом месте и сколь угодно долго. Что они играли? Трудно сказать! Их причисляли к направлению нью-эйдж. Но нью-эйдж было что-то вялое, полуэтническое, часто заумное, длинное, главное – ужасно скучное. «Пагода» же играла что-то фантастическое. Она играла музыку несуществующих народов с несуществующих островов. Берусь утверждать, что так у нас в стране не играл никто. В их музыке не было ничего от претензий и зауми обчитавшихся Блатовской бледнолицых мракобесов. В них не было многозначительности и бессмысленной таинственности фанатов всего индийского или псевдопросветления рерихнутых сектантов. В них не было намека на какие-то особые, мистические знания и потаенные витиеватые смыслы, для познания которых нужно было несколько лет читать мантры. Они просто были пермскими ребятами, которые умели фантазировать и не претендовали на звание профессиональных музыкантов. Виолончель, цимбалы, перкуссия, флейты, гитара, контрабас и голоса! И этого было достаточно, чтобы в Перми создать ощущение того, что музыка эта рождается не на берегах Камы, а на берегу неведомого моря.

Андрей был, конечно, выдающимся музыкантом, при этом инструменталистом не был вовсе. Вряд ли он мог бы поучаствовать наравне в джем-сейшене с какими-нибудь виртуозами. Но он мог извлечь нужный только ему звук из чего угодно. В наборе инструментов, на которых он играл, были разные флейты и что называется дудки, несколько раз битая и много раз клееная окарина, привезенная им неведомо откуда, из которой он извлекал такие печальные звуки, какие не были задуманы теми, кто делал этот инструмент. На стареньком армянском дудуке он выводил какие-то совершенно африканские мелодии. Даже труба от пылесоса служила ему то духовым, то ударным инструментом. А как он играл на гитаре...

Нет ничего скучнее, чем исполнение чего-то типа фламенко нашими исполнителями. Наши исполнители испанской народной музыки чаще всего очень аккуратные и занудливые люди, которые садятся на специальный стульчик, ставят ногу на специальную подставочку, протирают специальной тряпочкой блестящую гитару, а потом демонстрируют скорость перемещения пальцев по грифу. Эта скорость впечатляет, но слушать их академическое исполнение невозможно. Андрей играл совершенно не так. Разумеется, от него как от хоть и перм-

ского, но испанца часто просили исполнить что-нибудь испанское. И он исполнял. Он исполнял это смело, и именно так, как надо. Когда ему не хватало элементарной техники и той самой скорости пальцев, он мог просто отбить какой-то ритм по корпусу гитары или так темпераментно ударить по струнам, что в этом было больше Испании, чем во всей многолетней деятельности музыкального эксцентрика Дидюли (который изо всех сил кожилится, чтобы изобразить хоть что-то похожее на темперамент). Андрей быстро входил в музыкальный раж, завывал, пританцовывал, вращал ничего не видящими глазами и уходил в музыку полностью, увлекая за собой всех мало-мальски чувствительных слушателей.

Я несколько раз организовывал приезд Андрея и его группы в Кемерово к себе в театр. Это были потрясающие концерты! Я ужасно удивлялся тому, что Андрей и его группа почти совсем не концертирует, у них нет гастролей, а редкие выезды на фестивали не приводят к ошеломительному успеху. А еще больше я удивлялся тому, что ни Андрею, ни группе ничего этого, казалось, было не нужно. Этот волшебный человек, заставляющий любой предмет звучать, а группа «Пагода», состоящая, в основном, из совсем непрофессиональных музыкантов, под его руководством могла создавать удивительную полифоническую музыкальную картину, удовлетворялся недорогой водкой и совсем не хитрой закуской. Бытовые вопросы его не интересовали. Сколько я помню Андрея, быта у него как такового и не было. Хотя восхищение ему было необходимо. Но восхищение то, которое было, оно же было и достаточно. Если бы видели, какими глазами на него смотрели женщины, когда он пел...

Я сердился на него, пытался подсказывать, что и как нужно организовать в работе коллектива, чтобы и коллектив сохранить, и работать эффективнее. Но от таких разговоров ему моментально становилось скучно, он начинал блуждать взглядом по сторонам и лучше предлагал выпить. А я в то время не пил даже пива.

Как же мне хотелось, чтобы в моем театре тоже была музыка. Я заставлял всех своих актеров освоить хоть какой-то инструмент. Если кто-то хотя бы один год ходил в музыкальную школу и знал хотя бы несколько кнопок на баяне, он уже должен был на эти кнопки нажать. Я придавал огромное значение музыкальной составляющей спектаклей после знакомства с Андреем и «Пагодой». В результате спектакль «Осада» вышел без фонограммы и с живой музыкой. В основу той музыки легли народные болгарские и турецкие песни. Конечно же, это было под огромным влиянием Андрея. До сих пор в МХТ имени Чехо-

ва, где идет спектакль «Осада», вы можете услышать дальние-дальние отголоски «Пагоды».

Исключительно из знакомства с Андреем я приобрел мечту когда-нибудь самому что-то исполнить под музыку. И эта мечта самым причудливым образом воплотилась в моем альянсе с группой «Бигуди»...

Андрей был чудесным. Он был просто чудо! Маленький, с часто дрожащими руками, дрожащим сипловатым голосом, странными движениями, он был весь какой-то сильно нездешний. Я повстречал его последний раз чуть больше двух лет назад на лестнице за кулисами театра. Мы до этого долго не видались и тут встретились. Он мне впервые показался каким-то уж очень будничным. Он был буднично одет, буднично подстрижен, разговаривал буднично, рассказал про то, что работает в этом театре. В нем совсем не было блеска... прежнего блеска. Я даже тогда не понял, стал он смотреть мой спектакль или не стал. Хотя мои реалистические тексты и истории ему вряд ли были любопытны. Он записал мне на бумажке телефон. Когда я попытался ему перезвонить, выяснилось, что телефон он записал неправильно. В номере не хватало одной цифры. И именно это напомнило мне прежнего Андрея (улыбка).

А вот теперь я узнал, что он умер. У меня есть предположение, почему и по каким причинам он ушел так рано. Но я не хочу их высказывать. По этим причинам ушло так много поэтов и музыкантов, которые вдыхали воздух конца восьмидесятых и начала девяностых, а выдыхали чистые звуки. Те самые, нежные и при этом бескомпромиссные, собственно, потому что не знали, как пойти на компромисс... От них почти никого не осталось. Я говорю о тех, для кого неважно было, где играть концерты – на кухне, в ДК или на стадионе, для которых любое место было мастерской, любая поверхность – холстом и любое пространство – выставочным залом, для кого любая пьяная затея была перформансом и практически любое застолье – инсталляцией... Я таким никогда не был. Я все время че-то трудился. И часто сердился на таких художников, музыкантов, поэтов. Уж больно легко у них все получалось. Чересчур сильно их любили и заботились о них те женщины, которых они делали несчастными. Как-то они могли вовсе жить без денег, прописок, трудовых книжек и прочих социальных признаков. А вот теперь их практически не осталось. Андрей прожил дольше многих. Горюю по тому времени, которое во многом освещено именно им. Тоскую по легкости и романтике, которая от него исходила.

Он не смог измениться и даже понять того времени, которое пришло. В каждом городе наверняка были такие свои яркие вспышки...

Сумма трех единиц. И мы рассказываем в три голоса. Та сторона жизни «111», которая была скрыта для многих, хорошо известна *Константину Шумову*.

К. Шумов,
кандидат филологических наук,
доцент, выпускник 1982 г.

Республика КИД, или полторы барабанные палочки

Когда мы дома играли в лото, папа всегда важно объявлял «кол», «перчатки», «стульчики» и, конечно же – «барабанные палочки». Последними я очень гордился – был барабанщиком в пионерском лагере. Речь, собственно, не о лото и не о детстве, а о том, что с некоторой натяжкой можно назвать «полторы барабанные палочки». Ставшей легендарной для филфака аудиторией 111 в географическом корпусе. Хотя называть наш «клуб», «клубешник», «место встречи» аудиторией язык не поворачивается.

КИД. Для тех, кто не в курсе или слишком молод, должен пояснить. КИД – это Клуб Интернациональной Дружбы. Неофициально КИДы существовали в СССР, думаю, с начала 60-х годов – после Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве 1957 года. Хотя переписка с «пионерами других стран» велась еще на заре советской власти, что хорошо известно из детской литературы – «Конduit и Швамбрания», «Бронзовая птица» и других замечательных повестей и рассказов. Официально же КИДы были закреплены рекомендациями ЦК ВЛКСМ в 1978 году. И тут маленькая нестыковочка.

В университете КИД существовал с незапамятных времен. А на момент нашего сюжета приказал долго жить – аккурат в 1977 году, если я правильно помню. Председателем Совета (или чего-то там другого) университетского КИДа был Сергей Бердышев, который до конца нес знамя интернациональной дружбы и несет его и поныне... А помещение, выделенное ректоратом под эту общественную организацию, как раз и носило гордый номер «111»... Ключи от аудитории были у Сереги... Если правильно помню, в школе № 7 он тоже имел какое-то отношение к КИД. И, что знаменательно, я впервые услышал, как он поет под гитару, именно в школе. Серега на одном из концертов спел арию Иуды из классической рок-оперы Jesus Christ Superstar Эндрю Ллойда Уэббера и Тима Райса. Наверное, это было возможно только в нашей школе, где даже сборы пионерской дружины проходили на английском языке...

Если честно, по интерьеру в этом помещении как-то не очень хотелось с кем-то интернационально дружить (и даже не только интернационально и не только дружить). Стенды какие-то, прислоненные к обшарпанной стенке, проваливающийся пол, вонища (под полом у окна был стык канализационных и водопроводных труб), обшарпанные столы – полный сюр. Но нам с Лешей Лужбиным нравилось, мы тогда увлеклись драмой абсурда и перечитали, что было на тот момент возможно. Атмосфера аудитории вполне соответствовала Беккету, Ионеско, Камю. Было это в 1978 году, когда филфак переехал из общежития № 8 в географический корпус. Это был какой-то переломный год. Факультет переехал, «Студвесна» тоже переехала из «Ленинского зала» в главный корпус, а через год на «Весне» филфак запел. Скорее всего, по причине появления на факультете Светланы Караваевой.

Не помню точно, когда простые посиделки за пивом или «Тремя топорами» (простите, но из песни слово не выкинешь) переросли во что-то большее. Начали, собственно, с небольшой уборки. Вытащили и выкинули мусор, который сваливался как раз под пол на стык труб. Немного отскребли пол и почистили стены. Но... сиро, убого, вот и решили украсить стены.

Роспись стен заняла два вечера. Трудились вчетвером. Красок не было, была черная тушь и кисточки. Андрей Казаринов изобразил обнаженную женщину, от которой так и веяло истомой. Леша Лужбин нарисовал многозначительный глаз. Саша Попов – паутину с пауком. А я – лошадь (она была персонажем нашей намечавшейся драмы абсурда). Или крокодила... Короче, в силу полного отсутствия таланта живописца, но переизбытка желания оно одновременно походило и на лошадь, и на крокодила. Леша Лужбин одобрил...

Втягивание бывшего КИДа в бурную студенческую жизнь факультета происходило плавно и как-то незаметно.

Сначала туда въехал «Горьковец»... Удобно – вдали от глаз преподавательских, можно спокойно работать ночами. «До того как» газету рисовали в одной из лабораторий, где иногда терялись люди... Сережа Усков однажды потерялся. Рисовал-рисовал, и вдруг пропал. Географический корпус ночами страшноват. Там еще и привидение бродило. Корпус заперт, окна проверили во всех ближних аудиториях – закрыты. А Ускова нет... Вернулись в лабораторию. Пригорюнились. И вдруг – шевеление верхней одежды, сваленной в кучу на стульях. Серега прикорнул под чьей-то шубой.

Он был отличным рисовальщиком и очень любопытным поэтом. Как-то к 7 ноября нарисовал заставку к газете с символами. Символ матери – женщина держит на поднятых руках младенца, голая спина,

но все целомудренно. Член партбюро подводит меня к ней, тыкает пальцем в спину и спрашивает: «Костя, это что?» – «Эээ, это символ матери» – «Костя, она же голая, вы хоть бы лифчик на нее надели, а то порнография какая-то». Представил себе лифчик на этой картинке и счел, что Мать с ребенком проще вырезать из газеты.

А стихи у Сережи были немного шизические, но с блестящей цветописью.

Мы стоим у водопада,
Между нами есть преграда,
Между нами есть преграда,
Это струи водопада.
Ты брала зеленую кастрюлю,
В ней картошку белую варила.
Твоя розовая кожа
В свитер черный уходила,
Уходила...

...Вот не помню точно, когда у нас появился Володя Ефимов, студент физического факультета. Альянсы «физики-филологи» были традиционными, не зря же жили в одной общаге. Не помню точно год, но было – Ефимов на «весне» выступал за филфак, а Лужбин за физиков. Леша облажался в роли Жеглова, не смог воспроизвести наизусть какой-то физический закон. Тогда же Иотко обидел Ефимова, изобразив его, мягко говоря, ловеласом в общаге. Мы выступали после физиков, я изображал конференс на выступлении агитбригады «Поющая пудреница» (ее чаще называли «Поющая пепельница»). Достаточно было одной фразы «Ну за что вы Вовку-то Ефимова...», зал встал. До этого, уже на сцене актового зала главного корпуса мы разыгрывали миниатюру по мотивам передачи КОАПП. Володя был Кашалотом и сценаристом, я Удильщиком.

Если коротко, клуб «111» зажил своей жизнью. И один из самых популярных дуэтов в универе Бердышев-Ефимов тоже зажил своей жизнью. И взял себе имя этого клуба. Потом к ним присоединились Элен и Андрей Гарсиа. Традиция именовать себя по локации в университете живет. Есть же ансамбль «Пятый корпус».

Отдельная история была с комендантом. Как-то раз мы не смогли попасть в «111», комендант врезала новый замок. Ефимов открыл чуть не пальцем. На следующий день мы врезали свой замок, потом комендант свой. Но мы хитрили – окно не закрывали и на глазах дежурных по РОВД (как раз напротив располагался) заходили через окно.

В «111» репетировали, делали газету, просто устраивали посиделки. Даже мультфильмы снимали. Два. Никто из знакомых кинош-

ников не верит, что можно снять кукольный мультфильм пятиминутный за одну ночь, а пятнадцатиминутный за трое суток...

Каким-то рубежом стал призыв в армию Бердышева и Ефимова. Филфак при этом петь не перестал, традиция-то заложена.

В принципе не особенно важно, как сложились судьбы населения республики КИД «111». Все мы родом из нее...

Сумма трех единиц. Каждый – особенный, единственный и неповторимый. А все вместе – легендарный ансамбль «111».

Раздел IV. Художественное творчество

И. Рогова,
выпускница 1972 г.

Не бойтесь жизнь переменить

Как давно были «мои университеты»! Но как приятно их вспомнить...

Я окончила обычную среднюю школу, расположенную в отдаленном районе. Я хорошо училась и очень много читала, но с первых же дней в университете обнаружила, какая я отсталая, необразованная, провинциальная дура. Ведь рядом блистали эрудицией, смелостью суждений, начитанностью, оригинальностью и всякими талантами старшекурсники, а в моей маленькой группе английского языка на романо-германском отделении были в основном выпускники спецшкол. Они жили в центре больших городов, ходили в театры и музеи, на симфонические концерты и лектории, знали имена известных дирижеров, художников и режиссеров. Они бойко сыпали своими знаниями в диалогах и монологах на ежедневных занятиях по английскому, а я с ужасом ждала, когда спросят меня. Весь первый семестр я сидела за первой партой со Светой Мазухой, и мы обе, не имея возможности списать или подсмотреть у соседа, получали по законной двойке за диктант. Я не понимала, что задают на дом, потому что преподаватели английского говорили только на языке.

Это был шок и, как я теперь понимаю, хороший стимул. К третьему курсу я имела пятерку по английскому и повышенную стипендию – никакая другая мне тогда не светила, потому что для нее требовалась справка о низком семейном доходе.

Учеба мне давалась легко, хотя много ерунды было тогда в университетской программе. Особенно скучны были курсы по общественным наукам. Как и все студенты, я зубрила что-то к экзамену, а потом все начисто забывала. Но были и интересные предметы, вернее, интересными они были благодаря преподавателям. С теплым чувством вспоминаю Наталью Самойловну Лейтес и Леонида Владимировича Сахарного. Не только лекции, но и общение с ними отличалось особой свободой, строилось на личном контакте, на удивительном равенстве. Хотя мы, конечно, не могли быть равными ни по образованности, ни по статусу, ни по возрасту, наконец. Но получалось, что ты им интере-

сен и твои суждения чего-то значат. После советской школы для меня это было удивительно.

Диплом я писала по языкознанию, о категории времени в английском и русском языках. На последнем курсе мне пришлось перейти из зарубежной литературы в лингвистику из-за того, что нам вменили в обязанность писать диплом на материале так называемого «рабочего романа». А я хотела исследовать английскую литературную сказку. Вот и ушла на другую кафедру. И оказалось, не зря. Время стало очень важной для меня темой.

Мои студенческие годы прошли по классическому образцу – веселая компания, которая вместе встречала праздники, жила от сессии до сессии, отправлялась за город, на практику, в колхоз. Придумывались забавные игры, розыгрыши, спектакли. И даже ссоры бывали смешными и короткими. Участие в студенческих театральных веснах сблизило меня со многими интересными, яркими людьми. С некоторыми я дружу всю жизнь.

Потом я переводила книги с английского языка. Позднее стала читать курс лекций по истории культуры студентам политехнического института. В начале девяностых увлеклась керамикой и уже навсегда.

А вот об этом периоде жизни Инны Роговой, который она уместила в три строки, подробнее рассказывает Светлана Федотова в журнале «Компаньон magazine»:

«В 1972 году она стала работать переводчиком в лаборатории социологии при кафедре научного коммунизма, а потом перешла на кафедру этики, эстетики и научного атеизма, позднее переименованную в кафедру культурологии, где читала курс лекций по этике и по истории культуры.

Лабораторию социологии в те годы возглавлял Захар Ильич Файнбург, который всегда был свободен внутренне. Он интересовался новыми книгами и хотел, чтобы их читал не только он, но и другие. Поэтому работа Инны Роговой заключалась в том, что она ездила в Москву, в Ленинскую библиотеку, там находила новые интересные книги. С них делали фотокопии, которые распечатывали на ротапринтере. Она их переводила, и тиражом в пять экземпляров книги выходили.

В начале девяностых жизнь изменилась сокрушительно. К этому времени Инна Рогова была частым гостем в мастерских художников на улице Кисловодской, где работала Наталья Корчемкина. Тогда там была активная творческая жизнь, бедная, но веселая. Две комнаты специально держали свободными для выставочного зала. Там читали лекции, приглашали натурщиков, пели под гитару и разговаривали обо всем на свете.

Инна рассказывает, что сначала ее привлекли работы Натальи Корчемкиной. Ее потрясло, как легко она их дарила. Казалось, что она никогда не смогла бы расстаться с такой красотой! А однажды Наталья сказала: ну что сидишь просто так – бери глину, лепи. Она попробовала – и у нее получилось. Так началась другая жизнь.

Инна Рогова и Наталья Корчемкина стали работать в одной мастерской, но отдельно. При этом одна усиливала другую: это тот случай, когда две единицы, встав рядом, образуют число 11. Наталья в этом дуэте отвечала, условно говоря, за нишу “художественный уровень”, а Инна – за “философию” и “мировые тенденции”.

– Это было самое бедное десятилетие в жизни, – вспоминает Инна Рогова о 1990-х. – Денег не было даже на трамвай. Приходилось ходить пешком. Они делали тогда много небольших сувениров и сдавали в салон “Ларец”, который находился в том же доме, что и Центральный выставочный зал. Очень редко были какие-то заказы. Один из самых больших на тот момент – скульптура Ролана Быкова в образе Бармалея. Тогда же, в 1996-м году, у нее прошла первая персональная выставка в первой частной галерее в Перми под названием “Амарант”.

И все пошло по нарастающей: выставки в Перми, Екатеринбурге, Кирове, Москве, США, Англии, Испании, Чехии, заказы, поездки, арт-резиденции... Выяснилось, что керамика Инны и Натальи нравится как простым людям, так и взыскательным искусствоведам ведущих галерей мира. Их работы оказались и в частных коллекциях, и в собраниях музеев в России и за границей.

Рогова и Корчемкина – члены Союза художников России и Болгарии».

...Теперь, когда уже можно оглянуться назад и разглядеть петляющую и кривоватую свою тропинку, понятно, как многое пришло оттуда, из тех лет, тех впечатлений, знаний, встреч, которые случились в университете. С годами понимаешь, как не случайны все случившиеся с тобой случайности. Многие мои друзья и знакомые удивились, когда я занялась керамикой. Но в этом занятии для меня соединились важные, прежде разрозненные вещи. Английский – бесценная помощь в общении с керамистами разных стран, в путешествиях и творческой работе за рубежом. Любовь к гуманитарному знанию, к искусству. И свобода делать то, что хочется и когда хочется. Без начальников.

А еще мне очень нравится видеть вещественные результаты своего труда. То, что можно взять в руки. На что можно посмотреть через много лет. Другими глазами. И иногда приятно удивиться.

Искусствовед Ольга Старцева в предисловии к альбому «Встречный ветер. Керамика Инны Роговой» отмечает:

«Каждый раз, встречаясь с произведениями Инны Роговой, поражаешься цельности ее творчества. У нее нет проходных работ или случайных тем. Судьба как будто бы долго присматривалась и примеривалась к ней и, заставив ее состояться как филолога и переводчика, снабдив серьезным интеллектуальным “багажом”, наконец отпустила в искусство. Инна сразу выделилась философски-содержательной наполненностью своих работ. Все, что волновало и обдумывалось, постепенно выкристаллизовывалось из знания – в образ.

Одна из программных тем в творчестве Инны Роговой – Время и отношение к нему, осознание себя через тему времени. Художника волнует его непостижимая таинственность, одновременность вечного и преходящего. Время “съедает” все обыденное, обнаруживая внутреннюю структуру вещи. Пластически это выражено в сочетании объектных форм с жесткой графичностью частично обнаженного “скелета” вещей.

В символической связи появляется и тема Дороги. Это перемещение, движение, плавание во времени и пространствах, преодоление ходов и выходов. По словам самой художницы, “...есть “пластический” момент, который меня волнует в форме – отверстие. Щель в заборе может быть таинственным выходом в другое, “запретное” пространство. Заглянуть внутрь и увидеть... Что? Ведь это “что-то” недаром скрыто от наших глаз. Тем и притягательно. Наверное, поэтому я делаю дырки в керамике”. Отсюда – серия работ под названием “Расколотый орех”. Отверстия, соединенные мостками, образуют узор, строят свою структуру переходов. Вещи близки природным формам. У Инны непревзойденное чувство фактуры поверхности, видение того, как она преображается в цветах глазури, солей, проявляющихся при обжиге в сочетании с шероховатой текстурой запеченной глины, с мелким рисунком включений минералов, с тонкой графикой процарапанных линий.

Необычайная внешняя выразительность ее композиций и отдельных произведений – плод нерасторжимого единства формы, объема и фактуры. Кроме того, ее вещи – просто красивы: цветом, формой, силуэтом, живописной поверхностью».

Б. Кондаков,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русской литературы ПГНИУ
Т. Шматенок,
член Союза художников России

Живопись¹ и Слово художника Аборкиной

С Анной Владимировной Аборкиной как художником пермские зрители познакомились совсем недавно. Первая публичная выставка ее произведений состоялась в 2010 году. Это событие прошло в Доме журналиста, где разместилось более 70 ее работ. После первой выставки последовали другие, прошедшие в Библиотеке духовного возрождения, Гимназии имени С. П. Дягилева, Театре кукол и Театре юного зрителя, а также в Пермском государственном национальном исследовательском университете... Всего за четыре года у Анны Аборкиной состоялось 15 персональных выставок. Большая выставка ее произведений под названием «Художник Анна» состоялась в феврале – марте 2016 года в пермском Музее советского наива.

Выставка работ А. В. Аборкиной в Музее советского наива, вызвавшая большой резонанс в городе, стала основанием для связи ее творчества с так называемым «наивным искусством».

Само выражение «наивное искусство», конечно, не может определить сущность ее подвижнической творческой деятельности. «Наивным искусством» в настоящее время называются несколько совершенно различных явлений: детское художественное творчество, выражающее «незамутненный», «неиспорченный» взгляд на окружающий мир; народное творчество, органически связанное с фольклорной традицией; «непрофессиональное» творчество самодельных художников. Двадцатый век – век торжествующих тоталитарных режимов, уничтожавших индивидуальность человека, – сформировал еще один вариант «наивной» интерпретации окружающего мира: «наивность» как принципиальная позиция представителей интеллигентского круга, демонстрирующая неприятие расхожих идеологических моделей и стереотипов, возвращающая человека к исконным природным и культурным ценностям.

¹ В настоящем издании живопись А. В. Аборкиной представлена двумя картинами. Более полно с ее творчеством можно ознакомиться в сети Интернет: <http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/knigi-ob-universitete/aborkina.rar>

Однако с «наивом» и «примитивизмом» творчество А. В. Аборкиной сближает только живой и непосредственный взгляд на окружающее и близость создаваемой ею художественной картины мира идеальным представлениям. В создаваемых ею произведениях запечатлены образы «культурных героев» той или иной эпохи. Художник пишет то, что любит, ценит, хочет сохранить в своей и чужой памяти.

Главные составляющие ее творчества – активная жизнь чувства, близкого к экспрессии, проникновенная мысль, фантазия и склонность к мифотворчеству. Ее картины глубоко *интеллектуальны* и истинно *интеллигентны*. По сути они обращают зрителя к исконной *внутренней форме* русского слова «искусство»: искусство не как «отражение» каких-либо жизнеподобных событий, а как особая «духовная пища», «искушающая» любого человека, соприкоснувшегося с ней.

Интеллектуальность творчества А. В. Аборкиной проявляется в органичной связи ее живописных произведений со *Словом*. Художник смотрит на мир через призму культуры, из которой черпает образы и смыслы своих произведений. И это не случайно: филологическое образование автора стало *почвой* для изобразительного творчества, его мировоззренческой и социальной опорой; оно сформировало оригинальный взгляд на мир и индивидуальное ценностное отношение к нему. Эта глубокая органичная интеллигентность была сформирована семьей, все представители которой – выпускники филологического факультета Пермского государственного университета. Отец художницы, Владимир Иванович Аборкин, был одним из первых в Прикамье членов Союза журналистов, организатором и многолетним директором Дома журналиста; мать, Нина Дмитриевна Аборкина, работала в Пермском книжном издательстве.

Основные темы, вдохновляющие художника, находятся в области высокого искусства: это герои античной (греческой и римской) мифологии, творцы отечественной и мировой культуры: А. С. Пушкин и его семья, лицейские учителя и друзья; С. П. Дягилев и К. Г. Паустовский... Все персонажи произведений А. В. Аборкиной существуют в сознании своего создателя и зрителя не абстрактно, а как живущие своими мыслями и страстями собеседники, ставшие интересными родственным им душам. Так, в интерпретации художника представители царского Дома Романовых – императоры, великие князья и княжны – воспринимаются не только как личности высокого социального и культурного статуса, а как *творцы*, олицетворяющие культуру.

То, что делает в своем творчестве А. В. Аборкина, – это не стилизация и не вольное копирование. Художник рассчитывает на высоко-

интеллектуального зрителя – *соавтора* и *сотворца* – и на возникающий в его искусственном сознании ассоциативный образный ряд, который органично включается в художественный мир произведения.

Форма картин А. В. Аборкиной чаще всего обобщенная и условная, она весьма далека от натуроподобия, но в своей первозданности обладает особой выразительностью. Создавая свои картины, художник ведет интуитивные поиски живописной пластики, способной передать целостное эмоциональное ощущение, соотнесенной с отдельным мотивом или с личностью человека.

Такой подход к творческой деятельности закономерен. На рубеже XX – XXI веков в культуре стали преобладать *визуальные* образы, ставшие символом времени, а визуальные *способы творческой деятельности* вытеснили словесные формы, лидировавшие в XIX – XX веках. Почти 80% информации человек стал получать не из «словесных» текстов, а из «картинок» на экранах телевизоров и компьютерных мониторов. Визуальный образ сделался убедительней слова, важнее и убедительней самой реальности; он существенно потеснил слово – как в социуме, так и в индивидуальном сознании. Слово стало менее слышимым.

И в этом современном культурном контексте красочные образы-высказывания А. В. Аборкиной визуализируют и делают доступными словесные образы живущих в глубине сознания зрителей.

Не случайно доминирующим жанром художника оказывается *портрет* – один из самых сложных жанров, который глубоко связан с мировоззрением и базируется не только на эстетических переживаниях, но и на глубинных этических импульсах. Автора вдохновляет стиль портретов английского художника Г. Гейнсборо и русских портретов эпохи ампира.

Портрет в данном случае – явление не только художественное, но и социальное. Если учесть, что в центре творческого внимания А. В. Аборкиной всегда находятся *люди культуры*, то можно понять, почему важнейшим посылом ее творчества становится *этическое беспокойство*. Обращение к портретам великих творцов – это факт авторского самоопределения, ценностной ориентации в мире. Героем внутреннего мира художника является Человек – творец культурных ценностей, – и именно о своей внутренней близости с историческими персонажами и хочет поведать своему адресату Автор. Воображение заставляет зрителя создавать необычный *контекст*, в котором пребывает персонаж, соотнесенный как с *историей*, так и с *современностью*.

Создавая портреты известных личностей, А. В. Аборкина изучает их прижизненную иконографию в живописи, графике, скульптуре и фотографиях, объединяет зримый образ со словом (это проявляется, например, в длинных названиях произведений, в которых автор стремится разъяснить сюжет, – так, как было принято, например, в лубке).

В созданных А. В. Аборкиной портретах передача физиогномического сходства не является основной целью. Писать «натуроподобно», в «бытовом ключе», автору скучно. Портреты людей осознаются в параллели с завершившимися историческими эпохами, поэтому нередко рядом с героем пишется фигура в одеждах ушедших времен, а в названиях женских портретов указывается не только фамилия мужа, но и девичья фамилия (как бывало в дворянскую эпоху), и в этой авторской игре со смыслами, несущей налет постмодернизма, выявляется глубинная связь завершившейся эпохи с современностью.

Основное выразительное средство художественных произведений А. В. Аборкиной и одновременно главный источник эстетического переживания зрителя – это *цвет*, вернее, *чувство* цвета, его эмоциональная и содержательная наполненность. Автор всегда отдает предпочтение насыщенному локальному цвету с преобладанием теплой палитры. Ей свойствен особый индивидуальный тип декоративности, позволяющий сделать цветовую гамму выразительной и броской, создать впечатление, что даже теплый цвет излучает *свет* и что свет идет из глубины *цвета*. В ее работах семантика цвета всегда многогранна – он передает одновременно изобразительные, выразительные и символично-метафорические смыслы.

Эмоциональная восприимчивость и интуиция художника позволяет с помощью цветовых отношений и организации ритма передавать эмоциональные оттенки психофизики модели, своеобразие силуэта, нюансы мимики, что позволяет любому культурно искушенному зрителю интуитивно узнать портретируемого. Открытия Винсента ван Гога оказались и личными открытиями А. В. Аборкиной: в ее картинах никогда не используются нейтральные (черный или коричневый) цвета: для каждого персонажа выбираются свои, всегда «звучные» окраски и оттенки.

Как правило, А. В. Аборкина не ограничивается одной картиной, а работает *циклами* произведений, включенными в широкий контекст культурных эпох.

Лучшие работы автора – те, в которых сила и глубина переживания совмещена с выразительностью рисунка, композиция которых

гармонично выстроена, а отдельные элементы целостны, что и делает их значительным явлением искусства.

В этом контексте в первом ряду находятся портреты родителей, особенно отца. Эти работы – яркий пример претворения *авторского мифа о семье*, в котором родители по-евангельски искренни и чисты, возвышенны и благородны. Пиетет, с которым А. В. Аборкина относится к родителям и – шире – к *людям созидания*, для которых основным содержанием жизни является гуманистическая деятельность, искусство и творчество, выдает в художнике человека, не «исправленного» современной цивилизацией.

А. В. Аборкина пишет портреты отца потому, что всегда гордилась им, бесконечно любила, ценила и уважала. Эта по-детски светлая и сильная любовь-обожание ощутима во всех его портретах, на которых герой всегда предстает внутренне значительной личностью. Свою мать автор пишет в образе дамы в кринолинах, напоминающем портреты XVIII века; обоих родителей – в компании с Екатериной Второй, как, например, в картине «Портрет Н. Д. Аборкиной, В. И. Аборкина и императрицы Екатерины Второй в жемчугах».

В интерпретации личности отца, в подчеркивании в нем деятельного и борцовского начала имеются в виду не только личные черты характера, но и его позиция в обществе, в социальной жизни. В этих и в других состоявшихся произведениях Аборкиной наивность сочетается с мудростью, поэтичностью и задушевностью.

Создавая портреты своей семьи, А. В. Аборкина нередко обращается к христианской мифологии (картины «Мария Магдалина и семейство Аборкиных», «Святое семейство и семья Аборкиных»). Картина «Святое семейство и семья Аборкиных» есть прямое выражение любви, восхищения и благодарности родителям.

Особенно хочется выделить «Портрет В. И. Аборкина», выполненный в смешанной технике (акрил и гуашь). Художник создает образ цельной, сдержанно-благородной, духовно значимой личности, достойной памяти и поклонения. На красивом сияющем золотистом (как в иконе) фоне представлено поясное изображение в фас немолодого мужчины в темно-синем костюме. У него высокий лоб интеллектуала, пронзительные голубые глаза и благородная седина. Удачно найденный золотой фон акцентирует внимание на смуглом лице героя и его глазах. Колорит построен на сочетании больших плоскостей, на контрасте золотисто-коричневых и темно-синих цветов; он выразителен и красив, особенно на свету, когда краски сияют и светятся. Из-за левого плеча героя выглядывает большеглазый и голубоглазый (как и

хозяин) кот, присутствие которого, с одной стороны, снижает патетику, а с другой – привносит в картину момент игры и теплую человеческую ноту.

Интересным представляется и «Портрет родителей Нины Дмитриевны и Владимира Ивановича Аборкиных в первый год их совместной жизни. Ашхабад, 1955 год», в котором употреблены приемы, характерные для архаических культур. Как и в предыдущей работе, здесь используется оригинальный живописный фон – насыщенный малиновый цвет, редко используемый в профессиональном искусстве.

Цвет фона в значительной степени определил цветовую палитру всей композиции: насыщенный фиолетовый цвет рубашки отца и сочетании локального зеленого и различных оттенков коричневого в одежде и волосах матери. В такой системе декора, особенностях восприятия цвета проявляется близость народному восприятию.

Отец изображен в традиции египетских фресок и рельефов: голова – в профиль, плечи – в фас. Профиль обведен черной краской, виден один голубой глаз и губы. Его фигура – воплощение энергии, активного действия; это образ борца и лидера. Мать изображена в фас, волосы расчесаны на прямой пробор, две длинные косы спадают на грудь; она пассивно созерцает мир перед собой. В ее образе передается созерцательность, спокойное приятие окружающего. Его значимость и лидерство подчеркнуты размером: он выше ее на полголовы. Зрителям явлен жизнеутверждающий многоцветный образ идеальной, гармоничной семьи; образ, в котором он – воплощение мужественного, активного мужского начала, а она – воплощение мягкого, уступчивого женского начала; он – ведущий, а она – ведомая. Романтическая фигура девушки в голубом над головой матери символизирует идею продолжения жизни и соединяет тему любви с библейской темой Святого семейства.

Анималистические сюжеты в произведениях А. В. Аборкиной встречаются нечасто, но их трактовки всегда выразительны и оригинальны. Животные участвуют в сотворении особого мифа, а их образы мягки и поэтичны.

Мотивы животных обычно возникают в работах, связанных с античной мифологией, – таковы, например, «Птицы древнегреческой богини Ириды». Своеобразие интерпретации проявляется в изображении семейного любимца кота Казимира, кошки Мышки и кошки Алисы. Их образы возникают и в портретах отца, и как самостоятельные изображения («Портрет В. И. Аборкина в 1970-е годы с кошкой Мышкой», «Портрет кота Казимира Второго», «Портрет В. И. Аборкина в цилиндре с кошкой Алисой», «Портрет В. И. Аборкина»).

Кот Казимир в изображении автора – полноправный член семьи. Художник одухотворяет и очеловечивает его: кот умен, серьезен и значителен, как и его хозяин; при этом, как и глава семьи, он написан в фас. Мифологическая аура передается названием картины, вносящем в миф новую интерпретацию: перед зрителем предстает не просто кот, а Казимир Второй, названный как Царь или Император. Картина рассчитана на интеллектуального зрителя, который вспомнит или кота Бегемота у М. А. Булгакова, или хотя бы котов – персонажей многочисленных современных мультфильмов.

...Сегодня работы А.В. Аборкиной находятся во многих известных учреждениях культуры: в Пермском музее наива, музее Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского, Пермском государственном национальном исследовательском университете, гимназии имени С. П. Дягилева, в личных коллекциях многих пермяков.

А. В. Аборкина пишет картины, потому что не может не писать: некий «моторчик» внутри заставляет ее вновь и вновь браться за кисть. Она творит картины, преодолевая плохое самочувствие, тревогу, драматизм мирочувствования. Живопись стала для художника смыслом жизни, проявлением внутреннего сопротивления окружающей действительности, выражением такого подлинного творчества, которое дает человеку внутреннюю опору и понимание скрытой Истины во всей ее неповторимой многозначности.

Живопись А. В. Аборкиной предназначена не для всех: ее зритель – человек глубоко интеллектуальный, способный вглядываться в чужие миры, разгадывать особый, «иной», «не академический» художественный язык.

Все, что художник умеет делать, – не результат внешнего «подражания реальности» или «научения» в рамках той или иной школы, дающей владение профессиональным языком искусства. Внутреннее чувство гармонии подсказывало А. В. Аборкиной, как, доверившись своим мыслям и эмоциям, оставаться самой собой.

В этом доверии к себе и в экспрессивной эмоциональной силе внутреннего переживания заключается ее достоинство как художника, которое цепляет и захватывает искусленного зрителя.

Для того чтобы читатель смог лучше познакомиться с творчеством А. В. Аборкиной, в книге публикуются рецензии «Пермская Джоконда» Ю. Баталиной, «Интеллектуальный наив» О. Яковлевой и

«Наивное искусство упрямого человека» С. Королевой, а также интервью, взятое у художницы журналистом И. Козловым.

*Ю. Баталина,
редактор отдела культуры ИД «Компаньон»*

Пермская Джоконда¹

*В Музее советского наива открылась
персональная выставка Анны Аборкиной*

Название выставки – «Художник Анна» – на первый взгляд кажется очень уж простым, но есть в нем важный оттенок: не «художница», а «художник», ведь Анна Аборкина очень не любит, когда ее называют художницей, да еще наивной. Она далеко не наивна, более того: весьма образованна, остра на язык, обладает прекрасной логикой и здравым смыслом. Полная противоположность чудакам-аутсайдерам, какими частенько предстают герои выставок этого музея.

Она выросла в прекрасной филологической семье: отец – известный журналист, мама – редактор в книжном издательстве. Окончила престижную английскую школу и романо-германское отделение филфака университета, работала переводчиком. Друзья и знакомые отмечали, что Анна обладает несомненным писательским даром и могла бы продолжить журналистскую династию, но... У Аборкиной весьма специфические отношения с реальностью. Чем дальше, тем больше она понимала, что к этому миру не принадлежит, что ее место – в прекрасном русском прошлом, где-то в Серебряном веке 1910-х годов. Крушение того мира она переживает как личную трагедию, и ее творчество – это своего рода попытка воскресить людей тех времен.

Поскольку характер у нее решительный, даже слегка авантюрный, а фантазии хватит на нескольких художников да еще пару писателей, она буквально погрузилась... Нет, буквально бросилась в мир героев столетней давности!

Анна Аборкина рисует только портреты, причем большими сериями. Вот мир балета – Матильда Кшесинская, Тамара Карсавина, Мария Тальони и великий импресарио Дягилев. Не будучи художником по образованию, Анна Владимировна обладает несомненным даром живописца: она умеет схватывать значимые детали, благодаря которым портреты у нее выходят удивительно похожими – Дягилева можно узнать, не глядя на подписи под работами.

¹ *Баталина Ю.* Пермская Джоконда // Новый Компаньон. 2016. № 2. 9 февр.

Вот пушкинская серия – узнаваемы не только внук арапа Ганнибала с его специфическими чертами, но и его прелестная супруга и даже дети. Аборкина часто рисует семьи, групповой портрет – ее «фишка». Поражает степень подготовки каждой темы: художница изучает ее досконально, со множеством деталей.

Самый любимый сюжет «художника Анны» – история семьи последнего российского царя. Тут такие подробности, что кажется, будто Аборкина была лично вхожа в этот круг. Дальние родственники императора, придворные, фавориты – все удостоились портретов. Аборкина признается в интервью пермскому журналисту Ивану Козлову, что интересовалась Романовыми с детства. Судя по картинам, трагичная судьба царской семьи для нее – огромная метафора человеческой жизни вообще, ее горькой предопределенности, ее хрупкости, которой не помогут ни богатство, ни положение в обществе – все, как говорится, там будем... Не случайны названия больших, устрашающих коллажей, где рядом с царевнами появляется, например, красный козел: *Sic transit gloria mundi* («Так проходит мирская слава») или «Сегодня царь, завтра ничто».

Чувствуется, что в этой компании Анна чувствует себя своей. На автопортретах она изображает себя в старинном платье, с красивой прической. Компанию ей составляют лишь немногие подруги, которых она берет с собой на рисованную «прогулку» в дивный мир прошлого.

Уже несколько лет Анна Владимировна полностью погружена в историю и в свое творчество. Она пенсионерка, хотя многие ее сверстники продолжают успешно работать. Семьи у нее нет, компанию ей составляют кошки, которых она тоже часто рисует. Она довольно болезненный человек, но бешеная внутренняя энергия помогает ей справляться с недугами и рисовать, рисовать. Для выставки куратор Татьяна Синицына уговорила ее пожертвовать музею межкомнатные двери из своей квартиры: они разрисованы с обеих сторон, снизу доверху. Взамен поставили новые двери, и, можно не сомневаться, скоро они тоже станут достойными музея экспонатами.

Аборкина недоверчива, собеседников принимает весьма избирательно. Трудно сказать, о чем она думает, что чувствует. Но Музей советского наива рискнул приоткрыть для посетителей дверь во внутренний мир художника. В небольшой комнатке, куда ведут двери, вывезенные из квартиры Анны Владимировны, собраны ее самые дорогие воспоминания. Фото родителей, их портреты. Автопортреты в образе героинь, с которыми Анна чувствует внутреннее сходство. Клетка с игрушечными птицами: Аборкина одно время увлекалась рукоделием. Шуточные мемуары – иллюстрированный рассказ о том, как четве-

ро девочек в 1977 году отправились в Крым практически без денег. Публика, хохочущая при чтении воспоминаний, – прекрасная иллюстрация к тому, что загадочная «художник Анна» – человек внутренне очень светлый, с прекрасным чувством юмора, активно любящий жизнь. Об этом же говорит и шуточный парафраз самой знаменитой картины всех времен – «Джоконды», который стал «лицом» выставки.

Только вот с эпохой Анне Аборкиной не повезло...

О. Яковлева,
журналист

Интеллектуальный наив¹

Выставка «Художник Анна» открывает для пермяков умного и ироничного мастера наивного искусства

Музей советского наива представил новую экспозицию – «Художник Анна».

Это не просто выставка, это настоящее открытие интересного большого художника и – что немаловажно – художника пермского.

Первая выставка у Анны Аборкиной состоялась в три года. Ее отец, известный пермский журналист и краевед, работал тогда директором Дома журналистов. Там он и развесил по стенам работы своей маленькой дочери. Следующая выставка была в 2010 году, ровно через 50 лет после первой. Эти годы вместили в себя учебу в школе № 77, филфак Пермского университета, годы, проведенные в Ленинграде и Туркмении, и болезнь, которая не дала сбыться многим планам и заставила Анну стать пленницей своей квартиры.

Как и все наивные художники, рисовать Анна никогда не училась. Почти все ее работы созданы акриловыми красками на картонках или фанерках.

Ее любимые цвета – красный, бирюзовый и малиновый, иногда художница использует флуоресцентную гуашь. В серии работ, посвященных дягилевским «Русским сезонам в Париже», флуоресцентное неземное сияние окружает знаменитых балерин Анну Павлову, Тамару Карсавину, Веру Фокину, создавая и настроение, и неожиданный эффект объема, которого обычно картины «наивников» лишены. Этому же способствует и рельефный характер поверхности картонок, на которых написана «балетная» серия. Работники музея сетуют, что из-за

¹ Яковлева О. Интеллектуальный наив // Business Class: Пермская деловая газета. 2016. № 7 (564). 29 февр. С. 22.

этих особенностей полиграфия не может передать цветовую гамму работ Аборкиной, эти картины надо смотреть только вживую.

У Анны Аборкиной цепкий взгляд, она сразу ухватывает характерные черты и буквально двумя-тремя линиями так точно рисует портреты, что порой они напоминают раскрашенные шаржи. Во всяком случае на картине, посвященной Пермскому театру оперы и балета, и без подписи сразу понятно, где Георгий Исаакян, а где Валерий Платонов.

«Не спрашивайте меня, как я работаю. Я не знаю, откуда это приходит, – говорит Анна – Я просто знаю, что вот эта краска должна быть вот здесь».

Приходить на выставку наивных художников – значит, приходиться за радостью, которую дарят чистые, очень яркие краски, неровные, словно детской рукой, рисованные фигуры. Все это есть и у Анны, те же локальные цвета, то же отсутствие перспективы в построении картины, но ее работы скорее озадачивают. В каждой из них запрятана какая-то мысль, идея или история.

Художница живет затворницей, и жизнь ее наполняют исторические, литературные и мифологические образы, которые она выплескивает на свои картонки, предварительно осмыслив и «обжив» их. На ее картинах Зевс похож на румяного деревенского мужичка, только вышедшего из бани, завернувшись в полотенце, а про Мнемозину хочется сказать – «та еще штучка».

Подобно многим наивным художникам, Анна Аборкина любит перерисовывать картины известных мастеров. Но и здесь ее острый ироничный ум превращает перерисовку в оригинальное послание, предназначенное как авторам первоисточника, так и зрителям. Ее визитной карточкой стала картина, в которой художница изобразила себя в виде знаменитой «Джоконды». Не менее интересна и работа «Изображения двух католических мадонн с двумя младенцами Иисусами на руках».

Со своими персонажами Анна Аборкина находится в сложных отношениях: она не любит Пушкина, но рисует его и Наталью Гончарову очень часто, а вот Вяземского любит, но создала всего один его портрет. Не любит Анна и Дягилева, но его портреты – среди самых интересных ее работ.

Куратор выставки Татьяна Сеницына радуется: «Музей работает четвертый год, и это первая выставка, когда мы перестали слышать от зрителей привычную реплику «Разве это искусство, я тоже так могу!». К слову, интерес к выставке повышенный, приходят даже профессио-

нальные художники, которые обычно снисходительны к творчеству своих «наивных» коллег.

Работа с Музеем советского наива над первой профессионально сделанной большой выставкой дала неожиданный поворот в творчестве Анны Аборкиной. За последний год она создала несколько картин в новом для нее стиле. От маленьких картонок Анна перешла к большим многофигурным композициям и стала использовать технику коллажа, дополняя свой рисунок фотографиями, картинками и надписями на русском и латинском языках.

Вместе с этим в ее творчестве появилась новая тема – расстрелянная царская семья. На выставке представлены несколько больших картин, посвященных судьбе последнего русского царя и его семьи. Около картин, выполненных в технике коллажа, зрители останавливаются надолго. На большой картине «Сегодня царь, завтра ничто» на групповом портрете Романовых в три ряда наклеено около 40 маленьких картинок, и это превращает созерцание работы в некий интеллектуальный квест с отыскиванием ассоциаций и параллелей.

Для художницы, в чей внутренний мир не так просто попасть, коллаж – это средство придать образу новую грань, усилить впечатление. Так крохотная цветная картинка со сказочным принцем из диснеевского мультфильма, приклеенная рядом с цесаревичем Алексеем, с невероятной эмоциональной силой подчеркивает трагизм образа.

Всего на выставке «Художник Анна» представлены почти 100 картин, и это большая заслуга музея, ведь свои работы художница часто дарит, и собрать их в одном месте стоило большого труда. Создатель и владелица музея советского наива Надежда Агишева приняла решение о формировании на базе музея коллекции Анны Аборкиной, и эта работа предвещает сохранение, изучение и популяризацию таланта яркого и необычного художника.

С. Королева,
доцент, выпускница 2000 г.

Наивное искусство упрямого человека¹

Ее рисунки лежали на столе в доме у знакомой, когда пришедший по делу сосед изумился: «Какой чудесный ребенок это нарисовал!» Хозяйка – литературовед и критик Нина Васильева – поспешила объяснить, что автор рисунков – уже взрослый человек, женщина, фило-

¹ *Королева С.* Наивное искусство упрямого человека // Мы – земляки. 2015. № 5. С. 68-71.

лог, художница, фантазерка... Но потом поняла, что все эти факты ничего не сообщают об Анне Владимировне Аборкиной и что сосед оказался в каком-то смысле близок к истине.

Свободное воспитание

«В ней замечательно соединились доверчивость ребенка и скепсис интеллектуала, прозорливость мудреца и святая наивность, беззащитность и сила, душевная чистота и философское отношение к пако-стям жизни», – написано в предисловии к небольшой книге «Дорогами К. Паустовского», где рассказ Анны Аборкиной о давнем путешествии в Крым сопровождается ее же рисунками. Слова критика относятся не только к «Крымской серии» художницы, они ключ ко всему ее творчеству. Без такого ключика разобратся с подобным искусством бывает непросто. Интеллектуальный (или интеллигентный) примитивизм как шкатулка с двойным дном: по-детски непосредственные, «неправильные» рисунки могут выражать неожиданную, нетривиальную идею или обнаруживать весьма основательное знакомство автора с мировой культурой. В случае с картинами Анны Аборкиной это почти всегда именно так.

Иначе вряд ли могло произойти: ее родители, как позднее и сама художница, закончили Пермский государственный университет. Отец Владимир Иванович Аборкин – известный на Урале журналист, сотрудник газеты «Вечерняя Пермь»; в его доме часто бывали люди творческих профессий, и дочери разрешалось присутствовать при взрослых разговорах. К тому же в семье была основательная библиотека, интерес к книге всячески поощрялся:

– Я с детства могла читать все, под запретом был разве что «Декамерон», – с улыбкой рассказывает Анна Владимировна.

Портрет своего отца она писала множество раз, и было время, когда казалось, что может делать это даже с закрытыми глазами. А вот передать выражение мамино лица почему-то так и не удалось... Она до сих пор любит их обоих и готова рассказывать о родителях снова и снова. Бабушка со стороны отца была полячкой, но ее, как и своего деда, Аня ни разу не видела. Они обосновались в Ашхабаде, а сын Владимир вдруг сорвался и поехал учиться в далекий уральский город, называвшийся тогда Молотов. Как оказалось, упрямство спасло ему жизнь: в 1948 году столица Туркмении была разрушена страшным землетрясением, погибли почти две трети жителей, его родители тоже.

В Молотове Владимир Аборкин встретил свою будущую невесту. Она была младше, и, чтоб не мешать ее учебе, он вернулся в Ашхабад. Влюбленные зарегистрировались лишь четыре года спустя; правда, из-

за туркменской прописки жениха им пришлось долго искать ЗАГС. Расписаться их согласились при условии, что приведут хотя бы одного свидетеля (им стал в буквальном смысле первый встречный). Супруги оказались почти противоположностями друг друга. Он эмоциональный, постоянно размахивал руками и говорил так громко, что походило на крик. Она сдержанная, спокойная, немногословная. Он мгновенно срывался с места и кидался на помощь, даже за счет собственного благополучия. Она стойчески это терпела, а когда нужно, следовала за мужем:

– Однажды его позвали в туркменский город с узбекским населением, где погибала русскоязычная газета, – вспоминает Анна Аборкина. – Он отказался, а утром разбудил нас с мамой в пять часов и сказал: «Собирайте вещи, мы едем». И лишь после того, как выяснилось, что солнце мне противопоказано категорически, мы вернулись в Пермь. Но свое здоровье я уже потеряла...

Когда дочери пришло время выбирать профессию, отец не сомневался, что она пойдет по его стопам. Однако в ответ услышал: «Папа, одного журналиста на семью хватает! Давай я лучше пойду учить английский язык». И поскольку характером она вышла в него, то пришлось согласиться с ее решением. В конце концов, талант к изучению языков она тоже унаследовала от отца: в Ашхабаде он с легкостью общался на туркменском, который выучил в детстве по собственному желанию.

Вечный любитель

Интерес к Русскому Императорскому Дому по большому счету тоже из семьи. Имена последних Романовых частенько звучали во время работы Владимира Аборкина над книгой «Слово о Мотовилихе», где он описывал период с 1905-го по 1917 год. Были в их домашней библиотеке и дореволюционные издания, отношение к царской династии в которых отличалось от принятого в советское время. Наконец, совсем уж невероятное приближение произошло в Санкт-Петербурге (тогда еще Ленинграде): там Анна Аборкина семь лет прожила в квартире, принадлежавшей Борису Васильевичу Туркину. Его дядя Михаил Туркин самым непосредственным образом участвовал в расстреле Романовых.

Впрочем, художнический интерес к этой теме возник уже в Перми после смерти отца. Он совпал с пиком творчества, который начался у художницы в 2010 году и продолжался три года (до тяжелого перелома руки):

– Случается, что тема меня засасывает, – объясняет Анна Аборкина. – Сначала думаю: напишу пару каких-то работ и остановлюсь. Но не тут-то было, особенно если интерес совпадает с творческим запоем. Тогда я сажусь, погружаюсь в работу, ничего не вижу, не слышу. Температура повышается, на еду не смотрю, только пью воду... Бедная мама, как она меня уговаривала поесть! Я ложилась ненадолго, потом вставала и снова бралась за кисти. Иногда за одну ночь писала по пять картин.

Кроме «Романовского» цикла, у нее есть и другие: «Пушкинский», «Дягилевский», «Античный». Художница признается, что чаще всего пишет портреты тех людей, которые ее чем-то привлекают или, напротив, сильно раздражают. Например, бесконечное количество раз изображала Наталью Николаевну Пушкину, каждый раз стараясь понять, почему по-настоящему любившим его женщинам поэт предпочел эту холодную красавицу. В результате симпатии к ней, может, и не прибавилось, но жгучее раздражение прошло. Александр Сергеевич Пушкин – тоже в числе самых часто изображаемых фигур, но уже привлекательных, вызывающих неподдельный интерес не столько творчеством, сколько судьбой с ее очевидным внутренним трагизмом.

Притягивают пермскую художницу не только знаменитости. Одна из особенностей ее таланта (а может быть, примитивизма вообще) – уравнивание малого и великого в их эстетических правах. Поэтому иногда ее рассказ о картинах, сопровождавшийся просмотром фотографий, выглядел примерно так:

– Это братья Пушкина, муза Клио и герой Ясон – маленький мальчик. А это Саида Батырова – медсестра, которая приходит лечить меня на дому. Здесь Христос и Мария, а рядом с ними моя семья: молодые родители и я в детстве. Тут тоже они, но уже в старости, и я с любимым котом. Это Дягилев. А это просто продавщица: мне ее лицо показалось интересным, написала по памяти.

Наивная манера, выработанная художницей, – результат сознательного выбора. И чуть-чуть ее упрямства. Еще в юности она поняла, что профессиональное обучение приводит к потере лица, и найти свою манеру вновь получается далеко не у всех. Она рискнула: отказалась от учебы и осталась вечным любителем. Культивируя непрофессионализм, постепенно перестала использовать привычный холст, перешла на ДВП...

К чему в итоге привело упрямство? За четыре года у Анны Аборкиной состоялось 13 персональных выставок. Несколько работ уехало за границу, а одну не пропустили на таможне, посчитав национальным достоянием. Почти сорок картин дополнили частную коллекцию Ан-

дрея и Надежды Агишевых, некоторые из них уже выставлялись в Музее советского наива. Хочется верить, что Анна Аборкина еще возьмет в руки кисти и краски. А если нет, что ж, она все равно «чудесный ребенок» и художник. И останется такой всегда.

И. Козлов,
журналист

Анна Аборкина: А ровно через 50 лет состоялась моя первая выставка¹

Пермская художница Анна Аборкина почти неизвестна широкой публике. И это при том, что она занимается живописью уже пятьдесят с лишним лет, на протяжении которых были созданы сотни, если не тысячи, картин.

Художница не называет точное количество – свои картины, выполненные в неповторимом «наивном» стиле, она никогда не считала и не хранила, предпочитая раздаривать друзьям. Впрочем, себя она наивным художником не считает, не принимая никакие ярлыки и аналогии. Даже сравнение с Пиросмани, допущенное одним галеристом, ее огорчило: с грузинским художником ее роднит разве что привычка рисовать на чем попало. Холстами Аборкиной становятся в основном листы незагрунтованного картона.

Биография Анны Аборкиной вполне могла бы стать отличным материалом для книги из серии «ЖЗЛ» – в такую книгу вошло бы множество историй о поступках, путешествиях и знакомствах. Сегодня Анна Аборкина живет, по ее собственному выражению, «в сером мире болезни», однако ее художественная карьера развивается своим чередом: в частности, несколько картин Аборкиной «Музей советского наива» включил в недавно открывшуюся экспозицию в торговом центре «Галерея».

– Насколько я знаю, у вас были все предпосылки для того, чтобы сделать карьеру в журналистике, но практически всю свою жизнь вы в результате посвятили живописи – причем далекой от «профессионального искусства».

– Мой папа, известный пермский журналист Владимир Иванович Аборкин, очень хотел, чтобы я пошла по его стопам. Но я человек очень упрямый, и если кто-то пытается мне что-то навязать, это вызывает у меня отторжение. Я категорически отказалась быть журнали-

¹ Интервью взято 18 декабря 2014 г.

стом – сказала папе, что одного журналиста на семью хватает. В итоге я оказалась на филологическом факультете, а по окончании устроилась работать на должность с трудным названием: инженером-библиографом-переводчиком... и еще чем-то, там очень сложно. Работа была ужасно скучной – тем более что меня посадили на сельскохозяйственную тематику. Там я и отработала два года, а в 1982 году произошло печальное событие – я оказалась на группе инвалидности. Пыталась заниматься переводами, но как-то не получилось – людям нужны были в первую очередь технические переводы, а я ведь филолог и тяготею к художественным текстам.

– *Рисовать вы начали в этот период или раньше?*

– Что касается живописи, то я занималась ей с раннего детства. Я росла очень болезненным ребенком, и мама – Нина Дмитриевна Аборкина, которая большую часть жизни работала в книжном издательстве, – постоянно сидела со мной. Работая в издательстве, она могла брать рукописи на дом и только потом относила ее на работу. А меня куда? Конечно, меня тоже брали в издательство. Я там бродила по коридорам, но, например, у редакторов сидеть было очень скучно. Так что лучшим вариантом был кабинет художника-оформителя Маргариты Тарасовой-Дьячковой. Она никогда не учила меня рисовать – просто усаживала и выдавала бумагу с красками и карандашами. Я проводила там столько времени, сколько хотела. Это закончилось тем, что однажды Маргарита Вениаминовна сказала маме, что у нее очень талантливая дочь, и захотела меня учить. Но я отказалась, потому что ни капли не желала рисовать щук и девушек в сарафанах.

– *Что в таком случае предопределило ваше основное занятие? Ведь не одно только желание пойти наперекор отцу? Среда?*

– В то время в СССР царила, как я ее называю, компанейская эра. Все ходили друг к другу в гости, так было принято. Так что я выросла в среде художников, писателей, артистов. К тому же Дом журналиста тогда был средоточием культуры в городе: приезжающие артисты в те времена сперва выступали на официальной сцене, а потом приходили в Дом журналиста, так было заведено. Но тогда я была еще мала, и отец брал меня с собой только пару раз – на выступления Натальи Сац и Вольфа Мессинга.

Мессинг мне очень не понравился. Я его назвала противным дядькой. Во время выступления он еще почему-то подскочил ко мне, начал гладить по голове и что-то приговаривать. Мне все это страшно не нравилось, но первое действие я вытерпела – во время выступления он только хвастался своими заслугами и показывал фокусы. Надо сказать, что в цирке фокусы были куда интереснее.

– Когда вам впервые случилось выставлять свои картины?

– Маргарита Вениаминовна невольно стала делать из меня художника. К трем годам у меня уже накопилась куча рисунков и картин. Так много, что в Доме журналиста отец сделал мою первую персональную выставку. Она провисела три месяца, а затем ее убрали, освободив место для чего-то другого. Помню, я страшно плакала: я-то считала, что они там будут всю жизнь висеть. А ровно через 50 лет состоялась моя первая настоящая персональная выставка в Доме журналиста – как раз на той стене, где висели мои детские творения.

– В смысле, в промежутке вы не выставлялись вообще? Все пятьдесят лет?

– Ну да, получается, что я не выставлялась до 2010 года. Я вообще жила очень странно: семь лет прожила в Ленинграде, и все, что я там делала, я раздаривала знакомым. В тот период, например, я создала серию «Фонтаны Петергофа», серию, в которой я подражала средневековому искусству Кореи, виды Питера. Маргарита Вениаминовна поделилась со мной правилом, которому я следую всю жизнь: надо писать не одиночную картину, а серию. Написала один фонтан – пиши и остальные фонтаны. Иначе это совершенно бессмысленно – болтается один фонтан, зачем он, для чего? Пиши все!

Очень много было Пенатских картин – мы часто туда ездили, но нас интересовал не дом Репина, а источник долголетия. Репин утверждал, что он так долго живет из-за источника, который бьет у него в саду. Надо сказать, что там удивительный сад, даже не сад – лес. Мы там выпили очень много этой воды из источника.

Сегодня 15 лет, как нет моей подруги, которая со мной литрами пила эту воду.

– Подавляющее большинство картин было раздарено, и почти ничего не сохранилось?

– Фактически сейчас все ушло, все раздарено и потеряно. Хотя недавно, разбирая архивы, я нашла у отца две картины, написанные маслом по меловке. Мама и папа.

У меня десятилетиями не было желания себя показывать. Рисовала для себя и друзей. Картины, надо сказать, расходились повсюду – они есть и в Аргентине, и в Париже, и в Оренбурге. Туркмению, Питер и Москву я вообще не беру в расчет – ведь мы там подолгу жили. Мы постоянно жили в Средней Азии, там во время землетрясения в 40-е погибли родители отца, и его постоянно туда тянуло. Туркмения кончилась для меня плохо – я там заболела, не перенесла климат.

– Когда сформировался ваш стиль рисования? Вы пробовали писать в каком-то другом стиле или заниматься другими видами искусства?

– Реализм всегда меня пугал. Мне не нужен и не интересен правильный рисунок – пусть лучше он будет неправильный, но свой. Мне было семь лет, когда я это окончательно осознала. А в десять лет меня стали зазывать в детскую художественную школу. Но я не хотела этого насилия, социального заказа, с которым бы непременно там столкнулась. Не хотела писать бутылку и стакан. Я однажды написала стакан – так его потом носили по всей школе, показывая, как нельзя писать. А по-моему, это было гениальное произведение. Жаль, не сохранилось. Отец по поводу этой истории со школой сказал очень мудрую фразу: она пойдет учиться, и из нее сделают средней руки художника, как все. А со своим неправильным рисунком и вывернутой перспективой она будет выделяться. Я думаю, только гений может преодолеть влияние школы. Там говорят – вот тут должна быть полутьма, тут тень. А я, может, не хочу, чтобы там была тень. Для меня самое важное – передать взгляд человека.

У меня был период, когда я не занималась картинами. Меня тогда бросило на шитье игрушек. Я сшила их столько, что просто не учитывала количество. Моя подруга утащила на фестиваль в Эдинбург два чемодана моих игрушек – в том числе игрушка досталась лорду-мэру Эдинбурга и близкому другу и соседу Беккета по парижской квартире. Игрушки, к сожалению, не сохранились. Это ведь шерсть, а у людей есть моль. В общем, года три я занималась шитьем, потом мне надоело, и я вернулась к живописи.

– В этом невероятном множестве картин, которое вы создали за пятьдесят лет, можно выделить какие-то ключевые важные для вас темы?

– Не могу сказать, чтобы меня что-то особо интересовало в тематическом плане. Каждый раз это был парадоксальный выбор. Я писала много Дягилева, но я не люблю балет. Я люблю оперу. И объяснить выбор Дягилева как героя я не могу. У меня много картин о Пушкине, целая Пушкиниана. Я их отдала в университет – может, они до сих пор там хранятся, но вроде бы их отдали для украшения общежитий. Так вот, я написала сто тридцать девять картин о Пушкине. Но он не мой любимый поэт. Я люблю Вяземского. Но Вяземского я написала только однажды. А вот Пушкина я раскладывала по полочкам. И его лицейское существование, и его супругу, которую я очень не люблю. Я ее называю Ланской, Гончаровой, но никогда Пушкиной. Чтобы перебороть отрицательное отношение к ней, я написала столько ее портре-

тов. Только чтобы на этих портретах не было злых глаз. Я рисую ее, и все идет нормально, а как только дело доходит до глаз... Из них вылезают змеи. Я с ней в итоге примирилась, кое-что получилось у меня.

Помимо этого, я интересовалась греческой античностью, династией Романовых, библейскими и евангельскими сюжетами – на моих полотнах были и Иуда Искарот, и дева Мария. Кроме этого, моими главными темами были Пушкин, Дягилев и моя семья. Мои родители – в основном папа, с мамой у меня не получалась. Я, конечно, писала портрет мамы, но это была не моя мать. А отца я могу написать с закрытыми глазами.

– Что произошло в 2010-м году? Именно в 2010-м случилась ваша первая за 50 лет выставка.

– Ничего не произошло. Я просто поняла, что готова показать то, что я создаю. Причем ведь это искусство очень неразвитое. Есть, конечно, наив, который идет «от земли», но есть и очень серьезный наив. Говорят, что наивное искусство — «взгляд детскими глазами». Но это не детские глаза. Это взгляд человека, который много пожил, много страдал и радовался, и который в данный момент живет в сером мире болезни. И за счет живописи, красок, цвета и сочетания цветов я себе создаю другой мир. Я живу на два мира. Когда я пишу картину, я полностью погружаюсь туда. Никакого «детского взгляда» нет. Это штамп, это неправда. У меня взгляд совершенно не детский. К тому же я не отношу себя к наивным художникам. Это меня относят к ним. А у меня самоопределения нет. Я просто художник.

– При этом ваши картины вы отдали именно в Музей наива.

– Ну так что ж, а еще сто пятьдесят картин я подарила университету, шестьдесят картин – Дягилевской гимназии. Так или иначе сейчас я не пишу картины. У меня проблема – я сломала правую руку, и она не восстанавливается. А писать левой рукой... Я написала для соседской девочки в детский сад. Там это сойдет, сгодится. Но не более.

– Из всех ваших картин, счет которым идет минимум на сотни, вы можете выделить какую-то наиболее значимую?

– Серию Романовых, особенно три «расстрельные» картины – Николай с Александрой, Ольга-Татьяна-Мария-Анастасия и цесаревич Алексей. Их я писала в момент, когда умирала моя мать. Она умирала здесь, за стеной, а ночью, чтоб не уснуть, я писала эти картины. И это одни из лучших моих картин.

Татьяна Пермякова

Татьяну Петровну Пермякову знают в Перми все, кто имеет отношение к искусству. И уж тем более те, кто занимается музейным делом. Фамилия Пермякова ей очень идет. И даже странно представить, что она когда-то носила другую. Татьяна, приехав поступать в Пермский госуниверситет из теплого и солнечного Донецка, так вросла в пермскую «почву», что не-Пермяковой у нее быть уже и не получится. Обаятельная, элегантная, деликатная и доброжелательная хозяйка самой известной в Перми частной галереи, она стала практически незаменимой для многих художников, и не только для художников – как коллега, как отличный деловой партнер, как друг.

Она, как и многие, работает «не по специальности». Но учеба на филфаке дала ту необходимую широту и системность знаний, что выбранный в конечном счете род занятий стал естественным продолжением «первого» образования.

Спустя несколько лет после окончания университета, окрепло желание расширить профессиональные горизонты, и в 1996 г. Татьяна поступила в Академию госслужбы (филиал этого вуза как раз только открылся в Перми), решающим аргументом стало то, что в программе делался упор на гражданское право. В 1999 году состоялся первый выпуск, в составе которого была и Татьяна. Она признается, что если бы осталась в науке, то занималась бы проблемами законодательства в области авторских прав.

Но выбор оказался на стороне мечты. А мечта была – о собственной галерее. С этой идеей Татьяну поддержал муж. Поддержал и материально, и, главное, морально. На вопрос: «Что могло бы быть, если не галерея?» Татьяна отвечает: «Другие варианты и не рассматривались. Было желание сделать что-то красивое не только для себя, но и для других. Показать работы замечательных художников в хорошей “упаковке”».

Сейчас она даже представить себе не может ничего иного. Это были и смелость, и риск. Но и время подходящее для того и для другого: рубеж веков, двадцатого и двадцать первого. Тогда многие рисковали, начиная нестандартный для себя бизнес. Не было, конечно, никакой уверенности в результате, могло ничего не получиться. Но, как показало время, этот выбор – создание галереи с собственной концепцией – оказался безошибочным.

О. Г. Клименская, искусствовед: «Когда я впервые шла в галерею “Марис”, то испытывала определенные опасения: что это, кто это? Но сразу обратила внимание на серьезное отношение к работе с художниками. Главное в позиции Татьяны Петровны Пермяковой и первое, что вспоминается, – это ее предельное внимание к тому, что говорят приходящие в галерею. В ней никогда не было самоуверенности неопита в стремлении судить, никакого “нахрапа”. Наоборот, она прислушивалась, и это было очень достойно. Благодаря своему умению слушать, она осваивала новое дело и делала это профессионально. Представляется чрезвычайно важной чертой то внимание, которое она проявляла к новой для нее теме. А кроме того, Татьяна Петровна очень располагающий к себе человек. И не потому, что стремится к этому, просто она такая по природе. Главное ее качество как галериста – стремление учиться и расти».

А начиналась галерея «Марис» с произведений замечательного пермского художника Анатолия Филимонова, с его же работ началась и личная коллекция Татьяны Пермяковой.

Работа шла и идет по двум главным направлениям: помощь в формировании бизнес-коллекций и продвижение пермских художников, изучение их творчества и организация выставок. Это открытие новых имен, помощь молодым художникам, издание каталогов, ведение сайта. Основным изначальным посылом в работе была собственная интуиция и любовь к тому, что делаешь. И независимость. Действовала без оглядки на чужое мнение. Неоценимую роль в развитии галереи и создании ее «лица» сыграл ее арт-директор Вадим Викторович Зубков, который много работал с художниками, выстраивал экспозиции, определял выставочный процесс. А процесс был напряженным с первых месяцев. Теперь галерея «Марис-Арт» уже пятнадцать лет, из частных пермских галерей она – старейшая и единственная, кто не просто продержался, а добился большого успеха. За это время прошло больше двухсот выставок, не считая презентаций различных изданий и «выставок в выставке».

В. В. Пацюков, искусствовед, куратор, арт-критик: «Галерея “Марис” удивительно тонко и точно проводит свой проект, точно и органично. В этой галерее есть удивительная культура проектов и организации пространства».

В постоянном круге авторов – художники Перми и Нижнего Тагила. Но при этом открыты границы – и географические, и тематические, и стилевые, и жанровые, и хронологические. В «арсенале» галереи несколько десятков имен художников – живописцев, графиков, фотографов, камнерезов, керамистов, скульпторов. Сложился не толь-

ко круг художников, с которыми системно работает галерея. Выросли партнерские, творческие отношения с библиотеками Перми, Краеведческим музеем, Пермской государственной художественной галереей. Работают постоянные литературно-художественные проекты с Пушкинской библиотекой: в ее залах регулярно проходят тематические выставки, выставляются – отнюдь не для коммерции, а для полноценного экспозиционного наполнения – предметы из фондов государственных музеев. Для всего этого требуются не только деловые качества успешного галериста, но и чисто человеческие.

Татьяна Пермякова часто повторяет, что художников надо хвалить при жизни, поддерживать их, ведь они «как дети». Пермякова стремится к поступательной, протяженной во времени работе с художниками, бывает в мастерских, ездит на керамические пленэры – для поддержки «своих». Каждая выставка устраивается не только с целью продажи произведений. Исследовательская и системная работа проявляется и в том, что устраиваются финисажи – особые закрытия выставок, где проходят обсуждения, подводятся итоги, укрепляется обратная связь «автор-зритель». Ведь для художника важно чувствовать зрительскую отдачу, впечатленность, эмоциональный отклик. И художники ценят сотрудничество с галереей «Марис-Арт» и личные качества ее директора.

А. А. Френкель, художник: «Татьяна Петровна человек мудрый, как мне кажется. Общение с ней как-то умиротворяет, освобождает от суеты. Не помню ее раздраженной, экзальтированной, потерявшей самообладание. Как человеку умному, ей свойственна самоирония. Она обаятельная женщина, да к тому же прирожденный психотерапевт!»

Галерея «Марис-Арт» всегда отличалась достоинством и принципиальностью в выборе «своего» материала, а еще удивительно трезвым пониманием собственной роли, она никогда не пыталась занять «нишу» или кого-то потеснить.

Светлана Федотова, историк-публицист, журналист: «А про Татьяну Пермякову вот что могу сказать: Во-первых, вообще не помню момента знакомства. Такое впечатление, что знаешь человека всю жизнь. Это очень важный показатель, когда человек входит в твою жизнь очень корректно и ненавязчиво, что еще называется экологично. Во-вторых, Татьяна очень важный для меня человек по многим параметрам. Например, с ней можно говорить обо всем. Это так редко случается. А говорить обо всем с ней можно еще и потому, что она очень надежный человек. Так плавно мы переходим к “в-третьих”. Когда-то, в самом начале своей работы Марис делал выставку из

фондов одного частного коллекционера. И всем, конечно же, было интересно, что же это за человек такой, у которого такие богатства в коллекции. Я знаю, что все к Татьяне с таким вопросом “подъезжали”, и все потом жаловались, что она не признается. А я-то себя мнила особо умелым журналистом, который у кого угодно что угодно может узнать. К тому же у нас такие теплые отношения. Но и мне не сказала! Это к вопросу о порядочности. Человек дал слово другому человеку не разглашать инкогнито и сдержал его».

Сразу была взята высокая планка, в том числе в плане профессионального сопровождения выставок. Для этого неизменно приглашались специалисты Пермской художественной галереи, а марисовцы скромно отступали назад, не претендуя на роль арт-критиков. Лучшим критиком стало время. «Марис-Арт» органично влился в профессиональное музейное сообщество, и представить нынешнюю художественную карту Перми без этой галереи невозможно. По занятому стечению обстоятельств галерея «Марис-Арт» топографически оказалась в центре пермского «музейного квартала». Начинаясь с площади Речного вокзала и Музея ПЕРММ на Монастырской, он идет через Краеведческий музей (Дом Мешкова), Художественную галерею, Центральный выставочный зал, Музей советского наива и заканчивается Арт-резиденцией. Причем, когда Татьяна Пермякова создавала свою галерею, ни Музея современного искусства ПЕРММ, ни Музея наива, ни Арт-резиденции еще не было. Так «исторически» сложилось, что все основные музеи нашего города сосредоточились практически в одном месте центра города. Выбор места для «Мариса» был интуитивным и, как оказалось, знаковым.

А. Пану,
выпускник 1981 г.

О съемке фото и прочего

Я был не против посвятить остаток своей трудовой жизни школе, но, видно, несколько недооценил важность административных устоев, правил и понятий этого почтенного заведения. Таким образом после четырех лет, добросовестно отданных образованию народа, ваш покорный слуга отправился в долгосрочное путешествие по мутному морю раскрытия и применения своих если не талантов, то хотя бы способностей.

Вот тут-то мне и пригодилось хобби моего детства – фотография. Как я был неправ, что на долгие годы забросил свой старенький фотоаппарат и банки с реактивами. Но дело было даже не в том, что с годами произошла утрата каких-то умений и навыков, а в том, что сам уровень моих фотографических познаний на тот момент был довольно скромный, так что о каком-то профессионализме и речи быть не могло. Однако деньги надо было как-то зарабатывать, и я, где мытьем а где катаньем, стал осваивать когда-то такой вроде бы доступный, а на самом деле почти неизвестный мне континент. Прошли годы, прежде чем я смог произвести на свет более или менее приличный продукт, который, кстати, желательно было еще и продать, что для советского интеллигента было делом не только непростым, но где-то даже и опасным. Немногие из наших современников помнят формулу тогдашнего клеймения свободного художника, которая могла не только подпортить карьеру, но и была прямым намеком на тюрзаковский вариант развития событий. Шабашник! – это был и окрик, и намек, и предупреждение, чтобы знал: паршивец-старший брат бдит и каждую левую карточку метит.

По своей природе фотографы всегда были если не свободны, то, во всяком случае, свободнее многих других своих сограждан. Свободнее были разве что автомеханики, сантехники и работники внешторга. Фотографы, конечно, старались прижать, ограничить и проконтролировать, но он, в свою очередь, наловчился как-то ускользать, увиливать и избегать ласковых административных удавок, что, впрочем, очень даже способствовало поддержанию крепости его тела и бодрости духа.

К моменту приобщения к этой среде я в жизни успел кое-что повидать, то есть был не полный лох, а так... фифти-фифти.

* * *

Для начала хотелось бы обратить внимание на очень важную черту прожитого нами XX-го века. Это была эпоха тотального обезземливания крестьянства и, вместе с тем, лишения его права на свою многовековую фольклорную, религиозную и рукодельческую культуру.

А что получила взамен хлынувшая в города масса людей, разоренных коллективизацией и войной, от города и его культуры? В оставленной деревне у человека была масса возможностей занять себя в свободное от основной работы время. Причем, эти дополнительные виды деятельности давали не только материальный доход, но и приносили нравственное удовлетворение тем, кто не любил сидеть сложа руки в долгие зимние вечера. Кто-то ложки резал, а кто-то их расписывал, а кому-то по душе было с ружьишком побродить, да рыбку половить – все лишняя копейка в крестьянский семейный бюджет.

Что здесь важно подчеркнуть? Дело в том, что, несмотря на скромные жилищные условия, у крестьянина всегда была возможность организовать себе рабочее место – или в углу горницы, или в каком-нибудь пристрое, сиди себе – пили, точай. А какое поле для креатива!

Другое дело – жизнь в городе. Вместо избы – барак, где идет борьба за каждый метр, за каждый угол, а работа в полях заменена вкалыванием на заводе или на стройке от гудка до гудка, где каждая минута на учете – тут уж с креативом не разбежишься!

Однако люди как-то умудрялись приспособливаться! Во дворах возникали какие-то сараюшки, в которых копошились какие-то личности, про которых говорили, что у них руки из нужного места растут. Проходило время – жизнь как-то налаживалась, человеческая самодеятельность постепенно как-то облагораживала уродливый городской быт и делала городскую жизнь интереснее и благороднее.

Если попытаться сравнить деревенское рукоделие и городское, то бросится в глаза их качественное и количественное различие. Крестьянский творческий вектор был направлен на освоение и осмысление окружающей природной среды, в то время как горожанин больше интересовался техникой и ее приспособлением к процессу совершенствования своего городского быта. На первых порах, пока государство не объявило крестовый поход на деревню, крестьянская ремесленная самодеятельность и по разнообразию, и по какой-то внутренней духовитости была намного интереснее и разнообразнее городских традиционных ремесел и промыслов, но после нескольких войн и индустриализации городская культура творческих увлечений стала более разнообразной, хотя, если навскидку попытаться перечислить основные направления послевоенного народного городского творчества, то на ум приходит всего несколько наименований, а именно: садоводство, автолюбительство и фотография. Разумеется, список можно расширить, назвав еще радиолубительство, собаководство, авиамоделизм и т. п. Однако у этих направлений количество приверженцев было значительно скромнее.

Итак, вернемся к фотографии. По своей природе человек всегда стремился к освоению и покорению пространства, к запечатлению событий и действий, то есть человеческая личность всегда осуществляла себя через владение, пользование и распоряжение окружающей средой во всех ее измерениях и проявлениях. Было бы чем, да знать как!

И верхом на коне и под парусом можно было и кругосветное путешествие совершить и забраться в те дебри, куда Макар телят не гонял, но не существовало в позапрошлые века способа остановить мгновение. Конечно, можно было кое-что зафиксировать кистью и

резцом, но это можно было сделать только после события, что ставило под сомнение достоверность запечатленного явления.

Появление фотокамеры и бромосеребряного процесса было в чем-то более революционным явлением, чем все прочие достижения последних двух веков. Одно нажатие кнопки – и вот оно – документ эпохи, который в принципе опровергнуть почти невозможно и который, в какой-то степени, играет роль авторского мандата на право владения зафиксированным мгновением вечности.

Позволю себе несколько подробнее остановиться на качестве фотопродукта как итоге достаточно непростых технических манипуляций, которые необходимо было проделать, чтобы получить изображение, которое, в свою очередь, представляло из себя оригинальный самостоятельный феномен. Так уж мы устроены, что прежде всего в происходящем действе наш глаз и прочие органы чувств замечают прежде всего конкретное действие и сопровождающую его черно-белую графику. Что касается цвета, то, несмотря на всю его броскость, и кажущуюся информативность, нами он воспринимается как нечто само собой разумеющееся, то есть – не очень внимательно. Кстати, сны свои большинство из нас видят тоже в черно-белом варианте. Они проходят внутри нашего сознания в некоем «дальтоническом окрасе», в какой-то серовато-безразличной тональности. Нечто подобное наблюдается и в одноцветной фотографии, когда на первый план восприятия выплескивается изображенное одним цветом произошедшее событие, свидетелями которого мы и становимся.

Разумеется, многоцветие нам привычнее и даже приятнее, но, тем не менее, оно – не главное, а в чем-то и более прозаическое рядовое явление. С другой стороны, «черно-белое событие» оценивается нашими глазами как более логичное, аналитичное и даже более аристократичное, явленное на Свет Божий в результате закрепления на белой баритовой основе черных серебряных зерен.

Подчеркивая роль черно-белого феномена в нашем восприятии действительности, вспоминаю о тех временах, когда кинематограф в основном был черно-белым. Как только в зале гас свет, зритель погружался в некий полуторачасовой транс. Его сознание без особого труда абстрагировалось от душного зала, от его тесноты и неуютности, от стрекота кинопроектора и плохого звука. Зритель переносился как бы в иной мир, в некое черно-белое зазеркалье, ради посещения которого можно было простить его техническое несовершенство.

Нечто похожее пришлось мне испытать подростком, занимаясь фотографией, которую я воспринимал как маленькое чудо – поцарапанное, нерезкое, но мое.

Уже тогда вошло в обиход понятие «фотосъемка». В начале жизненного пути мы еще не знаем, что такое «снятие прибавочной стоимости», но «съемка фотокамерой» события или портрета уже тогда влекла за собой ощущение «получения» чего-то, что интересно и даже ценится родными и товарищами, и это было здорово. Как говорится, «Не имей сто рублей, а сними сто приличных кадров, и жизнь, можно считать, прожита не напрасно. Потомки тебя не забудут!»

* * *

Размышляя о судьбе фотографической культуры, наверное, не стоит увлекаться противопоставлением черно-белой и цветной фотографий.

Вообще-то технология цветной фотографии была разработана еще до первой мировой войны, но почему-то не прижилась – может, была сложна, а может быть, просто не было серьезного социального запроса, который формировался тогда в основном в газетной индустрии.

Серьезная заявка на цветную технологию возникла не на почве творческих поисков газетчиков, а в результате элементарного «серебряного голода», который стал ощущаться уже в шестидесятых годах прошлого века. Серебра стало не хватать, отработанные растворы стали отправлять на переработку, а не выплескивать в канализацию, и все-таки много серебра оставалось в негативе, из него же формировалось и позитивное изображение, то есть изображение на самой фотокарточке.

К слову будет сказано – у нас до сих пор большая часть отходов фотопромышленности до вторичной переработки так и не доходит.

* * *

В двадцатом веке заметную роль в оживлении общественной жизни сыграли различные любительские увлечения и особенно те, которые могли существовать только при наличии какого-то угла, где можно было как-то уединиться. Садоводы первым делом возводили нечто типа будки, обладатели колесной тяги строили гараж, ну а фотографы стремились правдами и неправдами выбить себе право на четыре стены где-нибудь в подвале какой-нибудь общаги или НИИ. Найти такую нору было несложно, но чаще всего значительно сложнее было легитимизировать эту находку в глазах любопытствующей общественности и бдящего начальства. Чаще всего вопрос решался через бутылброт и обещание ежемесячной ренты.

Однако тут была еще одна закавыка. Дело в том, что обычно эти помещения пустовали потому, что были попросту непригодны для эксплуатации, то есть требовали серьезного ремонта, который и пред-

лагалось сделать арендатору. Предположим, что ремонт фотограф сделал, но тут-то и начиналось основное действо! Вдруг обнаружилось, что это помещение становилось очень даже всем нужно и даже просто необходимо! Далее следовали сложные административные пассы, целью которых было выжить из отремонтированного помещения незадачливого арендатора и вселить на его место какого-нибудь своего родственника или кого-то в этом же роде.

Конечно, можно было подыскать какое-то помещение на территории конторы, в которой имел честь служить сам художник, но это решение тоже было не без изъяна. Дело в том, что, получив в свое распоряжение лабораторию, фотограф автоматически попадал под дополнительное наблюдение начальства, что было совсем нежелательно.

Зато, когда с грехом пополам лабораторный вопрос все же решался, оборудование было расставлено, и красный огонек указывал на то, что процесс пошел, вот тогда-то и возникала как бы из ничего особая атмосфера творческого поиска, находок и даже открытий. Заходили на огонек и коллеги-сотрудники, и единомышленники со стороны, и просто те, кого называют папарацци.

Фотографы ко всему прочему были не просто любителями-технарями, они были где-то и философами и даже поэтами красного света. (Не путать с красными фонарями).

Если сравнить те наши лабораторные посиделки с современным способом общения фотографов, то в какой-то мере можно сказать, что на смену лабораторному общению пришло общение студийное, в котором есть свой смысл и красота. Однако тоска по красному свету осталась, а вместе с ней и тайная мечта – а может быть стоит попытаться что-то вернуть, просто так – для души, а не корысти ради. Купить где-нибудь пленочку, составить растворы, поснимать от души и запереться на всю ночь в ванной – отвести душеньку.

Но что-то мне подсказывает: поезд ушел и другого такого же в ближайшие годы не ожидается. Увы!

* * *

В 1995 году в наше мирное провинциальное болото прилетел первый камень фотомоделизма. Именно тогда под руководством пермских деловых людей и под московской вывеской у нас возникла первая школа фотомоделей. Опыт был интересный, но противоречивый. Как-то все переплелось: и внедрение новых технологий, и вспыхнувший интерес к модельной фотосъемке, и возникновение фотостудий как альтернативы лабораториям, и, в конце концов, еще одна возможность заработать, что было немаловажно в то смутное и голодноватое время.

С тех пор таких школ, агентств и т. п.росло как грибов после дождя. Современные студии вполне прилично оборудованы. В них вполне можно снять видеоматериал, отвечающий среднерыночным стандартам и нормам, но в каком-то чисто человеческом плане они не смогли заменить нам тех маленьких лабораторных закутков, где было так интересно каждый день открывать что-то новое и неожиданное в своем ремесле, где было так хорошо посидеть, поболтать, обменяться опытом с коллегой, посмотреть карточки, которые еще никто не видел и которые через несколько месяцев могли появиться в каком-нибудь журнале или каталоге.

И вот что странно! Стало складываться впечатление, что до 95-го года у нас о фотомоделизме никто и не слышал. Откуда ни возьмись, нашими делами стали пытаться заправлять какие-то странные самоуверенные дамы, камеры в руках не державшие, но у которых вдруг открылся дар направлять, ставить и оценивать. Скорее всего именно от них юные модели получили установку на меркантилизацию своих подчас весьма скромных внешних данных. Будущим фотомузам было очень тяжело объяснять, что те 2-3 пленки, которые запечатлели их тренировочные пассы, практически ничего не решали, а то портфолио, которое им вручали в агентстве, было только первым шагом в мир фотомоделизма, моды и подиума. Необходимо было еще много работать над собой, над своим физическим и интеллектуальным обликом, но самое главное – юная модель должна была смириться с той простой мыслью, что она находится в роли просительницы контромарки в совершенно иной мир, где ее готовы принять и даже чему-то научить, но где деньги будут платить далеко не сразу и не всем. И уж, конечно, там не пускают дальше галерки кривляк, толстух и кокетствующих лентяек.

Прежний модельный круг был уже, но интереснее и уж точно бескорыстнее. Более того, в нем ощущался дух антипровинциализма и даже элитарности, которого так нехватает постперестроечному фотомодернизму.

Мои богини! что вы? Где вы?

Внемлите мой печальный глас:

Все те же ль вы? Другие ль девы,

Сменив, не заменили вас?

Да. Где-то так...

Мы с нашими музами редко заключали юридические договоры, зато щедро делились фотографиями – плодом нашего совместного творчества. Спорные ситуации возникали редко.

* * *

Первой жертвой «цветной революции» стали как раз те «красно-светные» лабораторные комнатки, на которых в значительной степени и держался наш фотографический мирок.

Причем, весь этот передел проходил в атмосфере какого-то административно-буржуазного абсурда. Из комнаток фотографов выживали под предлогом того, что всю обработку можно производить в лабораториях массовой печати. Однако, когда на стол бухгалтеру ложился счет за эту услугу, следовало заявление, что это, мол, дорого!

Между тем «комнатки» стали сдавать за скромные, но вполне живые «бабки». А в газетных редакциях ставку фотографа нередко вообще сокращали, а ему предлагали договор, по которому его карточка оценивалась не как самостоятельный материал, по количеству строчек в полосе, которые закрывал напечатанный в данной газете снимок.

От такой наглости профессионалы хлопали дверью и уходили на вольные хлеба.

* * *

А тут еще одна напасть – «цифровая революция»! Об этом явлении можно говорить и говорить – есть в нем и положительное, и ужасное, но прогресс, как говорится, как и появление английских ручкомыльников, неотвратим!

Встречаю как-то одного мэтра в растерянном состоянии, и рассказывает он мне анекдот нашего времени, как пришел он в редакцию со своими карточками, а ему со злорадством сообщают, что его время торговли и левых заработков кончилось, так как бухгалтерия изыскала средства на покупку цифровой камеры, и теперь каждый пишущий журналист снимки к своему материалу будет делать сам.

Шутки шутками, но таким образом профессиональная журналистика утратила выход на профессиональных мастеров фотографии. Через некоторое время отношения стали восстанавливаться, да и молодое племя, хоть и незнакомое, но по-своему талантливое старалось восстановить остатки былого величия журналистики, но все равно, как говорится, осадок остался.

А вот еще один анекдот из той же оперы. После того как наша самая читающая в мире публика перестала читать газеты и почтовые ящики опустели, а интеллигенция сделала вид, что ничего не произошло, вдруг – звонок! Приятный женский голос предлагает в рамках рекламной компании презентовать мне сигнальный экземпляр своего журнала.

Любопытно! Грех отказываться от такого презента! Но в чем же фишка?

Мне было предложено сотрудничество на достаточно выгодных условиях, то есть речь шла о приличном денежном вознаграждении за конкретную публикацию, и я уже было открыл рот со словами благодарности, но червячок сомнения и горького опыта, сидящий в печенке, не давал покоя.

А ларчик открывался очень просто! Оказывается, это сам автор должен был платить за публикацию своей работы, а не наоборот, как это мне представлялось по моему псевдорыночному наитию. Одним словом – приплыли!

* * *

У пленочной бромосеребряной технологии был один весьма серьезный недостаток.

Речь идет о чувствительности фотопленок, которые использовали в своей практике большинство советских фотографов. Практически вся отечественная профессиональная фотография держалась на пленке, которая была предназначена или для аэрофотосъемки, или для чисто промышленного применения. Была еще пленка КН, применяемая в кинопроизводстве, но и эта пленка для профессиональной фотографии не совсем подходила.

Любительские пленки, которые поступали в продажу под маркой ФОТО, по своим техническим показателям тоже оставляли желать лучшего. Правда, был еще вариант – доставать импортную пленку, которую использовали столичные коллеги, но это было сложно и дорого.

Таким образом, правдами и неправдами мы доставали банку (300 м) отечественной пленки по цене 10 коп/м, чаще всего уже не первой свежести, подбирали под нее проявочный режим и были счастливы, если получали приемлемый результат.

Формальная чувствительность такой пленки, более-менее свежей, была 90-130 ед., а мы путем подбора режима ее обработки подымали эту чувствительность до 800 ед. Качество при этом снижалось – повышался контраст, увеличивалась зернистость, резкость падала.

Зато современные цифровые камеры позволяют снимать при установке чувствительности 3200 ед. и даже больше. При этом качество имеем вполне приличное, особенно для документальной фотографии.

Еще один плюс «цифры» заключался в повышенной разрешающей способности, которую цифровая камера способна выдать. Если пленки давали приличное разрешение на формате 30x40 см, то цифровой снимок можно растягивать на метры, имея при этом вполне приличное качество.

Радует и то, что цифровая технология позволяет производить доработку изображения в программе «Photoshop». Конечно, это удобно, и результат получается быстрее, да и самих, чисто технических возможностей стало больше. Удаление царапин, коррекция цвета, возможность прогнозировать конечный результат и еще многое другое – и все это стало возможно только с внедрением «цифры».

Есть еще один, правда, весьма спорный плюс в ряду цифровых достижений. Дело в том, что профессионал, снимая на пленку, всегда считал кадры, и это подсознательно заставляло его «оценивать» потенциальный результат. Что касается фотографа-«цифровика», то он давит на кнопку, не особенно задумываясь об итоговом результате.

Такой подход по принципу: все равно что-нибудь да получится сформировал целое поколение «специалистов», которых профессионалами нельзя назвать, но так или иначе, а «старикам» они конкуренцию не могут составить до сих пор.

Что касается отрицательных сторон цифровых достижений, то их, по крайней мере, не меньше, чем положительных. Цифровые камеры, пригодные для профессиональной работы, до сих пор довольно дороги, хрупки и капризны. С такой «игрушкой» на стройку в пыль и грязь и тем более на улицу запечатлевать человеческие эмоции спешить не стоит – мало ли чего. В этом смысле пленочная аппаратура была надежнее, да и ремонтировать ее было проще и дешевле.

Дорогими цифровиками удобно работать в студии или на природе. Особенно импонирует любопытным моделям возможность сразу увидеть результат съемки на мониторе, и это, действительно, удобно. При этом появляется возможность практически идеально откорректировать световую ситуацию, что-то подсказать самой модели и т. д.

Но как бы вы ни старались точно выставить свет, все равно, если внимательно приглядеться, в местах светотеневого перепада будут заметны какие-то странные цветовые «подпалины». Дело в том, что математическое обеспечение цифровой камеры хорошо справляется с формированием изображения без экстремальных светотеневых перепадов. На границе «свет-тьень», особенно в случае контрастного освещения, программа камеры как бы не справляется с воспроизведением этого противоречия, в результате чего и появляются странные цветовые блики и прочие «странности», которые нарушают светотональную гармонию цифрового изображения.

Мы уже привыкли к хранению своих фотоархивов на дисках, флэшках или в памяти самих ПК, не задумываясь о том, как эти изображения будут выглядеть в виде фотокарточки. Тем, кто этим интересуется, предлагаю сделать следующий эксперимент. Отснимите ка-

кой-нибудь однородный материал в одинаковых световых и бытовых условиях пленочной камерой и цифровой. После этого отснятый материал отпечатайте и фотографии разложите в две разные группы – одна против другой.

Прием вроде бы несложный, но результат многих удивит – отпечатки с пленки смотрятся намного приятнее цифровых. Хотя, если производить сравнение по принципу «карточка против карточки», то разницу, особенно любительский глаз, может и не заметить.

«Остановись мгновение – ты прекрасно!» – знакомая формула, но для практикующего мастера она делится на две части. Сначала это мгновение надо увидеть и только потом остановить. В работе с аналоговой камерой этого разделения практически не существовало, но с появлением цифровиков стало очевидно, что между видением мгновения и его остановкой есть весьма существенная разница. Большинство цифровых камер «ловят мгновение» несколько медленнее аналоговых. А ведь в этом мгновении, которое мастер увидел и готов уловить, весь смысл его работы. Опоздал – значит, не успел! Или, как гласит народная мудрость, пиво без водки – деньги на ветер! Увы! Большинство современных и даже дорогих цифровых камер хоть немного, но «тормозят».

При студийной или пейзажной съемке это мгновение между «увиденным» мгновением и щелчком камеры особой роли не играет, но в репортерской работе успех только и зависит от фиксации именно этого мгновения и никакого другого.

И в наше время остается под вопросом проблема сохранения информации на цветных и цифровых носителях. Черно-белая карточка может храниться больше ста лет, а цветная, сколько ее ни оберегай от света, все равно, хоть и медленно, но постепенно выцветает, особенно если материал был небрежно обработан. Как пошутил по этому поводу один мой коллега, «карточка должна храниться один год, для того чтобы через год ее снова заказали». Шутка...

С диском или с флэшкой происходят подчас странные дела. И не вспомнишь, где их в последний раз уронил или стукнул, а только изображение испорчено. Поэтому рекомендуется хранить фотоинформацию на различных носителях и при этом регулярно ее перезаписывать.

Разглядывая старые фотографии, которые когда-то сделал своими руками, невольно чувствуешь себя не просто участником запечатленной действительности, но и распорядителем этого черно-белого фрагмента вечности, который ты смог увидеть.

«Пришел, увидел, победил», а если быть точным, то в нашем случае можно вести речь о победе над небытием. Не горят не только рукописи, но и фотографии, если их технологически грамотно и с любовью изготовить и сохранить. В совокупности этот процесс можно охарактеризовать как «снятие действительности» (почти как у Маркса).

Однако, когда видишь плоды своего «съема» на мониторе, ощущения совершенно иные. Не сразу понимаешь, что произошла утрата эффекта «снятия», и ты уже не ощущаешь себя собственником мгновений, которые ты увидел, но не успел присвоить, то есть «прошляпил». Для прояснения ситуации можно представить состояние рыбака, поймавшего на удочку заветную рыбку, и совсем другое дело, когда некто поймал ту же рыбку, но неводом. В принципе результат почти тот же, но в первом случае нашему взору предстает рыбак – спортсмен, любитель природы и добросовестный налогоплательщик, а во втором мы имеем дело с браконьером-губителем остатков нашего национального рыбного хозяйства.

Точно так же есть разница между реальной фотографией, которую вы сами сделали своими руками, и фотофайлом из ПК, который вроде бы и ярче, и больше, но не ваш.

Таким образом, изменение технологии «снятия» повлекло за собой изменение, а может быть, и утрату смысла самого акта «снятия». Точно так же как отчуждение у работника права на «снятие прибавочной стоимости» приводило к утрате интереса к труду, а где-то к утрате смысла всей трудовой созидательной деятельности. Труд постепенно стал превращаться в работу, то есть в механическую деятельность ради денег, и не более.

* * *

Однако глубоко копнул. Это у меня от филфака осталось. Начиная с кризиса крестьянской рукодельческой культуры, а закончил «цифровой революцией». Откровенно признаюсь – не уверен, будут ли все эти размышления кому-то интересны. Может быть, есть смысл поделиться своими соображениями касаясь того, как сложилась моя собственная фотографическая карьера, если она вообще сложилась.

Итак, оказавшись за бортом школьного корабля, я все-таки решил не рвать окончательно с народным просвещением, а попытаться продолжить нести светлое, доброе, вечное в народные массы, но несколько иным методом. Мне казалось, что если соединить мое университетское образование, то есть то, что от него осталось, с прежним моим опытом хождения в люди, да еще добавить сюда приличный опыт фотосъемки, то вроде бы должно было что-то получиться. На мой взгляд,

подобные просвещенческие планы можно было реализовать в рамках фотокружка или фотостудии. Никакой Америки я здесь не открывал.

Эта форма просвещения была распространена еще в дореволюционной России, да и в наше время кружков разных мастей у нас была уйма. Вообще-то «кружковщина» была своеобразным методом общения интеллигенции с народом. Вот и меня потянуло в «народничество». Прелюбопытнейший, надо сказать, опыт, господя!

Первым делом надо было ответить на вопросы «Что делать?» и «С чего начать?». Вопросы для советского интеллигента очень даже непростые. Мы ведь как привыкли считать? Приходим, бросаем в массы пару зажигательных фраз и вперед, с песней! – Да нет, не все так просто!

Дело в том, что на бумаге у нас этих кружков и студий – море! Причем, под эти дела выделялись вполне приличные деньги, но специалистов, желающих заниматься этой работой, практически не было. Как так?

Когда я стал активно искать практическое решение вопроса трудоустройства на поприще народного фотопросвещения, неожиданно мне пришлось столкнуться с проблемой почти стопроцентной занятости мест, должностей и ставок в этой «пустующей» сфере просвещения народа. Нонсенс!

На самом деле в этом нет ничего удивительного. Просто надо было смотреть чуть поглубже и соображать чуть побыстрее. У нас ведь как устроено? Кто-то кричит «Караул, ратуйте, спасите!», а у самого на столе и коньячок и балычок. Все прекрасно!

И наоборот: туповатое самовосхваление очень часто является индикатором глупости, плохих дорог и пустых прилавков. Система! Но не дай бог возмутиться или, что еще хуже, поставить вопрос ребром. Это конец отношений и не только. Затравят!

Но мне неожиданно повезло, и я нашел, наконец, вполне приличную просветкультуровскую контору, руководитель которой был не против в рамках своей организации иметь детскую фотостудию. Правда, была тут небольшая проблема. Дело в том, что студии как таковой еще не было, но отчетность по ней уже велась. А раз есть отчетность, значит, объект должен был давать продукцию, а в нашем случае каждый день работы студии должен был отмечен присутствием на занятиях вполне определенного количества детских душ.

Кроме того, фотостудия – это еще и лаборатория, то есть помещение плюс оборудование, но все это еще предстояло создать, в металле на голом месте. Помещение, которое мне было выделено, представляло из себя заваленное до потолка разным хламом, без окон и

дверей «сооружение», которое когда-то, может быть, и было комнатой, но только не при моей жизни.

А тут еще я позволил себе некую антиадминистративную вольность. Дело здесь вот в чем. Когда-то, еще в пионерские годы, я был приучен исповедовать некую парадигму, формула которой звучала примерно так: «Административную работу как белую, так и серую делает руководитель – администратор, а творческую, и черную в том числе, делает конкретный работник». Такие лозунговые канцеляризмы, как «давай!», «когда?», «как я буду докладывать?» и пр., я принимал как некую условность, а где-то и как глупость.

Между тем, мой директор (из комсомольских комитетчиков) сходу мне и предложил (распорядился) заняться набором детей и вместе с ними осуществить ремонтно-строительный прорыв, задорно и с огоньком. Мое же встречное предложение – решить этот вопрос «традиционным образом», то есть через руководящее ЦУ с привлечением профессионалов ремонтно-строительного профиля, руководством моей конторы было встречено с холодком.

Но так или иначе вопрос с ремонтом помещения и оборудованием лаборатории мы все-таки кое-как решили, набор ребячьего контингента прошел без проблем, и работа закипела.

Сам я потратил годы на то, чтобы сделать карточку, которую было бы не стыдно кому-то показать, но своих учеников я старался убедить от такой участи. Мне казалось, что если подросток будет вынужден пробиваться к более-менее приемлемому результату годами, как делал это я, то велика вероятность того, что он бросит заниматься фотографией прежде, чем будет ею увлечен. Я и сегодня так считаю. И тут дело даже не в методических тонкостях подачи учебного материала, а в особенностях нашего национального характера. Нашему человеку от природы присущ некий романтизм души, а вместе с ним прекрасодушная мечтательность, нерегулярность и неусидчивость. Ему очень важно постоянно перед глазами иметь некий осязаемый ориентир, а еще лучше материальный стимул, пусть даже самый простой и наивный.

Для того, чтобы как-то сразу заинтересовать своих учеников, я решил максимально сориентировать весь учебный процесс на получение реальной карточки в кратчайшие сроки.

Первые три занятия я спланировал как некий пропедевтический курс. Первое занятие – съемка на пленере, а точнее – простые упражнения по нажатию кнопки спуска. Второе занятие – проявка пленки приготовленными мною растворами.

Третье занятие – фотопечать первых карточек. Таким образом, я постарался на первых порах свести к минимуму скрупулезную и скучноватую часть фотопроцесса. Мне хотелось заинтересовать своих учеников буквально с первых занятий чем-то вполне реальным и легко достижимым. Никакой теории и полное отсутствие необходимости корпеть над составлением растворов.

Кстати, нечто похожее заложено в идеологию современной массовой фотоиндустрии, которая придерживается принципа: «Вы нажимаете на кнопку, а все остальное мы берем на себя». Вот и я решил пойти по этому же пути и скорее всего был прав. Так или иначе, но я радовался этим первым несовершенным карточкам своих подопечных даже больше, чем их юные авторы. В дальнейшем мы серьезно занимались теорией композиции, изучали устройство фотокамеры, сами составляли растворы и, в конце концов, добились вполне приличных творческих результатов. Во всяком случае родители были довольны успехам своих чад. Казалось бы, живи, твори и радуйся, но на самом деле все было не так просто.

К сожалению, несмотря на приличное образование и непростой жизненный опыт, я долго не мог расшифровать социально-психологический код нашей российской цивилизации, иными словами, лет до сорока вопрос «Кому на Руси жить хорошо?» оставался для меня открытым, хотя я и успел побывать в неблагодарной шкуре «народного защитника», не на шутку рисковал здоровьем, да и на комсомольской сибирской стройке успел потрудиться.

Однако осуществление «некрасовской программы» не приблизило меня к тому бытовому феномену, который великий русский поэт зашифровал фразеологизмом «жить хорошо». Вот и в случае с фотостудией, в организацию которой я вложил много душевных и физических сил, пошло что-то не так. Если попытаться структурировать круг проблем, с которыми я столкнулся через полгода работы, то их можно свести к трем позициям. Во-первых, нам было предложено заняться съемкой мероприятий, причем, не только проводимых в рамках нашей организации, но и по заявкам посторонних контор. В принципе – это дело хорошее и в перспективе вполне возможное, но только тогда, когда ребята научатся это делать, а для этого требовалось время. Одно дело, когда ребенок приносит домой и с гордостью показывает своим домашним свой учебный фотопродукт, и совсем другое дело, когда заказчика интересует конкретная репортажная съемка, навыками которой не всегда владеют даже опытные фотографы.

Правда, есть возможность разрешить эту проблему весьма незатейливым способом, а именно, сделать эту съемку самому. Но и здесь не все так просто!

До сих пор человеческий гений не придумал ничего лучшего в организации трудового процесса, как обыкновенная плата за труд, можно натурой, а лучше – деньгами.

Не тут-то было! Намек на возможность решить проблему оплаты работы хозрасчетным способом обычно воспринималась руководящим лицом как кровную обиду. Фотосъемка – дело дорогое, ее стоимость легко определялась по вполне реальным госрасценкам, ссылка на которые могла вывести из себя любого начальника. Здесь дело даже не в деньгах, а в психологии российского барства, по понятиям которого все работники начальнику должны. Исходя из логики этого долга, начальник имеет право задолжавшему «дать урок», по выполнению которого и доклада об оном выполнении обычно следовали варианты реакций начальствующей особы, которые варьировались в довольно широком диапазоне: от плюса к минусу.

Слишком хорошо у меня в моей студии все складывалось, чтобы продолжаться долго. Левые заказы начальства я иногда выполнял, хотя и без особого энтузиазма. Но с наступлением летних каникул и родительских отпусков ученический контингент поредел, в то время как контроль «центра» за посещаемостью усилился. Но это было еще полбеды.

Когда-то один старый мудрый еврей, наблюдая мои эстетические и технические потуги отделявания студийного интерьера, подарил мне одну простую, но бесценную мысль.

А звучала она примерно так: «Дорогой мой! Если вы хотите благополучно и безубыточно доработать на своем рабочем месте до спокойной старости, поддерживайте его в таком состоянии, чтобы ни у кого даже мысли не возникло выкурить вас из вашего рабочего гнездышка. Но если уж настанет та черная минута, когда вы вынуждены будете его покинуть, то уходя, не забудьте в углу зарыть дохлую кошку, дабы ее загадочное амбре надолго отбило бы желание чаевничать в вашем бывшем гнездышке у ваших более удачливых восприимчивых и их покровителей».

К сожалению, ваш покорный слуга не внял ненавязчивым увещаниям своего многоопытного приятеля и был очень даже удивлен, когда ему представили «коллегу», ищущему, где бы ему преклонить свою творческую незадачливую головушку. Короче: у молодого человека было желание несколько потеснить меня на моем рабочем месте, но при этом отсутствовало стремление такое же рабочее место создать

своими собственными руками. Ко всему прочему, «коллега» был сыном уважаемого отца – приятеля моего директора, вообще-то был хо-рошим парнем и поэтому, уходя, я не стал воплощать в жизнь идею с кошкой, да и не «кошатник» я... по природе своей.

Несмотря ни на что, этот опыт тридцатилетней давности не оставил в моей душе особо горьких воспоминаний. В конце концов, я был уже не мальчик и отличать сено от соломы кое-как научился, а с другой стороны, худо-бедно, но я в течение года занимался творческой работой, многому научился, познакомился и даже подружился с интересными людьми – такими же ловцами фотоудачи. Иных уж нет, но некоторые до сих пор радуют нас своими творческими удачами и находками. И я им радуюсь, и да продлит всевышний их дни!

* * *

Тогда, тридцать лет назад, окончательно расставшись с системой «народного образования», я все-таки решил продолжить фотопросветительскую деятельность, но в рамках какого-то иного учебного заведения. Приближалось начало учебного года, и мне предложили читать курс по теории фотографии в одном из городских ПТУ, которое готовило профессиональных фотографов. Предложение я принял, хоть и не без колебаний.

Одно дело заниматься с подростками, которые пришли к тебе в студию после уроков и хотят отдохнуть и развлечься, и совсем другое дело заниматься со взрослой аудиторией, с людьми, которые готовятся стать профессионалами и рассчитывают зарабатывать на этом деле деньги.

На первых порах пришлось изрядно поднапрячься, чтобы не ударить лицом в грязь.

Я освоил почти с нуля три предмета: «Теория фотосъемки», «Фотоаппаратура и оборудование» и «Материаловедение». Стоит признать, что к тому времени меня стали посещать грустные мысли по поводу не слишком здорового разнообразия моих профессиональных интересов.

Мне все чаще хотелось просто где-то осесть и не дергаться, заниматься своим любимым делом, совершенствоваться в нем и служить ему в меру своих скромных сил и способностей. Работа в училище меня устраивала во всех отношениях, кроме зарплаты. Левые работы мне не предлагали, да и лаборатория была не в моем ведении, а в распоряжении моего коллеги-мастера производственного обучения.

Практически одновременно с предложением преподавать фотоделе-ло в ПТУ я случайно узнал, что в мединституте, на факультете общественных профессий, вакантно место заведующего отделением худо-

жественной фотографии. При отделении была и фотолаборатория – нешикарная, но вода и вентиляция присутствовали, так что можно было работать.

Как-то так карта легла, что я большую часть жизни провел в стенах различных учебных заведений. Где-то меня учили, где-то я учил. Таким образом мне повезло приобщиться к учебному процессу большинства бытующих в нашей стране типов учебных заведений, кроме техникумов, которые сегодня стали называть колледжами. Блестящей педагогической карьерой похвастаться не могу, да и денег приличных на образовательно-учебном поприще не заработал, а о пенсии и говорить не стоит – копейки!

Однако смысл в таком разнообразии все-таки есть, и заключается он в том, что у меня появилась возможность сравнить, где и как у нас учат и учатся. Произвести такое сравнение не просто хотя бы уже потому, что затруднителен выбор основания для такого сравнения.

Могу попытаться сравнить приблизительный коэффициент практической применимости знаний, умений и навыков, заявленных в своем учебном профиле, хотя бы теми учебными заведениями, в которых имел честь трудиться я сам. По той информации, которой я владею о профессиональной судьбе выпускников технического училища, примерно 94-96 % окончивших мое отделение продолжили свой трудовой путь в соответствии с дипломной профессией. Это нормально и это радует.

Меня радует и то, что примерно половина моих студентов-медиков после окончания института, получив диплом врача, продолжили формировать примерно половину своего семейного бюджета за счет фотографических подработок, к сожалению, не всегда от хорошей жизни. И это – ненормально! Наш врач, как водится, плохо отличает красную икру от черной.

Мое поколение помнит еще те времена, когда в основе формирования учебного процесса средней школы лежала идея политехнической школы. Учеников со школьной скамьи готовили к реальной трудовой жизни. Соответственно, при каждой школе были оборудованы мастерские, «живые уголки», приусадебные участки и т. д. Но где-то с конца пятидесятых все это учебно-педагогическое великолепие стало постепенно захеревать.

Фотокружки держались дольше всех, но к началу восьмидесятых (где-то раньше – где-то позже) и они приказали долго жить.

Если попытаться выделить в системе нашего образования самое сильное звено, то им, на мой взгляд, вплоть до 90-х годов была система «Трудовых резервов», переименованная в 60-х в «Систему проф-

техобразования». Именно эта система, несмотря на все ее издержки, воспитывала и обучала достаточно современный класс мастеровых. Тогда их называли рабочим классом и слагали о них поэмы и песни, а сегодня их называют просто – наемные работники. Хитрый трюк... для тех, кто понимает!

Дипломы наших институтов за рубежом не признавали и на соответствующие должности наших специалистов брали только после прохождения ими сложной системы переаттестации, но наших мастеров всегда брали охотно. Правда, такие ситуации возникали крайне редко, так как им и здесь жилось неплохо. А ведь не ценили!

* * *

И все-таки итогом своих рассуждений хотелось бы видеть некую положительную перспективу. Атмосфера фотографического творчества постепенно становится чище и прозрачнее.

Радует то, что фотограф стал более защищен и в правовом плане, и психологически. А это значит, что современного мастера уже не смущает необходимость вчитываться в тексты договоров и заниматься объяснением прав и обязанностей своим моделям и клиентам.

Слава богу – меньше в нашем деле стало строгих дам – менеджеров, которые пытались в 90-е годы курировать нравы и технологию фотомоделизма.

Редакторы всех мастей тоже вроде поутихли и спеси у них поубавилось.

И вот ведь что любопытно – до сих пор поредевшие ряды нашей фотоэлиты укомплектованы в основном мастерами старой школы или их учениками, которым уже тоже за полтинник. Все они давно перешли на цифру, но старый багаж их опыта оказался весьма кстати, хотя поле его применения намного скромнее.

Буклетная журналистика не в счет, оцифрованное рекламное поле душу не греет, да и денег особых не дает. Провинция в последнее время освоила азы индустрии глянцевого журналов, но это фактически тот же буклет: Немного о спонсоре, чуть-чуть местных сплетен, а дальше по стандарту: мода, кухня и секс. Как говорится – дешево и сердито. Спонсорские деньги делятся в основном на 2-3 человека, и того же фотографа приглашают в качестве бесплатного саморекламирующего клиента. Некоторые соглашаются.

Фотографа, как и волка, ноги кормят. «Как погопаешь – так и полопаешь». По большому счету мастеру иногда бывает полезно размять затекшие конечности и побегать, поискать и вообще проявить предпринимательскую смекалку. Пора, пора...

А там, смотришь, и сотовый снова ожил и какая-то подающая надежды модель хочет познакомиться и надеется на сотрудничество. А почему бы и нет!

Так что жизнь продолжается, и она прекрасна – несмотря ни на что. И даже сны бывают иногда цветными.

А. Суворова,

кандидат искусствоведения,
доцент кафедры истории философии ПГНИУ,
ведущий научный сотрудник
Музея современного искусства PERMM

Кунсткамера симуляций

Произведения Юрия Чернышева раскрывают нам характерную историю об эпохе, когда становление художника приходится на колоссальный геополитический разлом – что-то подобное доисторическому разделению Гондваны, то, что происходило в ментальном пространстве позднего застоя, а после трансформировалось в мировоззренческие и политические сдвиги. Изменения ментального и обыденного, которые происходили в реальности поздних 1970-х – начала 1990-х годов, у Чернышева преобразуются в энергию языка искусства, которая преобразует смыслы. Кризис позднего застоя и наступившее далее «время перемен», с разоблачением сакрализованного советского нарратива, в видении художника порождает живых мертвецов, чучела человека, симуляции симуляций. Чернышев, проигрывая ситуации, инсценируя их, демонстрирует нам этот поздnezастойный паттерн, когда имитация функции создается подобием персонажа.

Это ощущение разлома и симуляции как главного смыслового кода искусства Юрия Чернышева присутствует в его сериях 1980–1990-х гг. «Ненастоящность» прошлого и его идеалов, отторжение проговаривается художником в интервью. «Там вообще страх и ужас, какие-то цилиндры рисовали. Такое древнее безумие профессоров», – так Юра резюмирует историю про СХШ – среднюю художественную школу, куда он ходил во время учебы на филфаке. Вместе с филфаком и СХШ «университетами» стали и тусовки на знаменитой Народовольческой с Павлом Печенкиным, Вячеславом Смирновым, Андреем Безукладниковым.

Симулятивность прошлого и его мнимая эталонность – «древнее безумие профессоров» – проигрывается Чернышевым во множестве вариаций: трэшевости пространств – окраинных и заброшенных, кит-

чевости «ню» – в мехах, застывших в нелепых позах, культивированной или естественной маргинальности персонажей. Симуляция симуляций порождает истории за пределами принятых конвенций: мы постоянно понимаем, что так неправильно, это выходит за все возможные границы эстетического, китч слишком уродлив, а этические рамки трещат и разваливаются под натиском сюрреалистичной вакханалии. Ранние работы Чернышева, точно по Бодрийяру, как Диснейленд – прекрасная модель всех запутанных порядков симулякров.

Многие серии Юрия Чернышева построены по принципу динамических подоби́й, когда визуальному или смысловому коду определенных фотографий художник находит пары, которые обнаруживают симулятивность формы или смыслов в сопоставляемых картинках. Мир природного оказывается слишком гиперболизирован в цвете и изяществе форм, а фигуры манекенщиц слишком осязаемы и лишены эфемерности нимф. Как говорит автор, сопоставляя изображения: «Для меня они в каком-то смысле одинаковые, и та драматичная, и эта драматичная. В этой больше мистики, нуара, а та простая, ближе к сказке».

Формальные и смысловые ряды, образуемые Юрием Чернышевым, во многом напоминают логику детства постмодерна – выставки «Параллель искусства и жизни», устроенную ранними британскими поп-артистами, где в едином пространстве были смешаны в хаосе объекты «высокого искусства», рисунки душевнобольных и фотографии природных явлений. Это месиво должно было являть не только связность всего – природы ли, индустрии ли, психологии ли, но более всего симулятивный характер границ рационального мира.

Язык фотографии и художественные приемы работы с изображением у Чернышева парадоксально объединяют гиперреальное и воображаемое: натурные фото или 3D-симуляции, – казалось бы, куда уже ближе к реальности – благодаря коллажированию, анилиновости цвета и фантазмагоричности комбинаций объектов и их нюансировке, превращает эту как-то реальность в симулятивный паноптикум: истории реальной любви, метафизике карт таро, вывернутой дарвиновской теорией эволюции.

Так, в одной из ранних серий «Две реальности» эти «динамические пары» образуются через визуальное исследование случившегося геополитического разрыва, изучение пространства реального и его квазиверсии, сформированной контекстом эпохи: пара «неформалов» соседствуют со свадебным фото из семейного альбома, где счастливые молодожены стоят на фоне покосившегося деревенского дома, взяв друг друга за руки; грузный человек на приеме у врача – с листьями растения из семейства лилейных; свиные туши – с глянцевыми крас-

ными и желтыми лепестками, квартет артистов травести-шоу с – лучшим поваром ресторана, гордо держащей в руках блюдо со «сложным гарниром» и подперевшей подбородок рукой с часиками напоказ.

Один из поздних проектов Юрия Чернышева «Кунсткамера» позволяет нам увидеть трансформации дискурса мировоззрения и языка художника. «Кунсткамера», с одной стороны, продолжает эту логику симулятивных подобиий. Но в этом проекте, по мысли художника, логика постмодерна, в которой все подчинено «веселой игре» ценностями культуры сменяется строгостью модернизма – формы и смыслы выстроены в линию и подчинены единому принципу. Формальные подобиия, развивавшиеся через игру с формой, композиций и цветом, в «Кунсткамере» драматизированы развоплощением мифа про прекрасное Просвещение.

«Мир уродлив со всех сторон, категории нравственности придуманы теми же, что и идея консервировать младенцев», – так комментирует Юрий Чернышев этот проект. Препарация мира с целью вычлениить нравственный закон, оборачивается в этой логике историей про стремление познать суть вещей, выпотрошив пару-тройку младенцев во благо науки. Инферальность нуара становится оборотной стороной работы ученого-естествоиспытателя, а нравоучительные комедии пахивают муштрой и родительским ремнем.

Строгость модернизма – как следование внутреннему канону у Юрия Чернышева – проявляется в единстве подобиий: вариации заспиртованных младенцев из коллекции Рюйша, купленной Петром I для просвещения и науки, выстраиваются в пары с изображениями интеллектуалов, порожденной той прекрасной эпохой, в которой чувства добрые пробуждались лирами поэтов. И здесь, в этих динамических парах, с подачи Чернышева, мы снова балансируем между рации и старательно культивированным безумием в духе приговского «Пушкин наше все... и ничего».

Строгость формального для Юрия Чернышева становится некоторым внутренним канонем, когда художник начинает работать с формальными задачами в подборе этих динамических пар. Мы всякий раз видим структурную и композиционную близость левой и правой картинки, которая проявляется то в повороте головы, то в напряженных складках лица, то в самой фактуре изображения. Однако, несмотря на заявленную строгость, Чернышев всякий раз соскальзывает в кич: «Христос в темнице» «обрастает» лилиями с китайского рыночного развала, а вдохновленный Пушкин парит в люминесцентном муаре. Цвет как бы становится ключом к разгадыванию этой картинки, говоря о ненастоящности намерений алгеброй измерить гармонию реальности и продолжении вакханалии постмодерна.

Раздел V. Удивительное рядом

А. Грузберг,
выпускник 1961 г.

Я переводчик? Не может быть!

Сколько я себя помню, я хотел стать преподавателем, причем вузовским преподавателем. Я около десяти лет работал в школах разного типа, это было интересно, но мне хотелось в вуз. В конце концов мне удалось осуществить это желание, и я больше пятидесяти лет проработал в Пермском педагогическом институте-университете. Мои бывшие студенты, которых очень много, говорят, что я был неплохим преподавателем.

И почти все эти годы никто: ни мои коллеги по кафедре, ни администрация института – не подозревали о моей «второй жизни». А она была, эта вторая жизнь, и с каждым годом становилась все более напряженной.

Однако в последнее время я замечаю какие-то перемены. Меня начинают воспринимать как переводчика и в этом качестве приглашать на встречи с читателями, студентами, научными работниками. Ко мне все чаще обращаются с просьбами об интервью журналисты, причем не только из Перми. Были у меня журналисты из Москвы, из Екатеринбургa и других городов.

Как это получилось? Попробую разобраться.

Попасть преподавателем в вуз мне было очень непросто. Работая в школе, я несколько раз пытался поступить в аспирантуру. Ездил в Москву, в Ленинград. Всегда хорошо сдавал экзамены. (Когда вернулся из Ленинграда и рассказал Франциске Леонтьевне Скитовой, какие отметки получил на экзаменах, она очень удивилась: «Там очень трудно так сдать!») И – не поступал.

Почему? Прежде всего, как я понял, потому что не свой.

Ну, вот, например, моя «ленинградская попытка». Я месяц прожил в аспирантском общежитии. Между прочим, жил в одной комнате с четырьмя молодыми кавказцами. Все они представляли малые кавказские народы, был один дидоец, один хевсур. Эти ребята очень простодушно мне объясняли, что вышло постановление о том, чтобы у каждого народа был свой ученый. И вот собрались старейшины и реши-ли, кто станет ученым. И их выбрали.

Я удивился. Ребята плохо говорили по-русски и вообще ничего не знали. Я спрашиваю: «Как же вы будете диссертации писать?»

«А нам и не нужно. С профессорами уже есть договоренность, и экзамены мы сдадим. Нам бы вот только историю КПСС сдать».

И вот я весь месяц рассказывал этим ребятам «историю КПСС». Они слушали. В результате все они поступили, а я нет.

И снова – почему не поступил? Когда все экзамены были сданы, меня пригласил к себе завкафедрой русского языка Никита Александрович Мещерский, известный лингвист, специалист как раз по тем проблемам, которыми мне хотелось заниматься (он в основном изучал стили древнерусской литературы и историю русского литературного языка), и сказал примерно следующее:

«Мы поняли, что вы способный человек. Мы с радостью вас приняли бы, но поймите. У меня только одно место, и на него есть кандидат, наша студентка, которая уже договорилась о теме диссертации и которая сдала точно так же, как вы. (Мы с ней одни – из девяти поступивших – сдали на пятерки). Мы очень хотим, но не можем вас принять».

Между прочим, Мещерский записал мой адрес и потом еще долго присылал свои работы с автографами.

После нескольких таких неудачных попыток мы с женой (Людмилой Александровной Грузберг) пришли к Соломону Юрьевичу Адливанкину и все ему рассказали. Я попросил его стать моим научным руководителем. Он ответил, что формально не имеет права руководить аспирантами, но это можно как-нибудь обойти. А насчет темы обещал подумать.

Думал он неделю, потом пригласил меня и изложил тему, совершенно необычную, новаторскую, трудную и интересную. Работать с ним было необыкновенно интересно и трудно. Уж слишком много у него было идей. Я напишу кусок, покажу ему (причем, я ведь его же идею осуществлял), он прочтет и говорит: «Очень неплохо. А можно лучше. Давайте сделаем вот так». И все надо писать заново.

Соломон Юрьевич был, что называется, перфекционист, он добивался совершенства в каждом слове. Может, поэтому и написал сравнительно немного...

Между прочим, несколько лет спустя я дал Соломону Юрьевичу прочесть один из своих переводов. С. Ю. лежал в больнице, я его навещал. Конечно, это было задолго до того, как мои переводы стали печатать. Это был роман известного английского писателя Джеймса Балларда «Затонувший мир». С. Ю. о качестве перевода ничего не сказал (он был деликатный человек), а роман ему не понравился. Это

авангардистское произведение, современное, а у С. А. были отчетливо выраженные классические вкусы.

Примерно тогда же меня пригласили на работу в пединститут. Я был доволен, мне нравилось заниматься со студентами. Что еще нужно?

Однако было у меня хобби.

Я с детства любил фантастику.

Мне кажется, в детстве фантастику любят все, как все дети любят сказки. Но, вырастая, большинство людей перестает интересоваться фантастикой. Интерес к ней сохраняется лишь у немногих. И вот эти немногие, как правило, тянутся друг к другу. Они знают друг о друге, встречаются, переписываются. Так было всегда, хотя сейчас, с появлением компьютеров и электронной почты, это общение облегчилось.

Были такие люди и в Перми. Я с ними познакомился, мы подружился, обменивались книгами, обсуждали прочитанное.

Мы говорим сейчас о начале семидесятых годов прошлого века. Это время всеобщего дефицита, но особенно острым был дефицит на книги. На хорошие книги, потому что вообще-то книжные магазины были забиты книгами. Многотомные собрания сочинений членов Политбюро, книги по истории КПСС, отчеты о всех съездах и пленумах КПСС – горы книг. Склады были забиты этими книгами, и я помню, как потом эти книжные горы списывались. А вот хорошие книги выходили редко, и купить их было непросто.

Но ведь как-то нужно было удовлетворять этот спрос. Так в Перми на вещевом рынке возник уголок, отведенный книгам. (Такое существовало во всех городах). Любители книг собирались по воскресеньям, прямо на земле (на газете) раскладывали книги. А желающие ходили по рядам, смотрели книги и выменивали их. Здесь книги почти никогда не продавали, только выменивали.

Я приходил с портфелем, набитым своими книгами. Если я видел книгу, которая мне нравилась, я раскрывал свой портфель, владелец книги просматривал, что я предлагаю, и мы, как правило, договаривались.

Сюда постоянно приходили любители фантастики, рассказывали друг другу о новинках. Когда я пришел в первый раз, я спросил, кто тут занимается фантастикой. И мне показали маленького чуть горбатого человека. «Вот он».

Звали этого человека Раис Зарипов. Рабочий одного из больших пермских заводов, он страстно любил книги, особенно фантастику. Вот именно благодаря ему я стал переводчиком.

Должен сказать, что никакой специальной подготовки ни как переводчик, ни по английскому языку я не получил. У меня в дипломе записано «Филолог. Учитель русского языка и литературы».

Конечно, как и все, я изучал иностранный язык в школе, в вузе, получал пятерки – и язык, конечно, не знал. Да я и сейчас его по существу не знаю. Точнее, мое знание английского языка очень одностороннее. Я легко читаю любой текст на английском языке, даже специальный, я достаточно легко нахожу для этого текста соответствия на русском языке, я достаточно хорошо знаком с бытовыми реалиями, которые в разных странах разные. Но вот устной речью я владею слабо. Если приходится разговаривать с американцами или англичанами, я прошу говорить помедленней. Тогда я понимаю сказанное. Сам говорю по-английски с ошибками и с трудом подбираю слова. То есть у меня в сознании отчетливая связь между письменным обликом английского слова и русским словом, а вот устный облик английского слова я не распознаю. Наверно, потому, что не было практики, не было погружения в чужой язык.

В Советском Союзе к фантастике всегда относились подозрительно. Один опытный редактор разъяснил мне, что опасно печатать фантастику и исторические романы: всегда можно найти нежелательный подтекст. У нас в год в лучшем случае печатали два десятка фантастических книг (включая переиздания), а в США в то же время – до тысячи книг.

Мы, конечно, знали о замечательных американских и английских писателях-фантастах, с увлечением читали те немногие их произведения, что издавались на русском языке, и мечтали о том, чтобы прочитать больше.

В 1972 году Людмила Александровна по какой-то невероятной случайности уехала в Индию преподавать русский язык (раньше в такие командировки ездили только из Москвы и Ленинграда). Уезжая, она спросила, что мне привезти. Я попросил привезти что-нибудь из фантастики на английском языке. И она привезла две книги: «Туннель в небе» Роберта Хайнлайна и «Лунная пыль» Артура Кларка. (Роман Хайнлайна впоследствии перевел, и этот перевод был опубликован).

Я смотрел на эти книги почти со злобой. Ясно, что фантастика, ясно, что интересно (какой рисунок на обложке!), а прочесть не могу. Слово зашифрованный текст, а шифр мне неизвестен.

И вот тут появился Раис. Однажды он принес на рынок тонкую книжку на английском языке и показал мне. Это была книга Эдгара Райса Берроуза, того самого, что придумал Тарзана, «Земля, забытая

временем» (The Land That Time Forgot). Раис спросил: «Можете это перевести?»

Мне ужасно хотелось посмотреть эту книгу, подержать ее в руках, и я сказал: «Попробую».

Я переводил эту книгу долго, несколько месяцев. И было мне очень трудно. Почти каждое второе слово смотрел в словаре. С трудом вспоминал грамматику.

Однажды, еще студентом, я зашел на кафедру языкознания. Там сидела Мария Александровна Генкель и что-то писала. Я спросил, что она делает. Мария Александровна ответила, что ее попросили перевести письмо с монгольского языка. Я удивился. «Вы знаете монгольский?» И М. А. ответила: «Если есть словарь и в нем хотя бы краткий очерк грамматики, я могу перевести с любого языка».

Это меня вдохновило.

У меня сохранилась рукопись этого моего первого перевода, но мне страшно в нее заглядывать. Там огромное количество ошибок. Тем не менее перевод я сделал и отдал Раису. И он, конечно, принес мне еще одну книгу.

Тогда я не знал (узнал гораздо позже), что Раис переводы перепечатывал (он добывал очень тонкую бумагу, так что получалось шесть экземпляров машинописи), отправлял в Ленинград, а уже оттуда такие переводы попадали в самиздат и расходились по всей стране.

Самое главное – мне понравилось переводить. Понравилось разбираться в английском тексте и искать соответствия в русском языке, думать, как бы получше это передать по-русски. Я стал переводить новую книгу и параллельно читать книги на английском языке. Да, с трудом, со словарем, но я постепенно втянулся в это занятие, и читать мне становилось все легче. Сейчас у меня очень большой словарный запас, но этот словарь пассивный. Как я уже говорил, я сразу узнаю написанное слово, а вот обратный процесс: найти английское соответствие русскому слову – у меня получается с трудом.

Я тратил на переводы все свободное время, и у меня накапливалась стопка рукописей. Именно рукописей, потому что я писал текст от руки и не переписывал. Поэтому в рукописях много поправок.

Свои переводы я никогда не скрывал, их читали очень многие, прежде всего мои друзья-фантасты. Вообще относился я к этому занятию достаточно легкомысленно. Мне нравится, моей работе в институте не мешает (я успевал писать статьи и даже книги по истории и диалектологии русского языка), и мне казалось, что это просто безобидное хобби.

Между прочим, тут возникла еще одна проблема. Негде было брать тексты оригиналов. У Раиса было две книги, я их прочел и перевел. Прочел те две книги, что привезла Людмила Александровна. А что дальше?

И вот какой источник текстов я обнаружил. В те годы я регулярно ездил в Москву – работать в библиотеке. Я действительно работал в главной библиотеке нашей страны, которая тогда называлась библиотекой имени Ленина, но больше времени проводил в другом месте – в замечательной библиотеке иностранной литературы.

В тематическом каталоге этой библиотеки в разделе литературы на английском языке были три каталожных ящика фантастики. Я просматривал карточки, отбирал десятка два книг и заказывал их. И потом весь день эти книги просматривал. Я должен был определить, стоит ли эту книгу читать (а возможно, и переводить). Из этих двух десятков книг я отбирал пять-шесть.

На следующий день заказывал новые два десятка, и все повторялось.

В этой библиотеке была фотолаборатория, в которой можно было заказать микрофильм книги. Это было не слишком дорого, и я оставлял заказ на отобранные книги. Спустя месяц в Пермь приходила бандероль с микрофильмами.

Далее эти микрофильмы (негативы) нужно было напечатать. Получались фотографии страниц (очень мелкие; в одном кадре две страницы), и их можно было читать.

За несколько лет у меня собралось сотни две таких фотокниг. Вся непереуведенная классика.

Конечно, отбирая книги, я прежде всего руководствовался именем автора, но не всегда. Авторы некоторых отобранных книг я не знал, а книги брал потому, что мне они понравились при просмотре. Так мне попала карточка на трилогию незнакомого мне тогда автора – J. R. R. Tolkien. *The Lord of the Rings*.

Сегодня, благодаря главным образам фильмам, а также многочисленным изданиям, Толкина знают все. Журналисты могут назвать какое-нибудь мрачное место Мордором и ничего при этом не разъясняют. Все и так поймут. Но ведь то, о чем я рассказываю, происходило больше сорока лет назад. Толкин еще переведен не был, и о нем никто не знал.

Мне достаточно было прочесть несколько первых страниц, чтобы понять, что передо мной необычная книга. Я заказал микрофильм, получил его, прочел трилогию и понял, что это настоящая большая литература.

Чем лучше была книга, которую я читал, тем больше мне хотелось, чтобы эту книгу прочли и другие. И в данном случае это желание было особенно сильным. Я прежде всего хотел, чтобы эту книгу прочли мои дети, которые тогда еще учились в школе. И они прочли, и книга стала их любимой и такой остается и сегодня.

Прочли Толкина мои друзья и знакомые, книга через Раиса ушла в самиздат и разошлась по всей стране. Я ее часто видел в разных городах у фантастов, если попадал в гости. Стоят три аккуратно переплетенных машинописных тома. Я вижу, что это мой перевод, но я никогда об этом не говорил.

Те, кто прочел мой рукописный перевод «Властелина колец» в семидесятые-восемидесятые годы, до того, как появились публикации переводов этого произведения (первый перевод первой книги был опубликован в 1982 году; перевод всей трилогии напечатали еще десять лет спустя), мне не раз говорили, что с трудом воспринимают другие переводы. Это психологически вполне объяснимо.

Я мог бы многое рассказать об этом (самом известном) переводе, но ограничусь одним эпизодом. Примерно в 1995 году я получил письмо Марка Хукера, профессора-слависта из университета штата Индиана. Сам Хукер так объяснил свое обращение ко мне.

Его заинтересовало совершенно необычное явление – появление на русском языке множества переводов Толкина. Такого нет нигде в мире. Толкин чрезвычайно популярен и переведен на множество языков. Но обычно существует один перевод на какой-нибудь язык, и этот перевод постоянно переиздается.

На русский язык Толкина переводили много раз, не меньше десяти, переводили одновременно и по-разному. И Хукера заинтересовало, как в особенностях этих переводов, в особенностях восприятия текста Толкина и переноса его на русскую почву отражается своеобразие страны и ее культуры. Он изучил все имеющиеся переводы, в том числе и перевод, очень популярный и распространявшийся в самиздате, автор которого неизвестен.

Хукер долго пытался установить, кто же автор этого перевода, и наконец наткнулся на небольшой библиографический указатель, составленный в Молдавии (Молдове), в котором говорилось, что автор самиздатовского перевода А. Грузберг. Попытавшись узнать, кто такой Грузберг, Хукер ничего не узнал и поместил в Интернете просьбу сообщить ему, кто такой Грузберг, если кто-то знает такого человека.

На это объявление натолкнулся мой сын, который в это время уже учился в аспирантуре Йельского университета в Нью-Хейвене. Он сообщил Хукеру мой адрес, и Хукер прислал мне письмо. В нем было 72

методично пронумерованных вопроса. Я на них ответил, и Хукер использовал мои ответы в своей книге «Толкин глазами русских» (книга вначале вышла в США на английском языке, потом ее перевели на русский и издали в 2003 году в Москве).

Один из вопросов, на которые пытается найти ответ Хукер: насколько близок к оригиналу перевод. И, между прочим, приходит к выводу, что ближе всего к оригиналу мой перевод. Это не похвала; Хукер указывает на многие неточности моего перевода. Но он пишет, что я, сам того не подозревая, выполнил пожелания Толкина и постарался перевести английский роман, не русифицируя его. Это сложный вопрос, по которому уже существует большая литература, и желающие могут сами с ней ознакомиться.

Между прочим, с Толкином связана вот такая история. Моя дочь, которая еще старшеклассницей мечтала стать журналистом и ходила в газету «Молодая гвардия», где собирался кружок начинающих журналистов, написала небольшую статью «Фродо жив!» (это лозунг клубов толкинистов в разных странах). Эта статья была напечатана в тогдашней пермской газете «Молодая гвардия».

В это время в Пермь приехал известный критик в области фантастики Михаил Александрович Ковальчук (М. Гаков), и я показал ему эту заметку. Спустя какое-то время мы получаем бандероль из... Англии.

Произошло следующее. Книгу Толкина после многих отказов согласилось напечатать издательство Allen & Unwin. Сейчас это издательство, владеющее правами на произведения Толкина, только Толкином и живет. Издает его произведения, книги о нем, журналы, следит за переводами и т.д. При издательстве существует музей Толкина, где собирают все издания его книг на разных языках.

И вот в это издательство Гаков и отправил статью моей дочери. Там сказали, что это первая в Советском Союзе статья о Толкине, поместили ее в экспозицию музея и прислали дочери биографию Толкина с автографом автора (Карпендера).

Итак, я много лет переводил фантастику, пополнял самиздат, а рукописи складывал в стол. У меня и мысли не было об издании переводов. Это было просто невозможно.

Положение изменилось в 1990 году, когда отменили цензуру и стали возникать частные издательства. Возникли они и в Перми, и организовали их мои друзья, знавшие о моих переводах, читавшие их. Эти издательства: «Янус», «Алетейя» и др. – просуществовали недолго, но именно они первыми напечатали мои переводы.

Когда ко мне обратились, я не поверил, что издание моих переводов возможно. И отказался. Но меня поуговаривали и уговорили. И сразу спросили, как подписывать переводы. Я подумал, что вся эта затея несерьезная, не хочется с ней связывать свою фамилию, и решил воспользоваться псевдонимом.

Мой псевдоним – Д. Арсеньев. Происхождение у него забавное. Когда меня спросили, как подписывать переводы, я увидел лежавшую перед собой газету, а в ней статью, подписанную М. Романова. Я знал, что это статья моей дочери, а псевдоним означает «мама Романа, Романова мама» (Роман – это мой старший внук). К этому времени у меня появился второй внук – Арсений, и я сразу решил: пусть псевдоним будет Д. Арсеньев, «Арсеньев дед, дед Арсения»). Так подписано большинство изданий моих переводов. Мне бывает смешно читать в современных справочниках что-нибудь вроде «Дмитрий Арсеньев, псевдоним переводчика А. Грузберга». Откуда авторы справочников берут этого Дмитрия?

Однако первое издание моего перевода вышло все-таки в Москве, и я был просто потрясен, когда его увидел. Это был фантастический роман Гарри Гаррисона «Конные варвары». Государственное издательство стандартов, М., 1990 год. Переводчик не указан. Тираж 150 000 экз.

Понятно, почему не указан переводчик. Издатели его просто не знали, текст взяли из самиздата. Я написал в это издательство, но ответа не получил.

И таких пиратских изданий моих переводов много, и часто я не могу винить издателей. Перевод ушел в самиздат, и я как будто потерял на него право. Он стал принадлежать всем. Таких изданий в девяностые годы было немало, и мне далеко не все они известны.

Бывают случаи более откровенного пиратства. В 2003 году, когда уже вышел первый фильм Джексона, московское издательство «Центрполиграф» выпустило две первых части трилогии Толкина (двумя отдельными томами), используя мой перевод (который, кстати, к этому времени уже был напечатан) и указав в качестве переводчика некоего И. И. Мансурова. Увидев эти книги, я написал в издательство. Мне не ответили, но третью книгу не выпустили. Видимо, побоялись. Думаю, что и здесь издатели взяли текст из самиздата, не подозревая, что он уже напечатан с указанием истинного переводчика.

Сейчас в новых справочниках по Толкину об этом издании прямо написано: «Перевод украден у Грузберга».

Итак, с 1990 года моя жизнь изменилась. Я все меньше времени уделял работе в вузе и все больше – переводам. И мои переводы стали выходить в разных издательствах.

Я уже говорил, что любители фантастики из разных городов знают друг о друге. И о моих переводах было известно. И вот тогда же, в начале девяностых годов, стали возникать небольшие частные издательства в других городах: в Волгограде (где существовал очень известный клуб любителей фантастики «Ветер времени»), в Одессе, в Ростове. Мне оттуда писали, просили прислать переводы или перевести что-нибудь. И начали за переводы платить.

Довольно скоро мной заинтересовались разные московские издательства и стали давать заказы на переводы. Я стараюсь собрать все издания своих переводов, но сделать это трудно. Многие издательства не присылают переводчику экземпляры, и мне приходится эти книги просто покупать. Тем не менее у меня на стеллаже уже около трехсот книг с моими переводами (включая, конечно, переиздания).

Конечно, меня знают прежде всего как переводчика фантастики и заказывают переводы фантастики. Я переводил таких известных писателей-фантастов, как Айзек Азимов, Пол Андерсон, Джеймс Баллард, Дэвид Брин, Джек Вэнс, Гарри Гаррисон, Брайан Герберт (Херберт), Сэмюэл Дилени, Джон Кристофер, Л. А. Лафферти, Абрахам Меррит, Майкл Муркок, Андре Нортон, Фредерик Пол, Кристофер Сташефф, Роберт Хайнлайн, и многих других.

Но я перевожу не только фантастику.

Когда-то, задолго до того, как мои переводы стали издавать, я прочел один из романов Уилбура Смита. Его произведения относятся к приключенческой литературе, и у нас его характеризовали как южно-африканского писателя. Действительно, Смит много лет жил в ЮАР, действие многих его произведений происходит в этой стране, но оттуда его выслали еще во времена апартеида, который он осуждал. Мне его роман очень понравился, и я его перевел.

Когда возникло издательство «Янус», я рассказал об этом романе и вообще об этом писателе, и меня попросили дать переводы. И в 1993 году в издательстве «Янус» вышла книга Смита «Охотники за алмазами». Это было первое издание этого писателя на русском языке. В типографии находились и другие мои переводы этого автора, но тогда издательство разорилось, и набор рассыпали.

Через несколько лет этим автором заинтересовалось одно из крупнейших российских издательств – А.С.Т. и связалось со мной. Я отдал туда свои имеющиеся переводы Смита («Птица солнца», «Орел в небе», «Свириная справедливость»), и их напечатали. Потом стали

заказывать переводы других романов и издавать их. Всего я перевел 18 романов Смита (это примерно половина написанного им).

Вспоминаю такой эпизод. Уилбур Смит, которому сейчас 83 года, живет в Лондоне и ежегодно выпускает по новому роману, и все его книги высокого качества. Делами Смита занимается жена, которая гораздо моложе его и родом из Казахстана. Естественно, она хорошо владеет русским языком. И вот когда издательство закупило права на издание нового романа Смита, его жена поставила условие: прежде чем печатать перевод, показать его ей. Перевод этого романа заказали мне, потом его отправили в Англию, и, насколько мне известно, он был одобрен. Во всяком случае, его напечатали.

Многие помнят так называемого «пермского Майн Рида». В Перми выпустили свыше 20 книг этого английского писателя, и эти книги пользовались огромным спросом. И вот, когда иссякли все переводы Майн Рида на русский язык (его активно издавали в 19 веке, да и в советское время выходило собрание его сочинений), меня спросили, есть ли у Майн Рида еще непере переведенные произведения. Оказалось, что есть, и довольно много. Я перевел два романа Майн Рида: «Гвен Винн» и «Сын Альбиона». «Гвен Винн» – типичный английский роман, совершенно не похожий на другие произведения автора, и мне этот роман кажется лучшим произведением Майн Рида. Что касается второго романа, то он автобиографический и в оригинале называется *The Child Wife*, то есть «Жена-дитя». Название «Сын Альбиона» дали в издательстве.

И еще два тома составили многочисленные рассказы и повести, действие которых происходит преимущественно в Мексике.

Мне известно, что на Украине сравнительно недавно выпустили собрание сочинений Майн Рида и включили в него мои переводы, но мне об этом даже не сообщили. На Украине (как-то язык не привык говорить «в Украине») свои пираты.

Несколько раз по заказам московских издательств приходилось переводить исторические романы. Например, роман Кристиана Камерона «Тиран», в котором действие происходит в причерноморских степях во времена Александра Македонского. Я с большим удовольствием переводил этот роман, потому что в нем большими кусками цитируется Гомер, и я искал перевод этих кусков у Гнедича или Вересаева.

Наконец, пришлось переводить и нехудожественную литературу.

Началось, как обычно, с общения с друзьями-фантастами. Был в Екатеринбурге известный любитель и знаток фантастики Игорь Георгиевич Халымбаджа (к сожалению, уже покойный). Я с ним был хо-

рошо знаком, и он не раз обсуждал со мной свои статьи по истории фантастики.

И вот однажды он сказал, что его знакомый екатеринбургский издатель просит подыскать переводчика для книги Спока «Разговор с матерью». Между прочим, книга уже выходила на русском языке. Я удивился, но связался с этим издателем. Он мне объяснил ситуацию так. Ему проще заказать новый перевод, чем разыскивать переводчика, договариваться с ним, платить ему. «Мне нужен свой перевод, чтобы я мог его переиздавать, сколько хочу».

Я перевел эту книгу, и издатель стал просить переводить другие книги: популярные книги по медицине, по психологии и т. д. Среди этих книг были работы Эрика Берна, известного американского психолога.

Самая известная книга Берна «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры» (в оригинале это две самостоятельные книги, но в русских изданиях их всегда печатают вместе) выходила еще в советское время, она была очень модной, и я ее читал. И вот с нее я и начал переводить. Естественно, вышедший русский перевод у меня при этом лежал на столе – на всякий случай. И тут я обнаружил удивительное явление, с которым потом неоднократно сталкивался.

Русское издание Берна было сокращено ровно на треть. Выбрасывались не отдельные слова или фразы, а целые главы. И понять, почему они выбрасывались, было непросто. Удалялись все упоминания о боге, которых у Берна много. Устранялись все упоминания о Фрейте, хотя Берна с ним во многом не согласен и спорит. Короче говоря, книга была выхолощена. В моем переводе она стала толще на треть.

Между прочим, такое явление довольно часто встречается и в советских переводах фантастики. Представьте себе рассказ (Пола Андерсона из цикла «Патруль времени»), герой которого получает возможность возвращаться в прошлое. И вот он, желая устранить причины многих войн и страданий, решает вернуться в прошлое и убить человека, который стал причиной этих войн и страданий. Но он не может решить, кого именно убить: Гитлера или Сталина. И приводит многочисленные доводы в пользу того и другого. В переводе, естественно, имя Сталина не упоминается, все рассуждения героя исчезают, и он отправляется убивать Гитлера.

Я перевел книгу Берна, и она несколько раз переиздавалась в Екатеринбурге. Но я этим не ограничился. Я разыскал другие книги Берна, написанные в том же живом стиле (Берна очень хорошо пишет, и его интересно и легко читать), и перевел их. Всего я перевел семь книг Берна, и все они вышли в Екатеринбурге.

Спустя десять лет ко мне обратилось крупное российское издательство «Эксмо». Мне сообщили, что собираются переиздать главную книгу Берна и что у них есть четыре разных перевода этой книги. А моего нет. Издательство же хочет сравнить все переводы и выбрать лучший. Меня попросили прислать мой перевод. Я прислал, и спустя какое-то время мне пришел договор на издание этого моего перевода. И выпустили этого Берна в роскошном издании (с тех пор его переиздали еще дважды).

Затем «Эксмо» попросило меня прислать переводы других книг Берна, я прислал, и издательство и их выпустило.

В прошлом году меня пригласили в мой педагогический университет на отделение переводчиков и попросили рассказать, как стать переводчиком. Какие советы я могу дать как сложившийся переводчик переводчикам начинающим?

Сложный вопрос. Я еще раз скажу: сам себя настоящим переводчиком-профессионалом, несмотря на сотни переведенных книг, не считаю. Скорее я переводчик-любитель, но ведь «любитель» – от слова «любить». Я люблю переводить и стараюсь это сделать как можно лучше.

Я сказал студентам, что ко мне иногда обращаются люди и говорят: «Я хорошо владею английским языком. Вот я перевел рассказ (или роман), а издательство его не берет. Почему у вас берут, а у меня нет?»

Я прошу показать мне перевод, а потом обычно говорю: «Ваш перевод не берут, потому что русский язык у вас бедный или неправильный, с ошибками».

Короче говоря, мой первый вывод таков: Конечно, важно знать язык, с которого ты переводишь (в данном случае английский). Но не менее (а может, и более) важно знать свой родной язык, уметь им пользоваться, знать все его возможности и тонкости. Иначе настоящему хорошему переводу не получится.

Далее, нужно иметь широкую эрудицию, просто «много знать» и постоянно учиться. Даже у опытных, хороших переводчиков встречаются нелепые ошибки, вызванные незнанием того, о чем писал автор. Это не ошибки языка, это часто незнание реалий.

Вот наглядный пример. У английского писателя, кстати, фантаста, Джона Браннера есть прекрасный роман *Stand on Zanzibar* (на русский язык название переведено «Всем стоять на Занзибаре»).

В романе упоминается Marshall McLuhan. Кто это такой? Очень известный канадский философ Маршалл Маклюэн, исследовавший возможности новейших средств массовой информации и создавший

целую науку об этом. Переводчица романа, известная и хорошая, о таком философе, по-видимому, не знала. Имя Маршалл она приняла за воинское звание, а фамилию передала так «Маклухан». И на страницах романа появился военачальник маршал Маклухан, которого в действительности не было.

Если что-то непонятно, если ты не знаешь того, о чем идет речь в тексте, не ленись. Загляни в словари, в справочники и узнай. Тем более что теперь, с появлением Интернета, делать это стало гораздо проще.

И наконец, чтобы стать переводчиком, нужно очень много трудиться. Я и сегодня помногу часов ежедневно провожу за этим занятием. У меня это своего рода одержимость, я это понимаю, но ничего не могу поделать. Все остальное кажется мне неинтересным.

В заключение хочу рассказать об одном новом явлении, с которым я связан как переводчик.

Сейчас многие говорят о неизбежной смерти книги. Бумажной книги. Действительно, все чаще и чаще бумажную книгу заменяет электронный текст. Появляются все более удобные устройства для чтения, позволяющие, например, возить с собой в отпуск целую библиотеку.

А тиражи бумажных книг неизменно снижаются. Сегодня тираж даже очень популярной книги в сто тысяч кажется немыслимым. Хорошо если выпустят две-три тысячи экземпляров.

Одновременно набирает силу другой процесс. Сегодня выходят буквально тысячи книг, которые с точки зрения закона не являются книгами. Речь идет о малотиражных изданиях, которые люди выпускают за свой счет.

Вот пример. Ко мне обратился знакомый любитель фантастики из Липецка. Он написал, что группа любителей Толкина (из разных городов) никак не может найти мой перевод «Властелина Колец». Действительно, мой перевод выходил только раз, больше десяти лет назад, ограниченным тиражом. Сейчас его не достать. А людям хочется. И тогда они решили напечатать перевод для себя. У меня попросили текст (компьютерный), предупредили, что о гонораре за перевод не может быть и речи, но мне предоставят бесплатно один экземпляр.

Я согласился.

Нужно понимать, что это недешевое удовольствие. Книга большая, все три части напечатали в одном томе, в хорошем оформлении, тиражом тридцать экземпляров. При таком маленьком тираже производство обходится дорого.

В частности, «Властелин Колец» в этом издании стоил 3 тысячи рублей (я свой экземпляр получил бесплатно). Все участники заплатили по три тысячи и получили свои книги.

А потом спросили у меня, нет ли других переводов, которые не были вообще напечатаны.

Как ни странно, таких переводов было у меня немало. Все они относятся к прошлому: либо ко временам самиздата (некоторые переводы по разным причинам туда не ушли), либо к началу девяностых годов. Издательство заказывает перевод, а выпустить его не успевает, прекращает существовать.

Я с радостью разрешил печатать их таким ограниченным тиражом, получая свой бесплатный экземпляр. И сейчас у меня на полках двадцать из трехсот изданий переводов вот такие малотиражные. С радостью, потому что мне приятно: кто-то все-таки прочтет эти переводы, они не будут лежать у меня мертвым грузом.

А. Лукашин,
выпускник 1976 г.

Роман с компьютером

Так уж сложилось, что вся моя сознательная жизнь оказалась в конечном итоге переплетена с бытованием и развитием вычислительной техники и информатики в нашей стране – всем тем, что по-английски обозначают более коротко и более емко – computer science. Вот об этом-то взаимодействии филолога и компьютер сайнс в разнообразных проявлениях и хочется рассказать.

Я родился и первые девять с лишком лет жизни провел в большой деревне Бея, расположенной в нескольких километрах от подножия Саянов. Климат тогда был здесь резко континентальный, зимы суровые, сугробы наметало до крыш, и снег так плотно сбивался ветром, налетавшим из Хакасских степей, «хакасом», что я мог зайти по этому сугробу на стайку или залезть на крышу нашего дома. Летом над Саянами бушевали грозы. Забор из молний над горами, непрерывный гром, ливни – а наутро дальние вершины оказывались покрыты снегом даже в середине лета. Что уж говорить о весне и осени. Снежное дыхание доносилось до нас в любое время года, потому в деревне на огородах мало что росло, и особых огородников тогда в Бее не было. А вот коров, свиней, овец держали многие, до резни домашнего скота,

устроенной в конце правления Н. С. Хрущева, это обеспечивало сравнительное благополучие деревенской жизни.

От нас было где-то километров 50 до Шушенского, места ссылки небезызвестного В. И. Ленина, тогда еще Ульянова, да и в нашей деревне когда-то были ссыльные революционеры. Впрочем, ссыльные у нас не переводились и позже, целые улицы были заселены поволжскими немцами.

Бея была райцентром, скоплением многих контор и учреждений, поля вокруг принадлежали двум или трем колхозам. Означало это, что был здесь и детский сад, куда я ходил (ненавидя это занятие от всей души) и из которого, подросши, регулярно убегал, и библиотеки – детская и взрослая. И, естественно, школы, начальная, в которой я отучился два года, и средняя, куда я не успел, но где работала мать. Была и еще одна школа, но далеко, «на Моргачевке», окраине села на въезде дороги от Абакана. Было тут и районо, которым мать заведовала в войну, с методкабинетом, куда приходили журналы и где можно было знакомиться с планами издательств, хотя бы узнавая, какие на свете книги есть.

Центром культурной жизни был клуб. Сначала это был не очень большой барак-развалюшка, где показывали кино. Даже и такой, он очень много значил. Все электричество в деревне шло от клубного движка. И пока шел сеанс, у нас дома горела лампочка под потолком и можно было читать не под керосиновой лампой. Наш дом стоял недалеко, рядом с сельсоветом, и летом, когда свет пропадал, было хорошо слышно возмущенные возгласы и свист оставшихся в темноте зрителей, пока механик возился с забарахлившим движком. Потом на месте барака по дороге в школу построили настоящий клуб, в духе сталинского ампира, с колоннами. Там был хороший зрительный зал, сцена. Сколько фильмов я перевидал тут, не сильно в них разбираясь! Очень мне не нравилась музыка к кинофильмам, все время обещавшая наступление чего-то грозного, страшного, а в кульминации всего лишь кто-нибудь на экране выбежал под дождь без плаща! Построили и электростанцию, и лампочка под потолком стала светить регулярно, хотя керосиновая лампа всегда была поблизости и частенько выручала. Я научился ее зажигать, испортив всего одно или два стекла: они трескались, если попадали в пламя фитиля, и поскольку мать пропадала вечерами в школе, преподавая литературу и русский бывшим фронтовикам, вознамерившимся получить таки необходимое для карьеры среднее образование, стал вполне автономным читателем. До этого мать брала меня с собой, и, пока шли вечерние уроки, я сидел в учительской и что-нибудь читал: помню, как-то это был «Дон Кихот»,

бродил по школьным коридорам, иногда заглядывая в классы, особенно если там тоже демонстрировалось кино или картинки с эпидиаскопа. Так, на каком-то уроке истории я поглядел на казнь Степаном Разиным астраханского воеводы, а на уроке астрономии – картинку планет Солнечной системы, плывущих по своим орбитам. В учительской сидеть я не любил. Там на переменах топор можно было вешать. Курили и учителя, и учительницы, и ученики. Послевоенное время не располагало к тонкостям, сигарет не было, курили «Беломор», «Казбек» и самокрутки. Махорку в деревне выращивали сами.

Я научился читать рано, в четыре года и быстро перешел от «Доктора Айболита» (которого знал наизусть) и Маршака к Жюлью Верну и Беляеву. Мать носила мне из школьной библиотеки номера «Юного техника» и «Пионера». От дочери подруги матери – Люси, собственно, практически моей старшей сестры, только что не по крови, мне перепало несколько номеров «Знания-сила» и один – «Техники-молодежи». Это был № 11 за 1957 год, с окончанием «Туманности Андромеды» И. А. Ефремова. С этих журналов и началось мое увлечение научной фантастикой. Они и сейчас в моей библиотеке. С 1957 года мы выписывали «Пионерскую правду», где тоже была в сокращенном виде напечатана глава из «Туманности Андромеды».

Поскольку родился я ровно в середине учебного года, меня могли отдать в школу на год раньше. Но мать решила не делать этого, зато забрала из садика, и последний год перед школой я провел, болтаясь дома и на улице и читая, читая, читая, все, что мог найти. На дни рождения мне дарили книги, несмотря на возраст, мне позволили брать книги в детской библиотеке и читать там журналы в маленьком читальном зале. Какие-то интересные книги были у учителей, школьные и пионерские книги были мне скучны, я старался читать сплошь фантастику, приключенческие книги, научно-популярные, особенно по астрономии, из-за подаренной книги И. А. Ефремова «Алмазная труба» увлекался геологией, но Ферсмана смог прочитать много позже.

Вероятно, первым компьютером, о котором я узнал, была малая вычислительная машина в первой главе «Туманности Андромеды». Большого впечатления она не производила, считала параметры орбиты звездолета «Тантра», была маломощной по заверению автора, поскольку большую вычислительную машину разместить на корабле не позволяла ее хрупкость. В это охотно верилось, в том же номере «ТМ», где была последняя глава романа, помещалась статья В. Пекелиса, замечательного нашего популяризатора кибернетики, тогда делавшего только первые шаги, о памяти машин. Конечно, память на ртутных трубках, на электронных лампах, на электронно-

лучевых трубках не могла не делать машину хрупкой. А о твердых микросхемах на кристалле я узнал только в 1961 году из журнала «Юный техник».

Гораздо интереснее были всевозможные изощтки с роботами, попадавшие и в ТМ, и в ЮТ. Идея железного человека, способного выполнять работу за человека настоящего, очень мне нравилась. Как бы хорошо было, чтобы такой робот таскал воду из далекого колодца, рубил дрова и вообще – помогал по хозяйству!

В октябре 1957 полетел первый спутник. Казалось, что уже на третьем или четвертом спутнике полетит человек. Но и Лайка, и облет Луны – все это наполняло гордостью, причем, не столько победы в космической гонке, сколько гордостью за все человечество, вышедшее таки в космос, почти так, как описывал старты своих космических кораблей И. А. Ефремов.

В ТМ я прочитал первый рассказ – или небольшую повесть братьев Стругацких. Как ни странно, я помню этот день. Это было где-то в конце апреля. Журналы доходили в деревню неторопливо, да еще ходили по рукам более серьезных читателей, чем я. Поэтому первый номер ТМ за 1958 год я прочитал так поздно. Рассказ не произвел на меня ошеломляющего впечатления, но идея роботов-пауков, созданных по образу и подобию их хозяев, мне понравилась. Я уже имел тогда представление о солнечном спектре, и на меня произвело впечатление описание глаз этих пауков, располагавшихся по краю дискообразного, как консервная банка, тела и окрашенных в цвета спектра – и несколько черных – тех цветов, что мы не видим. Я шел напрямик через пустынные огромные огороды, еще совершенно голые, пересеченные только полосками межей с остатками древних изгородей и сухой травы, солнце садилось, за спиной был переулок, где стояла пекарня, и мы с матерью иногда покупали хлеб прямо из печи – горячий и белый. Было холодно, я только что сидел в читальном зале детской библиотеки, и там тоже было холодно, так что я порядочно замерз, но шел домой, ежился и думал о роботах, о марсианах Уэллса – кажется, я тогда уже прочитал «Войну миров» или, во всяком случае, узнал о них из статей Бориса Ляпунова в ЮТ. И о новых книгах фантастики.

С поступлением в школу увлечение фантастикой усилилось. Да и книг вокруг стало больше. В «Роман-газете» вышла «Туманность Андромеды» и я, наконец, смог прочитать роман полностью. В «Пионерской правде» публиковалась повесть «Тайна Млечного пути» ныне академика, а тогда магаданского (по понятным причинам) школьника Толи Фоменко. В ней же появилась «Гриада» Александра Колпакова, отечественная космическая опера, многожды руганная критиками и

собратьями, высмеиваемая, обвиняемая в цельнотянутых заимствованиях из Толстого и Уэллса, но, думается мне, до сих пор нежно любимая теми, кто прочитал ее тогда на желтой бумаге «Пионерской правды» со ставшими каноническими рисунками Л. Смехова. Что бы ни говорили, а одну важнейшую идею «Гриада» содержала – идею гигантского Всепланетного Информаториума. Кроме того, ее герои пользовались при работе портативными «анализаторами», прообразами персональных компьютеров.

Айзек Азимов как-то дал исчерпывающее определение «золотой эры» фантастики. Вкратце – это период лет с 12, когда любитель фантастики вбирает ее словно губка, не слишком разбираясь в качестве и традиции. Заканчивается он годам к 18, когда у большинства читателей, даже самых усердных, появляется критическое отношение к прочитанному. Но есть настоящая «золотая эра» в истории научной фантастики любой страны. Это период, когда читатель может прочитать все или почти все заслуживающие того фантастические произведения. Когда фантастика уже достигла критической массы, необходимой для художественной зрелости, плюс наработала свой фонд идей, штампов, терминов, с помощью которых может общаться с подготовленным читателем без долгих объяснений. В американской фантастике это были 40-е годы, время активной деятельности самого Азимова и его товарищей – Р. Хайнлайна, А. Бестера, Ф. Пола, Т. Старджона, Р. Брэдбери и др. В советской фантастике (что равнозначно российской фантастике, поскольку на языках народов СССР фантастика всегда представляла собой в советский период маргинальное явление, за исключением, быть может, украинского и армянского) такой «золотой эрой» оказался период «оттепели». Мне повезло, мой «золотой век» и «золотой век» НФ страны совпали. Я мог охватить практически все, что издавалось из фантастики на территории одной шестой части суши, а издавалось очень немного. Так что приходилось не по одному разу перечитывать то лучшее, что не надоедало. Сначала это были произведения Александра Беляева – особенно приятно было читать трехтомник в ярких обложках. Но и более скромные его издания брали не иллюстрациями, а содержанием. Потом к нему добавился Уэллс, в меньшей степени Артур Конан Дойль, потому что меньше фантастики написал. Потихоньку к ним присоединились фантасты этого времени. Сначала свое место под солнцем заняли братья Стругацкие – «Путь на Амальтею» был очень хорош по сравнению со скучноватой, производственно-соцреалистической «Страной багровых туч». Но реально силу братья дали почувствовать в своих следующих книгах – «Стажерах» и «Попытке к бегству». Потом к ним присоединился Станислав Лем.

К тому времени мы уже переехали за сто с лишним километров в Минусинск. Мать когда-то там училась в педучилище и даже была Пушкинским стипендиатом 1937 года. Туда перебралась ее сестра с мужем и детьми, моими двоюродными братом и двумя сестрами, самыми моими близкими родственниками. Для меня это оказалось сильнейшей встряской. По двум причинам. В Бее я обзавелся кругом друзей, даже двумя кругами – школьным и уличным. В них я занимал вполне себе лидирующее положение, меня уважали и слушали. Учился я не слишком усердно, мог и сбежать с уроков, отправившись обследовать пещеры недалеко от Бее, дрался, чувствовал себя на улице как дома. Одно из моих уличных друзей впоследствии расстреляли за убийство, что, впрочем, было неудивительно, семья его была жестко маргинальной, хоть в те времена я об этом, конечно, не задумывался.

Вторая причина – глаза. В конце второго класса их проверили – и обнаружили не сильную, но ощутимую близорукость. Теперь мне понятно, почему мои детские воспоминания такие расплывчатые. Мне выписали очки. А вместе с очками я – чужак – получил полную дозу насмешек, издевательств и прочих приятностей, адекватно ответить на которые не мог. Очки мешали. Впрочем, по-моему, пару я все-таки разбил в драках. Минимум год, а то и полтора я вел в школе довольно жалкую жизнь. Пока опять не образовал круг друзей, не заразил нескольких соучеников своими завиральными идеями, взятыми из фантастики, но нашедшими себе почву в нашей школьной и внешкольной жизни.

В то время безусловным лидером «кибернетического» направления в советской фантастике был Анатолий Днепров. Его нещадно ругали за «ненаучность» произведений, несоответствие реального поведения ЭВМ им описанному. Сейчас, по прошествии полувека, эти упреки и претензии выглядят смешными. С какой стати научными должны быть метафоры человеко-машинных взаимоотношений? А вот яркости этим метафорам, включенным в суховатые, в сущности, произведения, было не занимать статью. Чего только стоит СУЭМА, искусственный интеллект, решивший продолжить анализ своего создателя эго анатомированием.

Практически первым в нашей фантастике Днепров описал и персональный компьютер (вообще-то самым первым был Мюррей Лейнстер, еще в 1946 году, в рассказе «Компьютер по имени Джо», предсказавший и персоналку, и Интернет). В рассказе «Машина ЭС, модель № 1» (1959) он описал электронную машину (величиной с пианино, первые «персональные» компьютеры примерно такими и были), которая является персональным и финансовым консультантом. Задол-

го до того, как на явление обратили внимание профессиональные психологи, он описал и «очеловечивание» ЭВМ, возникновение личных отношений между человеком и машиной. Вообще пророков в советской фантастике хватало. Лев Теплов, например, описал в научно-фантастическом очерке современный компьютер-планшет, по радиоканалу общающийся с домашним «сервером». В 1956 году Виктор Сапарин, редактор журнала «Вокруг света» и писатель-фантаст, в рассказе «Суд над танталусом» использовал в качестве неперменного атрибута человека недалекого будущего некий блок-универсал. По описанию – вылитый смартфон.

А между тем реальные компьютеры подходили все ближе. Вот возник у братьев Стругацких в «Понедельнике» программист Саша Привалов, занимающийся интересными делами, решающий задачи, которые невозможно решить. Вот примерно в это же время я купил научно-популярную книжечку Анатолия Китова и Николая Криницкого «Электронно-вычислительные машины», прочитал, как программируются ЭВМ, восхитился и с тех пор читал все, что попадало под руку о программировании. Было этого немного. Статьи Карла Левитина в журнале «Знание-сила», кое-что в других журналах, но в основном все же ЗС. Именно там мне на глаза попала статья, связавшая компьютеры и мое увлечение библиографией фантастики.

Родилось это увлечение все из того же дефицита. Книг было мало, журналов не было вовсе – не считать же за реальный журнал фантастики приключенческо-фантастический «Искатель», который и выписать-то было нельзя. А хотелось читать и читать любимую фантастику. К счастью, в 50-е годы ЮТ опубликовал целый цикл статей замечательного библиографа Бориса Ляпунова «В мире фантастики». А еще мне в руки попала его книжечка «Что читать школьникам по физике и технике». Она и сейчас у меня, и там есть раздел, где перечисляются – с аннотациями – произведения НФ конца 40-х – начала 50-х годов, которые не так-то легко было раздобыть в нашей деревне, да и в небольшом городке – тоже. Многие из них я прочитал уже студентом, в Томской областной библиотеке, а кое-что даже в Горьковке. Впрочем, я забегая вперед.

Первым моим экскурсом в библиографию фантастики стал выписанный на узкой ленте синей линованной бумаги список произведений из статей Ляпунова. Потом я стал выписывать на тетрадные листы авторов, а под их именами – список произведений, которые у них прочитал или о которых узнал. Мне очень немного хочется поменять в собственном прошлом – все к лучшему в этом лучшем из миров, – но что бы я хотел – чтобы в детстве, в самом начале, мне кто-нибудь объяс-

нил бы азы библиографии. И чтобы я вел ее на карточках одного формата, чего бы это мне ни стоило. Но – не судьба.

И вот однажды в ЗС промелькнула статья об автоматизированной обработке научно-технической информации и науке, которая занимается этой проблематикой, – информатике. Мгновенно у меня в голове замкнуло – вот то, чем надо заниматься и заодно применить эти принципы к информации о фантастике. Мне казалось, что в этом таятся огромные неиспользованные возможности, я еще не мог понять – какие. Мне и сейчас так кажется.

Пора было выбирать, куда отправляться после школы. Двоюродная сестра уже давно училась в Томске, двоюродный брат отправился туда же. Рекламная газетка его ВУЗа, ТИРЭТа, Томского института радиоэлектроники и электронной техники, естественно, побывала и у меня в руках. Он-то увлекался радио, паял схемы, и в конечном итоге достиг немалых успехов. А я, несмотря на кое-какие потуги в этом направлении, ничего не добился. Однако в газетке была специальность, которая меня заинтересовала. Называлась она «Автоматизация и механизация обработки и выдачи информации» и принадлежала факультету электронной техники и автоматики. Вот туда я и решил поступить после школы.

Сказано – сделано. В последних классах я сильно увлекался математикой, хорошо справлялся с физикой и астрономией, хотя, впрочем, и в литературе был не из последних, мои сочинения потом списывали еще несколько лет. Вместе с моим деревенским еще другом, да прихватив несколько одноклассников, я отправился в Томск – и мы все поступили. Не без труда, пришлось позаниматься, но тем не менее. Другу-то было легче, он был серебряным медалистом и сдавал один экзамен. Мы сдали четыре.

Мгновенно последовала отправка в колхоз, в томскую глушь, в деревню ссыльных эстонцев Лиллиенгофка. Работали посменно на току, дергали лен и ничего особенного в этом не находили.

А потом была учеба, которую я в конечном итоге бросил. Было несколько причин. Первая – жизнь в общежитии. Девятиэтажка на Нахимова гудела часов до 3 ночи. Высыпаться было трудновато, тем более что занятия шли в первую смену. Я заработал нервное истощение, отстал от своих на курс, но зато за время отсиживания в академическом отпуске начитал столько художественной литературы, что это меня спасало вплоть до аспирантуры.

Второе – искушения большого города. Я стал завсегдаем букинистического магазина Томска и попался на пестрые обложки иностранного отдела главного книжного. Там были прекрасные отделы

немецкой и польской книги (замечу, гораздо богаче, чем в Перми), в этих отделах была масса фантастики, которую очень хотелось прочитать. И я начал всерьез изучать немецкий, а потом и польский, и английский, примериваться к болгарскому и чешскому, венгерскому и румынскому. С немецкого мы с другом даже перевели книгу – «Желтая акула» Вольфганга Шрайера. Рукопись где-то в архиве лежит до сих пор. А языки я доучивал уже в Перми.

И третье – сместился фокус интересов. Я обнаружил, что гораздо больше занятий математикой (таки я успел пройти и сдать на тройку ее университетский курс) я люблю читать учебники по зарубежной литературе, монографии о жанре романа и тому подобную для студента технического вуза дребедень.

Плюс добавились серьезные академические неуспехи. Я в жизни не мог провести прямой линии даже по линейке. По черчению в школе имел не очень твердую тройку (все же мать-завуч помогало). А тут полный курс инженерной графики. В жизни будущим программистам этот курс не пригодился, когда появились системы автоматизированного проектирования, они использовали совсем иные принципы работы. Но нас готовили как будущих инженеров, и серьезно. Первое время я справлялся сам. Потом – как, впрочем, многие – прибегал к помощи более одаренных товарищей. Но было как-то стыдно, и в конце концов на деталях машин я сказал себе – «Хватит!» Пойду, поищу счастья в другом месте.

Никаких проблем тут не было. Следовало только определиться – куда пойти. И тут сработал все тот же эффект большого города. В своем Минусинске я не помню, чтобы где-то в библиотеке – я был записан или брал книги за мать в пяти – лежали «Вопросы литературы». А вот в читальном зале ТИРЭТа – пожалуйста. И «Вопросы философии» тоже. В ВЛ я прочитал еще осенью 1968 на первом курсе статью Е. Д. Тамарченко «Мир без дистанций», и она произвела на меня огромное впечатление. Статьи З. И. Файнбурга о фантастике и Леме в «Вопросах философии», НМ и ЛГ также оказали свое действие.

Мне хотелось стать переводчиком с немецкого. Естественно, надо было поступать на романо-германский факультет. О столицах я как-то не задумывался, а в окрестностях было только две возможности – Пермь или Иркутск. В Иркутске работала Т. А. Чернышева, тоже интересный исследователь фантастики. Но в Перми их было целых двое! И я поехал в Пермь.

Здесь мой роман с компьютером прервался на все пять лет учебы. Филологический факультет с его занятиями во вторую смену, достаточно тихим общежитием и читальным залом в старом Главном, где я

спокойненько нашел, к примеру, статью Андрея Синявского о советской фантастике, оказался почти что идеальным местом для учебы. Конечно, тогда мы этого не знали и не понимали. Гораздо позже, побыв в средах куда как менее интеллектуально насыщенных, начинаешь по-настоящему любить и ценить свой «уни», как на немецкий манер мы именовали университет.

Начал я учиться в 1971 году на романо-германском факультете, в немецкой группе. Но проучился недолго, почему-то не пошла фонетика – и меня перевели на русское отделение. Как-то я досдал разницу и принялся учиться дальше как ни в чем не бывало. Переход ознаменовался сдачей спецкурса С. Ю. Адливанкину по его книжке «Краткий очерк истории праславянской фонетики», и его реконструкция индоевропейского языка произвела на меня большое впечатление. Впрочем, языкознание тогда меня так и не привлекло, хотелось заниматься литературоведением фантастики. И ее библиографией.

Распределили меня в Очерский район, в распоряжение тамошнего района. Очер так Очер. Мы уже побывали там проездом на картошке в 1973, на третьем курсе. Тогда 17 сентября выпал снег, и мы с Б. В. Кондаковым резво грузили и разгружали картошку, которую добывали из-под снега наши девчонки-однорупницы.

Незадолго до выпуска меня навестил Д. Е. Красик, учившийся на курс старше меня. Мы были знакомы шапочно – по совместным выходам на дежурство в народной дружине. Он искал сотрудника для газеты «Мотовилихинский рабочий», и ему рекомендовали меня. Работа в газете казалась весьма заманчивой, тем более что была в двух шагах от дома. А с распределением обещали как-нибудь утрясти.

В начале июня 1976 года я защитил диплом «Станислав Лем как критик научной фантастики». Материал у меня был, масса статей и интервью Лема, его книга «Фантастика и футурология», за которую я в свое время отдал «Тени в раю» Ремарка. Конечно, сейчас я бы написал эту работу гораздо жестче. Но по тем временам удалось собрать неплохой материал и выработать довольно связанное понимание, что такое научная фантастика и в чем суть претензий к ней величайшего на тот момент фантаста. Я освоил польский где-то на втором курсе, окружающие снабжали меня книжками Лема в оригинале, кое-что было и в иностранном отделе Горьковки, где я на долгие десятилетия – вплоть до начала 90-х – прописался. Польский раздел моей библиотеки фантастики рос, как, впрочем, и немецкий, и на других языках, где я мог понять хоть пару слов на страницу.

11 июня я сдал с утра научный коммунизм – госэкзамен, не хухры-мухры! – а после обеда вышел на работу в редакцию «Мотовили-

хинского рабочего». Вероятно, те годы, что я там проработал, были лучшими годами в его истории. История с распределением закончилась на редкость благополучно. Никому меня отмазывать не пришлось. В положенное время я отправился в Очер выяснять положение. Встретили меня там без энтузиазма. В Очере были нужны учитель математики и рисования, а вот филолог не требовался. Кроме того, только что у нас родилась дочь, надо было искать жилье молодому специалисту, а где его взять? Так что меня отпустили подобра-поздорову, естественно, без всякой бумажки, но и без претензий. Можно было работать.

Компьютерные дела настигли меня неожиданно и с абсолютно не той стороны. В июле 1977 года произошло в жизни завода имени В. И. Ленина, которому принадлежала наша газета, знаменательное событие. К его коллективу обратился с письмом сам Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза Леонид Ильич Брежнев (занимает ровно 6 газетных строчек, проверено, многократно использовано). В письме подчеркивалась важность преемственности поколений, выражавшейся в наличии на заводе трудовых династий. Действительно, в огромном коллективе завода сохранилось еще множество людей, чьи отцы и деды работали тут же и жили в своих домишках на Висиме с незапамятных времен. Естественно, партком завода принялся разрабатывать план мероприятий по пропаганде положений этого письма, как уж положено. И тут произошло замыкание, много что поменявшее и в моей жизни, и в редакции. Редактором газеты и моим наставником в журналистике – очень хорошим, хотя и норовным и капризным – был Владимир Иосифович Фрейдсон. Ему было скучно и тесно в рамках многотиражки, и он постоянно что-то организовывал, выступал с какими-то инициативами, вел обширную, как мы понимали, не всегда официально признанную деятельность. Однако и деятельности, которую надо было официально признавать, у Фрея, как его звали в журналистской среде, хватало. На совещании, посвященном письму Брежнева, где присутствовал и Фрейдсон, выступил с инициативой выявить все трудовые династии на заводе начальник отдела АСУП Борис Натанович Кублановский. Потом мне пришлось много с ним общаться, и, как мне кажется, он тоже был человеком больше своего места. Как будто бы он пришел в АСУП из космонавтики, был отправлен в некую ссылку на понижение. За молодую жену. Не знаю. Но идеи в нем постоянно кипели.

Идея выявления с помощью ЭВМ трудовых династий Фрейдсону понравилась. Он собрал нас на летучку и объявил, что мы будем во-первых об этом писать, а во-вторых, как нам применить ЭВМ в своей

работе? Я предложил использовать машинные возможности для анализа газеты. Во-первых, взять на учет всех наших авторов, рабкоров. Во-вторых, попробовать побороться со штампами, хотя бы в заголовках. Повторы и скучные заголовки были нашим бичом, мы постоянно страдали, выдумывая что-нибудь оригинальненькое. А в-третьих, попытаться проанализировать тематику публикаций газеты и, может быть, что-то скорректировать.

В результате появилась система «РАДУГА» – Редактирование, Автоматизированное Динамическое Управление ГАЗетой. Были разработаны с нашей стороны формы ввода информации, со стороны отдела АСУП – программы обработки этих форм. Первым реальным делом стал анализ заголовков газеты. Это-то было просто. Девочки-операторы набили все заголовки из подшивок газеты за несколько лет, а машина отсортировала их по алфавиту и сосчитала повторы, а потом еще выдала заголовки в порядке частотности. Получилась толстенная распечатка с набором наших штампов на первых страницах. Потом мы заполнили карточки наших рабкоров – получилось много, хотя большая часть, конечно, были «мертвые души», люди, которые позволяли нам за них писать. Самое трудное был тематический анализ газеты. Никто тогда не знал понятия реляционных баз данных, формализованного описания предметной области и тому подобных вещей. Меня отправили в отдел АСУП сидеть и разрабатывать карточку материала, карточку номера, карточку автора и выходные формы, в нынешней терминологии баз данных – отчеты. Я сидел в большой комнате, полной женщин-разработчиц, рисовал эти макеты записей и наблюдал жизнь АСУПовцев вблизи. Листал газеты, сочинял словарь дескрипторов, изобретал велосипед, скорее всего. В конечном итоге «РАДУГА» отправилась в павильон «Советская печать» на ВДНХ, Фрейдсон получил очередную, не первую медаль ВДНХ, а я – первую, она же последняя. Затея имела даже всесоюзный резонанс. К нам обратились из газеты «Советская Эстония», из газеты г. Колпино, в общем, кое-какой интерес был.

Тут подоспело 50-летие газеты. Пригодились наши списки рабкоров.

Параллельно с работой над «РАДУГОЙ» возник и оформился честолюбивый замысел – создание информационно-поисковой системы «Фантастика». Делать его мы собрались с моим старейшим и лучшим другом еще Бейских времен, Владимиром Ивановичем Борисовым. После странствий по распределению и службы в СА он вернулся на родину работать программистом. Поскольку мы переписывались еще школьниками и переписке этой в 2016 году уже полвека (если считать

систематический обмен письмами, помнится, пару писем писали друг другу и раньше), то обсуждение шло и в письмах, и при моих визитах в родные места. На обычных машинных бланках для ввода мы рисовали примеры библиографических описаний фантастики и прикидывали, по каким рубрикам можно сортировать записи и какие списки по каким критериям выдавать. Стандартный по алфавиту авторов, по алфавиту названий, по хронологии, по тематике, по источникам... Конечно, результаты были бы гораздо интереснее имевшихся у нас картотек.

В то время я увлекся ИПС без компьютера. Казалось, машинные ресурсы у нас никогда не появятся, надо поискать обходные пути. Выход виделся в перфокартах с краевой перфорацией. Это карты большого формата с двумя рядами дырочек по краям. Вырезая эти дырочки по специальным шаблонам, в которых зашифрованы определенные критерии или просто буквенно-цифровые коды, можно получившуюся картотеку сортировать по всевозможным критериям. Все это так, конечно, но дело было в том, что вырезать полный набор кодов – очень трудоемкое занятие. А сортировка требуется не слишком часто. Поэтому моя картотека – весьма объемная, лет за десять, так и осталась просто картотеккой, с непрорезанными перфорациями, пусть даже на карточках и были написаны дескрипторы. Частично я заразил идеей, подобной ИПС, Е. И. Филенко, и он сделал свою картотеку сюжетов фантастики на таких перфокартах, благо, места для аннотаций на них было достаточно, но тоже не осилил кодирование.

Параллельно всему этому началась долгая, счастливая и горькая эпопея с клубом любителей фантастики. Еще студентом я открыл для себя книжную толкучку – место на Центральном рынке, где встречались люди, любившие книгу и придерживавшиеся убеждения, что стоит она должна столько, сколько читатель готов за нее платить. Однако «спекулянтов» среди них тогда было немного, а были люди, готовые менять тем или иным путем доставшиеся им хорошие, но не очень нужные книги на другие, очень нужные. Там весной 1974 года Нина Горланова познакомила меня с Александром Абрамовичем Грузберг-ом. Мы пару раз с ним чем-то поменялись, обнаружили полное совпадение взглядов на фантастику и степени любви к ней, и с тех пор являемся ближайшими друзьями вот уже пятый десяток лет. Поскольку А. А. был вхож в Общество книголюбов, более того, был его активистом, он втянул и меня, прежде всего в руководство организованного в начале 1977 года клуба книголюбов. Это тоже было место обмена книгами, но еще и встреч с писателями и артистами, лекций, каких-то тематических вечеров, в общем, центром притяжения книголюбов и

просто скучающих культурных людей в разгар «застоя». Собираться мы начали в Доме журналиста.

Очень скоро выяснилось, что любителей фантастики в клубе довольно значительная фракция. Мы отделились, и 1 марта 1978 года состоялось первое заседание клуба любителей фантастики. Его история, как и история движения любителей фантастики вообще, очень поучительна, но я попытаюсь написать ее как-нибудь в другой раз.

Одной из затей клуба было проведение анкетирования любителей фантастики. Основываясь на анкетных опросах КЛФ МГУ, на анкете З. И. Файнбурга мы составили свою. Почему-то нам хотелось узнать, что думают любители фантастики о тех или иных ее аспектах и каковы они вообще. Анкету размножили, заполнили, причем несколько экземпляров заполнили иногородние любители фантастики, в октябре 1981 года собравшиеся в Перми на первый в стране конвент клубов любителей фантастики, который проходил под невинным названием областного семинара.

Обработку анкеты взял на себя Е. И. Филенко. Он составил программу, обработал первичную информацию – сами анкеты и вывел ее в удобной форме. Удобной нам показалась форма матрицы, которая прослеживает зависимости всех от всех, т. е. строки по горизонтали и колонки по вертикали содержат процентное соотношение ответов на один вопрос ко всем другим. Анкета дала интересные результаты, но заниматься ими стало и некогда, и небезопасно – начались гонения на КЛФ, слава богу, сильно ослабленные «гонками на лафетах». Проживи Андропов дольше, может быть, мы без всякого своего желания оказались бы в рядах диссидентов и мучеников, разговоры о таком исходе и возможных арестах, во всяком случае, были. Но пришел Горбачев, и чаша сия нас миновала.

А в это время компьютерная революция потихоньку придвинулась к нам и как раз в эти годы внезапно перешла границу. Где-то в начале 1985 ко мне обратились два компьютерщика-энтузиаста – Виктор Николаевич Кобелев и Анатолий Викторович Молодчик. Дома у первого я и увидел впервые персональный компьютер. Это был «Правец», болгарская копия «Эппл-II» с зеленым экраном фантастически низкого по нынешним меркам разрешения. Но на нем работали редакторы текста, на нем были электронные таблицы и – самое главное! – на нем работали игры! Уже тогда, высоко оценивая деловой потенциал персоналок, я думал о том, что они, в сущности, станут окном в виртуальный мир совершенно невиданных возможностей. Так оно и случилось. Дома же у Молодчика я увидел привезенный то ли из Австрии, то ли из Германии компьютер «ZX-Spectrum». Подсоединяемый к те-

левизору, использующий в качестве накопителя бытовой кассетный магнитофон, он обладал такими возможностями, что, в сущности, нынешние компьютеры в пересчете на его емкость памяти и быстродействие, ему и в подметки не годятся. Детище сэра Яна Синклера потом привело в информационную промышленность не один десяток тысяч людей, которые вспоминают его с ностальгией. Тогда же это был второй увиденный мной ПК. С цветной графикой! С возможностями программирования! Именно А. В. Молодчик помог мне приобрести первый мой персональный компьютер, и 2 декабря 1985 года я стал счастливым обладателем новенького ZX, привезенного из Германии. Руководство на немецком языке не представляло для меня препятствия.

Кстати оказалось в работе с персональным компьютером и мое знание польского. Компьютерной литературы катастрофически не хватало. Публикации в журналах типа «Науки и жизни» застряли на уровне программируемых калькуляторов, из которых умельцы ухитрились извлекать максимум возможного. Однако журналы стран народной демократии отреагировали на появление феномена ПК с похвальной оперативностью. Мало того, что выписываемый мной из-за фантастики (рассказ на номер) «Млоды техник» публиковал регулярную колонку и статьи, поляки наладили выпуск сначала двух, а потом и трех журналов, посвященных компьютерной тематике. Большую часть места занимали там описания компьютерных игр, но и курсы программирования, и теоретические статьи по информатике, и просто небольшие программы – все шло в дело. И эти журналы можно было просто выписать на почте.

Сотрудничество мое с В. Н. Кобелевым и А. В. Молодчиком результировало еще в небольшой книжке «ЭВМ на столе. Персональный компьютер», где я был редактором. Книжка вышла в 1987 году и была одной из первых публикаций по тематике персональных вычислений. А в провинции, наверно, и вообще первой, если не единственной.

Концепция персональных вычислений появилась у нас с публикациями Григория Рафаиловича Громова. В своей книге «Национальные информационные ресурсы. Проблемы промышленной эксплуатации» (1984) он выдвинул концепцию автоформализации профессиональных знаний на основе именно персональных вычислений, под которыми понималась именно эксплуатация персонального компьютера и модификация его программного обеспечения под потребности пользователя одновременно с накоплением и формализацией в машине необходимой для профессиональной деятельности информации. Эта концепция мне представляется и до сих пор недооцененной и недоиспользованной в

практике информационных технологий. Во всяком случае с тех пор я вел свою деятельность с оглядкой на принципы этой концепции.

Причины, по которым она не получила достойного распространения, на мой взгляд, следующие. Вместе с ПК к нам пришло и его программное обеспечение. Несмотря на встречавшиеся исключения, направлено оно было прежде всего на автоматизацию нетворческой работы, облегчение повторяющихся операций. При огромной экономии усилий в области рутинной работы, творческая деятельность, во всяком случае, в области манипулирования словом, стимулировалась компьютером слабо. Лишь сейчас ситуация начинает меняться. С появлением языков высокого уровня, доступных для легкого изучения некомпьютерщиками, типа Питона, с появлением библиотек искусственного интеллекта и разработкой функций манипулирования не только символами, но и смыслами, в ближайшее время компьютерные приемы работы проникнут в гуманитарную область не только на уровне языкознания, но даже и литературоведения и текстопорождения.

В это время я работал в Пермском книжном издательстве и, естественно, изо всех сил хотел применить новоприобретенные знания и навыки у себя на работе. Первым шагом для этого стала программка для обсчета тематического плана издательства. Написанная на бэйсике, выгружавшая свои данные на магнитофон, она, тем не менее, позволяла обсчитывать вчерне технико-экономические показатели плана – расход бумаги, фонды гонорара, выручку – и варьировать их в зависимости от того, какие позиции мы в план включали. Производственный и плановый отделы выдали мне нормы, в редакции мы обсудили алгоритм обсчета расходов на ту или иную книгу. При ограниченных ресурсах хотелось сделать больше, поэтому возможность самостоятельно посчитать варианты была как нельзя кстати.

Конечно, «Спектрум» – это было хорошо, но никто и никогда не позиционировал его как рабочий компьютер. Он годился для учебы, он годился для компьютерных игр, может быть, для решения некоторых задач, но рабочим он не был по определению. Рабочим персональным компьютером был IBM PC. Эта марка компьютера стала эталоном персоналки на многие годы.

Как ни странно, наше издательство получило возможность его приобрести. Дело было так.

Еще в начале эпопеи с персональными компьютерами через одного из членов клуба меня пригласили на рабочую встречу нескольких инженеров и техников, которые хотели заняться ни больше ни меньше, а созданием своего, советского персонального компьютера. Разговор

был деловой, народ подобрался знающий. Из этой встречи ничего не вышло, но то было время интересных проектов, кооперативного движения, возникающего предпринимательства, которое по традиции изо всех сил давили власти, провозглашая на словах движение к рынку. На этой встрече у меня и возник контакт с представителем фирмы «Диалог» Вениамином Ниабердиным. Фирма начинала продажи персоналок предприятиям Прикамья. Тех самых IBM PC. Вопрос был только в деньгах – продажи шли за валюту.

И вот у нас, именно у нас, нашей редакции художественной литературы возникла возможность эти деньги заработать. К нам обратился родственник одной недавней эмигрантки, живущей в Дании, с просьбой издать сборник ее стихов. Только что разрешили издавать книги за счет авторов, так что мы не были тут стеснены тематическим планом, а бумага на поэтическую книжечку уж как-нибудь наскребли бы. Я переговорил с Вениамином, и цену мы назначили не маленькую. Десять тысяч рублей в долларах. На эту сумму нам поставляли IBM PC AT с дисплеем EGA, с матричным принтером, с комплектом программного обеспечения, в который помимо DOS входила и бесполезная Windows 2.0. В комплекте была мышь! В компьютере стоял чудовищной емкости диск на 80 мегабайт! Чтоб хоть как-то управиться с таким объемом, я разделил его на более управляемые диски по 20 мегабайт, 4 штуки.

Датчане не моргнув глазом согласились. Книжка была подготовлена по всем правилам и оперативнейше вышла. Стихи были не шедеврами, но и не безнадежной графоманией. Оформили ее хорошо, отпечатали еще лучше. Деньги ушли на счет «Диалога» и вот, сразу после приезда с МКВВЯ-89, 19 сентября 1989 года в издательстве появился свой персональный компьютер. Ему отвели свою комнатенку – душную и не очень удобную, но зато запирающуюся на ключ и с решеткой на окне. Я с энтузиазмом принялся его осваивать.

Увы, мы опередили свое время. Всеобщая компьютеризация еще не наступила. Я перевел в среду программы «Суперкальк» программу обсчета тематического плана, но плановый отдел предпочитал считать свои цифры по старинке, да, собственно, и нужды в изменениях при наших небольших объемах не было. Тем более, что с наступившей свободой доступной оказалась и свобода маневра.

Мы попытались использовать компьютер при подготовке текстов переизданий. Казалось заманчивым сканировать и распознавать тексты вместо машинисток. Как раз такой комплект – сканер и компьютер с соответствующим программным обеспечением – появился на заводе аппаратуры дальней связи, и к нам обратились с просьбой помочь в

освоении. Результат был разочаровывающий. Программу нужно было долго учить шрифту распознаваемого текста, а потом в результирующем тексте было столько ошибок, что проще его было набрать заново, чем править.

Увы, в конце 80-х – начале 90-х компьютер годился только на подготовку бланков, писем и работу с таблицами, которая, собственно, никого не интересовала.

Однако подходила новая волна – «настольное издательство». Так в наших реалиях звучал перевод английского «Desktop Publishing». Технология представлялась простой – готовим оригинал-макет книги прямо в издательстве, при максимально тесном взаимодействии всех заинтересованных лиц – редактора, художника, худреда, корректора. Экономим на читках, экономим на техреде, за счет безбумажной технологии сокращаем время подготовки. Распечатываем макет на пленке и отправляем на офсет в типографию.

Уже появились вполне работоспособные программы верстки, в частности, Ventura Publisher и PageMaker. Уже лихие русские прикрутили к ним русские меню и шрифты. Появились и наши средства проверки правописания.

В октябре 1990 года я съездил в Кишинев. Там фирма, рассчитывающая поставлять средства настольного издательства в страну, собрала издательских работников со всего Союза, чтобы показать свои возможности. Капитализм делал только первые шаги, еще никто не знал, как такие презентации делаются, и организация была на уровне слета передовиков. Что, впрочем, не означает, что мы не получили полезной информации и не поглядели на солнечный Кишинев без радости. Впрочем, у автобусной станции, откуда уходили рейсы на Тирасполь, кружили заметные патрули. Когда я улетал из столицы Молдавской ССР, там цвели розы... В Перми ждала снежная каша...

Деятельность по компьютерной верстке книг отодвинула в сторону даже редакторскую работу. Впрочем, то, что я научился редактировать на экране, зачастую даже в макете книги, во многих случаях выручало. Однако происходила она уже за рамками Пермского книжного. Бум независимых издательств начала 90-х увлек и меня. Увы, как и положено, он вызвал кризис перепроизводства книг, а потом, в судорогах перехода к рынку, последовала массовая гибель новоиспеченных – и не только – издательств. Провинциальное книгоиздание оказалось под прессом книготорговли, фирмы-оптовики диктовали рынку свои вкусы и условия. Им было удобно оперировать из Москвы – и провинциальное книгоиздание ушло в нишевый продукт – региональные издания, книги за счет авторов и спонсоров, бюджеты и тиражи, доста-

точные для поддержания какой-никакой издательской деятельности, обозначения себя на региональном рынке и в региональной культурной среде, но не более. Бестселлеры оставались за Москвой. Пример у нас у всех перед глазами. Алексей Иванов издал «Чердынь – княгиню гор» впервые в Перми, но российским автором его сделало издание центральное.

В это время сменялись поколения компьютеров, системы на 286-х процессорах уступили место 386-м, а потом и 486-м. Мы больше не были отделены Китайской стеной от мирового компьютерного рынка, и перемены доходили до нас в реальном времени.

Все это время шла потихоньку работа над созданием базы данных по фантастике. В соответствии с конъюнктурой мы сосредоточились на англо-американской фантастике – бушевал бум ее переводов. Удалось создать вполне работоспособную систему и вбить в нее самую ходовую библиографию сайнс фикшн. Более того, один работающий экземпляр мы даже продали – издательству «Центрполиграф».

Издательства разваливались прямо под ногами. Всю середину 90-х я провел то в одном, то в другом, то просто занимаясь не привязанными ни к чему издательскими проектами. У меня появился свой компьютер, и это очень выручало.

В 1995 году наступила эпоха Интернета. Подкрался он незаметно, со стороны клуба «Компьютер». Знакомый по нему, инженер ЦНТИ Андрей Леонидович Попов, с которым мы обменивались файлами, во-первых, получил доступ в Интернет, и через него у меня появилась возможность читать «Интернет на дискетах», представлявшие интересными снимки сайтов, файлы текстов, ходивших по форумам, и тому подобная разношерстная информация. А во-вторых, он создал сайт ЦНТИ, на котором выкладывал информацию по своему усмотрению. Оказалось, что в том, чтобы выложить свою информацию, очень заинтересован я. Вот как это получилось.

Еще со времен первого конвента любителей фантастики мы завязали дружеские отношения с московским критиком, физиком по образованию и бывшим председателем КЛФ МГУ Михаилом Андреевичем Ковальчуком. Он был большим знатоком фантастики, свободно владел английским и был отличным критиком – с легким пером и огромной эрудицией. Публиковался он – с соавторами или без – под псевдонимом Вл. Гаков. Как все мы, он страстно желал иметь на русской почве все необходимое для безбедного бытования фантастики – журнал, библиографию, энциклопедию, но у него еще хватало энергии и организаторских способностей, чтобы многое отсюда воплотить в жизнь.

В частности, сделать реальностью Энциклопедию фантастики. Всю первую половину 90-х мы возились с Энциклопедией. Писали и отсылали Мише статьи. Львиную долю работы по советской части энциклопедии сделали Игорь Георгиевич Халымбаджа и Владимир Иванович Борисов, англо-американскими авторами занимался, естественно, Миша. Наконец «Энциклопедия фантастики» вышла в Минске в 1995 году. И столкнулась с резкой критикой. Пеняли на пропуски, пеняли на ошибки. Да и сами мы, увидев конечный результат, поняли, что до идеала далеко.

И вот я, познакомившись с механизмами «Всемирной паутины», сообразил, что мне предоставляется великолепная возможность сделать «работу над ошибками». Надо было создать правильные статьи и выложить их в WWW. А там уж любой желающий мог получить необходимую информацию в любом конце света.

Сказано – сделано. Первой статьей для будущей Экстелопедии был материал о хорошем писателе-фантасте Степане Варганове. Информацию о нем мне предоставил И. Г. Халымбаджа, библиографию составил (и до сих пор пополняю) я сам. Потом появилось еще несколько статей, потом выработалась структура и возникло название – Экстелопедия. А потом А. Л. Попов выложил все это в Сеть.

Несколько лет назад я проверял – в «машине времени» Интернета, на сайте archiv.org лежит по меньшей мере один из ранних вариантов Экстелопедии. В принципе, все они должны там быть, но тот, что существовал на сайте ЦНТИ с 1995 года, точно находится там.

Думается, следует объяснить, откуда взялось название Экстелопедия. Его автором является Станислав Лем. В одной из книг с рецензиями на несуществующие книги – сборниках конденсированных шедевров, – а именно, в «Мнимой величине», он привел рекламный проспект «Экстелопедии Вестранда в 44 магнитотомах». В злой и точной пародии на язык рекламы он изложил концепцию энциклопедии, ориентированной исключительно на получение информации о будущем, рассчитываемой в режиме реального времени батареями мощнейших компьютеров и передаваемых в электронные книги, как нынче сказали бы мы, непрерывно, так что текст на странице может меняться прямо перед глазами читателя. Идея лингвистического прогнозирования вызвала восхищение, но я позаимствовал у Лема только кусочек идеи – концепцию энциклопедии, которая непрерывно меняется, уточняется и дополняется, которая не застывает мертвым слепком состояния дел в отрасли знания на определенный период, а меняется вместе с развитием этого знания. Через несколько лет появилась концепция Википедии, также воплощающей часть этого подхода. Однако отличие Экстелопе-

дии в том, что она создается не стихийно самоорганизовывающимися авторскими коллективами, а небольшой группой экспертов в области фантастики, доверяющих знаниям и опыту друг друга, дополняющих и проверяющих информацию. Сказался опыт работы в редакционном коллективе – газеты, а потом издательства. Реально Экстелопедия создана на основе Энциклопедии фантастики под редакцией Вл. Гакова, с использованием неоценимой информации, собранной ныне покойным И. Г. Халымбаджой, на основе идей тоже покойного В. И. Бутрова, который когда-то заронил саму идею создания такой энциклопедии во время одного из разговоров в редакции «Уральского следопыта» в 1983 году. Действующими авторами являлись Олег Эрнестович Колесников («Магистр»), Андрей Вячеславович Мешавкин, однако большую часть работы сделал я с библиографической поддержкой В. И. Борисова («BVI») и его доведенной таки до ума ИПС «Фантастика».

Конечным итогом моих долгих изысканий в области как библиографии фантастики, так и накопления релевантной информации о ней и смежных областях, стало следующее. Для моих целей больше всего подходит организация информации в виде словаря-справочника с тематическими – понятийными, биографическими, словарными статьями, снабженными обширнейшими (в идеале – исчерпывающими) библиографиями по возможности единообразной структуры и с набором перекрестных ссылок. На компьютере это реализуется в виде гипертекста средствами языка HTML элементарно, как любой веб-сайт начального периода Интернета. Однако до 1994 года это не было еще так очевидно, существовали и другие реализации гипертекста, имевшие свои преимущества, да и идея создания базы данных, вместившей бы все возможности ИПС «Фантастика», сохраняла свою заманчивость. Поэтому мы с БВИ пошли параллельными курсами. Он продолжал разрабатывать – а самое главное, заполнять! – ИПС «Фантастика», и эта система стала незаменимым подспорьем в том, чтобы библиографии в статьях Экстелопедии хотя бы приблизились к исчерпывающим.

Работа над ошибками затянулась на второе десятилетие. Хотя я исправил все замеченные ошибки в печатном варианте Энциклопедии фантастики, существенно дополнил информацию об авторах и сделал – увы, далеко не в том объеме, что хотелось бы – остовы библиографии писателей. В полном соответствии с концепцией Экстелопедии она менялась с меняющейся жизнью. Никто необъятного объять не может, поэтому я решил сосредоточиться на информации об информа-

ции. Каждая статья об авторах снабжена указанием печатных источников, в которых эту информацию можно проверить.

Подводя итоги долгого, непосредственного – уже больше 30 лет, а с опосредованным скоро будет и все 40 – общения с компьютерами, можно прийти к одному выводу – такого инструмента у филологов еще не было. Именно в филологии компьютеры и их программный инструментарий способны дать огромный прирост производительности научного труда. Они, собственно, и дают, однако это теряется на общем фоне незавидного положения отечественной филологии. Новые методы манипулирования символьной информацией еще не проникли в филологическую среду достаточно широко, но все впереди. По мере того, как будет сокращаться число филологов, будет расти их вооруженность методами персональных вычислений – воленс-ноленс. Когда-нибудь она позволит нашей филологии снова выйти на уровень Гудзия, Томашевского, Жирмунского, Конрада, Лотмана... Только вот жить в эту пору прекрасную...

А. Фирсова,
выпускница 1998 г.

На границе литературы и географии

*Все видеть, все понять, все знать, все пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами.
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Все воспринять и снова воплотить.*

М. Волошин

Был жаркий июльский вечер. Я с сыном ехала на дачу. Мы обсуждали статью, согласно которой в современном мире меняется вектор ценностей и значимость приобретают не объекты движимого / недвижимого, а приключения, события, путешествия. Именно ими – впечатлениями – делятся с друзьями при встрече и в соцсетях. И даже отрицательный опыт – печаль, неудача, глупость, – может стать источником нового знания, нового сюжета. Главная ценность жизни – сама жизнь, кому как не филологу помнить этот завет писателей.

А потом сын сказал:

– Вот видишь – любой опыт... Поэтому садись и пиши роман. Об эпохе. Об обществе, о друзьях, о себе.

– Вот садись и пиши! – засмеялась я.

И вдруг раздался телефонный звонок:

– Алё, Настя, Вы меня не помните? Это Нина Евгеньевна Васильева, мы делаем сборник о выпускниках-филологах, которые на своем профессиональном поприще свернули с филологического пути, но приобрели что-то другое. Напишите о себе, как вы стали географом?!

Любопытный знак, подумала я, два предложения от двух совершенно не связанных между собою людей. Возможно, в этом послании что-то есть. Поэтому впервые я пробую писать о себе, об обществе, о времени и пространстве нашего города так, как его чувствую я.

Я выросла в семье геологов. Мои родители – замечательные люди, которые создавали для меня чудесное детство. Так, например, в моем детстве грибы росли после грибного дождика прямо на грядках среди морковки и свеклы. Это были крепкие боровики и красноголовики. В полдень я одевала косынку и собирала их в корзинку. Потом, много позже я узнала, что отец и мама в семь утра обегали окрестные леса, чтобы вырастить их в огороде «после грибного дождика» для меня. А еще в моем детстве, если я вдруг просыпалась одна и безутешно рыдала, то горе это всегда разрешалось счастливо – на столе неизменно стояла банка сгущенки, и в ней всегда были пробиты две заветные дырочки. Эти смешные истории научили меня считать чудо возможным и вселяли оптимизм.

Родители были геологами, и мы часто ездили с палатками, в «уа-зиках» и на «уралах», по лесам и ухабам, варили грибовницу на костре, собирали клюкву на болоте, вынимали керн, искали известняк с окаменелостями. Когда я стала чуть старше, лет в 14 с удовольствием брала на дом «работу» – печать на машинке рукописных отчетов с диковинными словосочетаниями «аллювиально-делювиальные отложения иренского яруса». Но я и не думала быть геологом. Я всегда любила выступать. Внутри болезненно и сладко дышала жажда сцены, и в 11 лет я поступила в «драмкружок» (театр-студия «КОД»), куда ходила 11 лет. Белка в «Двенадцати месяцах», Лена Бессольцева в «Чучеле», Ирина в «Трех сестрах», женщина-дьявол в одноименной пьесе П. Мериме. Это была стихия текста... Навык владения аудиторией... Чувство другого мира, другого человека... С такими чувствами, конечно, хотелось совершить что-то достойное... И я поступила на филологический факультет ПГУ.

Филологический факультет для меня был окутан своей аурой – аурой хранителей и толкователей текстов, знатоков законов мышления и рождения смыслов, дешифровщиков культурных кодов. Самое яркое впечатление первого курса – это, конечно, мифология и фольклор – Константин Эдуардович Шумов, который непередаваемо легко разру-

шал стереотипы нашего обыденного миропонимания, Владимир Алексеевич Кустов, который дотошно следил за техникой конспектирования первоисточников. В итоге – А. Н. Афанасьев, В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Б. Н. Путилов ложились ровными строчками в конспект и разверзали границы повседневности до бесконечности. Мир представлялся живым и структурированным, все в нем было взаимосвязано, все имело причинно-следственные связи, а нарушение границ вело к рождению сюжета. Я запомнила этот тезис – про пересечение границ.

А еще это был живоносный источник русской литературы, литературы XIX и XX вв., классической и символистской, русской зарубежной и новейшей. Мне кажется особенно значимым, что наши учителя познавали ее до нас «тайно», а нам в середине 1990-х несли свет этого знания открыто и ярко, радостно и искренне, с тем светлым чувством, с каким встречают верующие Христа в день Вербного Воскресения. Благодаря курсу Риты Соломоновны Спивак хотелось идти и рассказывать всем-всем людям о философии В. Соловьева и Н. Бердяева, после спецкурса Елены Михайловны Четиной – о четвероевангелии, а после общения с Владимиром Васильевичем Абашевым – обо всех поэтах серебряного века и еще о Шмелеве, об Осоргине, о Зайцеве.

И в этот самый момент, когда мы сидели и пили чай с сушками в «шумовке» (так называли каморку лаборатории «Фольклор Прикамья») зашел к нам историк Саша Черных (это сейчас он академик РАН Александр Васильевич Черных) и сказал:

- Девоньки, кто хочет пошабашить?
- Я, я хочу! – с азартом сказала я, – а что нужно делать?
- Да тут один предприниматель ищет экскурсовода, хочет экскурсии на Белую гору водить.
- А что такое Белая гора?
- Монастырь такой под Кунгуром, заброшенный, после пожара, сейчас восстанавливают.

Так начался мой личный путь чтения и структуриации ландшафта. Полгода я погружалась в краеведение, в житие Стефана Пермского и мифы коми-пермяков, этапы христианизации края и центры духовной культуры. И это был целый новый мир. Оказывается, в Перми на 35 улиц приходилось 36 храмов! А вся та Пермь была от Разгуляя до Займки, от Камы до Загородного (Горьковского) сада. Практически все улицы вдоль реки имели названия по храмам – Монастырская, Петропавловская, Покровская. Далее нужно было выбрать объекты, соединить их маршрутом и связать рассказ логическими переходами. В этом

мне помогла замечательный пермский экскурсовод, практик со стажем 45 лет Галина Григорьевна Леготкина. Наша экскурсия «Пермь православная» была абсолютно новой в 1996 году. Когда я сдавала ее на маршруте, безумно волновалась, потому что здесь должно было воплотиться столько навыков: как актер, я воздействовала на экскурсантов, как филолог, раскрывала смыслы, как географ, должна была чувствовать ландшафт, уметь показать его. Видимо, все получилось, потому что такой эйфории, как после первой экскурсии, я не испытывала никогда. Это было совпадение внутреннего состояния и внешнего действия. Очевидно, я угадала призвание.

В 1998 году я закончила филологический факультет с красным дипломом. К тому времени уже два года «шабашила» – вела экскурсии православной тематики. Но работа экскурсовода до сих пор одна из самых «непонятных», социально незащищенных. Их редко трудоустраивают официально, да и регион наш нетуристский, чтобы иметь постоянную занятость. Поэтому я с благодарностью приняла предложение работать лаборантом, а потом инженером на кафедре русской литературы под руководством Бориса Вадимовича Кондакова. В 2003–2008 гг. вела семинары по фольклору и руководила выездными фольклорными практиками – это были интереснейшие поездки в село Калинино, Романово, в поселок Юг. Фольклорные сюжеты расцветивали экскурсионные маршруты. Туристы слушали предания и легенды, буквально боясь проронить слово. Прав был А. Ф. Лосев – миф лучше чувствует душу события... А потом... потом я поняла, что больше всего на свете мне нужен научный руководитель.

В 2000 году вышла книга В. В. Абашева «Пермь как текст». Я читала ее как откровение. Сложно. Многие вещи усваивались интуитивно. Но я слышала в этой книге «голос места сего». Как это возможно технически? Это не краеведение, нет. Не мифология. Семиотика. Умение читать пространство. Соединять фрагменты ландшафта с текстом. Это особый уровень прочтения, нет, даже не прочтения, а сотворения культурного ландшафта. В ясный июньский день, среди цветущих сиреней театрального сада, я увидела Владимира Васильевича и, «Волной захлебываясь/ на волос От затопленья», подошла.

– Я прочитала Вашу книгу! И хочу быть Вашей ученицей.

– Да... а что ты умеешь?

– Умею вести экскурсии.

– Экскурсии... Практика... Хорошо. Мы будем с тобой делать маршруты по «Детству Люверс» и по «Доктору Живаго». А потом мы напишем работу по направлению прагматики литературы.

Так я познакомилась с целой плеядой новых мыслителей-экскурсионистов начала XX века (И. М. Гревс, Н. П. Анциферов), семиотиков 60-х (В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман), культур-географов 1990-х (Ю. Н. Веденин, В. П. Максаковский, В. Л. Каганский, Д. Н. Замятин), которые обращали внимание на город как на яркий носитель человеческой культуры, учили читать город по его ландшафту и географическому положению, по хозяйственной функции, по планировке и архитектуре, по климату и погодным явлениям и, наконец, по сюжетам, что он рождает.

В 2004 году на географическом факультете ПГУ была открыта новая специальность – «социально-культурный сервис и туризм». Декан филологов порекомендовал декану географов пригласить на вновь создающуюся кафедру меня как ассистента-совместителя. В мои обязанности входил курс русской литературы для географов 1 курса и летние экскурсионные практики. Эта новая деятельность приносила радость, поскольку была связана и со сферой научного интереса и с практической деятельностью. Курс русской литературы, который укладывался в 48 часов, я вольна была построить по-своему и шла от общего к частному. Для чтения выбирала авторов, так или иначе связанных с регионом: после лекции о фольклоре мы знакомимся с преданиями и легендами Урала, после характеристики древнерусской литературы – выбирали для анализа жанр жития. Студенты с удивлением узнавали о топонимах и гидронимах, о том, как связаны герб края и Стефан Пермский. Мы читали А. Н. Радищева и А. П. Чехова, А. С. Грина и Б. Л. Пастернака, В. П. Астафьева и А. В. Иванова. Обязательно ходили на спектакли – мюзиклы «Живаго» и «Алые паруса», пьесу «Три сестры». А потом курс русской литературы закончился вместе со специалитетом. Но появился обширный курс экскурсоведения для бакалавров, который позволяет погружаться в региональную культуру.

На географическом факультете меня удивило многое. Молодая кафедра туризма с таким вниманием относилась к студентам, буквально «ухаживала» за ними. Активно работала система кураторства. Студенты запросто приходили на кафедру общаться с преподавателями и пить чай. Как в походе. Действительно, туристское путешествие, поход в горы или водный маршрут, в который отправляются географы после первого курса, необычайно сплачивает коллектив – преподаватели и студенты едят из одного котла, несут одинаковые рюкзаки и одинаково натирают ноги. Это стирает границы и воспитывает чувство локтя. Взаимным вниманием друг к другу удивил меня географиче-

ский факультет. А еще какой-то легкой веселостью, географы легки на подъем – это тоже замечательное качество в наши замороченные дни.

Но время шло, а моя диссертация по прагматике литературы не писалась. Была непонятной специальность, что это – «Теория литературы» или «История литературы»? Как бы я ни разворачивала текст, он все равно уходил в практику, в проектирование маршрутов, в методику создания литературных экскурсий. А тема эта маргинальная и для филологии, и для географии. И тут Александр Иванович Зырянов, декан и заведующий кафедрой туризма, сказал:

– А не защитить ли такую работу в географическом совете?

Это была свежая мысль – построить работу на пересечении границ, пересечении географии и литературы. Этот новый сюжет вдохновил меня, и я ответила:

– Дорогой Александр Иванович, может быть, я переоцениваю себя, но я попробую выникнуть и Вас не подведу.

Председатель географического совета, профессор, д. г. н. Михаил Дмитриевич Шарыгин с комиссией принимали у меня два экзамена по общественной географии: в объеме ГЭК и кандидатский. Научными руководителями стали и В. В. Абашев и А. И. Зырянов, оба оппонента были из Москвы – географ и доктор культурологии Д. Н. Замятин, экономист и доктор географических наук А. Ю. Александрова. Работа называлась «Географическое пространство в литературных произведениях как ресурс развития туризма (на примере Пермского края)». И здесь вновь пригодилось все – фольклорные экспедиции во Всеволодо-Вильву, подготовка путеводителей и книг, работа на фестивале «Зов Пармы» и «Terra cotta», просто методические разработки, направленные на появление в Перми новых маршрутов: «По следам доктора Живаго»: литературные прогулки по Перми, «Путешествие в Варькино», «Вот как надо жить в Перми на Каме: жизнь и творчество Василия Каменского», «Пермь – страна детской литературы». А в целом все это была работа по реконструкции исторической памяти с последующим внедрением ее в социокультурную и коммерческую деятельность. Я защитилась хорошо. Меня выручило то, что география – наука удивительно широкая по своему предмету, как мне поведал Борис Анатольевич Казаков (доцент кафедры социально-экономической географии): «она охватывает географическое пространство от геологии до идеологии, через технологии».

Так, на пересечении литературы и географии продолжает развиваться мой жизненный сюжет. Сегодня я работаю в должности доцента кафедры туризма на географическом факультете и руковожу небольшой фирмой ООО «Научно-внедренческая фирма “Аспектус”». Мыс-

лю как гуманитарий – образами и как общественный географ – проектами. Из дел, что увлекают меня сегодня, назову следующие:

«*Пастернаковские чтения*» для старшеклассников во Всеволодо-Вильве – творческий и научно-исследовательский конкурс, который проходит с 2012 года. Представьте, юноши и девушки из Губахи, Кизела, Александровска, Всеволодо-Вильвы, Березников, Перми приезжают в поселок читать поэзию и прозу Пастернака. Страсти стоят, как в театральном институте при поступлении! В 2016 году почетной гостью Всеволодо-Вильвы была Елена Владимировна Пастернак, она ехала и подспудно думала, что это ради ее визита спланировано мероприятие, и вдруг поняла, что она просто гость на их творческом конкурсе. Глаза ее сияли и слезились. Она была тронута до глубины души. Юный возраст исполнителей добавляет какую-то удивительную свежесть знакомым стихам, истинность, исповедальность. Интересно, что число участников растет, от первых 35 исполнителей в 2012 до 92-х в 2016. Главная цель конкурса – вовлечь молодежь в процессы понимания и интерпретации классики, поэзия не как глухое хранилище текстов, а как живая, актуальная речь.

«*Сад поэта*» – проект по созданию ландшафтной экспозиции вокруг музея «Дом Пастернака», сада, в котором будут произрастать деревья из лирики и прозы поэта: сосна и ракета, липы и береза, ольха, рябина, акация, сирень. А за каждым деревом – символ художественного мира поэта и сад как образ творчества: «Я б разбивал стихи, как сад./ Всей дрожью жилок/ Цвели бы липы в них подряд./ Гуськом, в затылок./ В стихи б я внес дыханье роз,/ Дыханье мяты./ Луга, осоку, сенокос./ Грозы раскаты.»

Клуб «Экскурсовод Прикамья», членом которого я являюсь и в апреле-мае 2016 года разрабатывала и вела для коллег курсы повышения квалификации на базе РИНО ПГНИУ. Курсы собрали более 70 человек и обострили проблемы профессии: неофициальное трудоустройство; обилие обязанностей и отсутствие прав; «старение» профессии; трансформация жанра традиционной экскурсии (квест, анимация) и, как следствие, падение качества экскурсионных услуг. Все эти вопросы требуют дальнейшего изучения, а самое главное – существует потребность создания площадки, где бы эта профессиональная группа могла делиться опытом и решать насущные вопросы.

«*Голос города*» – цикл аудиогидов по Перми. Проект издательства «Маматов» и ПГОО «Аспектус», осуществленный при участии пермских экскурсоводов и краеведов. Суть проекта проста: на международном ресурсе izi.travel создается цикл аудиогидов, которые формируют многоплановый образ города и вводят Пермь в число туристских горо-

дов мира: город исторический и мистический, театральный и университетский, художественный и литературный, архитектурный и музейный. Проект актуален для Перми, поскольку наш город не имеет ярко выраженных архитектурных доминант, его центр размыт и рассредоточен в пределах перекрестка двух центральных улиц. Однако, по словам В. В. Абашева, если в Перми «нечего показывать», то можно «захватывающе интересно рассказывать». «Голос города» позволяет в любой момент набрать izi.travel.perm и выбрать любой заинтересовавший маршрут, совершить его виртуально или реально.

«Образовательный туризм» – направление туризма, в котором получение образования и обучение являются главной целью поездки, а возможность изучить предмет в естественных условиях повышает качество усвоения материала. Цикл образовательных экскурсий по краю был реализован для китайских студентов-филологов по заявке заведующей кафедрой русского языка и стилистики Елены Александровны Баженовой. Эти экскурсии стали не просто поездками, но и формой межкультурной коммуникации, погружением в наши реалии: памятники природы (китайцы чувствительны к красоте ландшафта), храмы и театры (здесь им сложнее). Еще интереснее прошли интерактивные события: турслет в ЗАТО «Звездный» (они превосходно поют песни, ставят палатки и изобретают бутерброды); поход в русскую баню в Троице (чтобы лучше понять широкую русскую душу, к которой мы прикоснулись через знакомство с жизнью и творчеством В. Каменского). Думается, что это был полезный опыт, который стоит продолжать.

Я благодарна филологическому факультету за Учителей и за все возможные, прошлые и будущие междисциплинарные проекты. За наш творческий курс, из которого в итоге получились педагоги, искусствоведы, юристы, пиар-менеджеры, поэты и музыканты (ансамбль «Пятый корпус»!). За друзей, с которыми мы видимся редко, но сохраняем духовную близость (культурные коды работают!). За личное счастье – именно здесь я встретила Фирсова Сергея – своего мужа. За наших детей, которые любят русский язык, читают стихи и могут говорить свободно на тему свободы личности. Поэтому мой филфак всегда со мной.

Путь к звездам

Я хочу начать свою историю с момента первого выбора профессии. Выбор этот дался нелегко, да и мало кто знает в 17 лет, кем хочет работать потом всю свою жизнь. Для этого нужен поиск, путь проб и ошибок. Я же из семьи «технарей» – мама у меня инженер по специальности, папа – химик. Да и склад ума у меня аналитический, однако меня всегда интересовали психология, искусство и эзотерика. В старших классах я полюбила уроки литературы, и это во многом определило мой дальнейший путь. Когда я стала выбирать, куда пойти учиться, то рассматривала философско-социологический факультет и филологический. Так уж вышло, что проучилась я на филфаке, а диплом защищала на кафедре «Русской литературы». Никогда не жалела, что выбрала этот факультет. Он меня многому научил. Конечно, обучение было не из легких, думаю, в этом со мной согласятся все студенты, учившиеся здесь. Тем не менее, филфак развивает абсолютно новое мышление, взгляд на мир и дает уникальные знания. Самое же главное – учиться было очень интересно и захватывающе.

После окончания университета я решила попробовать себя в качестве школьного учителя в гимназии № 1. После учебного года впечатления остались очень яркие и неоднозначные. В каждом классе были ученики (правда, их было меньшинство), с удовольствием читающие художественную литературу, умеющие рассуждать, имеющие собственное мнение. Я была удивлена, что некоторые дети в столь юном возрасте могут рассуждать на серьезные, даже философские, темы и точно видеть подтекст художественного произведения. Однако меня не покидало четкое ощущение, что это не тот путь, по которому я хочу идти по жизни, и поиск его еще не окончен.

Работая в школе, я начала увлекаться астрологией. Тогда я еще не знала, что это увлечение кардинально изменит мою жизнь. Сама не знаю, как это произошло, но я начала собирать информацию, читать статьи и книги, посвященные астрологии, – и поразилась, сколько сходств и точной информации я обнаружила, сопоставляя данные астрологических трактовок положения планет и других элементов гороскопа, а также их взаимодействия с характером человека и тем, что происходит в его жизни. Мне захотелось глубже изучить астрологию, получить базовые, надежные знания. После непродолжительных поисков я обнаружила, что астрологии в нашем городе обучают сразу в

нескольких астрологических школах. Мой выбор пал на Уральский Астрологический Институт имени П. П. Глобы. Когда же начались сами занятия, я быстро поняла, что нахожусь в своей тарелке, что меня окружают чрезвычайно интересные, умные, духовно богатые люди, которых бы я ни в каком другом месте не встретила. Занятия посещают врачи, бухгалтера, индивидуальные предприниматели, программисты, люди, имеющие руководящие должности, домохозяйки, эзотерики и многие другие. При этом каждый заинтересован в духовном развитии, в расширении своего мировоззрения. Они хотят познать то, что находится за пределами их понимания, хотят понять причины происходящих с ними событий.

Конечно, параллельно с учебой я работала инспектором в Центре занятости, затем в качестве секретаря. Не скажу, что эта работа принесла хоть какое-то удовольствие, но все-таки многому научила, например, общаться с абсолютно разными людьми – от уборщиц, инвалидов, людей, вышедших из мест лишения свободы, до директоров зоопарка, бизнесменов и иностранцев.

Вернемся непосредственно к астрологии. Поначалу я относилась к ней как к хобби. Это занимало практически все мое свободное время и вызывало огромный интерес, который не угасает и до сих пор. Я смотрела множество астрологических карт знакомых, родственников, известных людей, набирая бесценный опыт и утоляя любопытство. На удивление окружающие меня люди проявляли бурный интерес к тому, чем я занимаюсь. Я не ожидала, что очень многие сейчас интересуются астрологией, хотят изучать ее или получить ответ на интересующие их вопросы у профессионального астролога. Люди с доверием и любопытством относятся к этой древнейшей науке. Однажды мне предложили посмотреть карты незнакомых мне людей за материальное вознаграждение. Нужно было оценить основные моменты их натальных карт, а также их совместимость в плане брачных отношений. И я согласилась. Поначалу было сложно работать с данными совершенно неизвестных мне людей, но со временем после того, как я стала смотреть одну карту за другой, появилось чувство уверенности. С тех пор ко мне стали обращаться люди с самыми разнообразными вопросами и те, кто интересовался самопознанием, своим предназначением, призванием. Люди хотят знать, в каком направлении им двигаться по жизни, чего опасаться и когда произойдут значимые события их жизни.

Затем меня взяли в преподаватели, и сейчас я веду занятия по астрологии в Перми, Ижевске и Кирове, а также провожу астрологические консультации. Получилась так, что я опять пришла в преподава-

ние, и тут пригодился бесценный опыт работы в школе. Без него я скорее всего и не решилась бы преподавать астрологию. Однако благодаря приобретенным навыкам нахождения на публике, ведения урока, общения с аудиторией, я быстро влилась в работу. Да и с дисциплиной уже не нужно было бороться. Ученики собираются очень интересные, развивающиеся, заинтересованные в изучении астрологии. От них я узнаю много нового. Клиенты притягиваются тоже очень необычные, с интересными судьбами и профессиями – успешные хирурги, бизнесмены, крупные руководители, владельцы различных центров и салонов, директора учебных заведений и т. д. При этом клиенты есть не только в Перми, но и в других городах. Изучать их карты – одно удовольствие, и это представляет собой бесценный опыт для астролога.

Астрология сейчас становится очень популярной, развивается бурными темпами, недаром в 2003 году наступила эра Водолея, под покровительством которой и находится астрология. Что же это за наука? Почему людям так интересно изучать астрологию и что они хотят узнать с ее помощью? Попробую ответить на эти вопросы. Астрология – это древнейшая наука о циклах планет, о влиянии движения небесных тел на людей и события на Земле. Всем известен неопровержимый факт – положение Луны влияет на приливы и отливы. Так же и другие небесные тела оказывают свое незримое воздействие на Землю и человека, в частности. К тому же значимые мировые события, природные катаклизмы всегда совпадают с определенными планетарными циклами. Итак, есть связь между расположением планет на небосклоне в момент рождения человека и тем, как он проявит себя в течение своей жизни. Поэтому астрология помогает найти ответы на многие вопросы. Она проливает свет на характер человека, его сильные и слабые стороны, показывает, в чем сила человека, его талант, где он может преуспеть, с какими качествами характера ему следует бороться и как это делать. Астрология говорит нам о том, что все люди разные, приходят в этот мир с разными проблемами и задачами. Кому-то в этой жизни предстоит сделать блестящую карьеру, стать известным ученым или политиком, кто-то создан для семьи и домашнего очага, а кто-то для творчества. Каждый выполняет свою кармическую задачу.

Например, астрологическая наука поможет ответить на вопрос, какие способности есть у ребенка – музыкальные, поэтические, спортивные – или же это человек более рациональный, с математическим складом ума, аналитик. Родители, зная об этом, могут начать развивать эти способности с ранних лет ребенка. Можно узнать, в каких профессиях он добьется успеха, будет ли он богат и знаменит, или же его ждут преграды на пути становления. Некоторые уже взрослые люди,

имея прекрасные способности и таланты, не развивают их, не уделяют им внимания, и астролог может указать на них и открыть новые перспективы для развития личности.

Многих интересуют вопросы брака. Незамужние девушки хотят узнать, когда они смогут выйти замуж и выйдут ли вообще, какой муж у них будет, какими качествами характера будет обладать. Иногда даже можно назвать сферу, в которой он будет занят профессионально. Астрология помогает определить, какой человек подойдет в качестве супруга, когда вероятно заключение брака, и даже скажет о количестве браков и возможности разводов. Она дает ответ на вопрос, где вероятнее всего произойдет знакомство с будущим мужем – на работе, на празднике, в экстремальной ситуации, через друзей и т. д. Однако сейчас намечается тенденция: женщины интересуются собственной карьерой ничуть не меньше, чем личной жизнью.

Тема рождения детей также крайне важна. И здесь древняя наука подскажет, когда родятся дети, сколько их будет, если ли показатели на проблемы с рождением детей. Астрология способна пролить свет и на вопросы здоровья человека, продолжительности его жизни, карьерного роста, возможного повышения по работе или увеличения доходов.

Многих волнует вопрос, смогут ли они переехать за границу и будут ли там успешны. Так, например, я увидела астрологические показатели переезда за границу в карте одной своей подруги. Там проигрывалась классическая формула эмиграции в течение года. Сейчас она живет и работает в Австралии.

Астрология помогает подобрать удачные дни для регистрации брака, открытия своего дела, оперативного вмешательства, косметических процедур и т. д. Даже дата моей собственной свадьбы была выбрана не случайно. Астрология пригодилась даже тогда, когда моей кошке понадобилась операция. Проанализировав астрологические показатели, я выбрала наиболее благоприятный день для оперативного вмешательства, и все прошло максимально успешно. Даже муж всегда советуется со мной, когда лучше идти на встречу с начальством, чтобы его просьбы были максимально удовлетворены.

На досуге я люблю изучать карты известных людей, ученых, актеров, музыкантов и других, ярко проявивших себя и свои таланты. Эти карты представляют особый интерес и проливают свет на события жизни этих людей, на особенности характера, на то, благодаря чему они стали известными, популярными и успешными. Потому я часто предлагаю ученикам разобрать подобные примеры на практических занятиях.

Приходилось смотреть карты людей, умерших неестественной смертью, попавших в аварии. И я нахожу в их астрологических картах показания на опасность повреждений, травм, неестественной смерти. Однако астрология определяет некие тенденции в жизни человека, а человек уже принимает главные жизненные решения самостоятельно. Он может скорректировать даже самые тяжелые показатели своей карты рождения благодаря внутренней работе над собой и духовному развитию. Это и есть основной принцип астрологии – человек сам может вносить коррективы в свою судьбу.

Я также думала о том, что же объединяет филологические знания и астрологию и почему филфак помог мне в изучении древнейшей науки. И поняла, что по натуре я – аналитик, мне обязательно нужно что-нибудь анализировать. Во время обучения на филологическом факультете это были художественные произведения. Мне нравилось анализировать образы героев, проникать в их внутренний мир, подмечать психологические моменты, детали, вдумываться в сюжет, чувствовать подтекст, метафоры, аллегории, интертекстуальные связи. В астрологии же нужно углубляться в анализ натальной карты конкретного человека. Необходимо делать выводы, исходя из положения планет в знаках, в домах, их взаимосвязей, активированных звезд, градусов, формы неба и многого другого. Таким образом, навыки анализа, углубления в материал, умение докапываться до сути, приобретенные на филфаке, сыграли важную роль и здесь. Однако лично я чувствую, что астрология приносит больше конкретной, практической пользы, чем занятия филологией (несмотря на то, что у нее есть и свои несомненные преимущества). А я это очень ценю, ведь я – практик, человек с выраженной земной стихией. Астрология помогает найти свой путь, совершенствоваться, менять себя к лучшему, а также дает подстраховку по жизни. Видя опасность потери финансов по астрологическим показателям, мы будем бережнее с ними обращаться, а зная, что в определенные дни будет повышенная аварийность, будем осторожнее на дорогах и откажемся от перелетов.

Если подумать, то еще с детства меня стали интересовать звезды и космические процессы, история нашей Вселенной, а также глобальные мировоззренческие темы. С ранних лет я часто задумывалась о смысле жизни, судьбе человека. Когда я стала размышлять, откуда берут начало все мои мировоззренческие, даже эзотерические интересы и увлечения, то вспомнила интересные факты своего детства. Когда мне было около 4-5 лет, а то и раньше, отец собрал домашний телескоп и с балкона показывал звезды. Он любил рассказывать о философии, пантеизме, гипнозе, экстрасенсорике, литературе. Я поняла, что все

мои увлечения родом из детства и передались по генам. Совсем недавно, когда я строила себе Соляр (один из методов прогноза событий) на текущий год, хотя я не любитель смотреть свое вероятное будущее, то увидела неприятное событие, которое должно было случиться в конце июня – начале июля 2016 года. Как раз в конце июня мне сообщили, что умер отец, хотя мы с ним и утратили какую-либо связь. После его смерти мне достались некоторые его книги – про звезды, в том числе и про астрологию, мистику, эзотерику и сборники высказываний мудрецов. Так что я поняла: мои занятия астрологией далеко не случайны.

Я считаю, что человек должен заниматься только тем, что ему действительно интересно и доставляет удовольствие. Только так он сможет раскрыть свои способности и свою индивидуальность. Я нашла свое призвание и дело, которому готова посвятить всю свою жизнь, и желаю каждому найти свою дорогу.

С. Караваява,
выпускница 1976 г.

Необычный переводчик

Не могу сказать, что наше общее детство у бабушек-дедушек в Очере каким-то образом повлияло на дальнейшее сближение. Но в общих чертах мы были в курсе жизни друг друга. В детстве Таня была хорошенькой девчушкой, а со временем превратилась в настоящую красавицу – стройную, белокурую, синеглазую. Она казалась мне настоящей мифической филологией, каковым этот персонаж представлялся в байках, охотно рассказываемых во время посиделок в общепитии: остроумной, находчивой, раскованной и, конечно, законодательницей мод. Наверное, это было совсем не так. Но миф есть миф.

Девушка, получившая университетское образование, да еще с такой эффектной внешностью, могла устроиться работать куда угодно. Конечно, после того, как отработает положенные три года по распределению. Сегодняшние студенты понятия не имеют о распределении – таком важном событии в жизни каждого выпускника вуза. Таня вместе с мужем и маленьким сыном поехала поработать в Узбекистан, в аул Алтын-Арык. Правда, семья пробыла там недолго и вскоре вернулась в Пермь. В школах все вакансии были уже заняты, единственное место, куда удалось устроиться, была школа для глухих детей. Собственно, это и стало поворотным моментом в карьере и жизни Татьяны Ярин-

ской (это ее девичья фамилия). Через два года ей предложили место сурдопереводчика на заводе имени Свердлова.

Однажды совершенно случайно я увидела, как Татьяна разговаривала со своими подопечными, как они смотрели на нее, как оживленно жестикулировали. Таня поворачивалась то к одному, то к другому и очень терпеливо что-то объясняла. Это было так красиво! Я почувствовала, что между ней и ее собеседниками есть и доверие, и уважение, и особенное тепло.

Танина профессия стала для меня полной неожиданностью. Стереотипы сработали, каюсь. Мне кажется, что интервью в газете «Профсоюзной курьер» убедительно и точно рассказывает о профессиональной состоятельности Татьяны Константиновны Тимофеевой, выпускницы филологического факультета 1973 года.

Счастье в руках¹

На днях Татьяна Тимофеева отметит 40-летний юбилей трудового стажа в качестве инструктора-переводчика Пермского моторостроительного комплекса. На протяжении этих лет ее имя часто появлялось на страницах областных и корпоративных газет: в различных заметках и очерках, посвященных теме защиты прав людей с нарушением слуха. Наш корреспондент побеседовал с Татьяной Тимофеевой.

– Татьяна Константиновна, как все начиналось?

– Моя жизнь в роли инструктора-переводчика началась 13 ноября 1975 года, когда я поступила на пермский завод имени Свердлова. Я находилась в штате учебного центра предприятия. Тогда не было разделения на предприятия, и я работала с глухими всей площадки. В тяжелые 90-е, а точнее, в 1998 году, ОАО «Протон-ПМ» взял учебный центр тогда уже ОАО «ПМЗ» в свой штат. Так я с 31 октября 1998 года стала работником ракетно-космического предприятия. Тем не менее, я продолжала работать со всеми неслышащими площадки. У нас не было четкого разделения на предприятия, на своих и чужих. Мы как одна семья работали и проводили вместе досуг. Со временем ситуация наладилась: сначала своего инструктора-переводчика взяли на «Редуктор-ПМ», а в конце 2013 года и на «ПМЗ» решили ввести такую штатную единицу. Тогда передо мной встал сложный выбор: остаться на прежнем месте или принять предложение и пойти работать на моторостроительный завод. Я сделала выбор в пользу стабильности – осталась на «Протон-ПМ».

¹ Манько И. Счастье в руках // Профсоюзный курьер. – 2015. – № 40. – 28 окт. С. 7.

Дело в том, что моим протонцам всегда доставалось меньше внимания, т. к. больше вопросов приходилось решать на «ПМЗ» и «Металлисте» – там, где групп глухих значительно больше. Тогда, в 2013 году, у меня появилась возможность исправить эту ситуацию. Но на самом деле подопечных у меня осталось чуть больше – 31 человек, т.к. по договору оказания образовательных услуг я еще продолжаю сотрудничать с 15 глухими рабочими ЗАО «Инструментальный завод».

В тот переходный момент я ощутила значительные изменения: у меня появилось достаточно времени для того, чтобы уделить внимание потребностям каждого сотрудника «Протон-ПМ» в должном объеме. Понимаете, проблемы в жизни глухого человека появляются чаще, чем у обычных людей. К примеру, в том, чтобы сходить к врачу или юристу, у человека не возникает трудностей. Зато для глухого этот визит будет достаточно затруднителен, ведь специалисту нужно понятно объяснить свою проблему, получить консультацию. Теперь у меня есть возможность сопроводить коллегу в нужное место и помочь разобраться со всеми вопросами. Сейчас я каждый день бываю в цехах, меня знают мастера, окружающие привыкли наблюдать наши необычные «беседы» и теперь не обращают на нас особого внимания.

– Наверное, ни на каком другом предприятии не уделяется столько персональной заботы глухим сотрудникам. Не зря ваши подопечные, любя, называют вас мамой.

– Да, действительно. Тогда меня можно считать настоящей многодетной мамой (смеется – *Ред.*). Ведь сегодня на «Протон-ПМ» трудится далеко не 16 работников с нарушением слуха, их уже 36! Только в этом году на завод было принято девять инвалидов по слуху. Я очень рада, что руководство нашего предприятия, начальники цехов, мастера, профсоюз положительно смотрят на вопрос трудоустройства глухих людей. Если раньше им предлагались только вспомогательные должности, вроде уборщицы или транспортировщика, то теперь в нашем коллективе есть и травильщики, токари, модельщики и многие другие. За эти два года было принято пять токарей – выпускников Челябинского техникума-интерната им. И. И. Шуба. И все они крепко держатся за свои места, ведь устроиться на приличное предприятие, где с полной ответственностью подходят к вопросу охраны труда и предлагают достойную зарплату инвалидам по слуху, очень сложно.

Впрочем, и удержаться нелегко: руководство «Протон-ПМ» серьезно относится к вопросам трудовой дисциплины и одинаково строго спрашивает со всех работников.

Хочу отметить, что наши люди хорошо работают и отдыхают ничуть не хуже! Мы регулярно проводим праздники для глухих всей площадки ПМК, ездим на экскурсии, участвуем в городских и район-

ных турслетах, сами организуем подобные соревнования. Я горжусь своими подопечными и рада той жизненной позиции, которую они занимают. Я лишь направляю, чтобы они были в едином строю со слышащими.

– К слову, о праздниках. 31 октября свой профессиональный день отмечают все сурдопереводчики России. Есть ли разница между вашей и данной профессиями?

– Разумеется, я очень люблю этот праздник. Хотя разница между профессиями очень большая. Сурдопереводчик выполняет лишь техническую функцию – переводит информацию с одного языка на другой. Моя же функция как инструктора-переводчика – не просто сделать перевод звуковой речи, а скорее наладить связь между неслышащим работником и его коллективом, в первую очередь, его руководством. Настоящая цель моей деятельности – помочь человеку адаптироваться на предприятии, решить появившиеся проблемы, связанные с работой, здоровьем, иногда даже с семьей, чтобы он не чувствовал себя одиноким. Таким образом, использование жестового языка для меня – не основная работа, а лишь один из инструментов.

– Сколько же времени требуется на то, чтобы адаптировать человека с нарушением слуха на предприятии?

– Всегда по-разному. Это даже не столько от меня зависит, сколько от самого работника. Прежде чем трудоустроить глухого, мы показываем ему рабочее место, знакомим с непосредственным руководителем – мастером или начальником отдела. Только после того, как они пообщаются и поймут, что готовы работать вместе, мы начинаем оформлять необходимые для трудоустройства документы. Затем проводим инструктаж: рассказываем о технике безопасности, политике предприятия в отношении персонала, защиты окружающей среды и так далее. Только на это может уйти пара недель. Затем начинается испытательный период, человек знакомится с коллективом. Чаще всего мы устраиваем глухих в цеха, где уже трудятся люди с нарушением слуха, так им проще адаптироваться и привыкнуть к новой обстановке.

Уже говорила, что у нас предъявляются высокие требования к качеству работ, поэтому, конечно, конфликты случаются. В таких случаях я помогаю сторонам объясниться, показать свою точку зрения. Бывали ситуации, когда согласия так и не удавалось найти, и человек уходил от нас, так и не приняв требования мастера, но это единичные случаи. В основном нам удается разрешать недопонимания.

– Вы упомянули, что глухие живут полноценной трудовой жизнью. А могут ли реализовать себя люди с активной жизненной позицией?

– Конечно. На «Протон-ПМ» мы развиваем традицию наставничества. Много лет в цехе 9 работает слабослышащий токарь Радик Сарвартдинов – активист и спортсмен. И вот, оценив его опыт, начальник цеха решил принять в штат еще одного глухого токаря, назначив Радика наставником. В итоге Сарвартдинов проявил себя в этой роли настолько хорошо, что сейчас в цехе работает уже трое его подопечных. Двое из них, Женя Матвеенков и Герман Ибатаев, скоро будут участвовать в молодежном конкурсе профмастерства на звание «Лучший по профессии-2015».

А еще теперь у нас развивается практика, когда глухого человека к себе «под крыло» берет человек, абсолютно не владеющий языком глухих. Тогда они общаются, как могут, и, что интересно, у них вполне получается. Ведь все дело не в технике, а именно в желании понять собеседника, умении быть внимательным и проницательным. Так, в начале этого года в цех № 2 на производственную практику поступил неслышащий токарь Руслан Ижбулатов, наставником ему назначили Вадима Соловарова, совершенно не владеющего языком жестов. Общий язык нашелся, практика прошла удачно, и теперь Руслан уже устроился к нам на постоянную работу.

– Есть ли возможность у глухого человека добиться больших успехов в работе?

– Безусловно. Если вспомнить историю, первые глухие рабочие появились на заводе им. И. В. Сталина (так ранее назывался ОАО «ПМЗ») в начале 50-х годов. Тогда в разгар пятилеток среди отличников труда появлялись и люди с нарушением слуха, среди них были орденосносцы. Наверное, в цехе № 7 еще помнят своего выдающегося работника – токаря Валентина Катаева, награжденного орденом Трудового Красного Знамени. Ситуация изменилась только ближе к 90-м годам, когда государство решило, что инвалиду место не на предприятии, а дома, на пенсии. Но сейчас все возрождается. Глухие рабочие «Протон-ПМ» показывают отличные результаты на протяжении всей своей трудовой жизни. Я считаю, что работающий человек с нарушением слуха – уже победитель. Уж эти люди точно знают, что личное счастье только в наших руках. Всегда в пример люблю ставить нашего модельщика из цеха № 78 Маргариту Викторову. На днях она стала четырехкратной чемпионкой России по армспорту. Для участия в соревнованиях она ездила в Екатеринбург, конечно, волновалась, но все-таки взяла волю в кулак и победила. Такой настрой должен быть у каждого человека, вне зависимости от его физического здоровья. С таким бодрим духом можно достичь самых высоких результатов, и если в рабочем коллективе таких людей будет больше, тогда и предприятие сможет любые горы свернуть.

Т. Санникова,
начало 1990-х гг.

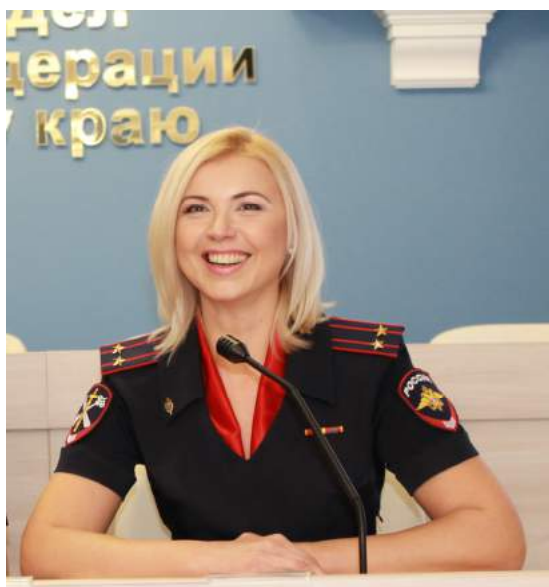
Открытие фестиваля
«Зов Пармы», 2015 г.

Эпизод фестиваля
«Зов Пармы», 2015 г.

Н. Береснева в рабочем кабинете, 2016 г.

О. Бармак, подполковник внутренней службы. 2015 г.

Л. Гидулянова. На праздновании Нового года в школе. Израиль, 2004 г.

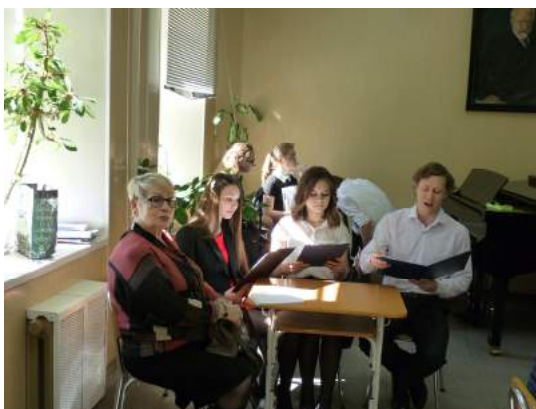

Л. Гидулянова. Миша – мой любимый ученик. 2015 г.

Е. Бородина ведет экскурсию в Пермской художественной галерее

Лекция Е. Бородиной о К. Симонове в библиотеке им. А. М. Горького

Выступление студентов Е. Бородиной в хореографическом училище

И. Габараева с учениками

О. Попова
с выпускниками

О. Попова
с учебной
группой
после просмотра
спектакля

Н. Перетрухина, 2000-е гг.

Н. Перетрухина (слева)
с выпускниками
Детской филармонии

На сцене Концертного зала
– солисты
Детской филармонии
и Н. Перетрухина

Л. Уланова,
репетиция танца

Л. Уланова
на уроке

Л. Уланова
с учебной группой

К. Меньшикова,
разминка перед спектаклем

К. Меньшикова
на сцене
Мариинского
театра

К. Меньшикова после спектакля

Д. Соколов исполняет арию Кассио в опере «Отелло»
на сцене Пермского театра оперы и балета

Д. Соколов исполняет партию
Фиделио на концерте
в музее «Пермь-36»

А. Курганов на репетиции
спектакля по пьесе
Л. Толстого
«Плоды просвещения»

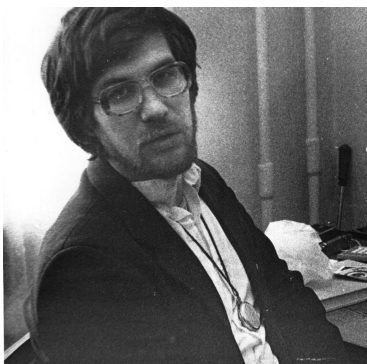

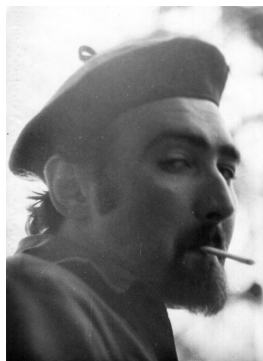
На сцене – ансамбль «111»

А. Гарсиа

В. Ефимов

С. Бердышев

Керамика И. Роговой

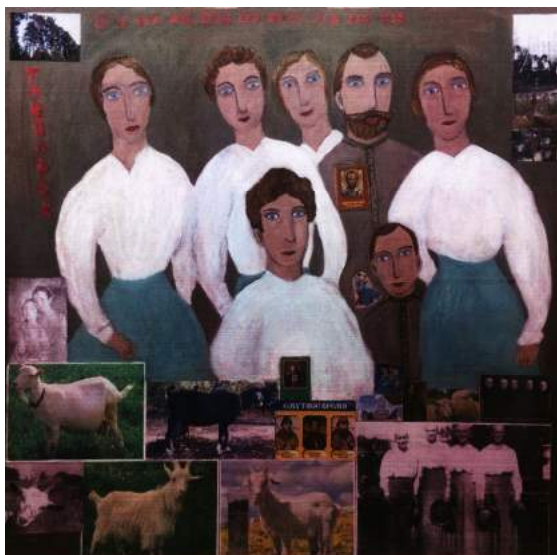

А. Аборкина. 2016 г.

А. Аборкина.
Портрет А. С. Пушкина

А. Аборкина.
Царская семья.
Середина пути.
Тобольск

Т. Пермякова, директор галереи «Марис-Арт»

Т. Пермякова
на вернисаже выставки
Александра Репина.
Выступает
искусствовед
А. В. Доминьяк

А. Папу, 1960-е гг.

Хирург С. Суханов,
фото работы А. Папу

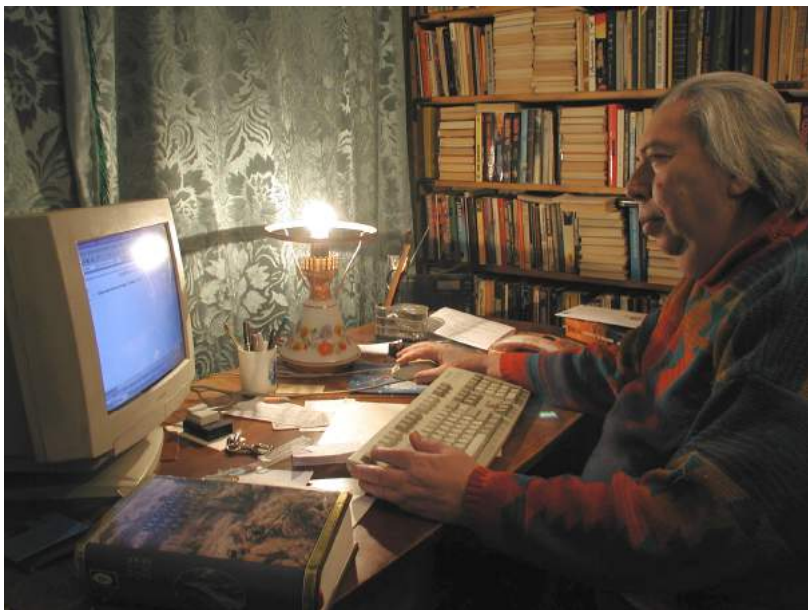
А. Папу. Пейзаж

Ю. Чернышев

Ю. Чернышев демонстрирует новую работу

А. Грузберг в домашнем кабинете

А. Грузберг на презентации книги Р. Толкиена

А. Лукашин, 2015 г.

А. Лукашин в домашней библиотеке

А. Фирсова со старшеклассниками из Всеволодо-Вильвы и Александровска, победителями конкурса «V Пастернаковские чтения»

М. Михайлова, 2017 г.

Т. Тимофеева
после вручения награды. 2009 г.

П. Владыкин

Б. Гашев, 1960-е гг.

Б. Гашев, 2000-е гг.

С. Жигиль

Т. Жукова, 1970-е гг.

Т. Жукова, 2000-е гг.

А. Волкоморова

Н. Глухова в библиотеке ПГНИУ

Е. Голдобина с сокурсником

Выпуск филологов МолГУ, 1951 г.

В. Пирожников

Т. Черепанова

С. Силин за работой

М. Черепанов. 2000-е гг.

М. Черепанов в хоре «Бригантина»

Раздел VI. Страна поэзия

П. Владыкин,
выпускник 1959 г.

Слово – колокол

А все ж поэт без словаря,
как колокол без звонаря.
Лишь слово может потрясти,
с веревкой-фразою в горсти!
Все существо его как медь
заставит на весь мир греметь.
И обернутся звоны слов
гудением колоколов.
А там, глядишь, уже гора
гудит до самого нутра.
А колокол Земли в набат
ударит: «Каждый виноват!»
И стонет слово, и поет.
Вновь слово русское – в полет!
Оно не тянет за язык
того, кто к слову не привык.
Но – точно – тянет за язык
тех безутешных горемык,
которые связались с ним –
да не с одним!
И суждено связаться им
с богатством тем, почти ничьим,
что словарей глубины прячут.
И – со святым, что, снявши нимб,
перед погибшим миром плачет!

Храм – на любви

Он прекрасен – Храм на крови!
Построенье страданий Христовых.
По-библейски весь мир назови:
Слово – Бог, ну а Бог – это Слово.
Вознесенный молитвенный Храм...

Ах, какие же белые стены!..
Там на миг показалось и нам:
будем вместе и ночью, и денно.
Отраженье в стоячей воде –
перевернуты в нем наши жизни.
Пусть когда-то на Божьем суде
мы ответим за боль укоризны.
Позови же меня, позови!
Пусть одним только ласковым словом!
Слышишь: выстроим Храм на любви,
стопудовый и невесомый!

Человек

Полный человек...
Мчат вперегонки...
Сверху звездный веник –
солнцу вопреки.
Сеть меридианов
ловит. Не уйти!
Нитью Ариадны выйти?
Не войти.
На невнятной тропке
каждый – муравей.
Выход где из пробки?
Пробкой бьет сабвей.
Лист на паутинке –
жизнь одного.
Стопчет все ботинки
и, глядишь, того...
Шар Земной, не сдуйся
под напором ног!
Благ медовых туес
ставят на пенек.
Ташат все, не каясь.
Славно! Все путем!
Только внешне – хаос.
Логику найдем.
Каждый в деле волен,
не споткнуться чтоб.
Кто-то – шопоголик,

кто-то – голошоп.
Подавай всем птицу.
Уж такой расклад.
Новый вид – жар-пища.
Ищут клад и склад.
Кто не знает близко
вредность мураша?!
Ну а глянь сквозь призму –
добрая душа.
Занят человекник.
Там хоть зной звени!
То ли надо денег?
То ли зрак – в зенит?

Упала голубая чашка...

Упала голубая чашка неба.
Но не разбилась. Гучные поля
удар смягчили, полные созревшим хлебом.
Однако тихо ойкнула Земля,
подумав, что накрыта медным тазом...
Кто в жизни чашку не разбил ни разу?..

Мартовские виды

Февраль. Достать чернил и плакать!
Борис Пастернак

Сколько же чернил поэтом налито
в склянку февраля! Представь на миг...
То, что в феврале писалось набело,
в марте превратилось в черновик.
Белый наст. А вот дорожки черные.
Прогибая первозданный наст,
пробегают лыжницы точеные.
Полон лес Людмил, Галин и Насть.
Сколько слез февральских было пролито!
В марте нет чернил. Но есть азарт.
За зиму в душе немало пролежней
накопилось. Расправляй их, март.
Встали перевернутою готикой

в ряд сосульки, чтоб от сих до сих.
Уж клавир написан для рапсодии.
Для капли – партитура... (Клавесин!).
Сколько ж было февралем потрачено
передернутых погодных карт!
Так сыграй-ка честно и удачливо,
ясноглазый всепогодный март!
Белый лист... Пишу тебе я начисто,
милая, (хоть и писать отвык) –
все о том, каким прекрасным качествам
отвечает твой иконный лик!

Память у лета короткая

Посвящено Сергею Есенину

Что же ты, лето, короткое? –
думается поутру.
Осень! Березушка кроткая
стынет на зябком юру.
Юр или яр – позабыли мы.
Нам бы поменьше словарь!
А словари все незыблемы.
Мы же теряем слова...
Осень... Меж пальцами сыплются
множество знаков, примет.
Память собрать уж не силится –
в горсточку – пролитый свет.
Лето с узорной оплеткою
сгинет – не прекословь...
Память у лета короткая.
Помнится только любовь.

День ясной природной прозы

День ясной природной прозы,
старинной, добротной весьма.
Исписан папирус березы
коричневой вязью письма.
А что же сюда нас манит?
Весь мир, как одно существо...

Далекий от нас Пиросмани.
А в поле – коровы его.
И вётлы, стоящие криво,
для нас и для речек растут –
с времен сотворения мира.
И мы были вечно тут.
Когда нас попросят на выход,
из мира уйдем на отрыв,
здесь будут и вдох наш, и выдох –
шум ветра и листьев взрыв.

Гусиный бумеранг

Оседают листья как чаинки.
Байховый, а не зеленый чай...
Сломан механизм погод. Починки
не дожидаться даже невзначай.
Мне сейчас совсем не до веселья.
Только лишь гляжу, как в эмират
мчится тот гусиный, тот весенний,
ставший вдруг осенним бумеранг...
Неужели в этой вечной гжели,
что зовется чашею небес,
мне не высветится еле-еле
тот просвет – без всяческих чудес,
что меня порадует обрывком
счастья дней, где наши голоса,
и твоей осеннею улыбкой –
перышком, летящим мне в глаза.

Домо-вой

Ты еще мне там повой –
в печке с вьюшкой, домовой!
Ты и так застрял в трубе
при своем большом горбе.
Ты и так мне надымил
в кухне – с пола до стропил.
Натворил ты кучу дел!
Кот просил, а ты все съел.
Зря ты тратишь столько сил!
Лучше тапки поднеси...

Зима в режиме ожидания

За окном теперь у нас зима,
бело-сине-грустным триколором...
Зайцы в поле мчат от контролеров –
от волков, сводящих их с ума.
В холод время медленно летит.
То, что жду я, не дается в руки.
Солнце открывает в тучах люки.
Но нарушен тепловой транзит.
Понимаю, май не мает – нет.
Понимаю, нас декабрь мает.
Но семью цветами принимаю
этот белый цвет. И белый снег...
Ты стоишь вот так же у окна.
Был когда-то я тобой не понят.
И, пока стою, тебя припомнив,
зимне прирастает седина.
Терпеливо жду: остынет чай.
Тороплю к теплу (напрасно!) стужу.
И ложится откровеньем в душу
светлая, как белый день, печаль.
.....
Ни звонка, ни встречи, ни свиданья...
И зима – в режиме ожидания..,

Закаты пишут протоколы...

Закаты пишут протоколы
о проведенном нами дне.
И хлопотливей станут села –
хоть где – внутри домов и вне.
Печные трубы – канделябры,
в них вечер ставит свечи звезд.
Наступит ночь. Коту на лапу.
Отдавит ненароком хвост.
Когда еще совсем не поздно,
захочет ужинать народ.
И на дымах взлетит под звезды
сгоревший на плите пирог.
Голодными заночевали,

но кое-кто, не весь народ.
И водят, лишь под трали-вали,
простушки-звезды хоровод.
И мне, что вышел на дорогу –
на даль туманную взглянуть,
пошлет Небесный Вождь пирогу –
земной рекой стал Млечный путь.

По строкам А. С. Пушкина

Еще бывают чудные мгновенья...
Ещё не отойдя от давних встреч,
вдруг видишь красоту – до ослепленья!
И пишешь лишь стихи, теряя речь.

* * *

Произнеся свое признание,
поэт вселил в нас понимание:
нет в мире большей чистоты,
чем гены чистой красоты.

«Лицом к России в полный рост»

А. Пушкин

При свете восходящих звезд,
как никому, поэту веря,
стоять у памятника в сквере –
«лицом к России в полный рост».
Следить за движущимся словом,
засомневаться, верить снова
и вечный задавать вопрос:
Какую силу звать на царство?
Вновь погружаться в маету.
Меж вольностью и государством
привычную вести черту.

* * *

Стоит поэт в дожди и снеги
«лицом к России в полный рост» –
тогда, сейчас, всегда, навеки!
А этот век, как все, не прост.
Хоть под Москвою ставь засеки
от мнимых и реальных бед –

в разломе севера и юга.
А он стоит, прикрывши веки –
мир кружит по тому же кругу,
все та же чернь и тот же свет.
«В руке не дрогнет пистолет...»

У памятника Пушкину в Веймаре

Памятники, бюсты, фрески...
знать Европу до конца!
Пушкин в Веймаре – с немецким
выражением лица.
Там, за стрельчатую рамой
Божий лик! Прекрасный фриз!
Как заточки, гвозди храмов
в небо вбиты. Шляпкой – вниз.
Что он нам – «немецкий гений!»
Не меняем и на двух.
Дар для многих поколений –
им открытый «gussky duh».

Святочные гадания

РасСказка по мотивам русской старины

Изловчась, да через правое плечо
девки со двора бросают башмачок.
Что жених подхватит тут же – весь расчет.
У забора должен быть, коль наречен!
Ну и че?!!
Зря к воротам шустро мчит с нагой ногой,
наступая на ступню ногой другой.
Жениха-то нет! Пошел, варнак, он к той,
что спросонья тихо пролепечет: «Ой!
Ты мой сладкий приз-сюрприз. Хороший мой...»
Кофию наварят для гаданья столь,
что заляпан гущей напрочь будет стол.
Вдруг какой-нибудь английский Чайльд Гарольд
в ночь объявится. И скажет нежно: «Оль!
Замуж – тагу – за меня пойди изволь...»
В зеркальце глядит: а что там за спиной?

Запотело от дыхания оно.
Дышит влажно кто-то за спиной давно.
«Мой избранник! Суженый мой! Милый!..» Но
это верный пес... Такое вот кино!
В блюдечко со свечки каплет-каплет воск.
Для гадания отрезан клок волос.
И горит, горит бумага – дым до слёз.
«Где ты, Ваня? И к кому опять прирос?» –
вот вопрос!
Нагадамшись, спит одна и видит сон:
В изголовье – платье... Платье – шик-фасон!
И жених – французский парень мсье Бурдон,
вежливый, по специальности гарсон,
говорит: «Подвинься, ну-ка!.. Миль пардон!»

Любитель спрашивать

«Скажи мне, бабушка,
когда я хлопаю в ладоши,
микробам больно?»
«Мы в цирке, лапушка,
Ты хлопаешь слонам, Алеша.
Они довольны.»
«И все же, бабушка...
Я снова хлопаю в ладоши.
Микробам плохо?»
«Не знаю, чадушко.
Обед... Не моешь руки, Леша!
Грязнуля Леха!»

Об авторе

23 июня 2016 г. Павел Владимирович Владыкин встретил свое 80-летие, хотя, по его высказыванию, «не знает, сколько ему лет». Родился он в Забайкалье, на станции Толбага, где в 1906 году встретились два отряда строителей Транссиба, идущие с востока и с запада.

С начала строительства «Транссиба» в 1894 г., с отрядом идущих с востока шли, оставляя за собой рельсы, его прадед Сергей Коновалов и его сын (дедушка) Степан. Внук Павел жил с родителями в Сибири (в Красноярском крае), пока в 1953 году не приехал в Пермь-Молотов, где поступил на историко-филологический факультет ПГУ. После

окончания университета два года работал в Чердыни, в газете «Северная коммуна». Десять лет был редактором газеты «Машиностроитель» пермского завода имени М. И. Калинина и более 30 редактировал газету «Дзержинец» («Зид»). В журналистике П. Владыкин проработал полвека (до 73 лет). Член Союза журналистов с 1965 г. Лауреат литературного конкурса имени Аркадия Гайдара (1977).

Стихи начал писать в 15 лет. В 20 лет было напечатано первое стихотворение в газете «Молодая гвардия». Сначала все так и шло: помимо журналистских материалов в газетах появлялись его стихи и рассказы. Затем – небольшие публикации в столичных журналах «Октябрь», «Крокодил», «Семья и школа». В 2000 г. были напечатаны две страницы стихов в журнале «Юность». Юмор – в нескольких номерах «Литературной газеты». В 2000 году Павел Владыкин стал победителем конкурса «ЛГ» «К 100-летию Остапа Бендера». Позднее – в 2014 вновь победил в конкурсе «Литературной газеты». В 2005-м году был участником Международного конкурса «Пушкин в Британии» (Лондон), результат – публикация стихов на сайте конкурса «Поющие звезды» и на других сайтах. Рассказы и стихи – в «Оляпке» №№ 9, 11. После победы в экологическом конкурсе в 2006 г. была напечатана, с одобрения Пермского отделения «Союза писателей России», книжка рассказов для детей «Ниже травы, выше деревьев», с иллюстрациями 12-летней внучки Саши Владыкиной. Затем стихи для малышей – «Выдумки, думки, умки» (рис. Саши Владыкиной).

Пермское телевидение в 1982 году поставило телеспектакль по сценарию П. Владыкина «Слышишь эхо?» (режиссер Л. И. Фуслик, актеры ТЮЗа и Пермского драмтеатра). В 1998 году – победа в поэтическом конкурсе на «Радио России» – «Белый лист» (в течение двух лет в еженедельном конкурсе прозвучало 23 стихотворения П. Владыкина). Павел Владыкин – автор на поэтическом сайте «Стихи.ру», номинант нескольких конкурсов сайта.

Публикации Павла Владыкина в журналах и альманахах: «Оляпка» № 9 (ПКИ, 1990), «Оляпка» № 11 (ПКИ, 2011), «Юность» №№ 1-2 (Москва, 2000), «Октябрь» (М, 2002), «Уральская новь» № 8 (Челябинск, 2000), «С тобой и о тебе» (колл. сб. Пермь, 1998), «Взойди, звезда воспоминаний» (Пермь, ПГУ, 2006), «Поэзию любят красивые люди» (СПб, издательство «Дума», 2013), «Поэт года» 2014 кн. 41 («Литературный клуб», 2015), «Детская литература» 2015 кн. 4 («Литклуб», 2015), «Стихи» 2016 кн. 2 (Российский союз писателей, 2016).

«Литературная газета» (юбилей О. Бендера, 2000), юмористический конкурс (2014), пермская газета «Звезда» – «Лукоморье» полосы стихов (№ 74, июль 2016).

Книги: «Ниже травы, выше деревьев» для детей (Пермь, «ЗиД», 2006), «Выдумки, думки, умки» Пермь, 2011), «Территория созидания» (совместно с В. Мазановым, Пермь, «Издательский дом «Компаньон» 2004). Книжки стихов (изд. типография «ЗиД»): «Речистый дождь и молчаливый снег» (1996), «Стихи и стихи» (1998), «Светотень» (2000), «Не все еще было» (1, 2, 3 – 2002, 2010, 2014). Не издана книга рассказов «На этой планете мы – живьем». Всего – 10 книг стихов и рассказов.

Н. Мамин

Н. Гашева,
выпускница 1964 г.

Невидимка

Борис Гашев был поэт. Незадолго до смерти он написал короткое стихотворение:

Я жил среди вас, но как воздух,
Как местность, что возле Оки.
Как свист за окошком.
Как возглас
Сквозь сумерки из-за реки...

О потаенной стороне его личности написала Анна Бердичевская в предисловии к сборнику стихов Бориса Гашева «Невидимка», который она издала в Москве. «Я всегда помнила об этом человеке, всегда знала, что вот живет в моей родной Перми настоящий поэт... Он был филолог, читатель книг, глубокий и тонкий знаток русской словесности. В мире семьи и домашней библиотеки он был абсолютно свободен и даже, пожалуй, счастлив. Он был остроумен и добр. Изящен. И парадоксален. При очевидности таланта он был абсолютно не публичным человеком. Он был аристократичен... Боря был замкнутым – и абсолютно открытым. Невидимка...»

Борис Гашев родился в городе Верещагино в 1939 году, как он сам иронически замечал, – «между молотом и наковальной». В одном из последних своих рассказов «Энтропия» он пояснял, как началось его одиночество: «Он родился в такие годы, о которых теперь и вспоминать-то стыдно. От тех лет у него осталась открытка...» Дед Бориса, Николай Михайлович – священник Пророко-Ильинской церкви Пермской области, был арестован в 1929 году по обвинению в антисоветской агитации. Вскоре он умер в лагере. Отцу Бориса, Владимиру Ни-

колаевичу, не дали окончить университет – отчислили как сына священника. Но его дети получили высшее образование. Борис окончил филологический факультет Пермского университета в 1961 году.

В начале «оттепели» много талантливых молодых людей оказалось в редакции газеты «Молодая Гвардия». Это была не просто редакция молодежи, а своеобразный клуб интеллигенции. Туда приходили писатели, работники издательства, ученые, краеведы, начинающие поэты. Там велись умные разговоры, замышлялись, как теперь принято выражаться, общественно важные проекты, там звучали стихи и песни. Газета «Молодая Гвардия» в ту пору была популярна в крае, и была она более живая и «продвинутая», чем партийные издания. Но вся эта живость продолжалась не слишком долго. Уже в конце 60-х, в конце «оттепели», редакцию просто разогнали. Людей увольняли под разными предлогами. Кто-то продолжил журналистскую деятельность в других газетах или на телевидении, кто-то вообще ушел из журналистики, некоторые стали профессиональными писателями. Борис Гашев тоже должен был стать писателем – таково было его призвание. Но его стихи и прозу не печатали. Проза казалась парадоксальной, шуток не понимали, поэтический язык Гашева был признан лишь на грани XX и XXI веков. В конце 1980-х большую подборку стихов Бориса опубликовали в газете «Очарованный странник» (г. Ярославль). Затем, с легкой руки поэта Юрия Беликова, в журнале «Юность» напечатали еще одну подборку стихов. Публикация была признана лучшей за год. Гашев стал лауреатом премии имени Валентина Катаева. «Юность» печатала его еще трижды. Он и радовался и грустно улыбался: печататься в «Юности» в 50 лет...

Рассказывали, что, прочитав в книге воспоминаний о Римме Васильевне Коминой, профессоре Пермского университета, небольшой материал Бориса Гашева, редактор «Юности» удивленно сказал: «А почему проза Гашева никогда не печаталась у нас в журнале?». Вот отрывок из этого мемуара – он назывался «Р. В., газета и мы с Володей».

«С отчаянием вспоминая 50-е годы, сразу попадаю в 56-й, когда я со скрипом поступил в Пермский университет. Это учебное заведение размещалось в бывшей ночлежке для бродяг. Построил ее друг Горького паромщик Мешков, отдавший вскоре свои паромы, пристани, миллионы и, разумеется, жизнь на постройку коммунизма. Горький был жутко красноречив.

А я как раз и был бродяга. Обещали дать койку в общежитии, но свободного места все не было и не было. Наконец нашлось. В небольшой комнате я оказался шестым, да еще постоянно жил с нами без-

домный студент физмата, казах и, как говорили, гений. Гениев тогда было хоть пруд пруди. Вскоре к нам, тоже на птичьих правах, присоединился и мой друг Володя.

Жили мы на первом этаже. И было очень холодно. Один наш сожитель приловчился спать в валенках. Утром, пока мы возились со своими одежками, он вскакивал и с ходу дул на лекцию. Искусство спать в валенках, может быть, нам еще пригодится больше других искусств, даже искусства кино.

Так вот о холоде. Мы сидели в пальто, аудитория была большая и очень холодная. Но именно в этой морозилке я пережил один из наиболее запомнившихся в жизни, так сказать, ожогов наития и прозрения (извините за высокопарность). Мы слушали Тютчева. Как раз за 100 лет до моего рождения он написал стихотворения «День и ночь».

...Но меркнет день – настала ночь;
Пришла, и с мира рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!

Сидя в своем пальтишке, ничего, конечно, не записывая, а только слушая, – но с какой-то нарастающей тревогой! – я вдруг почувствовал, что ткань благодатного покрова, вся эта мишура и позолота – сорваны и отброшены. Ей богу, вдруг дошла до мальчишки грозная, беспощадная мысль поэта: а что если все это – все, что мы привычно считаем реальностью, – просто видимость, златотканый покров, а настоящая действительность, сущность – это как раз тьма? Почему бы нет?..

Лекция о Тютчеве в промозглой аудитории заставила меня с сомнением оглянуться вокруг, поселила во мне так и не иссякшую до сих пор тревогу... Это мое первое воспоминание о Римме Васильевне Коминой. Была ли она блистательным лектором? Конечно, была. Но дело в том, что блеск отбрасывался и забывался, а слушатель начинал до головной боли вглядываться и вслушиваться в затемненную глубину текста, окружающей среды, самого себя...»

Этим Борис Гашев занимался всю жизнь. У него был удивительный слух на слово, особенный дар понимания стиля. Еще в студенческие годы, после разговора с профессором Кертманом, который открыл в университете музей материальной культуры, он понял (и позднее написал): «когда человек увидит прялку, топор, обрывок вышивки

или кусок пожелтевшей бумаги со странными знаками, то, может быть, сердце его содрогнется, и он постепенно начнет понимать, что история – это вовсе не борьба одной идеологии с другой такой же дуростью, а это ежегодный вырост хлебного колоса, колыбель на крестьянском шесте, дорога, счастье и горе, разлука и встреча... И все, что случится. Да и ляжку надо тянуть».

Свою ляжку он тянул сначала в Пермском книжном издательстве. Часто у него в редакции краеведческой литературы появлялись Б. Н. Назаровский, М. Н. Степенов, С. А. Торопов, А. С. Терехин, Л. С. Кашихин и другие «зубры» – краеведы, ученые, работники архивов. Борис Гашев разработал большой план издания различных краеведческих книг. Книги выходили самые разные: большой том, посвященный Пермскому оперному театру, исследование «Как были открыты Уральские горы», буклеты о коллекциях художественной галереи, книга о памятниках искусства и архитектуры Пермского края, ежегодные «Календари-справочники» – очень востребованное издание. Гашев хотел, чтобы издания были разные: научные, популярные, биографии замечательных людей Прикамья, географические и искусствоведческие книги и т. д. Он целенаправленно выстраивал стратегию издательской деятельности, некоторые материалы порой переписывал, если его не устраивал стиль автора. Краеведческая литература становилась все серьезнее и значительнее.

И вдруг – новое веяние. Очередной разгром «сверху» на этот раз коснулся именно краеведения. Комитет по печати решительно требовал сокращения этой ветви книгоиздания. Борис Гашев тогда написал аргументированное и убедительное письмо в вышестоящую инстанцию. Главный редактор остался очень доволен этим письмом. Известно, сохранилось ли оно. Но московское начальство гнуло свою линию. Прекратилось издание «Календарей-справочников» в Перми, и общий разгром региональной краеведческой литературы продолжался. Сейчас эта литература возродилась.

А Борис Гашев вскоре ушел из издательства в открывшуюся в Перми новую газету – «Вечерку». Там он стал ответственным секретарем. Сам для газеты уже не писал. Он понимал, что жизнь идет, а его творческий потенциал не реализован. В конце 90-х и «Вечерка» тихо помирала. Гашев жаловался: «Мне снится текст». Он уже не записывал этой диктовки, перестал писать прозу, писал только стихи. И шутил.

– Болдинская осень достигла своего сапогея.

– Старинный русский город Великие Лыготы.

– Еще неизвестно, какой метод оптимистичнее – романтизм или соцреализм. Вот у Жуковского мертвец встает из могилы, а что может быть более жизнеутверждающим, чем восставший из гроба!

– Жизнь и приключения Робинзона Крузо: понедельник, вторник, среда, четверг, ПЯТНИЦА!

Когда Гашеву предложили вступить в партию, он спросил: «В какую?» От него сразу отстали. Когда к власти пришел К. Черненко, Борис прокомментировал: «Войска присягают наследнику Константину».

Шутки становились все грустнее:

– Картина Репина «Пропали!»

– Я даже гриппом не болею – можно подумать, что природа избегает меня.

А поэзия упрямо жила в нем. Он готовил к изданию свой сборник. В одном из последних поэтических набросков он написал:

Жизнь, не принимая возражений,
Окунула в бездну поражений.
Но и пораженные глаза
Не на жизнь таращились, а – за.

Это свойство, этот взгляд поэта Борис Гашев сохранил до конца жизни.

Его хоронили 5 мая 2000 года. В небе был парад планет. Когда мы вернулись домой после похорон, шел крупный снег, а во дворе всю ночь пел соловей.

Невидимка

Я почти не видал невидимок.
Двое-трое – всего ничего.
Сохранился любительский снимок –
Удивительное существо!
Поначалу почти что не видно,
Вроде как бы такой корешок.
Я ему говорю: «Не обидно?»
Но в ответ получаю молчок.
Я опять пристаю: «Существо ты?
Или ты, – говорю, – вещество?»
Наконец отозвался он: «Кто ты?»
Побоялся узнать не того.

* * *

Срез пустотелого стебля.
Синего неба простор.

Но между небом и степью
Всё-таки пропуск пустой.
Всё-таки сразу над жнивой
Неуловимо, слегка,
Некий пробел сиротливый,
Некий пролет сквозняка.
Словно бы там, над стернею,
Выше стогов и раки,т,
Небо, как тело живое,
Дальше летит и летит,
В бликах вечернего света
Тихо склоняясь во тьму.
Все, что скопилось за лето,
Больше не мило ему.
Всякий наполнился короб.
Доверху всякая клеть.
Всякий натешился норов.
Надо же совесть иметь.
Есть же прибытку пределы!
Где-то ж положен лимит!
...Что ж он один, пустотельй,
В небо глядит и глядит?
Впрочем, и сам ты, бездельник,
В небо пустое глазел.
Сам пустельга, пустотельник...
Если б не этот пробел!

Верещагино

Верховой в сапогах и в казенной фуражке, вояка,
Спьяну тот отворот проскакал со своей гольтьбой.
Обошлось до поры. Наклоняйся над чашечкой мака.
Не хватились покуда – будить и волочь за собой.
В деревянном закуте мы празднуем месяц медовый.
Дорвались друг до друга – и оба всю ночь без ума.
Дом на цыпочках ходит – за дверкой ни стука, ни зова.
Только-только меня миновала ошибкой тюрьма.
Что за сон с молодой? Я как мальчик в той спаленке темной,
Отчужденный от вас, непонятный себе самому.
Звонко маятник ходит пустынную площадью комнат.
И звезда за окошком. Лежит он и смотрит во тьму.

Он – сосудик из глины. В нем тикает маятник ночи.
Шевелятся деревья, по звездам текут облака.
Он не помнит себя и собою он не озабочен.
Между ночью и ним – никаких средостений пока...
Об угле и о хлебе еще нас отыщет докука.
А пока – одеялом укройся, как в детстве, и спи.
Словно общей напасти, мы отданы миром друг другу.
Как от дерева в парке – внезапно под сердце ступи!
Ты невестка в дому. Старики мои ходят – не дышат.
Не раздумала бы да не кинула их дурака.
Между нами и ночью – пробитая звездами крыша.
Тот – в фуражке, как блин, – прозевал отворот с большака.

1967

* * *

Срез пустотелого стебля.
Синего неба простор.
Но между небом и степью
Все-таки пропуск пустой.
Все-таки сразу над жнивной
Неуловимо, слегка,
Некий пробел сиротливый,
Некий пролет сквозняка.
Словно бы там, над стернею,
Выше стогов и раakit,
Небо, как тело живое,
Дальше и дальше летит,
В бликах вечернего света
Тихо склоняясь во тьму.
Все, что скопилось за лето,
Больше не мило ему.
Всякий наполнился короб.
Доверху всякая клеть.
Всякий натешился норов.
Надо ж и совесть иметь.
Есть же прибытку пределы!
Где-то ж положен лимит!
...Что ж он один, пустотелый,
В небо глядит и глядит?
Впрочем, и сам ты, бездельник,

В небо пустое глазел.
Сам пустельга, пустотельник...
Если б не этот пробел!

* * *

Долго не было сердце одно,
Пировало и тратило силы,
Растворенное в полночь окно
Слишком долго с другими делило.
И совсем уже было, как вздор,
Позабыло, пока не приперло,
Подоконника горький простор
И горячую руку у горла.

1970-е

Предок

Пока Земля еще вертится...

Б. О.

Эпоха палеолита.
Земля еще не обжита.
В реке еще рыбы вволю.
Леса не свели под поле.
Еще не пылит дорога:
Пока что колес немного.
А вот из своей пещеры,
В которой все кошки серы,
Выходит сутулоплечий
Хранитель огня и речи,
Гранитель кремневой грани
В наряде из горной лани.
В даль из-за диких веток
Взор устремляет предок.
Впрочем, в любом колене
Все мы ему до фени.
Знать он про нас не знает,
Будто и не родня!
Покуда ему хватает
Мамонтов и кремня!

Слухи

Пока электрический мост
Настраивался через пропасть,
Сорока, а собственно хвост
Сороки принес эту новость.
Пока верховой, как чумной,
Летел известить руководство,
Известие, как водяной,
Аукало в каждом колодце.
Покуда печатный станок
Просеивал шрифт на бумагу,
Уже шелестел шепоток
И сучья неслись по оврагу.
В сургучной бутылке письмо
Спасти умоляло несчастных.
Но только волна и песок
Читали его безучастно.
Покуда дымился поджог
И бинт обживался на ране,
Собака родила не в срок,
И солнце всходило в тумане.
Еще не раздался из тьмы
Жестокий упрек Аввакума,
А ляжку тюрьмы и сумы
Уже мы тянули угрюмо.

* * *

Милый друг!
Я умираю,
Потому что взрыв ужасный
Приключился в самолете,
На котором я пилит.
Я летел к тебе с приветом,
Объяснить, что, как ни странно...
Я привесил к парашюту
Кошку.
Ты ее люби.
Не летай на самолетах,
Милый друг!

У них пружины
Даже хуже, чем у нас.
Под диваном я оставил
Металлическую штуку:
Ради Бога,
Осторожно!
Извини.
Я прилетел.

* * *

Что сказать мне на закате света?
Тьма. Темно.
Где найти тебя? Тебя тут нету.
Все равно.
Ничего не означает горе
Из того, что есть.
Из того, что означают горы,
Море, весть.
Из того, что значит треугольник:
Птицы ком
В середине комнаты. Из комнат –
Всё на кон.
И вообще. Стрелю в сердце ранен –
Вот торчит.
Где друзья? Давайте утром ранним
Помолчим.
Упрекни меня в словах, попробуй.
Ты ведь и сама.
И любовь у нас была до гроба.
После – тьма.
Тьфу на них! Туг гроз не оберешься.
За грозой гроза.
Вымытые ливнем там порошцы
Стрекоза.

Т. Жукова,
выпускница 1970 г.

Жизнь обрела смысл

Университет я закончила в 1970 году. Училась в группе вместе с Ниной Горлановой, Анатолием Королевым, Леонидом Юзефовичем, Верой Климовой. Вместе с Леной нас посылали читать свои стихи по комсомольской линии в одну из школ около Перми. Мы ехали с ним на электричке. Именно из этой поездки я привезла азы вязания крючком. Всю жизнь обвязывала себя, детей и внуков. Шали мои гуляют где-то в Германии и Голландии. Кто-то увозил в подарок.

После вуза три года проработала в средней школе Кустанайской области. И только сейчас поняла: насколько мы были счастливы и дружны. Потом было два года работы в Пушкинской библиотеке, два года работы в районных газетах Чернушки и Куеды, 14 лет в школе в Чернушинском районе и 25 лет в глухой деревне на Вологодчине, где я сейчас живу.

В последние два года начала писать, фотографировать. Для публикации в этом сборнике я отобрала несколько своих работ, опубликованных на сайтах stih.ru, prgoza.ru.

С благодарностью вспоминаю студенческие годы, наших ярких талантливых преподавателей, университетскую и факультетскую газеты.

Нас не учили быть успешными. Нас учили понимать и любить слово, дорожить им, беречь его, пытаться понять.

Трофейный фотоаппарат

Я еще не родилась на свет, когда отец пришел с фронта с единственным трофеем. Это был фотоаппарат на трех ножках. Отец был изранен в руки и ноги, в голову, контужен. Мы, облепив его, трогали ручонками его рубцы на теле, спрашивали, и он неохотно рассказывал нам:

– Я сидел во ржи. Немецкий снайпер целился мне в переносицу. Я случайно повернул голову. Пуля прошла навывлет под глазом.

А фотоаппаратом он особенно дорожил.

Когда я стала понимать, то пригляделась к нему. Отец накидывал на голову какую-то тряпку и говорил мне:

– Смотри сюда! Улыбнись! Сейчас вылетит птичка! А потом появлялись снимки. Это было волшебство. Я помню эти снимки. Скорб-

но стоит возле гроба бабушки Варвары во дворе вся наша родня. На головах у женщин черные платки. Беден и гроб. А в нем моя бабушка Варвара по отцовской линии. Она была такая же суровая, как и отец. У нее были такие же монгольские скулы, как и у меня. Я мало ее помню. Вот ведет она меня в церковь. Батюшка кладет на мою головку какую-то ткань. В темноте чей-то шепот таинственный. И сладкое причастие на моих детских губах. Я вспомню о нем, когда приду в храм во Владимирской области, куда закинет меня судьба после смерти мужа. Я приду уже прожившей жизнь, уже с израненным сердцем и грехами, которые сама себе не простишь...

А папка мой, Ваня Жуков, рос безотцовщиной, потому что отец его Георгий навсегда сгинул на русско-японской войне. Он пробовал бежать и добрался до деревушки на реке Сылве, пришел в свою избу. Но в окно постучал староста. Дед мой, которого я никогда не увижу, полез в подполье прятаться. А Ванечка не понимал и наклонялся над подпольем. Староста спросил его:

– Кто там, Ваня?

Хватило у парнишки ума сказать:

– Кошка там, Мурка.

Но деда все равно забрали и увезли на войну. Больше никто о нем ничего не слышал.

Появлялись новые снимки. Вот наш поросенок Зинка. Хоть и жили мы в городе, но на заднем дворе, в сарайчиках, жильцы нашего дома держали поросят и куриц. И у каждой семьи был маленький клочок земли, где росли помидоры и лук. А на заднем дворе лежала смоленая лодка, которую мастерил дядя Миша, заядлый рыбак и грибник. И там мы, ребята, играли в разные игры.

Не раз приходили из областной газеты «Звезда» и просили отца продать этот фотоаппарат, но отец не соглашался.

Шло время. У него появились «Зенит», «Зоркий». Отец в выходные дни с рюкзаком за спиной уходил на берег Камы к своей лодке и на веслах переправлялся в Закамск на другой берег. Там его знали как дядю Ваню. Он фотографировал, а дома проявлял и закреплял снимки. В темноте я сидела рядом с ним, и он доверял мне доставать их пинцетом. Таинственно на моих глазах на чистой бумаге проявлялись и всплывали человеческие лица. Потом еще сырые фотографии клеились на стекло, разглаживались валиком и сохли. А утром они с шелканьем отлетали от стекла.

Сейчас я понимаю, что это был маленький отцовский приработок. У нас первых во дворе появилась стиральная машина. А у отца мотоцикл с коляской ИЖ.

Охотник, рыбак и фотограф, он часто не бывал дома. Все время проводил в походах, возвращался с дичью или большими корзинами, полными зубастых скользких шук. Мама доставала все это богатство, жарила рябчиков на большой чугунной сковороде. А мы сидели возле нее с обмасленными щеками и руками. А из шук она делала рыбные котлеты. Кусочки хлеба из рюкзака были пропитаны запахом леса и дыма. Это были «гостинцы от зайчика».

И оглядываясь назад, в свое детство и отрочество, я с благодарностью вспоминаю своего сурового отца, маму, бабушку Варвару, братьев и сестер, дядю Колю и его жену тетю Соню, тетю Нину, весь наш двор, соседей, Каму, плоты на ней, буксиры и белые пароходы, ту темную комнату с фотографиями, чуланчик под лестницей, где я царапала свои первые стихи...

Была уже глубокая осень

*Посвящается Нине Евгеньевне Васильевой,
моему Учителю*

И я была у ног седых Машука
на месте страшном через много лет.
Молчат орлы: ни клекота, ни звука
на скорбном месте, где погиб поэт.

Была уже глубокая осень, когда на работе мне предложили первый и единственный раз в жизни профсоюзную путевку в санаторий на Кавказ. А путевка в то время стоила для меня всего тридцать рублей. Остальное платил профсоюз. Я не решалась ехать. Маленький сын. Работа. Кто будет вести мои уроки? Но желание увидеть Кавказ, где были Пушкин и Лермонтов, победило.

Большой самолет плыл, как корабль, над белоснежными облаками. Минеральные воды. Город в сумерках. За окном машины ночные огни вокзала.

Кабардино-Балкария. Город Нальчик.

– И откуда вы с таким бараньим весом? – удивленно спросил медбрат, взвешивавший вновь прибывших глубокой ночью.

– С Урала, – ответила я.

Мне было тридцать семь лет. А моей соседке по комнате, тоже из Перми, было сорок три. И я наивно думала, глядя, как она смотрит в окно:

– Скоро, когда мне будет сорок, я тоже буду старухой.

Сейчас я улыбаюсь, улыбаюсь тем своим мыслям о старости.

Старость приходит не с годами. Она приходит, когда у тебя опускаются руки, когда ты больше не ждешь, не удивляешься, не радуешься, не любишь.

Недавно мне, сегодняшней, сказала бывшая коллега:

– Хватит, смирись, пора готовиться в последний путь.

– Не дождетесь! Я только начала жить, дышать и радоваться мелочам, которых раньше некогда было заметить. Если кто-то меня забыл и не помнит, помню себя я.

И вот Нальчик. Ноябрь. Увядающие розы вдоль дорожек к источникам. Розы, припудренные первым снежком. Белочки, приученные садиться на руки и брать угощение. За день мы проходили к этим источникам километров десять. У меня до сих пор сохранилась керамическая кружечка с профилем древнегреческой богини. Из носика этой кружечки я медленно пила воду с сероводородным запахом и вспоминала княжну Мэри, Печорина...

Канатная дорога над большим озером. Шуршащие под ногами листья каштанов. Белые паутинки-шали из ангорской шерсти, которые тайком продавали приезжим местные женщины. Не останавливали их и щиты с объявлениями: Продажа запрещена! Штраф 50 рублей.

И, конечно, я была у горы Машук. Место гибели Михаила Лермонтова, которого я уже в то время была старше. Скорбное место гибели. Он лежал, омываемый струями дождя, сокровище России, дитя ее... Гремели небеса. Плакала ливнями земля Кавказа. Плакала Россия. «...Дрожащие огни печальных деревень» – сказал, словно видел, словно видел... И сегодня тоже чуть брезжат огни засыпанных снегами далеких деревень.

И была еще военно-грузинская дорога. Хлещущий по дорожному асфальту дождь. Дорога-серпантин. Лихо мчали и обгоняли наш автобус машины, гнали по самой кромке над пропастью, где маленьким потоком бился по камням Терек. А над нами летали орлы, мелькали дорожные знаки, предупреждающие о камнепаде. Вдоль Терека апельсиновым цветом вызревали заросли облепихи. И среди скал промелькнул призраком замок царицы Тамары.

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернее на черной скале.
В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла...

А под нами лежали ржавые разбитые останки сорвавшихся в пропасть машин.

И видела я ту старую, каменистую дорогу, где Александру Сергеевичу Пушкину навстречу везли на арбе гроб с растерзанным обезумевшей толпой телом Александра Грибоедова. Для меня Кавказ связан с этими дорогами для России, для ее народа именами. А горы были удивительно красивы, величавы и непокорны, потому что они жили над облаками. И я не увидела ни одного злого лица, и не услышала ни одного плохого слова. Была удивлена красивыми каменными богатствами уже в те времена домами за ажурными металлическими изгородями. Когда вышла из самолета, на аэродроме в Перми был почти сорокаградусный мороз. Белая паутинка-шаль на моей голове не спасала от холода. От мороза лопнул полиэтиленовый пакет с мандаринами. И они покатались по белому снегу, ярко оранжевые, солнечные и неприличные на нашей уральской земле.

Казахстан

Который день бушевала снежная буря.

Ветер насквозь пронзал маленькие и легкие домики. И они не взлетали только потому, что крепко держали их снежные барханы. Утром я еле вышла на улицу поселка. Шла по остро отточенному ветром гребню снега. А люди откапывались, как могли, из снежного плена, вылезали наружу.

Говорят, что именно в такую лютую погоду заблудилась прямо в поселке, выбилась из сил и замерзла молодая учительница, которая провожала детей до дома. Она отработывала свой последний год и должна была уехать домой. Когда поднимаются такие бури, надо отводить детей по домам.

Вот и я не могу идти лицом вперед, надо поворачиваться спиной, иначе обожжет мое лицо злой ветер.

Я так хотела поехать после вуза в Казахстан. Моя старшая сестра, учащаяся авиационного техникума, ездила туда летом поднимать целину. И я помню фотографию. Степь, палатка и молодые девчата и ребята.

Когда метут такие ветры, вода замерзает в колонках. Подхожу к колонке.

Да, воды нет. Надо делать факел и отогревать ее. А факел – это палка, на вершину которой наматывается тряпка, поливается горючим материалом, бензином или соляжкой и поджигается. Пока прогревала колонку, подходит женщина-казашка и спрашивает меня:

– Су бар?

– Су йок, – отвечаю я.

Меня почему-то все время принимают за свою. А я поняла, о чем она меня спросила. Она спрашивала, есть ли вода.

И когда наступит время уезжать после трех лет работы в здешней школе, одна из этих женщин скажет мне слова, которые я запомню на всю жизнь:

– Слушай! Зачем уезжать? Оставайся! Ты нам, как сестра.

И простосердечию и доброте этого народа удивляюсь и сейчас.

Однажды с молотком в руках приходит в школу пожилая казашка и говорит строго:

– Где хозяйин?! (Она имела в виду директора школы).

Почему в партах гвозди торчат? Почему моя внучка порвала форму? Я пришла заколачивать гвозди!

В школе был маленький старый грузовичок, который мы с любовью звали «Зойка». Зойка – это полуторка. Ночью наше дежурство на элеваторе.

Я первая влезаю в кузов и ложусь на постеленную солому. Смотрю в звездное небо. И вдруг слышу по радио на какой-то сумасшедшей волне эфира, принесенной сюда, такие слова:

А сейчас выступает ансамбль «Бригантина» Пермского государственного университета.

И я заплакала. Как далеко отсюда мой город Пермь, моя мама, родные улицы.

Элеватор.

Это высокие горы зерна прямо на твердой земле.

Это нескончаемые машины с зерном, которые мне нужно взвешивать на больших весах.

Это солдаты, которые ведут эти машины.

Это бессонная ночь, в которой я – просто пылинка.

Мне дадут огромный жестяной совок, которым я буду кантарить, то есть перегрывать ручки и реки этого зерна. И надо взобраться опять в кузов машины. Но я маленькая, и мне сделать это нелегко.

Вдруг сзади почувствовала сильные руки на моей талии. Руки подкидывают меня в кузов. Я, не разобравшись, разворачиваюсь и наотмашь бью ладонью этого человека по лицу.

Воцарилось гробовое молчание. Это был солдат. Видно, что он кавказец.

Но пауза проходит. И я извиняюсь. И снова ритм работы.

Уже позже мне скажет наша техничка Гае:

– Ой, Татьяна Ивановна! Я тумала, он вас упьет лапатай!

Здесь я почувствовала впервые горячий пульс земли, отдающей человеку свою энергию. Рокот машин и снующие люди – все слилось воедино. А завтра, не спавшие, мы пойдем в классы.

И командовал всем этим большим хозяйством, совхозом-миллионером, замечательный человек Федор Федорович Латыш. Для меня он останется навсегда примером настоящего руководителя и просто справедливого человека. В святое время уборки он мог просто вырвать бутылку из рук загулявшего механизатора и разбить ее о заборчик. И никто не смел возражать. Он знал дорогу в школу. Он руководил людьми разных национальностей.

Можно было только восхищаться той общественной баней, которую я помню до сих пор.

В баню меня тащили почти принудительно под руки мои девчонки-коллеги.

Я не могла себе представить, как же я буду мыться среди моих учениц и их мам.

И вот я в очереди в женское отделение. И посреди этой степи была прекрасная баня с цветными витражами на стеклянных дверях, со скамьями из мраморной крошки, с парилкой.

Да, разглядывают откровенно, даже в парилке. Подходит ко мне казашка, оценивающе смотрит на меня с головы до ступней ног, спрашивает, где я работаю и сколько получаю зарплаты.

Однажды я заболела. Ко мне пришла молодая учительница Сауле Еркановна и принесла гостинец от своей мамы. Это была баночка домашних пельменей из конины, залитых горячим бульоном. И я изумилась доброте и отзывчивости чужой матери, которую я никогда не видела. Она отнеслась ко мне, как к своей дочери.

Они были так добры. И это запомнилось мне.

Потом я назову это время школой моей жизни.

Я никогда не пожалею о том, каких людей узнала здесь, какие песни мы пели на казахском, русском и украинском языках.

Это было время песни «Червону руту нэ шукай вечорами...».

Это было время свадеб, которые играли под открытым небом.

Это была моя молодость.

Муравьиное братство

Я смотрю из сегодняшнего дня в свое прошлое восьмидесятих годов. Вижу маленькую женщину в красном пальто, почти бегущую по незнакомой Москве, самому главному нашему городу, нашей гордости и оплоту, бегу, а за мною цепочкой, как цыплята, поспевают ученики.

Времени у нас мало. Москвы я не знаю. Экскурсовода нам не дали. В помощницах у меня две молоденькие учительницы.

Спасибо шоферу. Пока мы ехали до Москвы, он комментировал все, что летело нам навстречу и уносилось назад... Мы едем из Ясной Поляны, куда мы приехали на зимних каникулах из маленькой уральской школы.

Холодная зима. Закуржавленный яблоневый сад. Белоснежные, аккуратно ухоженные дорожки аллеи «Тишины» к могиле Толстого.

Мы замедляем свои шаги. Вот и могила Льва Николаевича. Здесь так все просто. Тихо. Сокровенно. И под холмиком, под еловыми и сосновыми ветками, без всяких памятников и надгробий, покоится человек, имя которого известно всему миру...

Перед моими глазами пробегают словно воспоминания.

Мальчики, их муравьиное братство. И где-то тут, под снегами и сухими травами, все еще лежит заветная зеленая палочка. А на ней написана тайна. И, прочитав эту тайну, можно будет узнать, что же сделать, чтобы не было у людей неприятностей, а они были всегда здоровы и счастливы...

И я добавляю от себя уже из своего сегодняшнего.

Чтобы не было войн.

Чтобы деньги не были самым главным в жизни.

Чтобы люди замечали красоту, любили и берегли друг друга...

Родники

Ты звени колокольчиком звонким, водица!

Дай умою лицо! Вон летят журавли...

Заколдованный мир, мое детство мне снится

И серебряный ключ от могучей земли...

Я вспомнила о ключе моего детства на далеком Урале. Там, где-то в белых черемухах, плавала Талица, деревенька моей бабушки Анны, куда увозила на лето нас, малышню, из голодного города Перми наша мама.

Мы долго плыли на парохоме. Пароход дымил, крутилось его огромное колесо с лопастями, и он медленно шел по реке Каме. На нижней палубе было шумно и суетно. Почти голыми бегали цыганские дети. А на нас, девочек, мама сшила сама красные платяица с белыми горошинами из тонкого батиста. Как же ей трудно давалась эта поездка! Надо было нести на руках кого-то из младших. Я помню, что кто-

то вел меня за ручонку, кого-то несла мама. Помню, как плескались камские воды, остро пахло водой, пристанью. Так мы добирались до Осы. А потом еще сто километров в кузове полуторки, на ветру. И маленький домик моей бабушки, горе-горькое мыкавшей почти в баньке, оставшейся после раскулачивания. И как же трудно ей было держать корову-кормилицу, когда деда уже не было!

И запомнила я серебряный ключ с серебряной водой, бежавший по большому желобу, и крикливых гусей у этого ключа, и горку, с которой он бежал. Вся горка была осыпана мелкой земляникой, поджарившейся на солнышке.

А потом были и другие родники и ключи в моей жизни.

Но этот был первый и особенный. Где-то и сейчас он, наверное, звенит.

Я даже не знала имени его. Так и остался он в моей памяти, как родник моего детства.

На Вологодчине я поняла, что у каждого родника есть свое имя. Люди давали его по каким-то особенным качествам: Гремячий, Студеный, Лодок.

И почти у каждого ключа есть своя маленькая история.

Давно мечтала я пойти на заповедное место, где течет ключ, названный Лодок. Он находится за речкой Колонкой, что бежит, катится по большим камням через лесные буреломы, где выпревают пяточки рыжиков и желтых груздей. Тавенжане ходили к Лодку, когда их настигали хвори. Шли в лес, омывались студеной водой, вешали на ближайшую елку одежду. Например, платок, если болела голова...

«Надо идти о речку. Когда сделали карьер, ее поворотило в Корovyе болото (озеро с топкими берегами). Там еще мельница была (на речке). Налево – горка. На горке – Лодок. Бежит по нему водичка холодная-холодная. Раньше ходили, омывались и окачивались. Омывали ребят. Витолиха перед последним годом, а было ей восемьдесят пять лет, разделась и окачивалась», – рассказывали мне старожилы.

Этим летом сосед согласился показать мне родник. Дорога заросла осинником. Дошли до речки. Вода кругом. Бобры перегородили, сделали запруду, построили свои домики под водой. И пришлось нам идти по бурелому. Немного запаниковала. Но провожатый шел уверенно, делал топориком зарубки на деревьях. Показывал на рябчиков, притаившихся в сосняке.

И вот мы на той самой горке. Сколько лет никто не ходил сюда. Деревянный желоб замшел, и забило его землей, веточками и иголками. Вода бежала и сочилась. Земля под ключом была вязкой. И я проваливалась в густых травах почти по колено. Проводник топориком прочистил лодок.

Радостно, со вздохом зажурчала вода. И я умыла свое лицо, с пригоршни напилась, думая об этом чуде, о моих детях и внуках, о радости, переполнявшей меня. Увязая в топкой земле и путаясь в диких травах, я подошла к тонкому деревцу и завязала на нем белый носовой платок. Я знала, что люди, думая о чуде исцеления, сделали это место почти тотемным.

Я, как и они, сделала это, надеясь на могучую силу земли.

Горсть земли

В сенах было прохладно. Сквозь щель пробирался игривый солнечный зайчик. Степа увлеченно читал, не отрываясь от книжки. В хлеву мычал теленок. Мать звала обедать. Соседская девчонка Зинка все крутилась возле дома, ей хотелось играть. Степа учился отменно. Учительница не могла на него нахвалиться отцу. Она давно заметила в лобастом мальчугане усердие и необычную тягу к знаниям. И мальчик грезил науками. Он готов был идти пешком в далекий город. Но у отца-инвалида было семеро голодных ртов и свои планы на Степана. Он должен стать опорой семьи.

Пройдет не одно десятилетие, целая жизнь, когда однажды я открою «Учительскую газету» от 1982 года... и на последней странице прочитаю некролог о кончине профессора химии, автора сотен статей и десятков учебников, лауреата Ленинской премии, Учителя с большой буквы, нашего земляка, Степана Афанасьевича Балезина.

И однажды я буду ехать скорым поездом в Пермь. Он остановится в ночи. И я прочту название станции: Балезино. И потом буду собирать архивные материалы со своими учениками о его жизни. Ведь родился-то он в деревне Володинское, это совсем рядом от школы, в которой я начала работать. Заросла деревня черемухами, ивами, мятой, травами разными... И стоит у дороги старый тополь. Сколько лет ему? Кто знает? Может, он еще помнит маленького мальчика в лапоточках, шагавшего в любую погоду по дороге в соседнюю деревню? И дома того уже нет, в котором в полутемных сенцах сидел над книжкой Степушка. Мне показали место, где был дом его родителей. И однажды по приглашению жены Степана Афанасьевича и сына Александра привезу свой маленький класс в количестве шести учеников в Москву. В поездку я возьму с собой горсть уральской земли на могилу ученого. Горсть земли с того места, где он родился и ходил в школу. И вот Ваганьковское кладбище. Робко вошли. Направо – вся усыпанная свежими цветами могила Володи Высоцкого. И памятник. Он, словно спеленут чем-то, словно распят, рвется усилием вперед, поднимается над

всем и вся... в небо. И постояли с детьми у могилы Сергея Есенина. И мне вспомнились строки Вольфа на кончину поэта.

На Ваганьково березки,
Клен да белый мох.
Что тебе наш ветер жесткий
И колючий снег?
Там, в стране чудесно-белой,
Тополя шумят.
Спи, мой лебедь. Спи, мой смелый.
Спи, мой старший брат.

Что ни могила, то целая эпоха, жизнь, история... И с робостью, осторожно шли мы мимо этих дорогих всем могил и памятников.

А горсть земли нельзя было положить вот так просто. Не было той обычной могилы, которую я себе представляла. А были ниши в здании с табличками. Но мы коснулись с детьми жизни нашего земляка, прошли вместе с ним от времен гражданской войны до последних его дней. Большое дело для Отчизны было сделано его умом пытливым. Он начал новое направление в защите металлов. Ингибиторы, которые защищали металл от коррозии. А это защита от ржавчины оружия и подводной части кораблей в годы Великой Отечественной войны. Он был скромным и простым человеком и всегда ставил себя на ступеньку ниже, чем был на самом деле.

Долгие годы мы вели переписку с его сыном Александром Балезиным. В то время ему было только тридцать лет. Его письма и воспоминания об отце помогали жить и преодолевать трудности.

И уже взрослые мои ученики, ставшие учителями, сказали мне недавно, что работа эта над именем Степана Афанасьевича Балезина, над памятью о нем была почти самым ярким событием в их жизни, и имя его вело их, как путеводная звезда.

И когда я встречалась в жизни с трудностями, я всегда вспоминала этого упорного и любознательного деревенского мальчика, каким представляла его себе.

Волки

Волков я видела только в зоопарке в детстве. Но мне всегда было жаль всех животных, томящихся в этих тесных клетках.

Когда мы приехали жить на Вологодчину и поселились в деревянном доме с печным отоплением, впервые я увидела волка под нашим окном. Была зима, часов одиннадцать вечера. Мой сын читал книгу и вдруг крикнул: «Мама, волк!» Я бросилась к окну. Под окном

в свете фонаря увидела серого матерого зверя, который вцепился в кудрявую собачонку, пришедшую за своими хозяевами из соседней деревни. Муж мой вышел на улицу, бросил в убежавшего хищника большую и тяжелую жердь. Но тот ушел через наш огород, неся на спине несчастную собаку.

В следующий раз я увидела волка среди бела дня. Мы ехали на колхозном газике в район. Было ясное весеннее утро. Настроение у нас было хорошее. Вдоль дороги мелькали леса и поля, деревеньки.

Я сказала, что давно никакого зверья на дороге не видела.

И вдруг, как по волшебству, мы с изумлением увидели старого волка-одиночку. Он стоял почти у дороги и не пытался убежать. Я разглядела его шерсть клочьями, какого-то зеленоватого цвета.

Последующие встречи с волками вспоминаю с ужасом. Мне приходилось часто добираться до района на попутных машинах. Рейсового автобуса не было. Легковых машин тоже. Помню, что на первое совещание колхоз, а он в девяностые годы еще был, выделил мне бензовоз.

Однажды надо было добираться волок в двенадцать километров до Огибалова. Там была возможность ехать дальше.

Мы попросили в правлении колхоза лошадь. Учитель труда запряг Голубку. Мы сели в дровни и поехали. Шел густой снегопад. Голубка почему-то не шла по дороге, а пыталась встать у самой бровки.

– Что это с ней? – спросила я у попутчика.

– Волков чует, – ответил он.

С Божьей помощью мы добрались к месту назначения. Я до сих пор помню эту тудягу Голубку. Ей суждено было сгореть вместе с коровами и телятами на комплексе. Какой-то лентяй даже не распряг ее. Люди пытались вывести животных через стену огня, но они не шли в пламя. Народ собрался со всех деревень. Люди стояли и плакали навзрыд. Скотина всегда для крестьянина была первой кормилицей.

Однажды мне позвонили из бухгалтерии и сказали, что будут давать тридцать пять процентов зарплаты. Дело было к вечеру. Надо было идти. Люди давно без денег. И я отчаянно решила идти пешком, надеясь на счастливый случай. А вдруг догонит какая-нибудь случайная машина с лесом?

У меня не было ни фонарика, ни спичек. Становилось темно. Я угадывала дорогу только по чернеющей кромке леса. Когда подходила к Пёрбово, а это середина пути, значит шесть километров я прошла, услышала жуткий тоскливый вой.

Я вспомнила рассказ старожилков об учительнице, которую когда-то загрызли волки в дороге. Сердце мое колотилось. Я начала молить-

ся. И обещала, что если останусь живой, то никогда больше не пойду одна по этой дороге, никогда не буду испытывать судьбу.

Чудо свершилось. Я услышала приближающийся сзади шум машины и увидела прыгающее пятно желтых фар.

Это была случайная, на мое счастье, машина с лесом.

Прошли годы. Однажды, встретив в Храме свою коллегу, я сказала ей:

– Наталья Николаевна, я жалею об этих ужасных годах моей работы в школе. Двадцать пять лет директорства.

На что она мне ответила:

– Не жалеите, Татьяна Ивановна. Это было испытание.

Невозвратное. Виктор Астафьев. Василий Белов.

Я только что приехала в отпуск в родной город. Позади аксакалы, солончаки, степи и песчаные бури. Но солнцеликие мальчики и девочки, мужественные и яркие люди останутся со мной на все годы рядом.

Моя самая лучшая подруга Оленька работала в это время в Пермском издательстве, и я заходила к ней после работы. Издательство находилось во дворе дома. И мы шли гулять. Приходили на высокий берег Камы, к бывшему кафедральному собору, смотрели на свинцовые воды реки-труженицы.

В то время в городе жил Виктор Астафьев. Оля с увлечением рассказывала о нем и его книге «Пастух и пастушка», которую она редактировала. И вот эта книга в моих руках. Я одна из первых ее читательниц. Прочла на одном дыхании.

«И брела она по дикому полю, непаханому, нехоженому, косы не знавшему. В сандалии ее сыпались семена трав, колючки цеплялись за пальто старомодного покроя...»

Современная пастораль о короткой и единственной любви между жизнью и смертью девушки и молодого взводного. Он погибает. А она всю жизнь ищет его. И, наконец, находит холмик посреди пустынной степи. Деревянный обелиск. Она падает на землю, обхватив холмик руками...

Я была под большим впечатлением. Взяла альбомный лист и простой карандаш и тут же нарисовала степь с сухими стеблями полыни, деревянный обелиск со звездой и женщину на коленях, упавшую на заросший холмик. Мне так хотелось отдать этот рисунок Виктору Астафьеву.

Я показала его Ольге. Ей понравилось. Но природная моя застенчивость не дала мне это сделать. И до сих пор жалею.

Вологда. Раннее утро. Вокзал. Мне надо на электричку Вологда-Вожега, а потом еще километров шестьдесят, чтобы добраться до дома. Я вышла на пустынный перрон. Там стоял какой-то маленький седобородый мужчина. Конечно, я его узнала.

Это был Василий Белов. Мы посмотрели друг на друга. Я не знала, что делать. Броситься к нему и просить автограф? Не могла я этого сделать. Возраст у меня был уже не девчоночий. А ведь могли бы целый час ехать до станции Харовск, говорили бы о деревне, которую он так любил и писал о ней, о ее людях и проблемах...

Невозвратное. Оно цепляет нас. Быть рядом, ходить по одним улицам, замирать от великого и бояться подойти к нему...

Кто я была в то время?

Кто я сейчас?

Как дорог этот ранний час

Еще все спят и даже ветер.
Как дорог этот ранний час.
Мне чудится: одна на белом свете.
Я так тиха. Я думаю о нас...

о нас, любимых, не любимых,
Любовью вечною хранимых,
О спящих и мятущихся душой,
О верных, грешных и молящих,
земных, простых и настоящих.

До слез, до скорби, с состраданьем
и с тихой нежностью в душе,
чуждаясь чьих-либо признаний,
я вас боготворю уже...

Серебро души моей тускнеет

Серебро души моей тускнеет
темной ночью и средь бела дня.
Неужели не догнать и не успею
отпустить поводья у коня?
Вы еще звените, мои ветры!
Пойте, пойте песни до зари,
бейтесь ночью темной в эти стены,

где не вспыхнут даже фонари.
Вы звените бубенцами в утро,
В этот день не прекращайте петь.
Я еще взгляну и не забуду
веток голых на морозе сеть.
Может, в сети попадетя солнце
тусклым слитком, рыбкой золотой,
чтоб играло маленьким оконцем,
и будило тающий покой.
Чтоб душа еще моя светила,
надо хоть немножечко тепла
от лучей могучего Ярило...
Я его и в непогодь ждала.

Моя Россия в сереньких рассветах,
в летящей птице за моим окном,
в качанье и сплетенье темных веток
с щемящим сердце проливным дождем,
в заброшенности поля и деревни,
в проселочных дорогах по лесам,
в величии ее каком-то древнем...
И это никому я не отдам!
Я не отдам калиновые ветки,
как капли крови в серости утра.
пусть прошумит над родиною ветер.
Темны и одиноки вечера...

Идет с ведерком за водой старушка.
С поклоном спросит, как мои дела,
здоровья пожелает, как подружка...
Россия, может это ты прошла?

Алой шалью играло холодное небо

Алой шалью играло холодное небо.
Поднимался зорька над стылой землей.
И прозрачной горбушкой небесного хлеба
месяц светлый висел надо мной.
И в слепые глаза одинокого дома
падал космоса свет, и глаза зажигал.

И, казалось, там кто-то до боли знакомый
тихо люльку с ребенком качал.
И теплилась лампадка, и свет был так тонок,
И старинная песня томила мне грудь.
И, ручонки раскинув, смеялся ребенок.
Ангел, видно, отправился в путь.
Но погасла заря. Снова окна пустые.
Снова дом одиноч и забыт.
И летели ветра над моею Россией.
И качнулись вдруг ветки ракич.

Не оставь меня, тихая радость

Не оставь меня, тихая радость
и дорога, ведущая вдаль...
Не оставь, затаенная сладость
песен родины. В них вся печаль
и тоска, и страданье по воле,
и любовь, и прощанье навек...
И седое заснувшее поле,
и простой, от земли человек.
Он младенцем появится в мире
и уйдет без сумы на плечах...
Только поле раскинется шире,
Только ветер заплачет в кустах.

Разноглосье

Словно плыла в корабле, что воспет был Гомером.
Осень унылою нищенкой бродит в округе.
Часто приходит больная с босыми ногами.
И на крыльцо мое сядет печальной старухой.
Я приносила ей жертвы огнем моей печки.
Листья сухие кидала под ноги поленьям.
И пирогами с брусничкой ее угощала.
Даже горячего чая в стакан ей плеснула.
Плакала осень, и окна мои окропила.
Серый замшелый забор был ветрами повален.
Руки калины исклеваны были клестами.
Лужи холодные наполнились этим рыданьем.
Мужество надо, чтоб жить в этом северном крае.

А за окном действительно рыдала осень.
И стекла окон заливали слезы.
А в поле прорастала нежно озимь.
Пугала зеленью ноябрьские морозы.
Качалось дерево. Взлетали в небо ветки.
И ветер был суров и неподкупен.
И надо было теплоты и света,
чтоб улыбнуться среди серых буден.

С. Жигиль,
выпускница 1986 г.

Листья судьбы

Светлана Алексеевна Жигиль – филолог, переводчик.

Возможно, жить полной жизнью (к примеру, сплавливаясь по рекам Пермского края), заставляет одна особенность – инвалидность, вследствие чего и сформировался сильный характер и неукротимая тяга двигаться дальше и дальше.

Вот что пишет Светлана о себе:

– Я окончила альма-матер как переводчик. А стихи пишу с пяти лет, более сознательно – с пятнадцати. На поэзию зрелого периода большое влияние оказал Иннокентий Анненский. Меня поразило, как «набор слов», с первого взгляда, сливается в чудо. Не скажу, что поэзия для меня – полное самовыражение: это, скорее и поиск иных средств: звука, цвета, и констатация недостатка движения.

Маме

Ты говоришь, что молодость прошла
И сердце что твое заледенело.
Ты столько всем нам ласки принесла,
И столько от нее сердец теплело!

Твои заботы внешне пусть просты –
Все вечной добротой озарены.
Душа твоя – высокий свет звезды,
Ничем не погасить в глазах огни.

И если станет на душе темно,
Почувствуешь, что силы на исходе,
Взгляни на солнце – каждый день оно
Твоим при жизни памятником всходит

У морей Откровенности
И под сводами Грез
Область есть неизведанная
Человеческих слез.

Те неправы, кто чувствует
Слабость низкую тут.
Душам их не сопутствует
Человеческий труд.

Эпитафия

В узоре бабочки останусь,
И след в потерянной земле
Оставит ветреную малость –
Там шорох времени живеи.

Так капелька дождя повиснет
Случайно на ветру – и вдруг,
Как легкий утренний испуг,
Останется в десятках жизней.

И неизвестно, что желанней
Под ликом ласковым Творца:
Черты великого лица
Или напрасное дыханье.

* * *

А сад опять восстал, счастливый, разъяренный.
Под обмороком гроз трепещет налегке.
Черемуховый куст как будто бы внесенный
Букет у ног твоих колдует вдалеке.

Есть терпкая пора весеннего рассвета,
Как капля горечи, с которой не прервать

Сонатy радости. В предощущенье лета
Бессонницы не устаеть считать.

Одной тебе подаренное счастье...
Чего боишься? Припади, измерь
Его границы. Дивное участие
Печали вечной будущим проверь!

Новогодний романс

Зажигают свечу.
Невесомый, таинственный трепет
Разбросает по ветвям
недомолвок и тайн кутерьму.
Но сегодня слышнее
неверная поступь столетий,
Хоть упреки и наши порывы
ему ни к чему.

За окном – снегопад, все притихло.
Как будто бы в детство
Мы вернулись, и вновь –
у порога случайных чудес.
И окажется вдруг,
если в годы помягче взглядеться,
Что мучительный опыт
внезапно исчез.

Те же вальсы летят,
те же речи кружат, те же маски.
Только Золушка больше не станет
искать своего короля.
Поутру, не очнувшись
от кем-то рассказанной сказки,
В колыбели из призрачных хлопьев
задремлет земля.

Сон

Мне снилось, что коня мы потеряли.
В нем чье-то исцеление таилось.

Под утро долго я его искала.
И вдруг внизу долина мне открылась.
Она еще таилась в полусвете.
С печалью легкой я туда глядела,
Где двух коней сливались силуэты.
Не скоро я их разлучить посмела...

Синий полог влагой напоен,
Гордая свеча не угасает.
Кто-то в этот миг сейчас рожден
Робкий шаг беречь, его сверяя
С призраком прощанья. Улеглись
Дни, где я бродила в горьком хмеле.
Краткий миг покоя... Словно кисть
Творческую муку одолела.
Также перед смертью вдруг поймешь
Этой жизни весь ландшафт подробный,
Не себя виновной назовешь –
Страсти, что душила ты бесплодно.

Наитие

Немой тоски виолончельный звон,
Дождь колет землю копьями разлуки,
Скорбит о листьях обнаженный клен,
И сам он искажен последней мукой.
Стихия осени! Как памяти верна,
Как трепетна она и недоступна.
Под летом подвести черту нетрудно,
Но кажется загробной тишина.
Решить, что лучше: быть или не быть.
Вопрос извечен, а ответы ложны.
Для бреда столько поводов ничтожных,
А я хочу весь сад исколесить.
Вновь в забытии узнать и не узнать
Невидимой руки прикосновенье.
Заплакать над листом – и на мгновенье
Самосожженье истины понять.

Ленинградская сага

Невысказанная в дождях
И не привыкнув к чьей-то ласке,
Звучит печаль на площадях
Оставленную утром сказкой.
Она сумела растворить
Садов чугунные ограды,
Утрату имени. Не надо
Ее мгновению учить
И странность легких перемен,
Как гениальные сплетенья,
Там, где играют чьи-то тени,

* * *

Королевство кривых зеркал –
Мир, где я принимаю позы,
Как мираж, выпадают грезы
В безутешной жажде похвал.
Эта поза и эта суть –
Как избыточный миг преступления.
Роковые струпья внушенья,
Вам надежды не зачеркнуть!
Научусь я ласку любить,
Научусь в зеркала смеяться.
И печали не догадаться,
Что за страх – пустотой прослыть.

А. Сандлер,
журналист

Боль

Алла Витальевна Волкоморова родилась 21 сентября 1961 года в Перми. Окончила среднюю школу № 10, а затем, в 1984 г. – филологический факультет Пермского государственного университета. Работала в многотиражной газете и социологической лаборатории Пермского телефонного завода. Трагически ушла из жизни 4 февраля 1990 года.

Она ушла по дороге поэтов. Она вытерпела только до двадцати восьми. Больше не смогла.

Оставила после себя память и стих. Сборник, из которого выбраны стихи, издан людьми, которым не дано забыть ее, АЛКУ – АЛЛУ ВОЛКОМОРОВУ.

Как просто теперь прочесть Аллу. Как сложно это было тогда... Было ли легко с ней? Наверное: ведь Алла все понимала. Она мгновенно угадывала, когда тебе плохо. Она чувствовала твою боль, ощущала ее своей собственной болью и делала что-то, – и становилось легче.

Такая маленькая, хрупкая, она была больше любого из нас. Казалось, она знала Истину.

Было ли трудно с Аллой? Конечно: она же все понимала.

Она действительно родилась поэтом.

Как боялась Алла своих стихов! Да, именно боялась: ей становилось страшно, когда она знала, что ночью снова придут стихи.

Она говорила об этом.

Похоже, она писала легко. Легко в смысле формы.

Но с какой болью вырывалась ее боль на бумагу! Алла боялась своей памяти, боялась тих ночей, боялась своего таланта.

Она оказалась права...

Сейчас легко прочитать Аллу Волкоморову.

Прочтите ее – это поэт.

Зеленая звезда

Оленьке Беломытцевой (Белке)

Одна из звезд была зеленой,
Как изумруда тонкий срез.
Девчонка взгляд завороченный
Не отрывала от небес.

Мерцанье нежное казалось
Ей знаком счастья навек.
А между сосен утро кралось,
И тени падали на снег.

И зелень светлая в лиловом
Охвате таяла тайком,

А старый год казался новым,
Неверье – верой, зло – добром.
Январь, 1980

А еще

И. М.

Как из бабкиных сказалок –
Май в искрящемся венце.
Лепестки лесных фиалок
В волосах и на лице.

Словно гостю, очень рада
Телу мягкая трава,
Небо так и просит взгляда,
Да кружится голова!

А еще... как отраженьё
Утра майского в реке,
Влажных губ прикосновеньё
К солнцем тронутой щеке...
Май, 1980

А. А. Стрелевой

Я скоро вернусь оттуда,
Где утром рождаются песни,
Где по ночам танцуют,
И мудрые старцы седые
Курят длинные трубки,
И заставляют плакать
Гитары смуглые парни.

И скоро, если хотите,
Я привезу вам оттуда
Немного рыжего солнца,
Немного лилового неба,
Немного голоса ветра,
Немного запаха моря,
Нежных ветвей лимона
И музыки легкокрылой.

Еще привезу гитару,
Но петь она будет печально.
И звонкие каштаньеты.
Еще привезу сомбреро
И черную шаль с кистями.
Стихов привезу красивых
И легкой прозрачной грусти.

Я скоро вернусь оттуда,
И долгими вечерами
В холодные снежные зимы
Вам стану рассказывать сказки
О чудной стране свободной,
О гордом ее народе,
И вам непременно будет
Испания сниться ночью.

1981

Икар

А. Гарсиа

Сильны еще пальцы на грифе,
Но застланы пьяною пылью
Глаза. И уже, как в мифе,
Прозрачные режутся крылья.

Похожи на дым, за плечами.
Взлетает! Рождается песня...
Ребенка-гитару качает,
Взлетает! Здесь душно, здесь тесно!

Все выше он ноты ловит,
Спалит себя в пламени дара!
Как вскрики, капельки крови
На пальцах барда-Икара.

Он храмов себе не воздвигнет.
Он к покаянью просрочит.
Он знает, что сто раз погибнет,
Он словно этого хочет.

Апрель, 1981

О. З.

Лето стирает отчаянно быстро
Август опальный.

Гром раскатился, как пушечный выстрел, –
Это прощальный.
И фейерверком взбесившихся молний
Вспыхнуло небо.

Кто, напоследок радостью полный,
Царственен не был?

Властвуй, стихия! Вой злее и круче,
Меры не зная!
Горд победитель. Он жертвы не мучит.
Я уступаю.

Август, 1981

Керчево, ССО «Ассоль»

Уходящему

Душа остается бескрылой, но все ж –
Вольной!

Сдержи обещаний крылатую ложь, –
Больно...

А мне не нужны возвращенья на час, –
С Богом!
Разжатые руки, сухие глаза
Ранят.

Но всех уходящих дорога назад
Манит.

Февраль 1982

Весенний сонет

М. Седуновой

Прозрачная голубизна,
Стыдливая незащищенность,

Непринужденная бездонность –
Что с небом сделала весна!

Соблазн стать пленником велик –
Взлететь, дыша раскрепощенно,
Знать птичьей музыки язык!
В плену небесной чистоты
Не мучит память. Ложь не ранит.
И все ж, земное счастье манит –
Подобье жалкое мечты!..

Но вновь за грешною мечтой,
Поверьте, этот грех – святой!
Апрель, 1982

Матери

Необходимо, чтоб кто-то спасал
От лжи, утрат и измен.
И, отдавая, не получал
Почти ничего взамен.

Чтоб кто-то преданно, жадно ждал,
Кляня чужие края,
Чтоб кто-то радость свою скрывал
От выдоха: «Вот и я!..»

Чтоб кто-то знал за тебя наперед
Беды и удачи час,
Но только молился: «Пусть повезет
Ему и на этот раз...»

Чтоб кто-то в горле сдерживал ком
И слепо верил в предел
Твоих оставленных на потом
Больших и маленьких дел.

Чтоб кто-то безумно сильней, чем ты,
В мечту твою был влюблен,
Чтоб было кому говорить «прости!»,
Чувствуя, что прощен.

Чтоб был улыбаться кто-то готов
Твоей суровости вслед.
Чтоб кто-то не помнил твоих чинов
И сколько тебе лет.

Необходимо! Идешь – оглянись,
Спишь мертвым сном – проснись,
Счастьем ли, горем ли пьян – очнись!
Матери поклонись.
Июнь, 1982

Лениво, медленно и зло
Гроза встает на горло ночи, –
Найти решенье тяжело
За вереницей многоточий.

Н темной краской все холсты
Залил художник невезучий,
Лишь молний желтые хвосты
На них прорезывают тучи.

Страшна предгрозовая тишь,
Беду грядущую лелея.
Но ты так солнечно глядишь,
Что верить в худшее не смею!
Июль, 1982.
Керчево. ССО «Ассоль»

Работа

Сгореть однажды, как солома,
Воскреснуть, пыль хватая ртом,
Раскрыться, словно двери дома,
В котором не живет никто,
А лишь заходят обогреться,
Поест и переночевать;
Как за живой водой бежать
За песней собственного сердца
И ждать, чтоб только получилось,
Взахлеб, а не исподтишка,

Чтоб строчка новая забила
Прозрачной жилкой у виска.
1983

От усталости вечной моей,
От бессонных полос невезенья –
Дом открыт для собак и детей,
Вот такое простое лечение.

Ни тоски, ни тревоги, пока
Дружным комом от стенки до стенки –
Меховые собачьи бока
И худые ребячьи коленки.

Шоколад – на троих-четверых,
Ешь, лохматость моя, грязнощекость!
Что посеешь – не важно для них,
А взойдут и любовь, и жестокость.
1987

Прочти меня, как книгу, до листка,
Как у надгробья, помолчи немного.
Но не перевернуть – дрожит рука –
Последнюю страницу эпилога.

Там слово есть, оно недалеко,
И смысл его огромен и ничтожен.
Чего ты ждешь? От радости легко,
А боль, как будто, ценится дороже...
1989

Нищий

Кто ж тебя так уважил,
Кто ж тебя так обласкал? –
Из глазниц, как из скважин,
Словно текут облака.

Руку, крыло больное,
Вечному ветру вслед.
И парусом за спиною
Брежит блаженный свет.

Монетой в горсти сиротка
Дразнит жалость – ужаль!
На свечку или на водку,
Какая кому печаль?

Послушай, когда случится
Мой самый последний день,
Ты за меня молиться
Станешь ли, божья тень?

Впрочем, этого много.
Целующий совесть босяк,
Мне легкого сна у бога
Выпроси на пятак.
1989

Бывает ложь на правду так похожа.
М помогли ей, плача и кляня.
И потому – не дай вам правый Боже
Лишиться веры, мысли и... меня.

Сегодня дом как будто огорожен –
И снег стеной, и сумерки густы.
Но навсегда – не дай вам правый Боже
Знать торжество узды и пустоты.
1989

Словно что-то внутри расколосось,
И на вдохе осколки острей.
А ведь я только пробую голос
В песне-исповеди своей.

Успокоюсь, остыну, устану,
Утешая себя наугад:
Не допеть! Эти стены восстанут,
Остановят, удержат, простят.

Но когда на пронзительной ноте
Оторвусь от любимой тюрьмы,
Дай мне Бог не припомнить на взлете
То, что крылья обожжены.
1990

Р. Спивак,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы ПГНИУ,
выпускница 1959 г.

О поэте Наде Глухой

Я сама только недавно, услышав ее последние стихи, поняла, что она – поэт, со своим индивидуальным миром, своей интонацией, настроением. Не знаю – большой или маленький, но настоящий, со своим голосом.

По своей нравственной и психической организации она – типичный филолог – с полагающейся филологу острой реакцией на все происходящее в мире и чувством личной причастности ко всему, что совершается вокруг, с высокой планкой эстетического восприятия действительности. Тонкая, ранимая, эмоциональная душа. Личность свободная во взглядах и поступках.

Нельзя не заметить ее глубокой, я бы сказала, гипертрофированной скромности, какая присуща далеко не всем одаренным, богатым натурам и одновременно предельной самостоятельности в своем мироощущении и оценках.

Она пишет не только стихи, но и прелестные рассказы, и они, подобно стихам, чистая лирическая импрессия. Я бы сказала, что ее творчество лежит в русле чеховской поэтики – полное отсутствие императива, нажима, поучительности. По моему ощущению, поэзия для нее не «дело» в точном смысле слова. Надя, согласно оброненной строчке Окуджавы, «пишет... как дышит». Кажется, что она не работает над словом, не играет им, не внушает нечто важное. Она его роняет, и оно долго кружится в нашей памяти, как-то невесомо прочно оседая в душе.

Образы ее стихов взяты из нашей реальной действительности, они лишены абстрактности, но незаметно в нашем восприятии перетекают в символику, одновременно живописны и прозрачны, не отягчают наше сознание, а освещают его. Ее поэзия – «легкое дыхание», но не Оли Мещерской, не Наташи Ростовской. Оно иное и вносит в нашу жизнь свою краску, свой звук.

Н. Глухова,
выпускница 1992 г.

Стихи

* * *

Электричка уносит меня от крикливого центра.
Центробежность – вот слово, которое все обозначит.
За окошком – заводы, заборы, растущий без цели
Вездесущий репей. Вот поля начались и иначе

Я на мир посмотрю. Успокоившись. Чуть улыбнувшись.
Молодым облакам, и полям, и зеленому лугу.
Так бывает как в детстве – внезапно проснувшись
Улыбаешься миру, как старому другу.

За окошком река, словно синюю краску разлили,
И кораблик на ней нарисован таким белым-белым.
Словно мир, как окошко весной – промыли,
И тогда все вокруг засияло, запело!

2014

* * *

Жанне Каткаускайте

Падение яблока в траву.
Падение слова
В разбуженную тишину
Уходит снова
Звучание слов.
Значение снов.
И ветра шорох
Перевернет все до основ,
И звездный порох
Взорвется тысячами звезд
Не здесь, а где-то,
И ты подумаешь всерьез –
– Уходит лето.

2009

* * *

Как звонят затопленные храмы
Тихой ночью колокола звук
Разливается – за кругом круг –
По воде.

Студенческий субботник

Юность с граблями и метлами
Годы лентой пулемётною
Постреляли фейерверками.
Вот стоим мы – Надька с Веркою

И с Серегой и Наташкою
Инка с Леркой и опавшие
Загребаем листья весело.
Здесь на фото – все мы вместе.

Первокурсники беспечные
Машем мы трамваю встречному
И листвы швыряем золотого
И звенит трамвай, как молодость!

* * *

Те же арочные окна –
Пятый корпус.
Льется свет.
На дворе всё те же клены.
Старше лишь на много лет
Стали мы и клены эти
Нам об этом говорят.
И уносит листья ветер
И летят они, летят.
Красно-желтые приветы
Рассыпая по двору,
И родные силуэты
Кажется, сейчас мелькнут
В этих окнах.

Память. Память.
Лица, жесты и слова
Не уйдут – они все с нами.
Поседела голова
У профессора,
А помню – был доцентом молодым.
Жизнь – река
Гуляют волны.
И над Камой белый дым
Облаков.

2016

* * *

Перепутались реки на контурной карте.
Из Варягов не в Греки, а сразу в Тибет.
Где-то Волга и Обь поменялись на старте.
Пояса часовые, а Времени нет.

Часовые ушли. Или просто уснули.
Или просто забыли надеть пояса.
Кама с Эльбой, обнявшись, текут по июлю
Или просто на карту упала слеза?

* * *

Моя любовь, как нищенка у входа
В богатый дом – не пустят, не стучи.
Моя любовь – нелепая свобода,
От всех замков потеряны ключи

Не отпереть окованные двери,
Не обрести желанного тепла.
Моя любовь, тебе никто не верит
И никому ты, видно, не мила.

Вернись в свое убогое жилище.
Поставь суму несбывшихся надежд.

Моя любовь, будь лучше гордой нищей
И тем, что ты – Любовь, себя утешь.

* * *

Деревья осени,
Чудесные деревья
Летит листва –
Ее река уносит.
Стою на берегу и в удивлении
Смотрю, как уплывает тихо Осень
Вниз, по реке...

* * *

На качелях из лунного света
Я качаюсь под звездным шатром.
Послезавтра кончается лето.
Это будет потом.

А сейчас лунный свет серебрится
Над моей головой.
И какая то странная птица
На качелях со мной.

* * *

Я смотрю на Каму –
День осенний тает.
И листву под ноги
Осень нам бросает.
Мы идем вдоль Камы
По ковру из листьев,
Ив плакучих ветви
Над водой повисли.
И плывут листочки –
Золотые рыбки,
И вода качает
Отражения зыбкие.

О друзьях-товарищах

Начало начал

Выпуск филологов историко-филологического факультета Пермского университета 1951 года был уникален.

Наш курс филологов родился
В сорок шестом после войны.
Был недород, а мир дымился
И пахло голодом весны.
Шли люди разного «причета»:
Один на ДИПе токарил,
Другой строчил из пулемета,
А третий поле боронил,
Из школы шли гуртом девчата,
Учиться им не привыкать.
Но так не скажешь про солдата –
Через войну пришлось шагать.
Про этот сплав людей бывалых
И школьниц в платьицах обычных
Заметил Букирев тактично
«Таких доньне не бывало»

Так начал свою поэму об однокурсниках к 50-летию выпуска Григорий Горбунов.

Уникальность заключалась в том, что на чисто женское филологическое отделение в 1946 году поступило более семнадцати мужчин: фронтовики, труженики тыла и несколько школяров. Женскую часть курса представляли преимущественно школьницы. И вот такой необычный состав будущих филологов выдал «на гора» целый пласт талантливых людей. По выражению А. Г. Зебзеевой, это был так называемый «грибной мост», в составе которого имена: Лев Давыдычев – прозаик, драматург, детский писатель, Андрей Ромашов – певец седого Урала, и еще один, несправедливо забытый поэт-лирик Евгений Можяев, трагически ушедший из жизни. Параллельно с ними училась целая группа будущих журналистов: Владимир Аборкин, Николай Кустов, Галим Сулейманов, Григорий Горбунов, Юрий Молодцов, Генрих Шлыков. Все они так или иначе, как и другие студенты курса, занимались литературным творчеством. Вместе они, каждый по-своему, подтвердили мысль А. Г. Зебзеевой о «грибном мосте». Зная всех ре-

бят в течение пятилетней учебы в университете, я поняла, что война задержала их тягу к литературному творчеству, а поступление на филфак открыло им дорогу, дало возможность творить, при этом общение друг с другом ускорило их становление как творческих личностей.

Прочитав статьи о наших ребятах-однокурсниках в вышедших к 100-летию ПГУ юбилейных сборниках «Действенный глагол», «Проза», «Поэзия», я почувствовала, что в них чего-то не хватает. Вчитавшись внимательно, поняла – никто ничего не сказал о студенческой поре в жизни этих одаренных людей, а именно филфак стал для них своеобразной творческой мастерской-школой. К этой мысли меня привело очередное письмо Григория Горбунова. Мы с ним переписывались много лет. Переписка усилилась, когда мы оба вышли на пенсию. Еще ранее он ответил на мой вопрос о литературном кружке во время нашей учебы в университете и о стихах Евгения Можаева. Этот вопрос возник после звонка В. Ф. Гладышева, знаю ли я Можаева. Гриша ответил письмом на мои вопросы: «Женя, ты просишь написать о литературном творческом кружке. А ты знаешь, его не было, этого кружка (официального), некому было его возглавить. Я просил директора Биологического НИИ при университете, т. к. был главным редактором «Молотовского университета» и подписывал его в печать, а я с 1948 г. был ответственным секретарем. Овеснов сказал: «Какой же я руководитель творческого кружка, если естественник? Ходил я к Букиреву, но руководителя так и не нашли. И нам даже литстраницу не разрешали – бумаги не было...».

Но кружок не затерялся. Наоборот, участь на филфаке, одаренные студенты находили время, чтобы собраться вместе. На таких импровизированных заседаниях они яростно спорили, обсуждая творения друг друга, давая им свою оценку. Гриша, возвращаясь к теме творчества однокурсников, пишет: «Стихи свои мы читали иногда на заседаниях СНО. Хотя между собой мы общались часто. Ведь с чего все начиналось? С наших стихов ко дню рождения наших девочек. Эти стихи были, конечно, корявы, но искренни. Через эти стихи мы учились владеть русским словом, и если толковать расширительно, то из наших к вам поздравлений родились наши курсовые писатели и журналисты Давыдычев, Домнин, Кустов, Молодцов, Можаев, Сулейманов и др. После юбилейных стихов мы стали постепенно отходить от них. И первого, у кого я заметил этот отход, был Женя Можаев. Я свое не чисто юбилейное стихотворение написал Н. П. Обнорскому и отвез ему в его день рождения. У меня сохранилось написанное на промокашке поздравительное стихотворение «Женерина» однокурсницам – Рите, Жене, Нине – и получилась Женерина.

Немало девушек хороших
Встречаешь на своем пути,
Но Женерина всех пригожей,
Ее красивей не найти.
Душа ее полна желаний
Святых и чистых, как слеза.
Людских не ведают страданий
Ее чудесные глаза.
Ах, Женерина, Женерина –
Дурман мальчишеских голов,
Сравнить с балетной балериной
Тебя по страстности готов.
Но знай же, племя молодое,
Что Женерина – вся обман,
Что Женерина – это трое
А значит и тройной обман.
В ней трое – Женя, Рита, Нина
Вступили в дьявольский союз
Губить сердца людей невинных,
И...дальше написать боюсь.

Когда «Молотовуголь» (была в те времена такая серьезная организация, занимавшая часть университетского здания во время войны) освободил северное крыло основного корпуса университета, два верхних этажа были отданы под общежитие. В свою очередь, благодаря этому был освобожден коридор на верхнем этаже старого химкорпуса, где мы, девчонки, жили полтора года. И вот этот коридор-холл стал местом для своеобразных посиделок. Здесь стали собираться любители потанцевать, попеть и послушать стихи нелегального литературного кружка, и не только филологи.

Постоянным посетителем этих посиделок был и Володя Радкевич, окончивший университет в 1949 году. Он органически вписался в состав будущих писателей и поэтов, да так, что многие литературоведы считали их всех однокурсниками. У него уже тогда было довольно много стихов, которые он нередко читал на наших посиделках. Читал он немного нараспев, низковатым, приглушенным голосом. Володю можно было увидеть и на волейбольной площадке, и на танцах, где бы они ни проходили. Небольшая хромота не мешала ему выбирать хороших партнерш, это я испытала на себе. На посиделках, да и в других местах можно было услышать песню «Отчего же ты плачешь, ива, одинокая и ничья». Автором этой песни считали или Радкевича или Можаяева, музыка Володи Балалаева – очень талантливого геолога –

прекрасный голос, постоянный солист хора, исполнитель главных ролей во многих спектаклях университетского драмколлектива. Были споры об авторстве слов песни. Я же считаю, что песню «Ива» написал Можаяев, уж очень она лирична и больше подходит Жене. Посиделки собирали многих любителей послушать стихи членов творческого кружка. Звучали стихи других наших ребят: Вани Шилова, Лени Кочева, Васи Опалева, Гриши Горбунова, Коли Кустова, а вот среди девчат будущих поэтов не было.

Жизнь студентов в послевоенные голодные годы была нелегкой. Стипендия в 250-290 рублей не спасала. Вспоминая эти годы, Гриша Горбунов пишет: «Карточки, бараки, баланда – и все нипочем. Учились, влюблялись, бегали на танцы, ходили в театры. А мы к тому же часто подрабатывали, разгружали вагоны и баржи и были рады, если нам платили не деньгами, а “натурой”, какой-нибудь ржавой селедочкой...». А нам, девочкам, иногда от них перепали арбузы астраханские. Наша староста Галя Зеленина вспоминает, как они с девочками, жившими в бараке № 6 (или «Дунайские волны»), подрабатывали на мелькомбинате: вытрясали мешки из-под муки, которую им потом отдавали в счет оплаты. Гриша Горбунов был, по предложению Букирева, ответственным секретарем газеты «Молотовский университет» на платной основе. Коля Кустов вспоминает в своей юбилейной статье в газете «Вечерняя Пермь»: «Студенты университета – Леша Домнин, Галим Сулейманов, Юра Молодцов и Коля Кустов – старались сделать “БС” самой грамотной газетой не только из любви к изящному слову, но и по причине военного недоедания. Две корректорские ставки на четверых хоть не ахти, но все-таки довесок к стипендии. Деньги нужны были на еду, походы в театр и самое главное – поднаточить зубы о гранит науки».

Но самое главное в их жизни была учеба, научная работа, участие в тематических научных кружках при непосредственном участии замечательных преподавателей той поры: Н. П. Обнорского, латиниста, полиглота, работника библиотеки университета от начала ее становления, фольклориста П. С. Богословского, И. М. Захарова – с его прекрасными лекциями по курсам старославянского и современного русского языка, с его любовью к нам, студентам первых лет послевоенного времени, Е. О. Преображенской, привившей нам любовь к классической зарубежной литературе, Ф. Л. Скитовой, начинавшей с нами свой педагогический путь, она не только вела семинар по современному русскому языку, но и увлекла нас диалектологией, С. Я. Фрадковой, руководившей нашими дипломами. Много знаний

вложили они в наши юные головы, и все мы остались благодарны им на всю жизнь.

Филологи не могут обходиться без библиотек, и мы штурмовали «Горьковку» – областную библиотеку. Университетская библиотека смогла более или менее обеспечить своих читателей, т. к. сама испытывала тяготы послевоенного времени. Нам приходилось изыскивать любую возможность получить литературу. Я часто после каникул привозила толстые журналы «Новый мир», «Октябрь» и др. Мама, учительница старших классов, выписывала периодику. Бывало, что я, прочитав то или иное произведение, пересказывала его своим товарищам.

Продолжу цитировать Н. Кустова: «ребята, изрек самый смысленный из нас, а не начать ли нам свою газету, да поершистей, позагибистей. Покажем литрабам, как надо писать». И они создали «Михрютку». О ней позднее.

Вне учебы для иногородних были походы в театры города, обязательное посещение симфонических концертов. Это была заслуга Нади Коростелевой – комсорга курса. Посещения театров, концертов вместе с преподавателями повышали наш интеллектуальный уровень. Мы активно участвовали в общественной жизни факультета и всего университета. Запомнилась мужская волейбольная команда факультета, часто занимавшая первые и призовые места. Вот некоторые имена волейболистов: Ю. Рекка, В. Генинг, Е. Можаяев, В. Радкевич и др. Общеуниверситетская легкоатлетическая команда, в которой были и наши ребята, стала грозой городских и областных команд. В конце второго и начале третьего курсов заработали различные самостоятельные коллективы. Хор, возглавляемый студентом В. Волковым, увлек наших певуний, меня забрал танцевальный, а драмколлектив стал своим до конца нашей учебы в университете для Домнина, Давыдычева, Казаковой, Молодцова, Можаяева, Шилова, Одегова.

К концу учебы мы увлеклись коньками. Походы на каток были по-своему романтическими. К тому времени сложилась пара Давыдычевых, намечались пары Горбуновых, Афанасьевых, Волочковых. Последняя прогулка на катке в Горьковском саду до сих пор в памяти: уже замолкла музыка, погасли огни, нас просят покинуть лед, а нам очень не хотелось уходить, как будто чувствовали, что такого больше не повторится.

Такая активная жизнь усиливала тягу к творчеству, которая увлекла наших ребят – будущих писателей, поэтов, журналистов. Насколько я знаю, филфак никогда не ставил перед собой задачу – растить литературные таланты. Однако сюда постоянно приходили

талантливые люди. Пример этому – группа наших талантливых сокурсников. Факультет способствовал проявлению их дарований, был творческой мастерской, школой, из которой вышли писатели разной направленности и популярности у читателей. Каким образом проявилось это дарование, с чего они начинали, – отдельно о каждом.

Наши одаренные

Лев Иванович Давыдычев пришел на филфак с твердым намерением писать прозу и подтвердил это рассказом «Бутылочка нефти». За годы учебы первой публикацией его в газете «Звезда» в 1949 г. был очерк «Умная профессия». По всей вероятности, на импровизированных заседаниях литературного кружка обсуждались рассказы Левы, составившие будущий сборник «Волшебник дачного поселка», который был опубликован уже в 1952 г. Это был последний год учебы Левы в университете, когда он отстал от нас из-за «аплодисментов» на госэкзамене по современному русскому языку. Но, несмотря на это отставание, он остался по-прежнему нашим товарищем и достаточно активно участвовал во всем, что происходило в нашем коллективе. Он не был аскетом, участвовал в самодеятельности. Вспоминается его сценарий по книге чехословацкого писателя и журналиста Юлиуса Фучика «Репортаж с петлей на шее, или Записки из тюрьмы». В постановке, которую режиссировал он сам и сам же исполнил роль Фучика, помощницами были Надя Коростылева и Инна Быкова. Запомнилась сцена из водевиля «Давным-давно, или Гусарская баллада». Левегусару необходимо было петь, но «медведь ему на ухо наступил», и за него пел другой человек, скрытый за декорацией окна. Сцена проходила на «ура».

После «Волшебника...» на последних курсах Лева, вероятно, работал над романом «Трудная любовь». Когда роман вышел из печати, многие из нас узнали себя, так как в основу романа легли взаимоотношения некоторых однокурсников Левы. Роман оказался в руках многих из нас с автографом «Леф». Когда я слышу или вижу этот автограф, вспоминаю его рождение. Появился он в милицеевском протоколе, по воле малограмотного милиционера, который обвинил нас (участников самодеятельности, где был и Лева) в нарушении дисциплины в вечернее время – якобы оравшую песни, а заноса наши данные в протокол, он записал имя Давыдычева вместо Лев – «Леф», что вызвало наш смех. Песен не было, мы просто «чихали» (есть такая игра). Зашедшему на шум в дежурку капитану милиции мы, по его просьбе, исполнили «чихание». Последовало извинение, и мы спокойно разошлись по домам. А «Леф» остался и пошел по жизни.

Последний разговор слевой состоялся за четыре дня до его скоропостижной смерти, и не рассказать об этом я не могу. Я подрабатывала в районном обществе книголюбов и пригласила Леву провести встречу с читателями-книголюбями. По своей работе в библиотеке мне приходилось проводить всякие массовые мероприятия. Вот я решила провести эту встречу в университете. Слевой по телефону все обговорили. Он связался с Надеждой Гашевой, а она договорилась с режиссером фильма «Иван Семенов» и актером Володей Воробьем. Общество книголюбов подготовило книги для продажи (такое в те годы практиковалось). Лев на прощание немного проворчал: «Вот все, вы, девчонки, приглашаете нас на всякие встречи, ну, да уж ладно, в университет приду...» Еще немного поговорили о внучках и расстались, как оказалось, навсегда. За два дня до назначенной встречи Лева скончался. Но встреча уже не с ним, а в память о нем состоялась благодарная Н. Гашевой. Студенческий клуб университета был заполнен до отказа почитателями творчества Льва Давыдычева.

Алексей Домнин – поэт, юморист, историк, таким мы, сокурсники, запомнили его на всю жизнь. Это был свой парень Лешка, иначе не скажешь. Кроме учебы, он вместе со своими друзьями-сокурсниками активно сражался в творческих боях литературного кружка, вместе со всеми бывал в театрах, на симфонических концертах. Поэзия жила в нем. Он мог легко сочинить краткое послание, поздравление, переиначить песню, да еще и сопроводить смешными рисунками. Был период, когда он увлекся фотографией. У многих из нас остались его снимки, сделанные в самых различных местах. У меня в фотоальбоме есть его фотографии драмкружковцев, на одной его надпись «Все музы свили во мне свои гнезда» и подпись – «Граф Зефир» – это из «Синичкина...». Драмкружок – большая любовь Алексея все студенческие годы. На старших курсах, как и многие ребята, он подрабатывал в областной молодежной газете «Большевицкая смена» вместе с будущими журналистами Н. Кустовым, Г. Сулеймановым, Ю. Молодцовым. Алексей и стихи сочинял, и прекрасно рисовал на юмористические сюжеты. Уже тогда в газете стали появляться первые стихотворные Лешины публикации.

Подрабатывая литкорректорами, студенты, используя ватманский лист, стали оформлять газетку под названием «Михрютка». Заполняли ее остротами из жизни редакции, при этом учились хорошему литературному языку. «Михрютка» перекочевала в университет, но уже под другим названием – «Хохмач». Направленность была точно такой же – юмор, стихи, пожелания, но уже из университетской жизни, и все это было оформлено юмористически. Затем «Хохмач», насколько я пом-

ню, перерос в «Крокодила» уже без наших юмористов. Свое стихотворное приложение к «Хохмачу» Леша написал через 20 лет после окончания университета к нашей большой встрече.

Хочется добавить о гостеприимстве семьи Домниных. Мы, девчонки и ребята, бывали в этом доме на Висиме неоднократно. Но больше всего запомнилось первое посещение: здесь буквально пахло историей, обилие книг старинных, доставшихся Леше еще от деда, который вместе с отцом Леши передал ему любовь к древней истории. На фоне этого становится понятным стремление Алексея к «Слову о полку Игореве» еще в студенчестве.

Сам Леша бывал частым гостем в наших «общежитских хором» – поговорить, поспорить, просто поболтать, попить чайку и даже сфотографировать.

Вернувшись из Ижевска, куда он был направлен по назначению, Домнин какое-то время работал журналистом в газете «Молодая гвардия» А затем, через несколько лет, ушел, как говорится, на вольные хлеба.

Первый сборник его стихов вышел в 1959 г. К стыду своему, у меня он не сохранился, но я полагаю, что это были стихи, написанные еще в студенчестве. Лирическое стихотворение «Что кому, а я люблю осину», которое прислал мне Григорий Горбунов, в качестве примера отхода от юбилейно-поздравительных, как и у Жени Можаяева, к более серьезным произведениям.

В последние дни перед окончанием университета Леша написал послание будущим студентам. Это было прощание с дорогим нам всем университетом. Читаешь его, и вся студенческая жизнь проходит перед глазами. У меня оно есть с автографом Алексея.

Смене

Нам недолго смеяться вместе,
Скоро в жизнь отсюда уйдем
Со звенящей весенней песней.
Со значком с золотым гербом.
Но никто и нигде не забудет
Студенческую семью,
Где такие хорошие люди
Проходили сквозь жизнь твою.
Здесь ты будущее означил,
Незаметно мужал и рос,
Здесь ты бриться впервые начал,

Полюбил работу до слез.
Здесь ты дел непечатых гору
В ночь одну своротить готов,
Здесь в усобицах и спорах
Бил друзей своих, бил, как врагов.
Мы уйдем, и вот эти стены
Примут новых к себе птенцов,
И веселая, шумная смена
Соберется с разных концов.
И с таким же огнем и задором
светлой песней польются дни,
И, как прежде, твои коридоры
Звонким смехом наполнят они.
В вестибюле, где Сталин, где часто
Однкурсницы бродят гурьбой,
Вот такой же парень вихрастый
С непокорным пушком над губой
Будет девушку после занятий
Ожидать и курить без конца,
Чтоб пальто в раздевалке подать ей,
Проводить до ее крыльца.
Будут жаркие дни на сцене,
Пот кружковец сотрет с лица,
И "Разломы", "Синичкины", Тени"
Молодые зажгут сердца.
И ансамбль поднимется новый
Городских институтов гроза,
И большими концертами снова
Загремит наш Горьковский зал.
И поэты новое слово
О студенческих сложат днях,
Физкультурники славу былого
С новой силой соединят.
Пусть традиции нашей вторя,
Наша смена в праздник большой
Тост поднимет «за тех, кто в море»,
За того, кто отсюда ушел.
Вот таким же сильным, цветущим,
Чтобы строить, учиться, творить,
Чтобы шире за ним идущим
Двери в будущее открыть.

В последние годы, работая в библиотеке университета, я неоднократно, как и другие мои однокурсницы-учителя, приглашала Алексея на встречи с читателями, студентами. И часто встреча начиналась словами «Мне в жизни очень повезло, у нас был замечательный курс...»

Последний раз мы с ним увиделись незадолго до его смерти. Приезжал Гриша Горбунов в командировку. У него появился свободный вечер, и он позвонил мне на работу. Я сообщила кому смогла о встрече. Спонтанная встреча друзей-однокурсников состоялась у меня дома, среди них был и Леша. Время пролетело быстро. Когда расходились, Леша попросил проводить его до остановки. Мой сын проводил Лешу, но, вернувшись, сказал, что тот плохо себя чувствует. Вскоре Леша скончался.

Андрей Ромашов. Мне немного трудно рассказывать о нем. Он был намного старше нас, успел повоевать, был довольно скромнен – особенно по отношению к нам – девчонкам. Да и желание писать было связано у него с довольно давними и далекими временами Урала. Но то, что он участвовал в литературных баталиях на заседаниях литературного кружка, я вспоминаю вместе с моими однокурсницами Волочковой Людмилой и Зелениной Галиной. А Алексей Домнин в приложении к «Хохмачу» написал об Андрее:

И мир не тот, и мы не дети
И похлебать успели соли,
Но сквозь туман двадцатилетия
Нам светит тень «царевны Софьи».

Это была мечта Андрея, которой он в свое время поделился с друзьями. Его любимицей была проза, стихов он не писал. Тянула история нашего Уральского края. В студенческие годы он не публиковался, его произведения появились позднее, что-то в Перми, что-то в Свердловске, куда он перебрался по семейным обстоятельствам. Свердловчане считают его своим писателем. Но для нас он был и есть, грубо говоря, пермский выкормыш, вскормленный Пермским университетом.

Можаев Евгений. Трагически ушел из жизни фронтовик, филолог, школьный учитель, поэт-лирик Евгений Можаев. Случилось это в 1958 году, всего через семь лет после окончания университета. Самоубийц не вспоминают. Но мы, его однокурсники, товарищи по учебе, помним до сих пор этого высокого, улыбчивого участника всяческих мероприятий, но прежде всего поэта-лирика с нежной душой и добрым сердцем, стихи которого, полные любви и нежности, гуляли на филфаке среди студентов филфака, известны они были и на других факультетах.

Я больше чем уверена, что были бы живы в момент подготовки юбилейных сборников его друзья по литературным боям, они много бы могли рассказать об этом замечательном человеке. Я расскажу, что осталось в памяти.

От наших ребят – Леши Домнина, Лени Кочева и других – знаю, что писать стихи Женя начал очень рано и как-то очень легко. Первыми были, как и у большинства ребят курса, что-то вроде юбилейно-поздравительных стихов. Уже тогда они отличались любовью и нежным лиризмом. Вот очень короткое послание нашей старосте Гале Зелениной: «Почта»

Порою мы все зависим от строчек,
Так нужных нам, от этих
Нечастых писем, открыток и телеграмм.
Кривые короткие строчки,
Где даже тире и точки
И дороги и близки.
Сквозь непогоду и ненастье
От друга приходит весть,
Что мечта на свете есть.

Женя был старше многих из нас, но его возраст не чувствовался. Он ничем не выделялся, кроме роста. Даже о своем фронтовом пути девчонкам ничего не рассказывал. Его фронтовую жизнь знали лишь фронтовики. Это было своеобразное фронтовое братство. Но однажды мне пришлось услышать от него кое-что из фронтовой жизни. «Женя, ты родом из Омутнинска?» – Да, – отвечаю я. Тогда он спрашивает: «Знаешь семью Заварзиных?» Я действительно знала эту интеллигентную семью, и родителей и детей, часто до войны я бывала в их доме, дружила с дочерью, а брат был ровесником моему брату. И Женя рассказал о гибели своего фронтового друга Володи Заварзина. В освобожденной уже Польше он был убит бутылкой по голове. Нелепая смерть друга, с которым прошли почти всю войну, сильно потрясла Женю. Он с какой-то тоской и болью рассказывал об этом. Рассказ поразил и меня. Он был единственным откровением из его армейской жизни.

Сейчас меня усиленно расспрашивает В. Ф. Гладышев о взаимоотношениях и спорах Жени и Левы Давыдычева. Кто из них был лучше? Прозаик, немного сноб и поэт – лирик с нежной душой. Невольно вспоминаются строки, ставшие классикой, про коня и трепетную лань.

Можаев был очень скромный и застенчивый человек, но в то же время не замкнутый в себе. Об этих чертах характера Жени вспоминал и Горбунов, и мои однокурсницы, с которыми мы до сих пор поддер-

живаем связь. Наш друг Можаяев активно участвовал в жизни курса, факультета: драмкружок, волейбол, походы в театры. Учился он хорошо. Его курсовые работы всегда отличались серьезной исследовательской глубиной. Он хорошо усваивал языки, особенно латынь, помогал своим товарищам.

В. Ф. Гладышев опять пытается выяснить: кто хороший, кто плохой, кто первый, а кто нет – Можаяев или Давыдычев. Он пишет, что свое первое стихотворение Женя написал на спор для газеты (какой?) и что якобы оно опубликовано (а где?). Если в «Молотовском университете», то Гриша Горбунов, будучи ответственным секретарем и готовя газету к печати, должен был знать и обязательно бы мне написал. А если в других краевых газетах, это было бы отражено в краевой библиографии. Вот одно из стихотворений Жени той поры:

День гаснет, тихий и заснеженный,
Исчез туман, подмерзла грязь.
И в небе, чистая и нежная,
Заря вечерняя зажглась...

Но в одном споре, если можно так назвать, победил Давыдычев. У Можаяева было чувство влюбленности к Наде Коростелевой, но она отвергла его и стала женой Давыдычева. Вот и вероятные строки из стихотворения «День прошел, а мы опять не встретились...».

Но настоящая любовь Жени, которой он был верен всю свою короткую жизнь, жива. Имя ее, по определенным мотивам, я умалчиваю. «Женина любовь жива и живет в Москве. После отработки в школе она уехала в Москву к старшей сестре и маме. Женя неоднократно бывал в Москве и был вхож в эту семью. Женя и его избранница очень любили друг друга. Он посвятил ей много стихов. Но вот почему они не соединили свои судьбы, осталось тайной», – вспоминает наша однокурсница и очень близкий им человек Иванова Людмила. В ответ на нашу с Люсей просьбу прислать стихи Жени Можаяева ответила резким отказом. Молчание повторилось в ответ на пересланный ей сборник «Поэзия». Проигнорирована и просьба выслать стихи для готовящегося сборника Можаяева. Ну что ж, это ее право. Тем более что она долго была одинокой и замуж вышла в очень зрелом возрасте.

Слейкой и блокнотом...

Несколько слов о журналистах – выпускниках 1951 года. О них немало уже сказано ранее. Они тоже вышли из самозванного творческого кружка, той писательской школы послевоенных лет.

Имена двоих – Владимира Аборкина и Григория Горбунова – отражены в статье сборника «Действенный глагол». Об Аборкине хоро-

шо рассказала его дочь, тоже выпускница нашего филфака. Горбунов ответил в письмах на вопросы о своем жизненном пути мне, его однокурснице. Не буду повторять ответы, данные в интервью. Его письма во многом помогли мне, чтобы рассказать о тех, с кем мы учились, с кем собирались в непризнанном официально литературном кружке, членом которого он был.

Журналистскую школу прошли (повторюсь) Кустов Николай, Сулейменов Галим, Молодцов Юрий, Домнин Алексей. Это была, как уже упоминалось, подработка полуголодных парней литкорректора в молодежной газете «Большевицкая смена. Именно здесь они познали вкус журналистского слова: доносить доброе слово, использовать сатиру так, чтобы был нужный результат. Отработав в школах по распределению, они ринулись в журналистику и, проработав в ней долгие годы, оставили большой след в пермской журналистике, и не только.

Кустов Николай Иванович – фигура в пермской журналистике неоднозначная. Он прошел путь от литкорректора в студенческие годы и спецкора газеты «Лесник Прикамья» до главного редактора городской газеты «Вечерняя Пермь». Настоящий журналист, он неоднократно награждался различными медалями, ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

В районных газетах трудились Г. Сулейманов (в Кизеле) и Ю. Молодцов (в Полазне). Позднее Г. Сулейманов вернулся в Пермь и влился в коллектив редакции «Вечерняя Пермь». Генрих Шлыков отправился в далекую Сибирь на Лену, а позднее обосновался в Гремячинске.

Время шло, уходили один за другим наши друзья. Последним в 2015 г. ушел Григорий Горбунов. С ним связывала меня многолетняя братская дружба. Переписка с ним мне во многом помогла и в этих воспоминаниях. Я цитировала его письма, стихи, которые он стал писать в пенсионном возрасте. Его поэтический сборник вышел в 2010 г. тиражом в 30 экземпляров.

20 лет спустя и далее...

Через 20 лет после окончания университета выпуск филологов 1951 г. собрался почти полным составом. Не нашли четверых, а еще трое не могли быть: Аборкин был в Туркмении, Давыдычев – на съезде писателей по приглашению Михалкова, Горбунова не отпустило руководство.

Образовалась самозванная комиссия, которую возглавила Инна Быкова, третий секретарь Пермского обкома партии. С нами была

прежняя Инна, которую мы любили в студенческую пору. 10 июля 1971 года староста курса Галя Зеленина отметила всех прибывших в классном журнале, который принесла Инна. Пока мы с Андреем Ромашовым готовили фотостенд, Леша Домнин сфотографировал нас. Затем, узнав, кто приехал, быстро набросал Приложение к «Хохмачу».

Галиму Сулейманову

Смешно любил. Нелепо жил
И на стихах не ставил точку,
Но кто-то камень положил
В его протянутую почку

Инне Быковой

Мы воспевать начальство не вольны,
Тут Гоголи и Щедрины нужны

Надежде Коростылевой

Сегодня мы с тобою не на лекции,
И ты друзьям признайся, наконец,
Где ты хранишь старинную коллекцию
Разбитых и засушенных сердец?

Грише Горбунову

Куда б его ни назначали,
Я повторяю вновь и вновь:
Избавь нас пуще всех печалей
И Гришин гнев, и Гришина любовь.

Лене Кочеву

Умеет Леня раствориться,
Как добрый дух, в своих учениках.
Но римский профиль Нины Птицы –
Ной горит, горит в его очах!

Васе Опалеву

Уверен я в какой-то степени,
Что ты давно достоин степени,
Рога трубят – пора, пора!
Жми, Васька, прямо в доктора!

Братьям Шишам (Шилову и Шмыкову)

Стихам они продали души,

В том были друг другу верны.
Пять тысяч похабных частушек
Когда-то собрали они.
Но жизнь им расставила сети,
Расстались. И что ж? Ничего:
Один что-то пишет в газете,
Другой не читает его.

Льву Давыдычеву
Поговорил – и был таков,
И вот сидит уже на съезде.
И я б туда, конечно, съездил –
Не приглашает Михалков.

Гале Зелениной (старосте)
А мы тебя в те годы знали,
Когда добрей бывала ты –
«НБ» не ставила в журнале
И не тянула за хвосты.

Ивану Одегову
Твои сыны уже не дети,
Ты все видал – и свет, и тени,
И даже бешеные деньги
Считал когда-то ты на сцене.

Люсе Ивановой-Волочковой
Из нас одни лишь Волочковы
Еще несут свои оковы
И не вопят, и не скорбят,
И учат (ох!) моих ребят.

Андрею Ромашову
И мир не тот, и мы не дети,
И похлебать успели соли,
Но сквозь туман двадцатилетья
Нам светит тень «Царевны Софьи»!

Жене Валдайских
Есть для Валдайских просьба личная:
Не по заказу, для души:

Спляши нам, Женечка, спляши
Про нашу жизнь филологическую!

Ляле Поносовой
О ней я скромно умолчу,
Себя смущать я не хочу

Скурив три пачки «Беломора»,
Иссяк. Прошу меня простить.
Не всех сатирой и юморой
Сегодня смог я охватить.
Клянусь – к другому юбилею
Я вас, друзья, не пожалею.

А. Домнин

После переключки Надя Коростелева-Давыдычева провела ин-
формацию по вопросам: кто есть кто, кем стал и чего достиг?

Одного дня оказалось мало. Погода испортилась, встреча про-
должилась в квартире Давыдычевых. Было вынесено и утверждено
предложение – следующая встреча должна состояться через 5 лет не
более.

И новая встреча была в 1976 году. Домнин, как обещал в прило-
жении к «Хохмачу», написал заранее послание своим друзьям: «Все те
же мы. Нам целый мир чужбина, Отечество нам Царское село – это
робкое подражание Пушкину с умеренной долей плагиата»

Иных уж нет, а те далече
И реже старый круг друзей.
Благословляя нашу встречу,
Я пью за пермский наш лицей!
Мы были искренни, как дети,
Глупы, наивны – не беда,
И если счастье есть на свете,
Его мы встретили тогда.
Мы жили скудно и убого,
Пройдя круги свои войны,
Но были зверски влюблены.
В делах подобных, между прочим,
Мы все, как бабочки горим:
На том огне обжегся Кочев
И тлел застенчивый Галим.
А муза прочь скорей бежала,
Теряя туфли на бегу,

Когда взрывался Ваня Шилов
И рифм каскады гнул в дугу.
Он пел скоромные частушки,
Однажды впад в фольклорный раж,
И проглядел тогда Андрюшка,
Увы, Татьяну Каракаш.
Андрюха в жизнь врывался круто,
Роман пудовый обещал
И скудной порцией шукрута
Телесный голод укрощал.
И широко, и златоусто,
Взмахнув мозолистой рукой,
Звенел Козловским Коля Кустов
И Нинин тем смущал покой.
А Герман вдруг женился рано
И Апулея не читал,
А бас Одегова Ивана
Над ним державно рокотал.
Последний вальс, рассвет на Каме
Припомнишь вдруг – захватит дух!
А впрочем, хватит пустяками
Терзать ваш терпеливый слух.
Ужель кому-то интересно,
Как Молодцов на сцене спал,
Как стал Давыдычев известным,
А Трусов без вести пропал.
Души заветные влеченья
Гайнулин теще поручил,
И, бросив ниву просвещенья,
За это орден получил?
Увы, наследники Победы,
Мы вроде те же и не те,
Уже и бабушки и деды,
К опасной склонны полноте.
Ища соратника друг в друге,
Готовы хвастать до утра,
Какие новые недуги
У нас открыли доктора.
Но горячо и беспристрастно
Скажу, всмотревшись сквозь года:
Девчонки наши, вы прекрасны

Для нас и ныне, и всегда.
Не потому ли вдруг порою
В бессонной трепетной ночи
«Я встретил Вас и все бывшее...»
В отжившем сердце зазвучит...
Ребята, милые ребята!
Мы стали суше и мудрей,
Но словно в чем-то виноваты
Мы перед юностью своей.
И память вдруг ведет в смущеньи
К тем давним дням и голосам,
Чтоб попросить у них прощенья,
А вот за что – не знаю сам.
Не погребли ль за суетою
Мы среди житейской кутерьмы
То неизбывное, святое,
Что жило в нас, чем жили мы?..
Желая всем благие лета
И вспоминаю старый вуз,
Я повторю слова поэта:
«Друзья, прекрасен наш союз!»

Встречи стали продолжаться в большом или малом составе. Особенно душевно прошла встреча в библиографическом отделе библиотеки университета во время летних отпусков. Она была какой-то домашней со своей тишиной и, может, даже таинственностью. Здесь мы снова были ребята, девочки, а Инна Быкова была в восторге от уюта среди моря книг и всей необычности помещения. Устала она от партийных дел, заседаний и хоть на 2-3 часа ушла в мир молодости и спокойствия без нервотрепки партийной.

В настоящий момент нас осталось всего пятеро: в Перми – трое, в Москве – двое. Из мужского населения нашего курса последним ушел Гриша Горбунов, и я хочу закончить свой опус его стихами.

Друзья мои! Я очень рад,
Что всем пишу через полвека!
Какое дело нам до дат?
И до конца двадцата века?
Роднее вуза в мире нет,
Чем Alma mater на Заимке!
Как жаль, что жизни той уж нет,
Нет нас румяных на заимке.
Как рассказать о нашем курсе?
Не курс ведь был – была семья,

Нет, не чета поповской бурсе,
И нет дружнее нас, друзья,
И ближе нас, пожалуй, нет.
Живет военное в нас племя,
И русский в нас менталитет!

А стихотворение «Нас много было на челне» – прощание с ушедшими.

Года прошли косою острой
По нашим жизням не спеша,
Взгляни назад – одни погосты.
Там однокурсники лежат.
Одним из первых пал Можаяев,
Мой друг, застенчивый, неброский.
В нем лирик рос от бога, чаю,
Иль полиглот ала Обнорский.
Одегов Ваня пал под Тулой,
Поклонник женщин и вина,
Шутник, плясун, шумной в загуле,
Таким, знать, сделала война.
Лихая смерть досталась Инне,
Не пожелаешь и врагу.
Шагала по стезе партийной
И вдруг упала на бегу.
Уж нет Давыдычева Левы.
Ушел ребячьих душ знаток.
Он не якшался с нами, к слову,
Анахоретом жил чуток.
Не стало Домнина Алеши.
Он русских пел, шелом, броню,
Писал былины. Жил на гроши
И сном не ведал про Чечню.
В родной Перми, не за борами
Пал Ваня Шилов без Кудрей.
Там за Уральскими горами
Нашел пристанище Андрей,
И успокоился над Камой
Наискромнейший Николай.
Нам «просто жить» казалось мало,
Рвались в Гомеры, Цицероны,
Мечтали Жуковыми стать:
В юности мы все Наполеоны –
Успел Можаяев нам сказать.

Раздел VII. Из разрозненного

В. Пирожников,
выпускник 1971 г.

Мир как текст, или О месте филологии

В широчайшем спектре наук, созданных человечеством, филология занимает свое, вполне определенное и почетное место.

Но каковы координаты этого места? Где и как обозначены его протяженность и четкие границы?

Чтобы понять это, рассмотрим филологию на фоне других наук.

Вот математика, ее поле деятельности – числа и фигуры.

Вот физика, ее предмет – взаимодействие масс и энергий.

Вот химия, изучающая свойства вещества...

Пойдем дальше, углубляясь в смысл названий: геология – это «гео-логос», то есть «слово о земле», вот биология – «слово о жизни»...

А что есть филология?

Ответ нам дает опять же семантика. «Филология» – это в переводе на русский язык «любословие». Характерно, что самым близким по смыслу к этому понятию является «любомудрие», то есть философия.

О ее месте в свое время замечательно высказался выдающийся немецкий философ Мартин Хайдеггер. Он, проводя четкую границу между философией и естественной наукой, сделал парадоксальный вывод: «Наука не мыслит!»

Вот слова Хайдеггера: «...Физика функционирует в пространстве, времени и движении. Но что такое движение, пространство, что представляет собой время, этого наука как наука решить не может. Таким образом, *наука не мыслит*; ее методы не дают ей возможности мыслить в указанном смысле слова. Я не могу, например, с помощью физических методов сказать, что такое физика. Что такое физика, я могу мыслить лишь путем философского вопрошания. Положение “наука не мыслит” *не есть* упрек, но лишь *констатация* внутренней структуры науки; к ее сущности принадлежит то, что она, с одной стороны, указывает на то, о чем мыслит философия, а с другой – то, о чем должно мыслить, забывает, оставляет вне своего рассмотрения». (Из кн.: “Martin Heidegger in Gespräch”. – Muenchen, 1970, s. 72, курсив автора).

Итак, по Хайдеггеру, ответы на вопросы о том, что представляет собой пространство, время, что есть движение, да и вообще физика, можно отыскать лишь на путях философской мысли. В сущности, парадоксальное высказывание Хайдеггера указывает на тот достаточно тривиальный факт, что *любая естественная наука не мыслит так, как мыслит философия*.

Но вернемся к вопросу о месте филологии. Тут Мартин Хайдеггер дает нам подсказку. «Я могу мыслить лишь путем философского вопрошания», – заявляет он. Но ведь всякое «вопрошание» есть акт коммуникации, подразумевающий, что имеется *субъект* высказывания, есть его *объект* и есть суть высказывания, смысловое ядро любого суждения – *предикат*.

Вот здесь-то и начинается филология.

И здесь, я полагаю, уместно вспомнить о таком знаменитом писателе, как Хорхе Луис Борхес.

Одна из легендарных личностей современного литературного мира, он много лет занимал пост директора Национальной библиотеки в Буэнос-Айресе (Аргентина). «Писатель-библиотекарь», как его почтительно называли, он оставил нам множество изяшных интеллектуальных миниатюр, в числе которых – рассказ «О культуре книг». Текст рассказа представляет собой эссе, а его фабула – это свободное течение мысли.

«Сидит в комнате человек с книгой и читает, не произнося слов, – пишет Борхес. – Этот человек переходил непосредственно от письменного знака к пониманию, опуская знак звучащий: странное искусство, зачинателем которого он был, искусство читать про себя, приведет к поразительным последствиям. По прошествии многих лет оно приведет к идее книги как самоцели... На понятие о Боге, который говорит с людьми, чтобы что-то им приказать и что-то запретить, накладывается понятие об Абсолютной Книге – о Священном Писании. Для мусульман Коран (также именуемый «Книга», «Аль Китаб») – это не просто творение Бога, как человеческие души или вселенная; это один из атрибутов Бога...»

Далее Борхес отмечает: «Евреи в экстравагантности превзошли мусульман. В первой главе их Библии находится знаменитое изречение: “И сказал Бог: да будет свет; и стал свет”; каббалисты полагали, что сила веления Господа исходила из букв в словах. В трактате “Сефер Йецира” (“Книга Творения”)... говорится, что Иегова Сил, Бог Израиля и всемогущий Бог, сотворил мир с помощью основных чисел от одного до десяти и с помощью двадцати двух букв алфавита... Второй абзац второй главы гласит: “Двадцать две основные буквы: Бог их

нарисовал, высек в камне, соединил, взвесил, переставил и создал из них все, что есть, и все, что будет”»).

Итак, казалось бы, *слово-творение*, а вместе с ним и *миро-творение* закончено, однако...

Борхес продолжает: «Но христиане пошли еще дальше. Идея, что Бог написал книгу, побудила их вообразить, что он написал две книги, одна из которых – Вселенная. В начале XVII века Френсис Бэкон... заявил, что Бог, дабы мы избежали заблуждений, дает нам две книги: первая – это свиток Писания, открывающий нам его волю; вторая – свиток творений, открывающий нам его могущество, и вторая представляет собою ключ к первой. Бэкон имел в виду нечто гораздо большее, чем яркая метафора: он полагал, что мир можно свести к основным формам (температура, плотность, вес, цвет), ограниченное число которых составляет *abecedarium naturae* (азбуку природы) или ряд букв, которыми записан универсальный текст Вселенной».

Замечательная формулировка!

Вселенная – это текст, который человеку надлежит по мере сил прочитать и по возможности истолковать!

Вот что такое филология!

Комментируя мысль Борхеса, нельзя не оценить блестящий вывод, который делает литературовед Инна Тертерян в предисловии к книге «Хорхе Луис Борхес. Проза разных лет. – М.: Радуга, 1989». Говоря об одном из лучших его рассказов «Пьер Менар, автор “Дон Кихота”», она пишет: «По существу, борхесовский рассказ метафорически предвосхищает быстрое развитие таких областей культурологического знания, как герменевтика (наука об истолковании текстов) или рецептивная эстетика».

В рассказе-эссе «О культе книг», как и в некоторых других рассказах, Борхес предвосхищает современную семиотическую теорию, в те годы, когда создавался сборник «Новые расследования» (1952), только еще формировавшуюся в узких кругах специалистов и отнюдь не обладавшую ее сегодняшним резонансом. Ведь именно с последовательно семиотической точки зрения можно рассматривать весь мир как текст, как единую книгу, которую можно прочесть и расшифровать».

Характерно, что к такой же метафоре – *мир как текст* – много позже и совершенно независимо от Борхеса прибегает выдающийся польский писатель и философ Станислав Лем. В своей монументальной монографии «*Filozofia przypadku*» (в русском переводе – «Философия случая», М., изд-во АСТ, 2007, с.379) он пишет: «На ранних стадиях культурогенеза мир трактовался как система знаков, интер-

претируемых так, чтобы они полностью согласовались с признаваемым в данной культуре типом пристрастности к миру. Мир был текстом, адресованным к человеку, иначе говоря: символическим посланием, а заодно и ареной реальной деятельности, поддерживающей жизнь».

Эту же мысль, но на конкретном локальном материале плодотворно развивает профессор В. Абашев в своей книге «Пермь как текст» (Пермь, 2008). Отправной точкой для изложенной в ней концепции является следующее утверждение автора: «Историческая жизнь Перми, как и любого другого обжитого места, всегда сопровождалась и сопровождается знаковой репрезентацией: Пермь постоянно и стихийно продуцирует собственное символическое поле со своей структурой и семантикой... Символическое поле Перми, вместилище ее эмблематики и архетипов, с точки зрения семиотики можно рассматривать как особый вид текста».

В предисловии к книге «Пермь как текст» кандидат филологических наук Н. Васильева дает этому принципу высокую оценку: «Уже в названии книги есть заявка на новизну. Сегодня в науке термин “текст” узаконен как понятие... Пермь с точки зрения текста – это... некая общность “семантических констант”, которая приобщает Пермь к порядку культуры... Тем самым текст выступает как интегральное понятие, в котором закреплено единство природного и семантического своеобразия изучаемого пространства...»

Понимание Перми как текста открывает возможности для изучения ее в русле модификации универсальной символики культур и одновременно постижения ее неповторимости и единственности, ибо «локальное не растворяется в универсальном без остатка».

Подведем итог.

Итак, если мир есть текст и если именно как текст можно рассматривать любые его фрагменты, то *филология оказывается, пожалуй, тем единственным и наиболее эффективным средством восприятия, познания и истолкования Книги мироздания, которую Создатель сотворил для нас.*

И. Черепанова (Воеводкина),
выпускница 1983 г.

Мой научно-приключенческий роман

Ирина Юрьевна Черепанова (родилась 20 июня 1959) – профессор, доктор филологических наук; окончила заочное отделение филологического факультета Пермского государственного университета им. А. М. Горького в 1983 году.

Вопрос: «Где получить высшее образование?» передо мной никогда не стоял. Только Пермский университет, в который я влюбилась еще в детстве: тетя училась на экономическом факультете и брала нас с сестрой к подругам в общежитие. Поражал доступный тогда всем Ботанический сад, через который мы шли, учебные корпуса, множество счастливой и озабоченной одновременно молодежи. Это была какая-то абсолютно удивительная Вселенная, и заветным желанием было стать частью ее – пусть маленькой, но яркой звездочкой.

Приключенческий роман с Наукой начался еще ранее. Кажется, с того мгновения, как я вспоминаю свои мысли и впечатления, меня в действительности занимала всего лишь одна Идея: каким образом одни люди влияют на других? К великому огорчению родителей – папы-летчика и мамы-инженера, – первыми словами непонятной дочки (ребенка индиго?) были: «книга» и «карандаш», а любимым развлечением – подползать к книжной полке, открыть книгу на титульной странице и нарисовать «автограф». Затем книга возвращалась на отведенное ей место... Любые игрушки презирались и отвергались. Едва научившись писать (самостоятельно), я стала создавать стихи и даже роман о нечистой силе...

И всегда знала, что открою новую науку...

В школе учиться мне абсолютно не нравилось – какая-то мозаика знаний, а мне всегда нравилась Система. Однако я обожала немецкий (нам преподавала «настоящая» немка Мария Степановна) и литературу (любила писать сочинения). При этом увлекалась и математикой, и физикой, и химией, и философией, и языкознанием. И в этом разнообразии тоже сыграл свою роль заветный университет. Популярные в то время «школы юных» я посетила, наверное, все, какие обнаружила, но более всего поразило занятие Леонида Николаевича Мурзина... После него я долго бродила с блокнотом по набережной Камы и писала, писала... Наверное, это впоследствии и послужило главным фактором самоопределения: куда пойти учиться.

К моменту окончания школы я уже несколько лет сотрудничала с различными изданиями (печатала стихи – мне пророчили большое литературное будущее), сотрудничала с телевидением и радио (брала интервью с огромным репортерским «чемоданчиком», который был больше меня), с отличием окончила «Школу юных журналистов» при газете «Молодая гвардия», побеждала в конкурсах сочинений. Удивительно и чудесно было видеть, как в звенящем безмолвии замирал класс, когда Алевтина Ивановна читала очередное моё победное творение. А когда я сдавала устный выпускной экзамен по литературе – учителя плакали от умиления... Надо ли говорить, что передовые учителя пророчили мне и большое гуманитарное будущее. Однако это не помешало директору школы испортить мой аттестат парой несправедливых отметок из-за застарелого конфликта с родителями... Средний балл понизился, дорога в Москву оказалась закрытой...

И здесь встал главный вопрос: где учат тому, что мне любопытно более всего на свете? В Пермском университете тогда не было ни факультета психологии, ни журналистики, ни философии. Оставалось одно – филологический факультет. Пошла туда без всякого настроения, вот и вступительные экзамены сдала не на «отлично». Да и гордость подвела. Когда сдавала устный экзамен по литературе и русскому языку, то М. А. Ганина заметила, что в ответе есть «некоторые неточности», и спросила: «Так какую оценку Вам поставить?». Я и ответила: «Если неточности, ставьте то, что заслужила». Мне и поставили «хорошо» с напутствием: «если пожелаете учиться, все равно станете студенткой»... Напутствие оказалось не лишним, потому что мне не доставало ровно половины балла для того, чтоб пройти на дневное отделение. Родители пережили шок, когда я заявила, что все равно буду учиться на заочном. А с М. А. Ганиной впоследствии мы вместе принимали экзамены у студентов, и оказалось, что в ее знании языка есть довольно много пробелов. Но я все равно очень ей благодарна. Ибо впоследствии оказалось, что это идеальная для моей свободолобной натуры Система обучения.

Однако первый год я училась без всякого энтузиазма, работала в университете, как ни странно, секретарем «школ юных».

Было, конечно, очень интересно, но непонятно, как, допустим, старославянский язык, который блистательно преподавал Соломон Юрьевич Адливанкин (аудитория замирала, когда он являлся с тросточкой и отлично поставленным голосом уводил нас в далекий праязык), приближает меня к достижению моей главной Мечты. Вот я особо и не напрягалась. Прочитаю половину – «отлично», не открою учебников – «хорошо». Так бы все и тянулось. Но наступила летняя

сессия, и начались лекции Леонида Николаевича Мурзина. По иронии Судьбы, я постоянно опаздывала (ну не везло мне!) на его лекции, чем и отличилась. Однако в голове медленно и верно начала кристаллизоваться идея, что самый короткий путь к бессознательному – это именно язык. Сказалось и то, что Леонид Николаевич, видимо, что-то особенное разглядел в нерадивой студентке и... просто отправил меня с экзамена учить термины, отказавшись ставить «хорошо». Я очень удивилась – такого просто не могло быть!!! Однако все вызубрила и блестяще отрапортовала. «Сейчас Вы – истинный лингвист», – сказал на прощание Леонид Николаевич.

И вот я стала отличницей. Это удивляло однокурсников, напрягало родителей (Зачем? – спрашивали они, – ты же заочница. Лучше иметь красную морду и синий диплом, чем наоборот). Зато очень радовало новое начальство, так как после каждой сессии наша дорогая Любовь Ивановна отправляла благодарственное письмо. А мне стало ИНТЕРЕСНО ВСЁ. Я переменила работу – трудилась лаборантом в лаборатории социологии Политехнического института, возглавляла комсомольскую организацию кафедр общественных наук. Основная работа – печатать на машинке отчеты и диссертации. О, здесь я стала асом – 100 страниц в день со всеми закладками, переводной бумагой и пр. Знала, что когда-то мне придется печатать свои труды. Иногда мне поручали что-то другое, но с моей привычкой к Системе я делала работу 15 лаборантов за 3 месяца всего за пару дней. И меня отправляли в библиотеку. Самое интересное было проводить опросы на Крайнем Севере, в Норильске. Я и там читала учебники и любовалась Северным сиянием. А профессора кафедр общественных наук считали своим долгом меня «развивать»: «Как, Ирина, Вы еще этого автора не читали?».

И я читала. Всё. Много. Каждый день пропадала в библиотеке, поскольку работала очень быстро, если надо – и ночью, но зато в свободном режиме. Успевала тогда всё: была комиссаром студенческого поискового отряда, старостой группы, смотрела все немногочисленные фильмы и спектакли, посещала концерты...

Нам очень повезло с преподавателями. На многие лекции я шла, как на праздник. Некоторые курсы прослушивала многократно (например, древнерусскую литературу, которую нам читал ассистент Борис Вадимович Кондаков). До сих пор помню цитату из Письма Ивана Грозного Курбскому: «Что же ты, собака, сотворивши такое, плачешься?»...

Первым моим научным руководителем оказалась Людмила Александровна Грузберг. И сегодня помню название первой в жизни курсо-

вой «Значение слова «красный»». Требовалось всего-то провести направленный ассоциативный эксперимент и проанализировать результат. Но «просто» – это не для меня. Поразмыслив, я набрала номер Людмилы Александровны и спросила: «А можно, я применю в курсовой семантический дифференциал?» Далее диалог был такой:

– А Вам не надо со мной встретиться?

– Нет. Я только собиралась узнать, можно ли это сделать.

– Зато я желаю с Вами встретиться.

И мы встретились. Оказалось, что даже не все выпускники знали про данный метод измерения установки. И бедная Людмила Александровна долго мучилась с непокорной девчонкой, потому что я творила так, как считала правильным, критиковала все, с чем была не согласна («Они же профессора, а Вы – кто?») – удивлялась Л. А. «А я – будущий профессор», – спокойно заявляла я). Впоследствии эта курсовая получила какую-то грамоту. Но в то время, как наш совместный каторжный труд подошел к концу, Людмила Александровна сказала: «Идите к Мурзину, он все перенесет».

И я естественно пошла. Настигла Леонида Николаевича на лестнице в 5 корпусе. Он очень удивился (рассказывал мне об этом много лет спустя): «Явилась маленькая девчонка с косичками и сказала: “Давайте с Вами работать”»...

На практике все оказалось не очень-то и легко. Первую тему мне сформулировал сам Мурзин. И когда через полгода я принесла курсовую «о красноречии Цицерона» объемом около 150 печатных страниц, то услышала: «Только за один объем могу поставить «хорошо». – «Нет, Вы прочитайте, я так старалась!», – взмолилась я... Так и повелось. Далее я сама придумывала тему, ставила в известность Леонида Николаевича и через полгода приносила очередной опус... Уже на 4 курсе я услышала от «шефа»: «Ирина, я уже слабо понимаю, что Вы там делаете»... Но это было все равно. Главное, руководитель не ломал мои крылья. И я училась летать вольно.

Учиться мне всегда нравилось. Конечно, мне пришлось трудиться больше – писать дополнительные курсовые, отрабатывать спецсеминары. Но я отлично понимала, что университет дает Систему: знаний, умений и мышления в целом. И учит идеальному общению. Я могла посетить 1-2 лекции. И потом читала литературу направленно, с учетом пристрастий преподавателя. А на экзамен шла, как на праздник – очередное испытание полученной Силы. Собиралась написать методичку для студентов: «Экзамен как процесс раскрытия личности преподавателя». Но слишком скоро изменила статус...

Оказалось, что заочное обучение – это идеальная для меня Система обучения и исследования в любом аспекте. Я сдавала все сессии досрочно и чувствовала себя вольной птицей. За год у меня накопились очередной отпуск, месяц отгулов и месяц сессии. Да и денег было вполне достаточно. Я ездила на раскопки в Псков и Мстиславль (Белоруссия). В Мстиславле мы исследовали не то древнюю крепость, погибшую при пожаре (донжон), не то деревянную церковь 12 века... Московский профессор Л. В. Алексеев оставил меня на час «поруководить» раскопом, а я отправила парней на участок № 13. Уже через 20 минут мне принесли берестяную грамоту. Сенсация была на весь мир. На этом раскопе находили скелеты, разного рода артефакты, но грамот больше не было ни до, ни после... Так Мстиславль стал 12-м «грамотным» городом древней Руси...

Мешало, конечно, что многие преподаватели, равно как и обыватели, считали, что «заочники ничего не знают». Но меня всегда поддерживала установка Б. В. Кондакова, которую он произнес на первой же лекции: «На дневном все учатся приблизительно одинаково, а на заочном – либо очень плохо, либо отлично». И если кто-то не был согласен с этой истиной и незаслуженно ставил низкую оценку, я отважно шла пересдавать экзамен с теми же знаниями на «отлично» (из принципа). Правда, случилось это раза 2, не более...

Одновременно я была комиссаром студенческого поискового отряда. Мы собирали материалы о Гражданской войне, ставили спектакли и с ними ездили по огромной области. Было очень трогательно, когда пьяная деревенская молодежь, которая явилась поразвлечься на танцы, оставалась смотреть наши выступления и удивлялась, на какой удивительной, обгаренной кровью земле мы живем. Моей главной задачей было «говорить с народом». И получалось отлично! Именно тогда я поняла, что тяжелее всего во все времена пришлось истинной интеллигенции – людям, которые занимались исследованиями или просвещением. Моя родная прабабушка Агния Рутман была бестужевкой из Петербурга, ушла «просвещать народ», вышла замуж за гусара с крутым нравом, родила трех дочерей и была насмерть забита ревнивым мужем... Прадеда народное образование не волновало...

Кроме того, Леонид Николаевич требовал, чтоб я посещала все научные конференции. А я с гордостью слушала, какими щедрыми на идеи и открытия были истинные ученые старой школы...

Случилось и огромное горе... Студенткой я вышла замуж. И мой первенец Бориска умер в 4 месяца и 6 дней по вине врачей и пермской радиации. Горе было настолько великим (я впервые столкнулась со смертью, да так близко), что у меня «отшибло память». И свой «крас-

ный» диплом я получила только благодаря отзывчивости и доброй памяти преподавателей. Было очень торжественно, когда вручали синие дипломы однокурсникам и один «красный» – мне.

И снова моя дорога оказалась особенной. Леонид Николаевич заставил меня срочно сдавать кандидатский минимум, и я отправилась в любимую областную библиотеку. А все остальные ребята праздновали в ресторане...

После окончания университета я отправилась, как верная жена офицера, на Алтай, в город Бийск, работала учителем русского языка и литературы. А потом вернулась в родной город. И Леонид Николаевич пригласил меня на кафедру общего языкознания, потому что большинство преподавателей в то время трудились за рубежом. Я читала все кафедральные курсы (в том числе и профессорские), иногда – 5-6 пар в день. Аспирантура все отодвигалась, несмотря на сданные экзамены. Можно было уйти в аспирантуру к М. Н. Кожиной (я ее тоже очаровала во время одного из экзаменов), но там не было бы такой воли, как у Леонида Николаевича. Я ждала аспирантуру, рожала детей, искала истину. Очень долго разбиралась, каким образом добраться до самой сокровенной Тайны. Прониклась американской прагматикой. Убедила всю кафедру в том, что это очень здорово, при этом чуть не вылетела из комсомола за «чуждые теории».

Кафедра – это отдельный университет. Леонид Николаевич говорил, что я его заместитель «по съеданию» (в смысле – Золушка). И объяснял, что ему самому всегда трудно доставалось собственное вольнолюбие. А к тому времени он стал заведующим кафедрой и доктором наук. И критиковать его стало неудобно. И тут появилась я – вольная птица без блата и сильного покровительства. Первое выступление по теме научной работы (между прочим, я излагала основу своей докторской) закончилось для меня горячими слезами – вместо того, чтоб постараться понять идею, мне исправляли несуществующие речевые ошибки. «Почему Вы произносите «термин», когда норма – «тэрмин»?» – сурово вопрошала Франциска Леонтьевна Скитова... Я попала в транс, потому что говорила грамотно, но вся кафедра МОЛЧАЛА... Однако позднее пришло умение отбиваться от любого неприятного вопроса. Например: «Ничего себе Вы трактуете Ленина!» – «Я его не трактую, а только цитирую». Надо ли говорить, что впоследствии эти навыки очень пригодились для ведения споров в любой аудитории. Впрочем, я итак ничего и никого не боялась...

В какой-то момент мне пришла в голову идея, что, вероятно, мы в России не обо всем осведомлены в области зарубежной лингвистики. Тогда я нашла в Московской Ленинской библиотеке справочник: «Вы-

дающиеся лингвисты мира» и всем представителям коммуникативной лингвистики отправила целый список вопросов. А поскольку было ясно, что точнее я сумею выразить свои мысли на русском, то и письма отправила по всему миру на родном языке и с оригинальными адресами. Например: Голландия, университет, профессору Ван Дейку. Леонид Николаевич был в шоке: «На что Вы надеетесь?». Но я верила в удачу и благородство. И все профессора ответили! С того времени я тоже всегда отвечаю на все письма, как бы это ни было сложно. Самое забавное, что после первой же публикации обо мне в газете «Мегаполис-Экспресс» в университет стали приносить мешки писем с таким же адресом: Россия, Пермь, университет, Ирине Черепановой.

Прямое общение с мировой элитой привело к выводу, что прагматика – тупиковое течение в лингвистике, равно как и многие другие направления вроде «трансформационной грамматики», ведь я была воспитана на идее динамической прикладной лингвистики! И тогда состоялось очередное выступление на кафедре, которую я только-только приучила к мысли о силе прагматики: «Это ошибка. Мы пойдем путем другим»... Не описать, что творилось, когда начались обсуждения... Я больше не плакала, а методично парировала все нападки старшего поколения.

Между тем, время шло, аспирантуры все не было. Я успела потрясти на экзамене по философии самого профессора В. В. Орлова, который, поставив «за вредность» «хорошо» (мы не сошлись во мнении о творчестве Ю. В. Андропова), долго жал руку и напутствовал: «Идите в Науку, у Вас такая хватка...». В стране разваливался социализм, но ввели новый аспирантский экзамен по научному коммунизму.

Сдала я его отвратительно. Меня спросили: «Что такое социализм?». Я честно выдала 6 или 7 определений, а затем грустно добавила: «Честно говоря, я уже не понимаю, что это такое». И впервые в жизни получила «удовлетворительно». Было обидно. К тому же мне сказали, что с моими политическими взглядами в Науке делать нечего. Но какое это имело значение, если есть Идея? И тогда я решила: рожу четвертого сына, уйду в декретный отпуск и все равно напишу диссертацию, чтоб не заниматься профанацией.

Но получилось иначе. Накануне родов мне позвонил Леонид Николаевич и сказал: «Вам надо явиться через неделю зачисляться в аспирантуру». Я тут же съездила, родила младшего сына и явилась ровно через неделю – счастливая и озабоченная тем, чтоб не подвести Леонида Николаевича. Жили мы тогда со вторым мужем в малосемейке, у меня – трое мальчишек возрастом 3 года, 1 год и 1 месяц, нет ни бабушек, ни поддержки. Но я знала, что нет ничего невозможного. Любо-

пытно, что первый год аспирантуры я провела в раздумье: если не прагматика – то что может привести к заветной цели? Потом случился инсайт. Я поняла, что точкой отсчета могут стать магические тексты, которые человечество бережно передает из поколения в поколение. И понеслось – «фольклорные экспедиции» к йогам, психиатрам, экстра-сенсам... К тому же Леонид Николаевич дал мне монографию А. П. Журавлева «Фонетическое значение», говоря: «Вы любите все безумно оригинальное. Наверное, что-то извлечете». И точно! Идея математического измерения и моделирования текстов и звуков оказалась абсолютно революционной. А понять ее не могли, потому что не было ответа на вопрос: «Для чего?» (не было точки отсчета).

Спала по 2-3 часа в сутки, ездила по всей стране. И... сделала это. Защитила кандидатскую диссертацию «Текст как фактор изменения личности» в 1992 году, в нашем Пермском Совете за две недели до окончания срока аспирантуры. К тому же отзывы множества руководителей коммуникативных школ гласили: «Диссертация написана на уровне докторской и, при соблюдении ряда условий, может быть признана таковой». Но Леонид Николаевич не любил бумажной работы и сказал: «Напишешь еще одну, трудно что ли?»

Мне было абсолютно нетрудно. И я мигом оказалась в докторантуре... К тому времени я уже нашла идеальную систему проведения исследований – открыла общественную организацию «Блок новогуманитарных инициатив “Ведиум”». По сути – частный институт. Заимствовала идею американского социолога Гэллапа. Я сама зарабатывала деньги, благо умела уже очень много, оплачивала все, до последней дверной ручки, покупала самую дорогую аппаратуру в городе (наш 16-ти канальный электроэнцефаллограф был намного лучше, чем в Медицинском институте). Я ездила на семинары по психотерапии и биоэнергетике – в Красноярск, Смоленск и другие города необъятной России. Появилось много статей, я постоянно давала интервью центральным и местным каналам телевидения, снималась в научно-популярных фильмах и на ток-шоу.

Сотрудников «рекрутировала» из выпускников, поэтому исследования шли отлично, мгновенно проверялись на практике, встраивались в компьютерную программу. В Смоленске родился терапевтический метод ВМЛ (вербальной мифологизации личности). В 1994 году мой друг Сергей Горин издал первую мою книгу «“Дом колдуны”». Начала суггестивной лингвистики» в далеком Красноярске (по мотивам кандидатской диссертации). Сразу позвонили московские издатели и предложили издать книгу в Москве. Я предоставила им немного расширенную рукопись докторской диссертации. Любопытно, что книга

была издана прямо перед моей защитой докторской диссертации... И далее переиздавалась 8 раз, но все еще является библиографической редкостью. Мои аспиранты рассказали, что она имеется в Королевский библиотеке в Британии и Библиотеке Конгресса США.

На удивление, работа над диссертацией оказалась очень сложной, но такой интересной. Ничто не могло остановить меня – ни смерть отца – летчика-испытателя в 1995, ни очередной развод, ни мои малолетние сыновья (воспитывала одна), ни саркастическое отношение кафедры к моим исследованиям. Эта злоба особенно проявилось в момент предзащиты. Замечания были такими бессмысленными, что Людмила Александровна Грузберг поднялась и с возмущением сказала: «История нам не простит, если мы загубим это исследование» (до словно не помню, так как была в состоянии огромного стресса). К защите меня допустили с большим трудом, но при условии, что я помещаю название. Вместо «Суггестивная лингвистика – теория, практика и социально-психологический эксперимент», появилось непонятное сочетание «Языковая суггестия...» Были и другие сложности. Диссертация пролежала в Совете Института Языкознания в Москве более 9 месяцев, на мои звонки отвечали, что, может, ее уже потеряли... К тому же в конце 1996 года ушел из жизни Леонид Николаевич, и я осталась «научной сиротой»... Странно, как только я вернулась после траурной церемонии, мне позвонили из Москвы и попросили срочно явиться по поводу скорой защиты. Я прилетела к А. М. Шахнаровичу, который долго мучился, выбирая оппонентов. «Такая сложная тема, такие объемы просчитаны – наш компьютерный центр за год столько не делает. К тому же Журавлев не в России». Но все-таки оппонентами оказались профессора А. А. Романов из Твери, сам Шахнарович, а третьим наметили А. А. Леонтьева. Но у него была репутация очень строгого оппонента, который «заваливал» все, что попадало ему в руки. Александр Маркович очень сомневался, что Леонтьев вообще согласится возиться с какой-то провинциалкой. Однако мне удалось уговорить Алексея Алексеевича буквально за пару минут по телефону, а текст я отправила к нему со знакомым милиционером...

И вот наступил долгожданный день защиты в декабре 1996 года. Накануне я блестяще провела выборы Юрия Трутнева главой Перми и «вытащила» губернатора Игумнова на втором туре. Такого результата история мировой рекламы не знала: провести человека с минимальным внедрением – 6 % за три недели к Победе в первом же туре. Юрий Петрович набрал 63 % и проснулся Героем. Тогда я узнала, что массовое Чудо живет всего один день. На другой день люди сказали: «А мы так и думали»... Но для меня это был первый массовый эксперимент,

который доказал, что я создала именно динамическую прикладную Науку.

И вот Москва. Множество академиков, Председатель Совета – академик Ярцева – 92-летняя дама. И перед ними я – девочка из провинции, которую едва видно из-за трибуны. Не помню, как изложила содержание диссертации. Главное – сделала это очень быстро. Легко ответила на все вопросы. И тут на трибуну вышел низенький человек, по залу прошло волнение: «Лешик!». Весь Совет с замиранием ждал полного разгрома.

И тогда вдруг прозвучали слова, что диссертация написана на несколько порядков выше, чем обычная докторская диссертация, причем, отличным русским языком. И это новое направление в науке... Алексей Алексеевич пожурил меня за нелепое название: «Что ж Вы так?». Но я ответила, что это исключительно влияние экстралингвистических факторов: «Иначе бы я перед Вами не стояла...»

Дальнейшее действие было predeterminedено... Академик Ярцева спросила: «Кто реально может оценить эту диссертацию?» И кто-то из академиков ответил: «Основатель новой Науки в Мире сидит сейчас в зале...»

В общем, благодаря Леонтьеву я не получила ни одного «черного шара». А вместо банкета подарила всем членам Совета новую, пахнущую типографской краской книгу с автографами. Академики были очень довольны.

А Алексей Алексеевич спросил, можно ли это применить в политике. Конечно, сказала я. Вот только что прошли выборы, и человек с 6 % негативным внедрением стал главой уже в первом туре, набрав 63 %. Вся операция заняла 3 недели. И протянула академику текст биографии Юрия Трутнева. «Я бы тоже за него проголосовал», – сказал главный психолингвист страны и потребовал, чтоб я ему подарила экземпляр диссертации и в дальнейшем присылала все свои книги. Так я и делала до самой его кончины...

Возвращение домой было не совсем радостным. Кафедра отреагировала негативно. Правда, ректор Владимир Владимирович Маланин сказал: «Вы сейчас генерал при лампадах. Ничего не бойтесь». Так я с должности ассистента переместилась на должность профессора. Год проработала на «родной» кафедре, потом перешла на кафедру психологии, благодаря чему Е. В. Левченко смогла открыть факультет психологии. Но «иконостасы» с выговорами продолжались и там...

А в это время академик Романов активно звал меня в Тверь – там ценили профессоров. И я покинула Пермский университет, который к тому времени стал чужим и враждебным для Золушки, которая без

блата и только благодаря таланту стала Принцессой. В Твери я читала спецкурсы, была председателем ГЭКа. Там же получила звание профессора, минуя доцента. Это было очередное Чудо, так как я всегда думала, что мне очень не нравится слово «доцент» (благодаря Карцеву с его крылатой фразой: «А доцент тупой»). Вот меня и миновала данная доля...

В Пермском университете мне было очень интересно работать, несмотря на бесконечные выговоры. Мои студенты учились писать тексты, гипнотизировать. Среди них было огромное количество выпускников с «красными» дипломами. Эти же ребята стали основой моего частного института.

Университет научил меня системному мышлению. Умению ставить правильные вопросы (это половина решения проблемы). Свободе мышления и щедрости в отношении идей. Я отлично помнила, как буквально фонтанировали идеями Соломон Юрьевич и Леонид Николаевич...

Но пришло время двигаться дальше. На базе университета это было невозможно, несмотря на то, что мы с Л. Н. Мурзиным открыли институт динамической лингвистики при университете (это в тот момент, когда закрывались университеты), но толку от данного образования не было никакого. И я погрузилась в исследования в собственном институте.

Несколько раз я старалась найти свое место в нашем университете, но В. В. Маланин отправлял меня договариваться с заведующими кафедрами. А потом и вовсе я слышала фразу: «Профессора нам не нужны»... А «добрые» кафедры исключили меня даже из списка учеников Л. Н. Мурзина...

Между тем, исследования продолжались. Я понимала, что опередила мировую лингвистику лет на 100, как Никола Тесла в свое время. Он занимался исследованием электрического поля Вселенной, на мою долю досталось Информационное поле. Я перестала ездить на лингвистические конференции, потому что была там, как инопланетянка (так меня назвала летчик-испытатель Марина Попович). Люди просто не понимали, что такое интериоризованная коннотация и прочее, и прибегали к любимому методу – искали несуществующие речевые ошибки.

Гораздо интереснее было проводить группы во время семинаров, волна которых накрыла Союз. Там я проводила эксперименты, уточняла материалы компьютерной программы. А выборы исключительно с «непроходными» кандидатами! Там очень скоро можно было получить результат... Я ведь работала с установками личности и общества.

Именно в этом отличие «суггестивной лингвистики» (стимул – установка-реакция) от «психолингвистики» (стимул – реакция). Интереснее всего было работать в Нижнем Новгороде. Там была явная битва технологий. С конкурентами работали 200 московских пиарщиков по американским методам 3 месяца. А с Юрием Лебедевым (абсолютно непроходным) работала я одна, используя собственные разработки. Это со-творчество ограничилось одной встречей и беседой. В результате заказчик получил несколько текстов. Первый тур он выиграл с большим отрывом (15 %), несмотря на то, что упорно старался погубить все, что получил. Например, исполнял по телевизору частушки вроде: «Мы ребята из Шахуньи, нижегородской области. Мы ребята, у которых – ни стыда, ни совести». После первого тура они отказались платить, а я – писать. И второй тур он выиграл с разницей в 3 %. А выборы через четыре года просто проиграл, несмотря на административный ресурс. Зато я получила жалобное письмо председателя штаба: «С Вами так легко, без Вас – провал». Естественно. И люди, которые восклицают: «Это всего лишь тексты!», видимо, не помнят мудрость из Евангелия от Матвея «В Начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог».

Лингвисты всего мира бьются над раскрытием Тайны Силы Слова. Но им не помогают ни огромные средства, ни идеальные условия. Как ни странно, получилось это только у меня. И дело здесь не только в астрономических суммах денег, которые мне пришлось заработать и вложить, но и в особенностях мышления. Университет подарил мне крылья, закалил, научил ВСЕГДА добиваться цели. Когда Л. Н. Мурзин отправлял меня, еще во времена студенчества, на консультацию к кому-либо из профессоров, считая, что реализовать очередную идею просто невозможно, они, как правило, были солидарны. И каково же было удивление, когда буквально через несколько месяцев я не только реализовывала очередной проект, но делала между делом пусть маленькое научное открытие. «Этого не может быть!» – разводили руками они. А я никогда не спрашивала себя: «Могу ли я это сделать?» Основным вопросом всегда был: «КАКИМ Образом я это сделаю?». И делала, доверяя не только знаниям и авторитетам, но и интуиции.

Например, непонятно, с какой целью я более десяти лет создавала частотный «Словарь творческого бессознательного», так как обнаружила, что несмотря на регион проживания, пол, возраст, образование и пр., некоторые слова у людей более частотны (что-то вроде архетипов Юнга, который брал их «из головы»). А я решила получить математически точные данные.

А пригодилась эта информация совсем неожиданно. У меня уже был электроэнцефаллограф, специальная исследовательская компьютерная программа, сделанная за большие деньги одним из Московских институтов, тысячи обследованных и океан цифр. Попытка найти различия в реакции ритмов мозга на отдельные «звукобуквы» чуть было не захлебнулась, потому что разница была столь ничтожно мала, что «зацепить» ее было невероятно. Надо было всего лишь найти «Точку опоры». И такой «точкой» стал создаваемый мной годами Словарь. Я до сих пор до конца не могу объяснить, как я это сделала – была в состоянии Инсайта – но все замкнулось! И главное – заработало. Потом удалось измерить и наличие гипноза, и позитивной или негативной энергетике в тексте. В результате получилась программа, при помощи которой можно математически точно перевернуть Мир, реализовать любое желание, создавать Героев. Я тысячи раз проверяла результаты на практике и дорабатывала свою Чудо-программу «Анализ суггестивного влияния текста». Последнюю версию я назвала «Любострел», так как более эффективными всегда являются тексты с позитивной энергетикой и гипнозом, а миром правит Любовь. На базе программы стал совершенным мой метод социальной терапии ВМЛ – люди договариваются с Судьбой, меняют жизнь к лучшему, получают отличную защиту и даже избавляются от «порчи» (социального невроза) всего за 3-4 часа. Я использую множество достижений Нобелевских лауреатов. В частности, «теорию Хаоса» (основатель – американский биолог русского происхождения Илья Пригожин), которая считалась неприменимой в гуманитарной области, я отлично использую в социальной терапии. То же – с теорией относительности, резонанса и многими другими...

Пермский университет стал первым из всех университетов жизни, которые я окончила. Я научилась многому – создавать Героев и партии, творить Чудеса, общаться с Информационным полем, сопротивляться давлению, выигрывать несправедные суды, верить в лучшее. Я облетела половину Мира, полгода жила и работала в Израиле. Издала 12 книг и учебников, из них 6 – в Москве. Создала новую Науку и запрограммировала ее в компактную программу, очень удобную для пользователя. Она же – своеобразный коммуникативный тренинг, позволяющий определять скрытые установки или создавать их. Ко мне едут и обращаются за консультациями люди со всего Мира, спецслужбы, шаманы, колдуны, журналисты и другие профессиональные коммуникаторы. Различные телевизионные каналы, в т. ч. итальянский, сняли более двух десятков фильмов и сюжетов, посвященных Суггестивной Лингвистике.

Двое моих сыновей тоже окончили Пермский университет. Наверное, когда-нибудь здесь будут учиться и мои внуки. Потому что жизнь коротка, а познание Истины – вечно...

Отец всегда учил меня: «Обгони ветер!», а мне удалось опередить само Время.

С. Силин,
выпускник 1982 г.

Сказки – детям

Силин Сергей Васильевич – российский детский писатель.

Родился 26 августа 1955 году в с. Обвинск Карагайского района Пермской области.

Первые воспоминания – гул двигателей «аннушек», спозаранку начинавших прогревать двигатели. Полевой аэродром находился за перелеском и полем, откуда самолеты АН-2 разлетались по всей области.

Жили в поселке на окраине Перми, где сейчас находится микрорайон Нагорный. Мама работала в школе, отец в милиции. У нас была комната в половине избы, патефон и две гибкие пластинки с песнями Леонида Утесова про Черное море (отец пять лет служил на крейсере «Назимов») и сказкой «По щучьему велению», которую бесподобно рассказывала Анастасия Зуева. Когда я болел, я слушал сказку целыми днями.

Улица называлась 1-я Ремонтная. Здесь находились Центральные ремонтные мастерские, где ремонтировали машины, тракторы и комбайны. Рядом, на улице Геологов, находилось управление геологоразведки, где работала моя тетушка. Каждую весну ее партию забрасывали в тайгу на парашютах. Осень они возвращались назад с множеством образцов камней. Свои камушки горного хрусталя я хранил под крыльцом.

В выходные жизнь в поселке начиналась со стука топоров. Все строили дома на земле, которую дало им государство.

Цены снижались каждый год, войны не было, жизнь воспринималась, как праздник. Почти все мужики прошли через войну и давно зализали свои раны. Только безногий дядя Паша продолжал воевать ночами, и тогда его крик слышал весь поселок:

– Командир, мессеры!.. Командир, мессеры!.. Командир!..

Когда мы собирались купаться на пруд, он говорил, что обгонит нас под горку. Мы бежали по дороге, а дядя Паша разогнался на тележке, часто опрокидывался и смеялся.

– Опять руль заклинило, – смеялся он, выбираясь из зарослей лопухов.

Дядя Паша доезжал до пруда, выбрасывал в воду из тележки свое тело и несколько раз переплывал пруд. Помню, как его хоронили в нормальном большом гробу, а мы смотрели на его медали.

Летом нас с братом отправляли в деревню к деду. В деревне были мельница, кузнечный двор, ферма и сельсовет с почтой. Каждое утро мимо дома деда, позвякивая колокольчиками, проходило стадо мычащих коров.

Взрослые работали в колхозе, а мы собирала в лесу грибы, ягоды и травы, рыбачили, ловили раков, ходили в ночное, катались на лошадях, учились косить траву, купались в речке.

Дед прошел четыре войны, в первую мировую был в плену на острове Сицилия, где ел осьминогов и работал на плантациях. Потом он вернулся в деревню к бабушке. Всего у него было пять дочерей (моих тетушек). В Великую Отечественную дед уже не воевал из-за старых ран. Работал на заводе в две смены, спал у станка.

Однажды я увязался за дедом поздно вечером. Дед вышел на пригорок, с которого была видна вся деревня, сел на траву и долго смотрел, как за дальний лес опускается солнце, а я смотрел на деда. Потом мы так же молча пошли спать.

От деревни деда давно уже ничего не осталось, а поля, где колосилась пшеница, занял лес. Тайга быстро вернула себе то, что отвоевал у нее человек.

Помню, как я пошел в школу. Был туман, «аннушки» прогревали двигатели, и мы, человек десять первоклашек, шли так долго, что я предложил вернуться назад. Моя мама засмеялась и сказала: «Назад ходу нет! Дорога теперь у нас только одна – к знаниям!»

С первого по четвертый класс мы с другой Славкой ходили к знаниям по чужим улицам, где нас часто останавливали местные мальчишки. Мы с ними дрались, и нам разбивали носы, пока ребята постарше не сказали всем: прекратить, дорога общая, пошли на Каму. И мы человек двадцать пошли купаться на Каму, хотя еще плыли льдины, но мы все равно купались, дрожали, грелись у костра, ели горелую картоху, и нам всем было хорошо.

Мы со Славкой даже не заметили, как начальная школа закончилась и на пионерской линейке объявили, что на следующий год мы идем в пятый класс в большую школу. Потом маме дали квартиру, и

мы переехали в город, где я и закончил школу № 25, работал санитаром на скорой помощи, на заводах Лет десять проработал в многотиражной газете «Ленинский путь» ППО «Моторостроитель» им. Свердлова, где поэт Михаил Смородинов вел литературный кружок. Там и юмор со сказками писать начал.

Первая сказка «Звездочка» была опубликована в многотиражке в 1982 году. В это же время был принят в Союз журналистов СССР. Закончил филологический факультет Пермского государственного университета.

Преподавал русский язык и литературу, работал педагогом в областном центре развития детского творчества г. Перми «Муравейник», детском центре «Рифей», корреспондентом районных, областных и федеральных газет: профсоюзной газеты «Солидарность», «Стройка» и других.

С 2008 года редактирую детский журнал «Простоквашино». Член Союза писателей Москвы.

Печатался в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Колобок», «Трамвай», «Куча мала», «Ералаш», «Мурзилка», «Простоквашино», «Маша и Медведь», «Веселые картинки», «Литературной газете» и десятках других изданий.

Большинство текстов, не вписывающихся в серии, не опубликованы. Все сказки моего лучшего цикла сказок «Марфуша, Масленник и Невезуха» опубликованы только в Белоруссии.

Автор девяти книг для детей и более двадцати коллективных сборников.

Небылые мамы

В старые времена все жили по-другому. Грудные дети бородатыми были, и мамы их слушались. А той маме, которая начинала ругаться, дети сразу медаль «За смелость!» давали, и она замолкала.

По магазинам мамы не ходили. За них эти авоськи с сумками делали, у них тогда ножки были. Белье мамы не стирали. Оно само на речку ходило. Воду в реке солнцем подогревало, стиралось, полоскалось, по ветру домой летело.

Обеды мамы носили из леса. В лесах озера из борща да ухи были и болота из картофельного пюре. По берегам болот горячие котлеты прыгали, их мамы сачками ловили.

Торты и пряники в огородах росли, вдоль стен конфеты, как мыши, бегали, фантиками шуршали, детям спать не давали. Мамы на них конфетоловки ставили.

Свободного времени у мам тогда было больше, и они в «Цепи кованые» играли, через скакалки прыгали. Как-то раз одна мама все лето без перерывов пропрыгала, а потом в прятки играть побежала. Так спряталась – два года искали, найти не могли, пришлось самой выходить.

А кто не верит, может у Ворона Вороновича спросить, он все знает, только я его телефон забыл.

Ангел Сява

В воскресенье Марфуша всегда делает уборку. Так и в этот выходной было. Мама с папой ушли на рынок, а Марфуша взялась за тряпку, протереть от пыли книжные полки.

И тут в открытое окно, хлопая белыми крыльями, влетел золотокудрый мальчишка. Он так спешил, что запыхался.

– Не делай этого! – вскричал он.

– Что не делать? – не поняла Марфуша.

– Не протирай полки!

– Почему?

– Потому что ты получишь занозу.

– Да? – растерялась Марфуша.

– Да, – подтвердил странный гость и представился. – Сява, будущий ангел-хранитель.

– Почему будущий?

– Потому что пока я учусь. Будь добра, отдай мне тряпку!

Марфуша отдала Сяве тряпку, и он протер полки, умудрившись при этом получить занозу, после чего ему пришлось вытаскивать ее из пальца зубами.

– Хочешь чаю? – предложила Марфуша, когда заноза была вынута.

– Спасибо! Это очень возвышенно с твоей стороны!

Марфуша поставила чайник на плиту и взяла зажигалку.

– Нет! – прошептал Сява. – Это опасно. Электрические разряды. Газ... Ты получишь ожог.

Он забрал у Марфуши зажигалку и выбросил ее в мусорное ведро.

– Она сломалась? – догадалась Марфуша. – Ну, ничего! У нас спички есть!

– Сумасшедшая! – побледнел ангел. – Разве ты не знаешь, что большинство пожаров возникает из-за неосторожного обращения со спичками! Даже в руки их не бери! Лучше попьем простой водички.

– Как хочешь.

Марфуша налила в чашки водички, достала батон, масло и варенье.

– Ты ешь белый хлеб с маслом и вареньем? – ужаснулся Сява. – Никогда больше этого не делай! От белого хлеба полнеют, от масла толстеют, а от варенья жиреют.

– Станный ты какой-то, – сказала Марфуша, убирая масло в холодильник, а батон в хлебницу. – То нельзя, это нельзя.

– Я не странный, я ответственный, – пояснил Сява. – С сегодняшнего дня я отвечаю за твою жизнь.

– А до тебя за меня кто отвечал?

– Никто. Случилась редкая ошибка. Я обнаружил ее, когда проходил практику в канцелярии, наводил порядок со списками опекаемых. Так вот, тебя в этих списках почему-то не оказалось! Просто удивительно, как ты смогла дожить до такого возраста! И я помчался сюда. Пока тебе не пришло постоянное хранение, опекать тебя буду я.

– Что, и в школу со мной ходить будешь?

– Непременно. Больше ты не получишь ни одной двойки...

– Я и так не получаю.

– Больше ты ни разу не споткнешься, ни на одной лестнице...

– Я и так не спотыкаюсь.

– Больше тебя не толкнет ни один мальчишка...

– А меня и так никто не толкает.

Сява хлопнул глазами и, отпив из чашки воды, сказал:

– Не может быть, чтобы с тобой ни разу в жизни не происходило никаких неприятностей!

– Происходило, – ответила Марфуша. – Так неприятности у каждого человека случаются. Извини, мне надо мыть пол.

– Ни в коем случае! – снова встревожился Сява. – Ты еще маленькая. Застудишь руки в холодной воде. Стукнешься о край стола головой, надышишься под кроватью пыли и расчихаешься. Пол вымою я.

– Как хочешь.

Взяла Марфуша книжку и устроилась на диване. А Сява принялся мыть пол. Пока мыл, головой о край стола стукнулся, руки застудил, пыли под кроватью надышался и чихать начал.

– Вот видишь, – улыбнулась Марфуша. – А все потому, что полы мыть не умеешь. Во-первых, воду в ведро нужно набирать теплую. Во-вторых, для сбора пыли существует пылесос. Так что залезать под кровать совсем не требуется. А зачем тебе понадобилось разгибаться, не выбравшись из-под стола?.. Сам себя сохранить не можешь, а меня охранять прилетел.

В это мгновение в окно вплыло белое облако и зависло посередине комнаты. Из облака вышел шестикрылый серафим.

– Сява, что случилось? Почему ты здесь? Ничего из твоей записки не понял.

– Я обнаружил, что у этой девочки нет ангела-хранителя, – ответил Сава, показывая на Марфушу. – И сразу отправился сюда. Она могла погибнуть!

– Сява, голубчик, – улыбнулся Серафим. – Не всем людям нужны постоянные ангелы – хранители. Просто вы этого еще не проходили. Есть люди, которые в состоянии позаботиться о себе сами. Марфуша как раз такой человек. Пошли, дорогой! Извини, Марфуша!

– Ничего, ничего...

Серафим шагнул в облако.

Сява посмотрел на Марфушу, буркнул «Извини!» и, понурился головой, исчез вслед за серафимом. Облако медленно вылетело в окно.

«Что-то я растерялась, – подумала Марфуша. – Надо было на экскурсию в Рай попроситься».

Пол Сява вымыл неумело. Марфуша пропылесосила под диваном и кроватью, прошлась мокрой тряпкой по сухим местам.

Затем достала из мусорного ведра зажигалку, вымыла руки и напилась чаю с белым хлебом, маслом и вареньем.

Что-что, а полнота ей совсем не грозила.

Чудо-сад

Однажды я заглянул в зеркало и понял, что облысел. На моей голове не было ни единого волоска.

– О-ля-ля! – сказал я себе и поспешил купить газету. В нынешних газетах полно всяких объявлений. Конечно же, я без труда нашел нужное.

Малое волшебное-сказочное предприятие «Лукошко» поставяет семена волос...

Я не стал читать дальше, а сразу позвонил по указанному номеру.

– Алло! – ответил мне нежный женский голос. – Это Василий?

– Как вы догадались? – удивился я.

– О, это очень просто! Ведь вам нужны семена...

– Да, да! – обрадовался я. – Вот именно. Разумеется, мне нужны семена! Скажите, куда мне приехать?

– Ну что вы, Василий! Вы не должны ни о чем беспокоиться! У нас сказочное предприятие. Поставьте на стол блюдечко и наклоните над ним телефонную трубку. Ну! Что же вы!...

Я перешел в кухню, поставил на стол блюдечко и наклонил над ним телефонную трубку. Из нее тотчас посыпались семена. Они были такими маленькими, что больше походили на пыль, чем на семена.

Вытряхнув последние зернышки, я хотел спросить, что с ними делать дальше, но место в трубке уже заняли два грубых мужских голоса, которые спорили о том, надо ли поставлять новую сказочную технику в Арабские Эмираты.

«Ладно, – подумал я. – В конце концов, у меня есть замечательная энциклопедия для лысых».

Я открыл энциклопедию «Все про лысых», отыскал в ней нужную главу и прочитал: «Чтобы засеять лысину семенами волос, нужно замочить семена до вечера, а перед сном втереть в лысину круговыми движениями по часовой стрелке».

Так я и сделал.

Утром я почему-то долго не мог оторвать голову от подушки. С большим трудом встал на ноги и подошел к зеркалу.

О, ужас!

На моей голове вырос яблоневый сад!

Я схватил телефон и стал звонить в малое волшебное-сказочное предприятие.

– Алло! – ответил мне нежный женский голос. – Это Михаил?

– Э-э... видите ли, – произнес я. – Собственно говоря... м-м-м...

Нет, это не Михаил.

– Ясно, – сказал нежный женский голос и стал еще нежнее. – Это Анатолий?

– М-м-м... Как бы вам сказать, – пробормотал я, – собственно говоря...

– Понятно, – нежный женский голос стал нежнее в тысячу раз. – Это Василий.

– Да-да! – вскричал я. – Тот самый, который заказал у вас семена волос!

– Волос? – удивился нежный женский голос. – Но, Василий, голубчик! Вы заказывали семена яблочного сада! С Золотыми Яблоками и Жар-птицами. У вас есть Золотые Яблоки и Жар-птица?

– Минуточку!

Я повернулся к зеркалу и внимательно осмотрел сад. Действительно, на деревьях росли Золотые Яблоки и сидели Жар-птицы.

– Чудеса в решете! – пробормотал я.

– Так что же вам еще нужно, Василий? – удивился нежный женский голос.

– Мне нужны волосы, – сказал я. – Простые русые волосы!

– Но у меня совершенно точно записано, что три дня назад вы заказывали нам семена Чудо-сада с Золотыми Яблоками и Жар-птицами!

– Нет-нет! – возразил я. – Не три дня назад, а вчера вечером. И не семена сада, а семена волос.

– О, боже! – произнес нежный женский голос. – Это Василий?

– Василий.

– Царевич?

– Нет.

– О, боже! – нежный женский голос стал грустным. – Значит, я ошиблась...

– Боюсь, что да, – вздохнул я. – Что мне теперь делать?

– Ешьте яблоки и не волнуйтесь. Что-нибудь придумаем...

И я начал есть яблоки и варить компот. Но деревья росли, дивных плодов становилось все больше. Когда яблоки стали падать мне на плечи, я взял мегафон и вышел на улицу.

– Яблоки!... Золотые Яблоки-и!.. Налета-ай!

Вскоре на зов сбегались мальчишки и девчонки со всего района. Я тряс головой, яблоки падали, дети собирали их в портфели и сумки, запихивали в карманы.

– Яблоки!.. Золотые Яблоки-и!..

Довольно быстро я освободился от лишних яблок, и голове стало полегче. Но... вернувшись домой и посмотрев в зеркало, я обнаружил, что сад обнесен забором, за которым прохаживается сердитый сторож с ружьем и собакой.

– Э-э-э... – сказал я. – Здравствуйте!

– Здорово, коли не шутишь! – отозвался сторож и бабахнул вверх из ружья.

Собака залаяла, с яблонь поднялись встревоженные Жар-птицы и с гомоном закружились вокруг люстры.

– Не сомневайтесь! – крикнул сторож. – Я им не позволю яблоки портить! Ишь, пернатые!..

И он снова бабахнул вверх из ружья.

В стенку застучали соседи, грозя вызвать милицию.

К счастью, в это время меня вспомнило малое волшебное сказочное предприятие. Раздался нежный телефонный звонок.

– Алло! Это Василий? – поинтересовался печальный женский голос.

– Василий, – подтвердил я. – Вы что-нибудь придумали? А то у меня уже и сторож завелся.

– Это не сторож, – заметил печальный женский голос. – Это директор сада. Просто он себе еще дом не успел построить. Пожалуйста, передайте ему трубку.

Я поднес трубку директору сада. Услышав, что ему сказали, он сильно рассердился, швырнул наземь кепку и со словами «Безобразия! Как со мной обращаются! Я так работать не буду!» стал топтать ногами.

Насердившись, накричавшись и натопавшись, директор поднял кепку, отряхнул ее, сунул в карман и ловко забрался в телефонную трубку вместе с собакой, которая не переставала лаять.

На их место из трубки вылезли лесорубы с мотопилами и бригадиром. Следом выехала спецтехника: бульдозеры, погрузчики и лесовозы.

– Майна, помалу! – крикнул мне бригадир, показывая на телефонную трубку, и я снова поднес ее к уху.

– Ложитесь спать, Василий! – сказал печальный женский голос и всхлипнул. – И ни о чем, ни о чем... ни о чем больше не беспокоитесь...

В трубке раздался звон колокольчиков, и все стихло.

Ночь я провел плохо. Во-первых, спать пришлось сидя в кресле. Во-вторых, на голове всю ночь ревели мотопилы и двигатели машин, ругался бригадир и трещали стволы деревьев.

Зато утром я обнаружил свою голову гладкой, блестящей и совершенно лысой.

Только следы от колес и гусениц напоминали мне о том, что еще вчера на ней бушевал дивный Чудо-сад с Золотыми Яблоками и Жарптицами.

Я вздохнул, раскрыл свежую газету с объявлениями и взялся за телефон.

Т. Черепанова,
выпускница 1971 г.

И это все о нем *Памяти Михаила Черепанова*

Мой муж, Михаил Александрович Черепанов, Миша, умер 20 октября 2016 через неделю после обычной плановой операции... Нечестно и несправедливо.

Я помню.

Небольшой самолет, летящий из Лысьвы, где я была в журналистской командировке, в Пермь. Мы с Мишей встретились на летном поле, и он тут же взял билет назад. Его признание любви – прямо в самолете.

Огромная охапка черемухи, которую он привез мне в годовщину свадьбы.

Наш «медовый месяц», да нет – неделя – на журналистской базе, когда я под его чутким руководством поймала свою первую рыбину.

Рождение обеих дочек, первую мы везли из роддома... на трамвае!

Мы прожили вместе 41 год – и было в нашей долгой жизни вместе всякое: и размолвки, и ссоры, и непонимание... Но сильнее всей этой шелухи было главное. Мы многое оценивали одинаково: с позиций выпускников филфака ПГУ. Не ври, не трусь, отвечай за тех, кто тебе доверяет, не считай за истину в последней инстанции любое слово сильных мира сего...

Не бойся «сквозняка жизни».

Мы оба писали дипломы у Риммы Васильевны Коминой, считая ее Учителем по жизни.

И для нас обоих самой большой ценностью в жизни всегда были наши дети и внуки.

Миша рано ушел во взрослую жизнь, ему было только тринадцать. Он еще и поэтому так ценил дом и семью.

Мы с моими девочками, а они обе тоже закончили наш факультет, искренне благодарны Нине Евгеньевне Васильевой за то, что она предложила сделать эту вот подборку воспоминаний о дорогом нам человеке, раскрывающем разные грани незаурядной Мишиной личности.

В. Шуваева¹

Он жил по совести, без злобы в душе

23.10.2016 г.

Удивительно красивый день был вчера в Перми. Синее небо. Красные гроздья рябины на тонких веточках, с которых уже полностью облетели листья. И абсолютное безветрие. В такие погоды, наверное, легче (если это слово вообще уместно) навсегда уходить из

¹ Журналист, близкий друг семьи.

мира, где суета, грызня, хамство. Или в такие – и люди уходят такие же: несуетливые и негромкие, живущие по совести, без злобы в душе?

Миша был именно таким. И очень остроумным к тому же. И талантливый (хотя и не сумевшим, к сожалению, реализоваться по полной). И настоящим философом. Неслучайно Илюха, старший внук, на недавний вопрос Гриши Данского, кем он хочет стать, когда вырастет, ответил не задумываясь: «Филосом!» Неважно, что один слог пропустил в попыхах. Важно, что не прошли мимо беседы за жизнь с дедом...

Об этом рассказала вчера его дочь Майя. А Галя, младшая сестра Миши, рассказала, как он за день подготовил ее когда-то к экзамену по истории-обществоведению в школе: казалось, что одолеть такой объем невозможно в принципе, а он логично и, опять же, несуетливо разложил все по полочкам. А уполномоченный по правам человека в Пермском крае и друг всей большой Мишиной семьи Татьяна Марголина, бывшая однокурсница и подруга Гали – про то, что благодаря Мише она впервые прочла Солженицына: он принес к ним в общежитие «Крохотки», еще в самиздатовском варианте.

Председатель «Мемориала» Роберт Латыпов – ну, он про «Мемориал», понятно. Про то, как легко и интересно работалось волонтерам с Михаилом Александровичем. Пардон, с Мишей: ведь все ребята, независимо от возраста, называли его по имени и на «ты», и это было не запанибрата, а очень органично и естественно.

Так же естественно для него было уйти в Кучино на рыбалку и пропасть на три дня, а вернувшись обросшим, но с богатым уловом, сварганить на всех вкуснейшую на свете уху.

Он вообще любил и умел готовить. Да это знает каждый, кто бывал в хлебосольном, гостеприимном доме Черепановых! Причем, еда едой, но ни одно застолье в их доме не обходилось и без разговоров о книгах, театре, политике (которая еще тот театр!), переходящих порой в споры, но никогда – на оскорбления. Ну и, конечно, песни – без них тоже не обходилось никогда.

Не верится, что Миша не споеет больше свою любимую «Когда зимний вечер уснет тихим сном»... Как здорово, что Тане, его главной берегине, в самый горький, наверное, и очень тяжелый день удалось таки связаться с бригантиновцами: ведь она как никто понимала, насколько это нужно для него, насколько это важно.

И несколько человек из ансамбля, в котором Миша тоже пел, сумели прийти вчера. И негромко спели про «желтого цыпленка» у свежего холмика, усыпанного цветами. И потом, на поминках, эта песня прозвучала еще раз – как заключительный аккорд прощального дня.

Это было очень – очень-очень... Бывшим участникам «Бригантины», включая солиста Владимира Десятского, подпевали и Василий Черепанов, и Александр Калих, и Майя с Аней, и Тая, и все кто мог...

Вот. А сегодня небо серое, и снег пропархивает.

А. Калих,
основатель и президент общества «Мемориал»

«Политические» ему доверяли

Мы познакомились с ним заочно. После окончания журфака в Уральском госуниверситете в Свердловске – нас с моей женой Ириной Дмитриевной (Кизиловой) направили работать в город Киров. Однажды по телевизору я смотрел передачу, которая мне очень нравилась. Она называлась «Алло, мы ищем таланты!» и была так же популярна, как например, сейчас «Голос». Я запомнил, что ансамбль «Бригантина», который пел особенно понравившуюся мне песню – про «Рыжего», – был из Перми. Там еще были слова: «А я не рыжий, я не рыжий, не рыжий я, а золотой». Мне тогда показалось, что солист, который исполнял эту песню, и вправду был рыжим. А потом мы переехали в Пермь, где в газете «Молодая гвардия» работал наш друг. И вот однажды в курилке библиотеки я смотрю – знакомый парень... Но не рыжий! Подхожу, спрашиваю – скажите, а не вы ли пели по телевидению вот такую вот песню? Он улыбнулся сдержанно и говорит: «Я!» И вот с того времени – а это был 71-й или 72-й год – мы стали общаться.

Мы о многом спорили, многое обсуждали: и литературу, и проблемы философии, и наши либеральные, а на самом деле – нормальные человеческие взгляды... Он рассказывал, как писал диплом по творчеству Юрия Трифонова. А Трифонов – это был наш тогда любимый писатель. «Обмен», «Дом на набережной», «Старик»... Миша все очень хорошо толковал. Объяснял. Он очень интересно рассказывал о том, как он понимает творчество Трифонова, его поэтику... Рассказывал, как он к писателю в Москву ездил и как Трифонов его замечательно, по-человечески принял. Трифонов – писатель демократической интеллигенции, для нас его имя было своеобразным «кодом».

Хорошее такое теплое общение было с ним. Я считаю, что эта встреча была предопределена, и мы долго работали вместе.

Миша был человек – очень в себе, по-хорошему в себе, погруженный в себя. Есть неприятные люди, «в футляре», они как бы прячутся от всех, эгоистически предпочитая исключительно свой мир. Но это не про Мишу. Для него все миры были равны.

Он очень многое умел делать руками, сказывалась крестьянская жилка, и мне это очень нравилось. Он все знал о земле, о лесе, о рыбалке... Он был человек думающий, но не напоказ. Он был умен, но никогда не умничал. Поэтому и наша молодежь его очень любила. А еще за простоту, и за понятность, и за понятливость.

«Мемориал» образовался в декабре 88-го года. Примерно в то же время я занимался и музеем «Пермь-36». А потом еще созданием газеты «Пермские новости» – в 1991-м году.

Музей «Пермь-36» стал отдельной организацией, учредителем которой был «Мемориал». Как международный, так и пермский. Позже, когда директором стал Виктор Александрович Шмыров, Михаил был его заместителем по вопросам науки. Была команда основателей – Калих, Шмыров, Черепанов, Зыков и Ворошкин. Это те люди, которые с первого камешка этот музей начинали делать. Мы еще много не успели восстановить, но экскурсии уже водили туда. И Миша Черепанов был лучшим и остается лучшим экскурсоводом. Восхищало вот это умение рассказывать о том, чего в тот момент еще практически не было. Были только разрушенные разворованные бараки. Но он рассказывал так, что живая картинка появлялась перед глазами. Рассказ его был непосредственным, ярким. Причем, без всяких видимых усилий. Он умел это делать.

Миша ездил в командировки: в Прибалтику, на Украину, брал интервью у бывших сидельцев «Перми-36», записывал их воспоминания. Это была высшая ценность – ему поверили люди, с которыми он разговаривал.

На базе будущего музея провели несколько научно-практических конференций, после которых были опубликованы сборники с воспоминаниями, с выступлениями участников этих конференций. Съезжались и ученые-историки, эксперты, сами сидельцы: те, кто еще остался в живых. Все. Их воспоминания мы записывали. Миша создавал нашу своеобразную моральную базу. Бывшие заключенные должны были поверить нам, людям, которые стали создавать музей. Ведь уже в те времена было достаточно желающих сделать себе имя на историях сидельцев, на их страданиях. Бывшие заключенные сначала были очень осторожны. А Миша был человеком, которому они верили. И постепенно вера этих людей перешла и на все наше дело. «Политэки» поверили нам, поверили, что мы честно хотим создать музей истории политических репрессий. Эта вера в огромной степени была Мишиной заслугой.

Позже в молодежном «Мемориале» он помогал проводить волонтерские лагеря, организовывал производственную часть программы, стал редактором нашей газеты «Волонтеркин».

И еще одна история. О создании гимна нашего «Мемориала». Ирина Дмитриевна Кизилова написала стихи, Виктор Алексеевич Гусаров сочинил музыку, а Миша записал гимн «Мемориала». Он звучит и по сей день. Мишиным голосом.

С. Отделенный,
преподаватель философии, коллега

Друга никем не заменишь

Мы познакомились с Мишей на кафедре философии Пермского госуниверситета. Я приехал работать из Свердловска по распределению после окончания УрГУ, а его в 79-м году туда приняли ассистентом. В то время заведующим кафедрой был Герасим Сергеевич Григорьев – замечательный ученый, преподаватель, прекрасный человек.

С Мишей мы сошлись сразу. Он тогда разработал очень хорошие курсы эстетики, теории и истории религии и атеизма, которые читал на нескольких факультетах.

Когда речь зашла о том, чтобы заняться диссертацией, он отказался. По каким-то причинам ему не захотелось этого делать. Он не был честолюбивым человеком, и ему, как я понимаю, как-то все равно было – простой преподаватель он или кандидат наук... И кем человек является по статусу – ему тоже было не важно. Он одинаково просто мог общаться и со слесарем дядей Васей, и с доктором наук. Очень Миша был самодостаточным.

В 84-м году я ушел из университета. На новой работе, кроме того, что я всегда преподавал, а я читал курсы диалектического материализма и философских проблем естествознания, мне вменили в обязанность создать также курс по эстетике, истории и теории религии. Я от этих тем шараялся всегда, как черт от ладана, но куда деваться было?! Как куда деваться – к Мише Черепанову. Он уже собаку съел на этом. Он помог мне подготовить эти курсы: пришел со своими материалами, начитал лекции на магнитофон. (*Сергей Отделенный практически не видит – ред*). На основе его материалов я разработал свой интересный курс. Особенно мне понравилась та часть, которая касалась категорий эстетики – «прекрасное – безобразное», «трагическое – комическое»...

Замечу, что у Михаила была очень хорошая преподавательская жилка. Он мог отлично выступить учителем не только по отношению к студентам, но и по отношению к своему брату-преподавателю.

Мы много общались. Миша вспоминал о своем голодном послевоенном детстве, с восторгом рассказывал про ансамбль «Бригантина», в котором пел, про армейскую жизнь... Он нисколько не жалел о времени, проведенном в армии. Он служил в ракетных войсках, в армии начал активно читать: Толстого, Достоевского, Чернышевского, которого особенно ценил, Чехова...

Последние несколько лет мы много разговаривали, обсуждали самые разные литературные произведения. Я звонил ему и спрашивал: а как ты думаешь? Он для меня был авторитетом и своеобразной «лакмусовой бумагой». Если он одобрял какую-то книгу, я старался обязательно ее тоже прочитать.

С ним было легко и хорошо. Он очень добрый, отзывчивый, всегда откликающийся на просьбы. Но он никогда при этом не был человеком, которым можно было понукать. Он помогал всегда, когда были возможности, время и силы. Если же ему что-то не нравилось, то это было твердое «нет».

А еще он очень любил свою семью. С восторгом рассказывал о дочерях, о внуках. Я ему о своих, а он – о своих...

Говорят, что незаменимых людей не бывает. Нет! Это не так... Кем я могу заменить моего друга? Да никем.

Н. Черныш,
выпускница 1971 г.

Такие, как Миша, – это «соль земли»

Мишу Черепанова я знала 41 год, с того самого момента, как он стал мужем моей близкой подруги и сокурсницы – Тани Старцевой (Черепановой). То, что Миша – филолог, пел в знаменитом университетском мужском вокально-инструментальном ансамбле «Бригантина» и красиво ухаживал за Таней, говорило о том, что он – наш человек. С годами я только сильнее убеждалась в этом, открывая в Мише для себя все новые грани характера. Он был человек корневой, воспитанный в большой и дружной семье: мать – Прасковья Якимовна – сельская учительница, отец Александр Арсеньевич – механик, гармонист, первый парень на деревне (отсюда музыкальность всех детей).

В Мише была человеческая основательность, стремление больше отдавать, чем брать, искренность и простота в общении, интеллигентность и обаяние, юмор и артистизм. Меня поражали в нем нестандартность мышления, глубина и разносторонность интересов и увлечений: философия, история, литература...

Он был романтиком по натуре. Помню, как на юбилее Тани Миша объяснился ей в любви, спустя 30 лет совместной жизни, стихами из «Евгения Онегина»:

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами...
Я знаю: век уж мой измерен;
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

А еще почему-то всплывает один эпизод: мы ездили по грибы к Мишиным родителям в деревню Горбуново. Тогда только что появилась в продаже пластинка Д. Тухманова «По волнам моей памяти» (1976 год). Эта была революция в советской эстраде: впервые звучали песни на стихи Сафо, П. Верлена, М. Волошина, А. Мицкевича, Н. Гильена... Стояла золотая осень, мы возвращались из леса и среди этой красоты, разлитой в природе, со страстью, присущей молодости, обсуждали новый музыкальный альбом Д. Тухманова, его замечательные стихи, положенные на музыку.

Многие годы хлебосольный и гостеприимный дом Черепановых держался на Мише. Для Тани это было надежное мужское плечо. Он не боялся брать на себя многие хозяйственные заботы. Вместе с Таней они вырастили и воспитали двух замечательных дочек – Майю и Аню, которые тоже стали филологами.

Миша любил готовить и принимать гостей. Всегда в их доме за этим столом велись интересные беседы обо всем на свете, обсуждались новые книги и пелись песни студенческих лет – Б. Окуджавы, Ю. Визбора и, конечно, фирменная Мишина песня «Когда зимний вечер уснет тихим сном...»

Наверное, наше время не очень приспособлено для таких людей, как Миша: честных, совестливых, правдивых. Мне он чем-то напоминает шукшинских чудиков, которые тоже не всегда могли реализовать себя в жизни, но именно на таких людях с испокон веков держится мир, именно они составляют «соль земли».

Жизнь после смерти

Миша был лучшим другом нашей семьи, мы ему бесконечно благодарны за щедрость души, оптимизм, добрый юмор, широкий кругозор. Миша точно выражал свои мысли, всегда имел свое мнение и не поступался принципами. Он никогда не ворчал, не «зlobился». С ним было легко.

Миша жил в Темной весь сезон, когда был открыт для посетителей «Музей Гулага». Рано утром пешком шел 5 километров до Кучино, где находится музей, а вечером возвращался. О том, что его экскурсии были информативны и интересны, говорили все, признавая его знания и талант экскурсовода.

Яна помнит их совместные поездки на Украину, на Соловки, где собирался материал для музея. Михаил Александрович был отличным собирателем устной истории – знающим и внимательным слушателем.

Его любимым хобби была рыбалка. Оно очень подходило его характеру – неторопливому и терпеливому. Он знал, когда и где клюет, и всегда был с уловом! В прошлом веке в реке Чусовой и ее мелких притоках водился хариус, и эта рыбка, приготовленная Мишей, была бесподобна.

Вспоминаются его песни под гитару у вечернего костра, где велись неспешные разговоры. А с какой страстью он исполнял романсы!

Его предки из старообрядцев жили в Лысьвенском районе, и он интересовался историей своей семьи, которую, как и многих других, не обошли стороной репрессии.

Продолжительность жизни в последние десятилетия упала, для мужчин называли 58 лет. Когда Михаил перешагнул этот рубеж, он шутил: надо начинать писать о времени и о себе и назвать книгу «Жизнь после смерти».

Он был незаменимым помощником Виктору по самым разным хозяйственным делам, и мы все это очень ценили.

Миша был замечательный человек, настоящий друг, любящий отец и заботливый дедушка. Думаю, что мало слов любви и благодар-

¹ Надежда Зыкова – жена Мишиного друга, соратника и единомышленника Виктора Зыкова. Виктор погиб несколько лет назад в ДТП, когда ехал в Пермь из деревни Темная, которая недалеко от музея «Пермь-36» и в доме которого часто останавливался Миша летом, в сезон экскурсий. Яна – дочь Надежды и Виктора, тоже выпускница нашего филфака. Сейчас семья Яны Зыковой и Джона Финна вместе с Надеждой живет в Шотландии.

ности мы говорили ему при жизни. Прости, дорогой Михаил Александрович, и прощай...

Н. Горланова,
писатель

Хотела вылечить его СЛОВАМИ

Тарелка летат.
Мыслю навеват.
Мир непознавам.

Эту пародию – чистое золото! – на мой хокку написали мои общежитские друзья: Миша Черепанов и Сева Гохберг (в начале семидесятых? Точно не помню). Летат-навеват – эти «стяжения гласных» – намеки на мое увлечение словарем деревни Акчим, ведь я работала в словарном кабинете.

Теперь уже нет на земле ни Миши, ни Севы... Миша был прекрасным другом: деликатным, добрым, ну а пародии я воспринимала нормально (сама писала их). Помню, покупали мы библиотеку у В. Он уезжал. Книги были у него потрясающие по тем временам. Я пришла с Мишей и Юрой С. Мы с Юрой глупо набирали самые прекрасные книги, вскрикивая: «Кafka! Беру! – Сартр! Покупаю! Сколько он стоит?» И хозяин тут же накидывал цену.

А Миша тихо выбирал в углу что-то и купил все по минимальной цене. Потом оказалось, что это еще более прекрасные книги: Письма Ван Гога и т. п.! После он половину подарил мне – на день рождения, на Новый год, на 8 марта. Иногда я приглашала его на обед (мы готовили что-то скромное: молочную лапшу на первое, колбасу, жаренную с яйцом, на второе). Миша долго колебался – сесть ли за стол.

– Вы, небесные создания, неужели смогли приготовить что-то земное – лапшичку? Нет, этого не может быть! Я могу отравиться... Я жму на Мишино плечо и усаживаю. Я знаю его чаплинский дар и жду продолжения.

Миша берет ложку и тянется к тарелке... но тут же отдергивает руку... снова тянется... вскрикивает: «Страшно!» Наконец он пробует суп и сыплет междометиями: «О! Ух! Ах! Неужели это божественное блюдо приготовлено вашими руками?!» И глаза расширены! И сияют! Неземной восторг в улыбке! Мы лежим головами в супе... Обед удался. Долго я не могла привыкнуть, что Миши уже нет на земле... Вот вчера он подарил мне письма Ван Гога. А сегодня его нет... как же

так? На десятый день я видела странный сон: Миша в коме – я хочу вылечить его СЛОВАМИ. НА полоске ватмана длиной с человека пишу письменно слова, прикладываю рядом с Мишей – нет изменений. Мне приносят пластмассовую полоску со словами – мол, он сразу умрет и не будет мучиться. Я не согласна. Иду искать ЖИВЫЕ слова... Слава: «Ты не можешь смириться с его уходом...»

М. Горбунова (Черепанова)

О целой жизни в нескольких словах

«Очень плохо, когда девочки остаются без папы», – сказал мне коллега, узнав о смерти моего отца.

Он был для меня многим. Советчиком, как сварить борщ. Человеком, из-за которого я не могла сдать философию в университете на «3» («У тебя же папа преподаватель философии Михаил Черепанов!», – говорила Нина Васильевна Снетова). Кладезем нескончаемых историй и баек. Рыбаком и артистом (пел в той самой «Бригантине!»). А еще гражданином своей страны, который открывал для себя и для всех нас историю России, записывая рассказы бывших политзаключенных лагеря «Пермь-36» и наполняя музей истории политических репрессий воспоминаниями людей, кто провел на кучинской земле не лучшие годы своей жизни. Сергей Ковалев, Василь Овсиенко, Балис Гаяускас и многие другие стали для нашей семьи не просто бывшими сидельцами «Перми-36»... Папа ездил к ним, переписывался, через него мы знали подробности их жизни.

Пропуская каждую человеческую историю, связанную с Кучино, через себя, папа иногда говорил: «Я ведь тогда ничего не знал! Они уже сидели, а я в это время...» и дальше шел рассказ о том, где он был и что делал именно в этот месяц и этот год. И звучало это очень горько.

Папе повезло с семьей. Она была большая, дружная, гостеприимная. Именно оттуда, видимо, и пошло папино хлебосоольство. Недалеко от деревни Выломово Лысьвенского района Пермской области на Черепановском угоре жили Александр (мой дедушка Шура), его братья Тимофей и Иван, и сестра Анастасия. Дедушка женился на Прасковье Якимовне Мехряковой, и родилось у них пятеро детей. «Четыре сыночка и лапочка-дочка». Там же, на хуторе Черепаново, родился и мой папа. С этим местом связано много историй, но это отдельная тема для книги об истории семьи Черепановых.

Жизнь не была легкой. В школу, где учительницей работала бабушка Пяня, иногда ходили по очереди. Бывало, что обувь или штаны были одни на двоих. Приходилось много помогать по хозяйству, водиться с младшими (кстати, когда родились внуки – мои дети, папа был неоценимым помощником!). Закончив 7 классов школы, Михаил Черепанов поехал вслед за старшим братом Евгением в поселок Ис Свердловской области, поступил в геологоразведочный техникум учиться на автомеханика (а было ему всего 13 лет!). После учебы его распределили в Томскую область на работу в леспромхоз, где он проработал год. Потом – армия, где он отслужил три года в ракетных войсках стратегического назначения. А уже после армии папа неожиданно для всех поступил на филологический факультет Пермского университета. Там он встретил Татьяну Старцеву, мою маму, которая училась на год старше и была умницей и красавицей, одной из любимых учениц Риммы Васильевны Коминой (кстати, мама первой в Перми защитила диплом по творчеству Анны Ахматовой). Множество историй из студенческой жизни моих родителей, которые нужно записать, пока просто передаются из уст в уста. Например, одна из них такая. Папа очень хотел пригласить маму в кафе «Уют», но денег не было. И тогда он их занял у будущей известной пермской писательницы и художницы Нины Горлановой. И таки сводил свою будущую жену в одно из самых модных мест Перми. Ну а история о том, как папа, решив сделать маме предложение, полетел за ней в Лысьву, где она была в командировке, на «кукурузнике» Ан-2, вспоминается друзьями семьи чуть ли не на каждом семейном празднике. А дальше вы знаете – у них родились две дочки, и потом четверо внуков. К слову, семья наша филологическая: мы с сестрой Аней и мой муж Юра тоже закончили наш филфак, как папа и мама.

Каждое лето, практически с самого рождения и до окончания школы, бабушка Маша с дедушкой Сашей увозили нас с сестрой в деревню Нечаевское в Ленинградской области, на родину маминой мамы. Мне, наверное, было лет семь. Помню, что все провожают папу на автобус, который повезет его на железнодорожную станцию: папа должен был уезжать в Пермь. Идем через навесной мост, проходим через соседнюю деревню Коробище, поднимаемся на гору, сейчас, уже вот-вот подойдет автобус... И мне становится нестерпимо обидно, что папа уезжает. Я не хочу, чтобы он уезжал!!! Всю дорогу до автобуса я упрашиваю его остаться: мы еще раз сходим вместе на рыбалку и за грибами... Но он не может остаться, ему надо в Пермь. Тогда я убегаю и прячусь за кустами и высокой травой, которая растет вдоль дороги. И тихонько пробираюсь за всеми провожающими. Вижу издалека, как

подходит автобус. Меня зовут, чтобы я попрощалась с папой, ведь он сейчас уедет. Но я не могу выйти. Мне кажется, что он обязательно останется, если не увидит меня, сидящую в высокой траве. Он пойдет меня искать – и обязательно останется!

Но он уехал, и я не обняла его на прощание. Сейчас, когда он ушел насовсем, я чувствую то же самое.

Наверное, потом, через год или через два, я смогу написать о папе больше. Пока не могу. Очень больно.

И. Кондаков,
выпускник 1971 г.

Русский правдоискатель Михаил Черепанов

Умер Миша Черепанов...

В это трудно поверить, но это так.

Только что узнал об этом горе от моей подруги – однокурсницы Тани, его жены, которую я помнил еще Старцевой. Как умер? При каких обстоятельствах? Почему? Таня написала мне только: «Нечестно и несправедливо...».

Конечно, нечестно! Кто-кто, а Миша Черепанов был человеком чести, т. е. не просто честным человеком, честным гражданином, честным мыслителем, но именно тем, кто интересы общества считал не просто правдой, ради которой можно жить и умереть, но делом своей личной чести. И готов был душу, жизнь вложить в это дело, как и в любое правдивое и праведное дело, если оно его волновало. И вот он отдал свою жизнь, – но не ради дела чести, не ради правды, а просто так, случайно – ни за что ни про что... Во время рутинной операции или после... Наверно, не так мыслился ему переход в мир иной! Смерть обошлась с ним нечестно, обидно, как, впрочем, и жизнь... Впрочем, чего же еще ожидать от смерти?

Конечно, несправедливо! Миша Черепанов, так ратовавший за справедливость в этом мире, в каждой конкретной жизненной ситуации, так остро чувствовавший любые нарушения нравственного баланса в окружающей жизни, так тянувшийся к людям безупречной чистоты и высоких помыслов, сам являвшийся для всех, знавших его, безупречным эталоном совести и совестливости, был на самом трудном, последнем этапе жизненных испытаний обойден судьбой. И жизнь оставила его, от природы жизнелюбивого, цепкого ко всем проявлению

ям жизни, вдумчивого ее аналитика... Жизнь оказалась несправедливой по отношению к своему адепту.

Примерно год назад я получил от Миши трогательную статью о себе как выпускнике Пермского университета с просьбой прочесть и внести какие-нибудь исправления или дополнения. Конечно, я не решил править написанный Мишей текст, но прочел его внимательно. Странное впечатление! Кажется, что читаешь свой некролог откуда-то «оттуда». Ни за что бы не подумал, что ответную статью (так сказать, «обратку») мне придется писать и в самом деле как некролог другу, который уже никогда его не прочтет, – оттуда, откуда возврата нет.

В своих воспоминаниях Миша причислил меня к людям, которые, по его словам, « всю жизнь живут в нас и умирают только вместе с нами». Сегодня эта фраза воспринимается иначе, чем год назад. Тогда казалось, что это значит – вечно, что «весь я не умру» и в памяти друзей, быть может, останусь какими-то лучшими своими качествами. Это утешало, мерцало смутной надеждой. А сейчас это звучит мрачно: вот Миша, мой друг, внезапно умер, и я отчасти тоже умер – вместе с ним. И того, что он знал и помнил обо мне, уже никто, как он, не вспомнит, а если кто и вспомнит, то что-то другое и, может быть, вовсе не лучшее... С каждым нашим другом, и даже просто знакомым, умирает что-то в нас, – что-то важное, невосполнимое. Поэтому так важно рассказать о Мише Черепанове то, что живет во мне и что вскоре исчезнет вместе со мной. Как исчезло то, что Миша знал обо мне, вместе с ним.

И точно, вместе с Мишей ушла в небытие большая часть меня, все то, что нас связывало 45 лет. Миша написал о том, что нас сразу связало: «это неискоренимое в нашем народе стремление к жизни без вранья и ничем не замутненной правде». Эти слова кажутся настоящим заветом М. А. Черепанова – филолога, философа, историка, правозащитника. Не знаю, в какой мере эта фраза, полная гражданского ригоризма и доблести, может быть отнесена ко мне, но к самому Мише Черепанову она, несомненно, относится в полном объеме, хотя, я понимаю, он, наверное, был недоволен собой и тем, как ему удалось исполнить свой же завет.

Конечно, нас с Мишей связывало не только это: глубокое сродство с нашей Alma Mater – Пермским университетом; профессиональный интерес к литературе и философии; восхищение в ту пору пермским писателем Виктором Астафьевым, великим правдоискателем; преданность нашему общему учителю и научному руководителю – Римме Васильевне Коминой – тоже самоотверженному правдоискателю; любовь и дружба с Таней Старцевой-Черепановой, неутомимым и трепетным романтиком, почти невозможным в наши дни...

«Стремление к жизни без вранья и ничем не замутненной правде», причем, идущее именно из народной гущи, из коренных социальных низов, было свойственно Мише Черепанову изначально и сохранялось до конца. Тем временем, многие, очень многие стали, незаметно для себя, терпимы к «замутненной правде», привычны к жизни, полной «вранья», и в конечном счете слились с пресловутым «молчаливым большинством». Многие, но не Миша. Я думаю, драма, которую он переживал последние десятилетия своей жизни, была связана с невозможностью реализовать на практике этот важный жизненный принцип, с собственным бессилием это воплотить в жизнь.

В отличие от меня, профессорского внука, интеллигента примерно в восьмом поколении, Мишу выручала, говоря словами Блока, «здоровая кровь», неискоренимое народное начало. Потомок старообрядцев, внук политкаторжанина сталинской эпохи, дитя Оттепели, свидетель брежневского «застоя», последний, младший представитель поколения «шестидесятников», Миша Черепанов был бескомпромиссен к забвению Большого террора и жертв сталинских репрессий; беспощаден к историческому беспамятству «нулевых» и последующих годов. Именно эти родовые качества привели Мишу в «Мемориал», в музей тоталитаризма, в зону «Пермь-36», в бюллетень «Волонтеркин», которым он отдал более четверти века. Он буквально был болен этой проблематикой и страстно боролся за сохранение политической и культурной памяти о советском прошлом. Печальном прошлом. Ужасном прошлом. О трагедии русского (и всего советского) народа в XX веке.

История постсоветского времени 2000-х была убийственной по отношению ко всем этим благородным начинаниям энтузиастов «незамутненной правды», начинавшим свое дело в конце 1980-х, под флагом велеречивой «перестройки». Дело, увы, закончилось «пшиком»: вчерашние друзья перессорились, выясняя отношения друг с другом; «Мемориал», увы, объявлен иностранным агентом, которым он, конечно, никогда не был; ликвидирован Музей тоталитаризма, словно тоталитаризма в СССР и не бывало; «Пермь-36» из памятника жертвам ГУЛАГа чуть не была превращена в рукотворный памятник чекистам и энкаведешникам, этим беззаветным героям ГУЛАГа. А бюллетень волонтеров молодежного «Мемориала», своим именем напоминавший неунывающего Теркина, если впредь и будет выходить в свет, то уже без своего главного редактора и руководителя программы увековечения памяти жертв политических репрессий, а значит, будет уже не тем, что раньше, вдохновляемый М. А. Черепановым, при активном участии членов его семьи...

Миша увидел конец всем своим дорогим начинаниям, пережил крах всех своих свободолюбивых порывов, всех своих любимых теоретических построений, и ему ничего не оставалось, как уйти, уйти из этого несправедливого мира, уйти навсегда – за десять дней до Дня памяти жертв политических репрессий.

Когда-то, в начале 90-х, Миша мечтал о том, что этот день станет всероссийской памятной датой, что в этот день в школах по всей стране будет проходить Урок Памяти, который станет инструментом формирования у учащейся молодежи антитоталитарного общественного сознания и нравственного потенциала, средством неприятия политического насилия и – сострадания репрессированным, который станет противоядием любому возрождению тоталитаризма – как под коммунистическим, так и под капиталистическим флагом, как под эгидой атеизма, так и под сенью любой религии – будь то ислам, православие или многочисленные тоталитарные секты, включая и наукообразные, вроде сайентологии. Мечта осталась мечтой, но тем ценнее был порыв ее осуществить в масштабе не только отдельно взятого Пермского края, но и целой страны, столь склонной к сохранению своей неизменной цивилизационной идентичности.

Впрочем, с этой Мишиной мечтой (ну, может, не буквально в таких выражениях) я близко познакомился еще в начале 1970-х годов, как раз тогда, когда мы встретились в Кишерти и близко сошлись. В то время я в селе Усть-Кишерть отбывал свою «ссылку», т. е. «почетное распределение» после защиты диплома. А Мишу «занесло» в Кишерть на рыбалку (он, оказалось, был страстным рыбаком). Кроме того, он хотел посетить свою знакомую, Нину Кольванову, учительницу математики, с которой я был дружен с тех пор, как она приехала работать в Усть-Кишертскую школу (недавно она, к моему прискорбию, умерла). Она-то и «свела» нас вместе и была удивлена, узнав, что мы знакомы. Первой темой нашего общения стала тогда очень популярная «система Сухомлинского» (Нина собиралась писать диссертацию по педагогике на примере Сухомлинского). Мы с Мишей относились к этой системе более скептически и иронично. Так между нами был заключен невидимый союз единомышленников.

Конечно, с Мишей мы были «шапочно знакомы» и раньше. Мы все время пересекались на ежегодных смотрах университетской художественной самодеятельности. Миша пел в хоровом ансамбле «Бригантина», названном так в 60-е годы по моде на Грина, а я играл несколько ролей в спектаклях филологического театра «Кактус» под руководством Л. В. Сахарного. Потом, когда мы познакомились ближе, я удивлялся, как это Миша пел в хоре, – ведь он был из тех, кто, по сло-

вам А. Вознесенского, «не умеет хором». Наверное, Миша, в свою очередь, удивлялся тому, как это я, при моих склонностях к занятиям наукой, «играл на театре». Конечно, в самом замысле моего театрального дебюта была заключена некая «хохма»: один из участников «Кактуса» все время настаивал на том, чтобы мое участие в спектакле «Идиот» (как бы по Достоевскому) объявлялось: «В роли Мышкина, идиота, – ленинский стипендиат Игорь Кондаков». Я думаю, что «хоровой опыт» М. Черепанова был ему нужен именно для укрепления его антитоталитарных убеждений, как мне театральный опыт деконструкции русской классики пригодился в преподавательской работе.

Сойдясь на отношении к Сухомлинскому, мы с Мишей потом неоднократно встречались в Кишерти. О чем только мы с ним ни говорили! О его дипломной работе – по литературной критике (это подготовило меня к будущей кандидатской диссертации, посвященной литературно-художественной критике), о русской культуре и ее своеобразии (здесь уже замаячили контуры моей будущей докторской диссертации – об архитектонике русской культуры), об истории России и ее «особом» пути, о социальном и культурном прогрессе. Из последней темы выросла наша с Мишей единственная совместная работа о «культурном прогрессе», вышедшая в «Информкультуре» в 1985 г., в бытность моей работы в Ленинской библиотеке. Так жаль, что она не получила продолжения... Ведь на самом деле я многим обязан Мише в начале своей исследовательской деятельности и без разговоров с ним на кишертской и пермской кухнях моя личность, вероятно, не состоялась бы. Пообщаться на московской кухне у нас не сложилось.

Беседы и споры уходили далеко за полночь и нередко завершались под утро. Часто после ночных дискуссий мы расходились: Миша шел на электричку, чтобы вернуться в Пермь (или в то место, где он тогда жил), а я шел в школу – вести уроки по литературе. Во время ночных разговоров пили бесконечный чай. Запомнилась Мишина фраза, окрыленная кем-то из его старших собеседников (по-моему, старых лагерников): «Чай должен быть крепким, сладким и горячим, как поцелуй женщины». Я, правда, разделял не все позиции этого изречения: с детства я не пил чай с сахаром, но «поцелуй женщины» – я оценил.

Ночные беседы с Мишей, свободные, острые, непредсказуемые, напоминали мне (да и сейчас напоминают) диалоги героев Достоевского (которым я тогда увлеченно занимался, надеясь написать диссертацию о Толстом и Достоевском; к сожалению, ее рукопись погибла), особенно же – напряженные исповедания братьев Карамазовых о «мировых», «вековечных вопросах». Именно так: мы были те самые «русские мальчики», встретившиеся в «вонючем трактире», чтобы об-

судить вопросы «о роковом положении России», «о загранице», «о социализме и анархизме», «о переделке всего человечества»; чтобы согласиться, что мы «мира Божьего не принимаем», чтобы представить будущую «вечную гармонию», купленную «страданием», чтобы «жизнь полюбить больше, чем смысл ее», чтобы, наконец, за одну ночь для чего-то перекроить карту звездного неба.

Нам было интересно друг с другом. Но я все время ощущал, что Мише чего-то в нашем общении не хватает. Или кого-то. Не сразу я понял, что Мише недостает в беседах и спорах брата Василия. По рассказам Миши, можно было подумать, что это какой-то известный и авторитетный мыслитель. На самом деле, Вася Черепанов был не то экономистом, не то управленцем, но, по мысли Миши, разбирался во всем и, главное, имел в голове колоссальный план переустройства всего. Причем, не утопический, а самый что ни на есть реальный, практический. Вот с ним-то все разговоры приобретали, как я понял, по-настоящему вселенский, звездный характер. Мне довелось как-то раз присутствовать при жаркой дискуссии – не помню уже о чем, но кажется, что обо всем, – братьев Черепановых. Они были так увлечены беседой друг с другом (оба были «под градусом»), что совершенно не замечали остальных присутствующих. Вот они, «русские мальчики», решившие за ночь изменить мир, – подумалось мне...

И, казалось, в этих разговорах о ближайшем и отдаленном будущем заключено столько высшего смысла, столько глубокой и неопровержимой правды, столько уверенности в скором решении всех «вековечных вопросов», что остается лишь немного подождать, – и все осуществится, как задумано братьями Черепановыми, – и в экономике, и в политике, и в педагогике, и в философии, и в литературе...

Была середина семидесятых. Впереди еще были полтора десятилетия советской эпохи, вместившие брежневский «застой» и горбачевскую «перестройку»; ельцинское десятилетие и более чем пятнадцатилетие «нулевых» – целых сорок лет надежд и борьбы, достижений и разочарований. Но мы этого еще не знали. Не знали мы, что «не по карману нашему вовсе столько платить за вход». Не знали мы и того, что придется «билет на вход» – «почтительнейше возвратить».

В последние годы жизни Миша Черепанов, наверно, уже все это знал, но грустно отмалчивался. Так и хочется его сегодня спросить, вековечного русского правдоискателя: «Что же дальше?», «Когда придет настоящий день?»...

А в ответ – тишина...

Октябрь-ноябрь 2016 г.

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
Раздел I. На руководящих постах	
<i>Санникова Т. Экспедиция продолжается...</i>	4
<i>Береснева Н. Про филфак</i>	13
<i>Бармак О. В погонах за живым словом</i>	16
Раздел II. Слово и жизнь	
<i>Гидулянова Л. «Из отрочества я...»</i>	22
<i>Бородина (Масюкова) Е. «В союзе звуков, чувств и дум»</i>	31
<i>Габараева И. Божественного вмешательства не существует...</i>	36
<i>Попова О. «Любовь к слову» и «любовь к мудрости»</i>	42
<i>Петрухина Н. «Нам не дано предугадать...»</i>	50
Раздел III. На подмостках театра	
<i>Уланова Л. Всегда буду благодарна филфаку</i>	58
<i>Меньшиков А. Вторая профессия</i>	62
<i>Четина Е. Служители муз из нашего вуза</i>	66
<i>Караваева С. Сумма трех единиц</i>	73
Раздел IV. Художественное творчество	
<i>Рогова И. Не бойтесь жизнь переменить</i>	85
<i>Кондаков Б., Шматенок Т. Живопись и Слово художника Аборкиной</i>	89
<i>Старцева О. Татьяна Пермькова</i>	109
<i>Папу А. О съемке фото и прочего</i>	112
<i>Суворова А. Кунсткамера симуляций</i>	131
Раздел V. Удивительное рядом	
<i>Грузберг А. Я переводчик? Не может быть!</i>	134
<i>Лукашин А. Роман с компьютером</i>	148
<i>Фирсова А. На границе литературы и географии</i>	169
<i>Михайлова М. Путь к звездам</i>	177
<i>Караваева С. Необычный переводчик</i>	182

Раздел VI. Страна Поэзия

<i>Владыкин П.</i> Слово – колокол	187
<i>Гашева Н.</i> Невидимка (О Борисе Гашеве)	197
<i>Жукова Т.</i> Жизнь обрела смысл	207
<i>Жигиль С.</i> Листья судьбы	223
<i>Сандлер А.</i> Боль (Об Алле Волкоморовой)	227
<i>Спивак Р.</i> О поэте Наде Глухой	236
<i>Голдобина Е.</i> О друзьях-товарищах	241

Раздел VII. Из разрозненного

<i>Пирожников В.</i> Мир как текст, или о месте филологии	260
<i>Черепанова И.</i> Мой научно-приключенческий роман	264
<i>Силин С.</i> Сказки – детям	277
<i>Черепанова Т.</i> И это все о нем	285